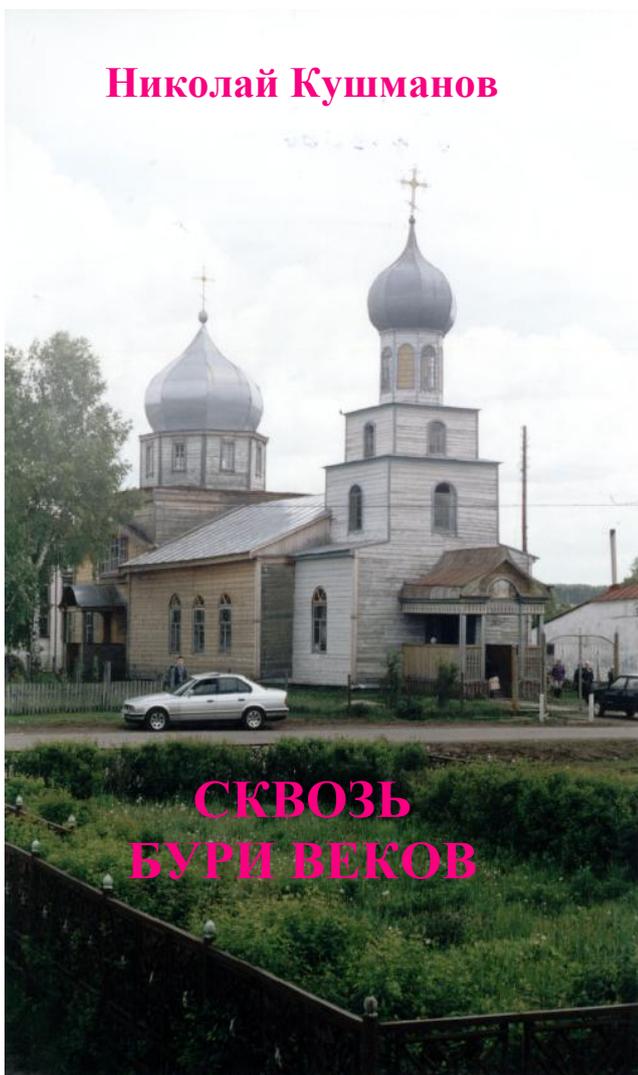

Николай Кушманов

**СКВОЗЬ
БУРИ ВЕКОВ**

НИКОЛАЙ КУШМАНОВ

СВОЗЬ БУРИ ВЕКОВ

Чебоксары
2014

УДК 894, 344
ББК 84 (2 Рос = Чув) — 4
К 96

К 96 Кушманов Н. К., автор и составитель. **Сквозь бури веков.** Поэма, стихи, воспоминания. Чебоксары, 2013. — 534 стр.

Эта книга о непростых судьбах людей разных поколений. Но всех их объединяет одно — любовь и бескорыстное служение народу.

Автор рассказывает о трудном жизненном пути выдающихся представителей рода Кокелей. Это первый чувашский художник — профессор Алексей Афанасьевич Кокель, окончивший Петербургскую художественную академию в 1912 году, епископ Герман (Григорий Афанасьевич Кокель) — окончивший Петербургский богословский институт в 1924 году, первый из чувашей, причисленный к лику святых ново мучеников российских Священным Синодом Русской Православной Церкви в июле 2001 года, а также их старший брат Иван Афанасьевич Кокель. Все они — выходцы из глубинного чувашского села Тарханы Батыревского района Чувашской Республики. Автор, опираясь на архивные документы, подробно описывает историю возникновения, становления и развития рода Саймуллы (т. е. Кокелей).

И что примечательно, в настоящее время достойно продолжают славные традиции своих предков их потомки, как будто это происходит по велению и благословению самого епископа Германа.

Читатель при ознакомлении с жизнью и деятельностью епископа Германа может узнать и об истории христианизации Чувашии, о Преподобном Авраамии Болгарском — Владимирском чудотворце и продолжателях его дел, архиепископах: Иларию, Иове, Мануиле (сидевшем в тюрьме вместе с епископом Германом), Николае, Иоанне (впоследствии ставшем митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским), Вениамине. Все они возглавляли в разные годы Чебоксарскую и Чувашскую Епархию.

Вот уже более 26 лет в Чувашии работает Высокопреосвященнейший Варнава, ныне митрополит Чебоксарский и Чувашский. В книге изложена его краткая биография.

При составлении книги использованы материалы из семейного архива Н. А. Алешевой, А. Д. Кураковой (Шаржановой), академика Л. П. Куракова, А. В. Кокеля, В. П. Сергеева, Н. П. Сергеева, фонда Н. В. Никольского Чувашского гуманитарного института, а также отрывки из книги искусствоведа А. Г. Григорьева □А. А. Кокель□ (Воспоминания современников и учеников).

В ноябре 2003 года исполнился 120 лет со дня рождения Германа Алатырского (Кокеля), а в марте 2005 года исполнится 125 лет со дня рождения Алексея Афанасьевича Кокеля.

Надеемся, что книга, приуроченная к этим датам, будет своеобразным подарком для читателей.

ТАРХАНЫ – КОЛЫБЕЛЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Село Тарханы Батыревского района Чувашской республики расположено в низменной местности. Оно с южной стороны окружено лесом. Там растут и лиственные, и хвойные деревья. Мы в детстве боялись слишком далеко углубляться, потому что через полкилометра уже начинался глухой, дремучий лес. Там водилось много разного зверя: и медведи, и волки, и рыжая лиса, и короткохвостые зайцы, и белки, перепрыгивающие с дерева на дерево. Нам было и страшно, и в то же время любопытно: но как же лес без зверей, они придают ему таинство, очарование, живописный вид.

С севера, востока и запада село окружают широкие поля. До райцентра (с. Батырево) – 20 км. В своё время с. Тарханы считалось и волостным, и районным центром. В 50 годы прошлого века оно входило в число населённых пунктов сначала Первомайского, потом Батыревского районов. По сравнению с соседними деревнями (Верхнее Турмышево, Нижнее Турмышево, Верхнее Атыково, Шаймурзино, Сигачи, Абамза, Хурама-Твары), в Тарханах имеются различные учреждения: участковая больница, ветлечебница, Дом культуры, столовая, несколько магазинов, почта, лесничество, детский сад, средняя школа. Правление сельхозкооператива «Хастар» и сельская администрация находятся в красивом 2-х этажном здании, напротив расположена церковь. Если едешь со стороны райцентра, то на правой стороне сразу увидишь сельское кладбище, а рядом – новое колхозное гумно, а на левой стороне расположены кирпичные дома для инвалидов. Их сразу не заметишь, они расположены среди деревьев, около леса. На окраине деревни, на правой стороне, в тени высоких стройных сосен, виднеются строения Турганкассинского лесничества. Напротив, через дорогу, находятся здания пекарни и колхозной столовой, там же машино-тракторный парк. Если идти дальше вдоль машино-тракторного парка в сторону речки Шлипшур, то можно увидеть здания животноводческой фермы.

На южной стороне расположена средняя школа, которая была открыта ещё в 1840 году. Кто только не учился в стенах этой школы? В течение двух столетий она была источником знаний не только для тарханской детворы, но и для парней и девушек из соседних деревень.

Она давала не только знания и умения, а помогала развивать интеллект, способности, обогащать духовный мир.

Меня всегда интересовал один вопрос: когда и как началась история моего древнего села, кто был первым его поселенцем?

Вот что рассказывают нам архивные документы. В Чувашском Краеведческом музее в научно архиве хранятся подлинные документы XVII – XVIII веков. Их принёс туда в 1936 году житель села Атыково Первомайского района по фамилии Орлов. Эти документы составил житель Сундырьской волости (ныне с. Ящерино Марпосадского района) Ахпузан Сутычев. Один из документов называется «ввозной грамотой», он составлен в 1637 году, а другой документ «фрагменты челобитной» – 24 ноября 1640 года. Есть ещё один документ: мировое соглашение. Его передал в 1642 году Ахпузану Сутычеву (чувашину) сотник Сундырьской волости Абяк Охтеев. Из этих документов видно, что основателями селений Тарханы (первоначальное название Сундырь), Верхнее и Нижнее Турмышево, Верхнее и Нижнее Атыково, Сигаичи (до сих пор называют Сундырь) были выходцы из деревень нынешнего Марпосадского района.

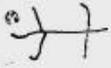
Вот что пишет об этом профессор В.Д.Димитриев в своей научной статье «К вопросу о заселении юго-восточной и южных частей Чувашии (Ученые записки) НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР. Чебоксары: Чуваш. гос. издат – во, 1956. (Вып. 14. С.183 – 186, 199 – 207):

Рассматриваемые документы «включая и те, которые не публикуются в приложениях» позволяют установить, что селения Тарханы (Сундырь) Верхнее и Нижнее Турмышевы, Верхнее и Нижнее Атыковы, Верхнее и Нижнее Тюнсюревы (Сундыри) современного Первомайского района были основаны переселенцами из селений Сундыря чувашское селение, находившееся до первых десятилетий XVII ст. на месте нынешнего Мариинского Посада, Сотникова (Торханкасы), Большого Маклашкина (Атыкова), Тинсарина (Чермышева), Ящерина (Теныесева), Астакасов, Большого Шигаева (Сундырьпось), Малого Шигаева, Суточева, Мукрукасов и Алдбоши (последних двух деревень ныне нет), расположенных на территории современного Мариинско – Посадского района. Примечательно, здесь почти полное совпадение названий вновь образовавшихся на юге селений с названиями материнских селений северо – восточной части Чувашии.

Конечно, читателя можно ознакомить с копиями всех имеющихся документов. Но у меня такой цели нет. Просто, есть подтверждающий документ о том, что наше село основали переселенцы из Марпосадского района в 1637 году. Эти места сразу не обживались, их называли «диким полем». Положение крестьян было невыносимо тяжёлым. Они платили подушную подать, несли оброк, выполняли многочисленные повинности. Настоящим бичом для них был налог на предметы первой

необходимости. Невыносимо тяжёлые условия жизни вынуждали их бросать обжитые места и переселяться в «дикие поля». Ахпузан Сутычев, Темей Данилов, Атяч Аксигитов и ещё несколько крестьян (всего 8 хозяйств) работали в первое время только летом, потому что, чтобы обзавестись хозяйством нужно было время. Как произошло переселение семей, об этом рассказывают архивные документы.

Деревни Тархан-касы:

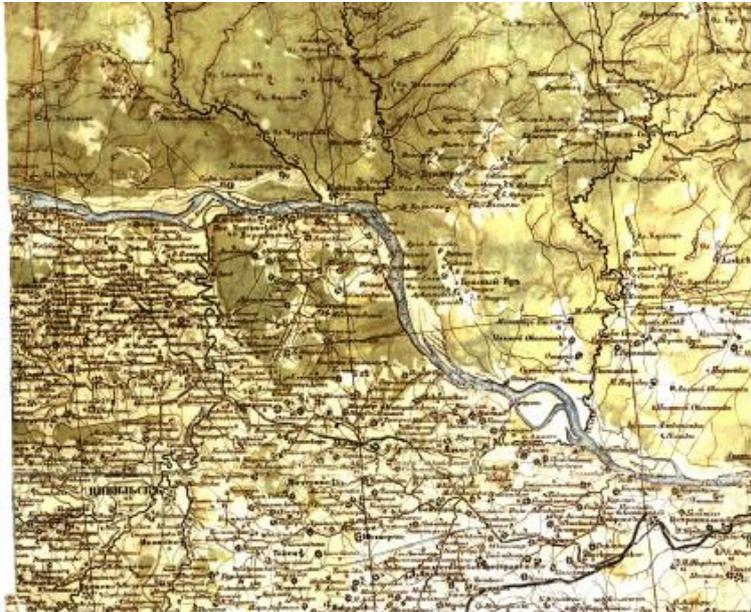
Знамя сотника		Абьяка Ахтеева
Знамя Теняка		Юртева
Знамя Янаша		Ягулова
Знамя Ахтуды		Куликеева
Знамя Паула		Чапкунова
Знамя старосты		Бистригана Шеменова
Знамя Чечя		Матисева
Знамя Тюряберды		Туванешева
Знамя Патяя		Кебенева
Знамя Баска		Кебенева
Знамя Ямбахты		Адеева
Знамя Байбири		Бахтышева

Родовые знамёна деревни Тарханкасы

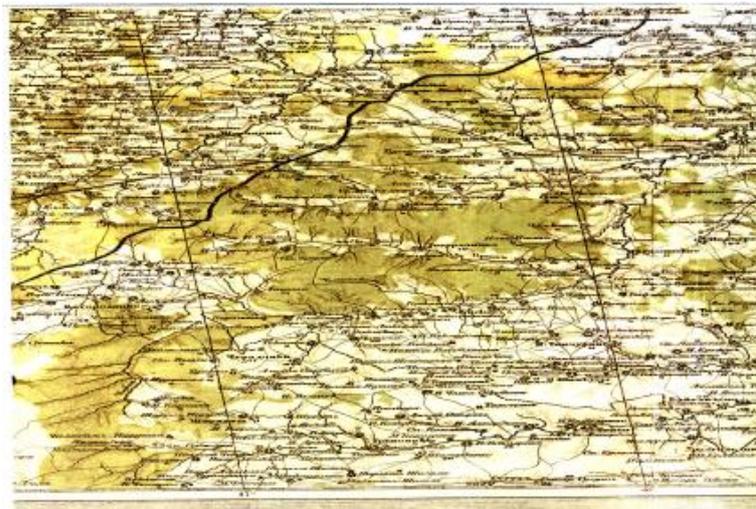

**Село Сотниково Марпосадского района до революции и
в настоящее время (фото 1997 г.)**

КАРТА 1875 ГОДА

Так виднеется с. Тарханы со стороны деревни Шаймурзино

Вскоре эти три двора переселились на новое место — в дикое поле по речке Шелепшуре. На той льготной земле дворы поставили и на городьбу лес изготовили, и всякое домашнее строенье завели, и землю вспахали, и хлеба ржанова две десетины, да ячменю десетину посеели. Но сюда прибыл тархан А. Охтеев с товарищи. Они выбили этих крестьян из дворов, захватили их строевой лес и на их земле посеяли свой хлеб. Половину крестьянской земли А. Охтеев, отдал двум торханом — Баиму Кибеневу да Яшмурзе... Долго пришлось бороться переселившимся крестьянам против тархана А. Охтеева, которого поддерживал кокшайский воевода С. Есипов. Лишь в 1642 г. А. Сутычев, Т. Данилов и А. Аксигитов сумели вернуть себе захваченные у них земли. Таковы были обстоятельства и, условия переселения в дикое поле. Какие привилегия имели такие крестьяне, переселенцы, со стороны государства. Вот строки из архивного документа.

При легальном способе заселения дикого поля основателями новой деревни выступали выходцы из одного или двух селений. Но затем в состав новой деревни вливались и выходцы из ряда других селений.

На основе перечисленных фактов можно сделать следующие обобщения о заселении юго-восточных и южных районов Чувашии с разрешения органов власти,

а/ Правительство и местные органы власти, в фискальных целях заинтересованные в заселении указанных районов Чувашии, поддерживали переселение в эти районы прежде всего безьясачных крестьян — чувашей с тем, чтобы устроить их на тягло. Однако туда

переселялись и ясачные крестьяне, либо передав тягло на старом месте другим, либо сохранив старое тягло.

б/ В целях стимулирования переселения крестьян в «дикое поле» правительство и местные органы власти нередко предоставляли переселенцам льготу — освобождали от несения тягла на несколько лет, чтобы они освоили участки под пашню и обзавелись хозяйственными постройками.

в/ Органы власти отводили крестьянам участки земли в «диком поле» в одних случаях сначала из оброка, носившего временный характер, а затем переводили их на тягло — ясак в других случаях разрешали занимать земли сразу же с условием несения тягла.

г/ На новые участки в «диком поле» крестьяне переселялись не всегда тотчас после получения владенных документов.

Иногда в течение нескольких лет они обрабатывали такие участки «наездом»

д/ Органы власти, выдавая крестьянам — чувашам документы на владение землей в «диком поле» обычно предлагали им приглашать других крестьян «на новоприбылые ясаки»

е/ Новые селения, образовавшиеся в «диком поле» в большинстве случаев получали названия от тех деревень, откуда происходили первые переселенцы «основатели новых селений».

Несколько селений юга Чувашии было основано служилыми чувашами. В XVII в. царское правительство переселяло значительное число служилых чувашей и татар на Карлинскую засечную черту, отводя им довольно большие участки земли «до 75 дес. одному служилому» на правах поместного владения. Так, еще в первой половине XVII в. служилым чувашам Богдашке Ахтаеву и другим было пожаловано по 30 десятин на человека.

(Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. IV, Симбирск. 1904, стр. 55—56.)

Я хочу познакомить ещё одним архивным документом, так называемым «мировым соглашением», которое было составлено между сотником Абяком Охтеевым и чувашским крестьянином Ахпузаном Сутычевым.

«И в нынешнем во 150-м году¹ генваря в 17 день я: сотник Абяк Охтеев: и вся рядовая ясачная чуваша Сундырские волости ближних и польских² деревень с ним: Ахпузаном: с товарищи в том земляном их владеньи и дворовом строеньи помирились и во всем я: сотник Абяк: и вся рядовая ясачная чуваша Сундырские волости ближних и польских деревень с ним: Ахпузаном: в том земляном их владеньи и дворовом строеньи розделались: и мне: сотнику Абяку: и всей Сундырские волости

¹150 /7150/ год—1642 год.

чуваше ближних и польских деревень ему: Ахпузану: одному опричь товарищев ево на поле земли под гумно дати³ три десетины: а сверх

2 Польские деревни и степные деревни /от слова поле/?³ В списке /копии/ этого документа вместо «дати» стоит «да»

трех десетин землю и санными покосы владети ему: Ахпузану: с товарищи своими с мирскими людьми в ряду вместе? И впредь мне: сотнику Абяку: и рядовой чуваше Сундырские волости ближних и польских деревень на нем: Ахпузане: и на товарищех ево: Ахпузановых: того землянова владенья и дворового их строенья не отискивати и не искати и не вчинати ни которыми делы? А будет впредь я: сотник Абяк: или все Сундырские волости чуваша ближних и польских деревень на нем: Ахпузане: или на товарищех ево: Ахпузановых: тово землянова владенья и дворового их строенья станем стискивать или искати: владенья и дворового их строенья станем стискивать или искати, или вчинати которыми делы, и на мне, сотнике Абяке, и на всей чуваше Сундырские волости ближних и полских деревень взять ему, Ахпузану, с товарищи по сей записи за ряду¹ триста рублей денег. А у сей записи были в третьих сторонние люди Свияжского уезду Чекурские волости Алигешевы сотни чувашенин Айдубай Айдуганов, да Казанского уезду Кушмаринские волости Мекеевы сотни черемисин Ксеноул Ядеев, да Кокшаского уезду Чемуршинские волости черемиса староста Тоймурза Тойлев, Макай Багышев, Чюникей Янахтаев, Байбулат Игисев, да Кузьмодемьянского уезду Ахпарсовы сотни черемисин Янай Ахпирев, да Кокшаские волости черемисин Крымсарай Бурундуков, да Чемуршинские ж волости черемиса Пигозя Пиндииков, Иванай Янгуватов. А на то послуси² Иван Федоров сын Попов, да Нестер Власьев сын Комаров. А толмачил толмач Козма Степанов. А запись писал площадной подьячей Семейка Степанов. А записи писаны по противням одне, третье одне, и послуси один и подьячей. Лета 7150 году генваря в 17 день.

Удивительно! Сколько подписей и имён только в одном этом документе. Они тогда и не думали-гадали, что какие важные бумаги оставили для своих потомков. Мы узнали об истории своего села благодаря этим документам, когда и как начиналось наше село и как оно называлось.

Из этих документов теперь мы знаем, как заселялись наши «дикие поля» чувашами, русскими, марийцами (черемисами) и мордвой. Они продолжали переселяться на эти земли на протяжении XVII и в начале XVIII века. До сих пор в нашей местности (например, в Сигачах) живут рядом чуваша, русские, мордва. На протяжении нескольких веков чего только не испытали наши предки, чего только не видели. Мирные дни чередовались лихими годинами войны, были болезни, от которой

умирали целые семейства, люди радовались своим маленьким успехам и делились своим счастьем с соседями и родными, друзьями, чувашки женились на русских и мордва, или наоборот, родились дети.

Я хочу сегодня читателям рассказать о замечательных людях из рода Саймуллы, а также выходцев из рода Спиновых-Алёшевых («Пайми»), какой след они оставили в жизни для чувашского народа и об их потомках.

Пусть читатель поймёт меня правильно, из Тархан вышло ещё много замечательных людей. Но мой рассказ сегодня о них, об их замечательной жизни...

Овладенья и дворового их строенья станем стискивать или искати: или вчинати которыми делы: и на мне: сотнике Абяке: и на всей чуваше Сундырские волости ближних и полских деревень взять ему: Ахпузану: с товарищи по сей записи за рядом¹ триста рублей денег? А у сей записи были в третьих сторонние люди Свяжского уезду Чекурские волости Алигешевы сотни чувашенин Айдубай Айдуганов: да Казанского уезду Кушмаринские волости Мекеевы сотни черемисин Ксеноул Ядеев: да Кокшаского уезду Чемуршинские волости черемиса староста Тоймурза Тойлев: Макай Багышев: Чюникей Янахтаев: Байбулат Игисев: да Кузьмодемьянского уезду Ахпарсовы сотни черемисин Янай Ахпирев: да Кокшаские волости черемисин Крымсарай Бурундуков: да Чемуршинские ж волости черемиса Пигозя Пиндиков: Иванай Янгуватов? А на то послуси² Иван Федоров сын Попов: да Нестер Власьев сын Комаров? А толмачил толмач Козма Степанов? А записи писал площадной подьячий Семейка Степанов? А записи писаны по противням одне: третье одне: и послуси один и подьячий? Лета 7150 году генваря в 17 день?

Удивительно! Сколько подписей и имён только в одном этом документе. Они тогда и не думали-гадали, что какие важные бумаги оставили для своих потомков. Мы узнали об истории своего села благодаря этим документам, когда и как начиналось наше село и как оно называлось.

ряда¹ - соглашение: договор.

послуси² - от слова «послух» - свидетель.

Из этих документов теперь мы знаем, как заселялись наши «дикие поля» чувашами, русскими, марийцами (черемисами) и мордвой. Они продолжали переселяться на эти земли на протяжении XVII и в начале XVIII века. До сих пор в нашей местности (например, в Сигачах) живут рядом чувашки, русские, мордва. На протяжении нескольких веков чего только не испытали наши предки, чего только не видели. Мирные дни чередовались лихими годами войны, были болезни, от которой умирали целые семейства, люди радовались своим маленьким успехам

и делились своим счастьем с соседями и родными, друзьями, чувашки женились на русских и мордва, или наоборот, родились дети.

Я хочу сегодня читателям рассказать о замечательных людях из рода Саймуллы, а также выходцев из рода Спиновых-Алёшевых («Пайми»), какой след они оставили в жизни для чувашского народа и об их потомках.

Пусть читатель поймёт меня правильно, из Тархан вышло ещё много замечательных людей. Но мой рассказ сегодня о них, об их замечательной жизни...

ОТ АВТОРА

Я родился в 1949 году в селе Тарханы Батыревского района, учился в школе, развивал свой кругозор, впитывая, как губка, разговоры старших. Свою литературную деятельность я начал после службы в Советской Армии, в начале 70-ых годов. Ещё младшим школьником сочинял стихи, но их я никому не показывал. Как раз в те дни, когда я, отслужив, приехал на короткое время к родителям домой, в нашем селе находилась группа студентов, которая собирала материалы о творческой деятельности Алексея Афанасьевича Кокеля. Их руководителем был кандидат искусствоведения Алексей Григорьевич Григорьев. Он о А.А.Кокеле писал много, в 1980 году выпустил о нём книгу, снимали кинофильм. Наверное, меня он и вдохновил написать поэму «Кокель».

Как мало мы знаем о своих замечательных земляках, которые прославляют своими делами не только свою деревню, но и всю республику. Кто виноват в этом, даже сразу не ответишь. Власть держащие чиновники или мы, пассивные наблюдатели, которые ждём: вот придёт дяденька и всё сделает для нас. Если честно признаться, до того, как написать поэму, я сам тоже мало знал о жизни, о родственниках Кокелей.

Я начал собирать материалы и документы о А.А. Кокель ещё тогда, когда начал учиться в Чувашском государственном университете. Тогда ещё совсем мало писали о нём, я почти по крупинкам собирал документы о художнике, и написал первые главы поэмы, и они дошли до читателя. В 1992 году в Чувашском книжном издательстве вышла отдельная книга «Кокель». В целях экономии бумаги, в книгу не были включены картины художника.

Прошли годы. Но я не успокаивался на достигнутом, меня всегда волновала судьба моего великого земляка. Я знал, что у художника было ещё два брата, Иван и Григорий, и сестра Пелагея. Но мало знал о них. Я хотел узнать об их судьбе и о родственниках: кто они и чем занимаются, есть ли среди родственников художника продолжатели его дела.

В 90 годах прошлого века я много работал над стихотворным переводом Ветхого Завета Библии на чувашский язык, книга вышла в трёх томах. В моём творчестве тема религии вытеснила другие темы. К сожалению, если первый том выпускался пятидесятичным экземпляром, то второй и третий тома вышли только 600-ым экземпляром.

В предисловии книги кандидат богословия, протоиерей И. Н. Карлинов писал так:

«Внимательно слежу за творчеством поэта Николая Константиновича Кушманова и охотно помогаю ему в создании стихотворных переложений с Ветхого Завета. За последние годы с Божьей помощью он подготовил к изданию рукописи под названием «Духовная книга». Туда вошли:

«Псалтирь» — 1 том;
«Книга Иова», «Притчи Соломона», «Книга Екклесиаста или Проповедника», «Песнь песней» Соломона — 2 том;
«Книга Премудростей Соломона», «Книга Премудростей Иисуса, сына Сирахова» — 3 том.

Каждый век прочитывает древние тексты книги из Библии по-своему. Учитывая это, переводчик-поэт старался пересказать в стихах события, изложенные в Ветхом Завете, в доступной для простого народа форме. В произведениях часто встречаются цитаты и из Нового Завета. Автор эти лирические отступления делал сознательно. Он тем самым, сохраняя дух Священного Писания, старался обогатить сюжетную канву древних книг, как диалектические моменты развития всего библейского мировоззрения.

Выражаю надежду, что эти книги после издания послужат стимулом к еще более глубокому и систематическому изучению Библии и верю, что они будут привлекать к чтению Самого текста Священного Писания.

Рекомендую и благословляю рукописи в печать в хронологическом порядке.

*Кандидат богословия, заместитель председателя
Чувашской Библейской комиссии,
протоиерей И. Н. Карлинов».*

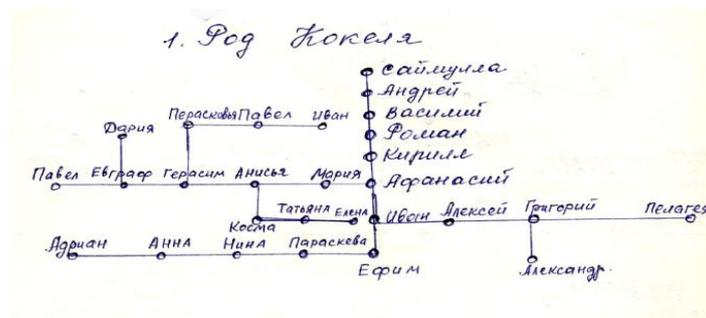
В 2001 году 13 – 14 декабря мне посчастливилось участвовать в Москве в 6-ом Всемирном Русском Народном Соборе. Я на второй день выступил на секции «1000 лет вместе: Православие, Ислам и другие традиционные религии в России». Я рассказал о трудностях издания книги, просил о помощи...

После приезда из Собора, через несколько дней со мной связались родственники епископа Германа, родного брата художника Григория Кокеля. Я думал, что у Григория (епископа Германа) детей не было. Оказывается, дочь София умерла совсем недавно, очень жаль, не довелось мне с ней встретиться...

Жену Григория Кокеля звали Ириной. У неё было три сестры: Мария, Матрёна, Марфа. Мария Егоровна Спинова всегда держала тесную связь с семьёй сестры и епископа Германа, помогала им всегда, чем могла. У Марфы Егоровны Спиновой было 7 сыновей и 3 дочери (в живых сейчас осталось шестеро: Галина, Анастасия, Фаина, Лидия, Александр, Нина). Они все посвятили себя служению Богу. Галина инокиня, всю жизнь проработала в газовом хозяйстве в с. Батырево, сейчас на пенсии. Анастасия замужем за протоиереем Алексеем (их сын Пётр и зять Андрей – иереи). Фаина после окончания Палехского художественного училища делает росписи в церквях, реставрирует памятники истории и архитектуры. У Лидии муж, Геннадий Галкин — священник (их сын Сергей — иерей, зять Виктор, сын архимандрита Маркела во Владимире, тоже иерей). Сын Александр протоиерей служит в одной из церквей

Марий Эл. Он ещё выпускал книги, например, второе издание Евангелии на чувашском языке. Младшая дочь Марфы Егоровны, матушка Нина, замужем за протоиереем Григорием (их сын Гедеон и зять Геннадий тоже иереи). Таким образом число священников составляет одиннадцать человек. (Если сюда включить и других родственников это число достигнет до семнадцати. Сюда входят кандидат богословия, протоиерей Илия Карлинов и его сыновья, иереи Виктор и Сергей, а также протоиереи Владимир и Анатолий Хлебниковы).

Почему дети Марфы Егоровны Спиновой выбрали этот путь, т.е. связали свою жизнь со служением Богу? Здесь ответ один, епископ Герман засеял семена веры, любви, добра в душах людей, своих родственников, своячениц, и те под его покровительством продолжают размножать эти зёрна. Потому что его мученическая и святая жизнь для них является ярким примером мужества, она вдохновляет их.

Составил Григорий КОКЕЛЬ. 1908 год.

Когда я начал переводить Библию на чувашский язык сразу после завершения поэмы «Кокель», может, меня тоже напутствовал отец Герман, подсказывал, помогал...

Когда я собирал документы и материалы для этой книги, то узнал неожиданную новость о том, что супруга академика Льва Пантелеймоновича Куракова, Альбина Дмитриевна Куракова, является прямой родственницей знаменитых Кокелей. Оказывается, она правнучка Ивана Афанасьевича Кокеля. В своё время после выхода книг, при встрече с Л.П.Кураковым я подарил ему все свои произведения, в том числе и поэму «Кокель». Потом я узнал, что он и сам из рода Спиновых, жены епископа Германа, Ирины Спиновой. Об этом я узнал из письма Нины Александровны Алёшевой, адресованного мне.

Меня вот что приятно удивляет: Лев Пантелеймонович Кураков продолжатель дела и традиций чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, никогда не хвастается этим, не выставляет себя,

что он близкий родственник таких всемирно-известных людей, он удивительно скромный человек. Я в этом не раз убедился. Не хочу чрезмерно расхваливать, превозносить его. Какой вклад он внёс в науку и жизнь нашей республики, все знают. Он является крупным учёным и выдающимся организатором высшей школы, автором нескольких книг, государственным деятелем. Он претворяет в жизнь то, что завещал нам великий просветитель И.Я.Яковлев. Кто ему помогает, кто придаёт ему силу? Может, епископ Герман направляет и благословляет его на такие добрые дела? Он (епископ Герман) ведь в своё время дружил с выдающимся просветителем Иваном Яковлевичем Яковлевым...

В этой книге я расскажу читателю и о других внуках и родственниках Кокелей.

КОКЕЛЬ ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ
(Рисунок Алексея Афанасьевича Кокеля)

**ГРИГОРИЙ АФАНАСЬЕВИЧ КОКЕЛЬ —
ЕПИСКОП ЧУВАШСКИЙ ГЕРМАН**

**АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ КОКЕЛЬ —
ХУДОЖНИК, ПРОФЕССОР**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Родимый дом, село Тарханы,
Любимый с детства край лесной,
Прекрасней нет природы храма,
Где люб села народ честной.

Село мое стоит в низине,
Взирая снизу на холмы.
И в этой «колыбель-корзине»
Известных всем людей полно.

Наш пламенный поэт Андреев,
Иль композитор наш Петров,
В профессиях своих тут зрея,
В мир вышли, покидая кров.

И рос тут генерал Кутузов,
Взбирался шустро на холмы,
Да в лес ходил, неся свой кузов,
Теперь достоин похвалы.

Да каждый житель тут трудяга,
К труду приучен и охоч.
Привита с детства эта тяга,
Сосед соседу рад помочь.

А если, добрый мой читатель,
Забросит рок тебя в село,
То непременно посчитай ты
В музее побывать села.

Находится музей в низине,
Со школой рядышком стоит.
И при своем в музей визите
Имен откроешь много тут.

Так дай-ка мы зайдём с тобою
В двухзальный малый наш музей.
Хотя и скромн он собою,
На посетителей везет.

КОКЕЛЬ

ПОЭМА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1891 ГОД.
ГОЛОДНЫЙ ГОД

Нагрянула беда нежданно
На веси, села, на людей,
Набросилась внезапно, жадно
На старых, взрослых и детей.

От той беды дома пустели,
Людей подряд косила смерть.
Беду коль за порог пустили,
Перечить ей никто не смей!

Пугающе темнеют окна,
Не видно огоньков лучин.
Знать, нет в избушках жизни тока,
Нет в них ни женщин, ни мужчин.

Впустую колоколен звуки –
Молиться некому идти.
Крестом к груди прижаты руки,
Ведут к могилам их пути.

Молил крестьянин слезно Бога:
«Избавь от ада бедных. Нас!»
Но у Того, знать, ряса – тога
В тот скорбный износилась час.

Неголым же Ему явиться
К молящему на Судный день.
Так продолжались слезы литься,
Могильная манила сень.

Не ведая о братстве, дружбе,
Крестьянин тужился один.

Семьею мир его был сужен,
Так жил он до конца годин.

Глаза богатых были жадны,
Нас так учили говорить.
Но, может, многие нелады
В привычке замкнутыми жить?

Застроек крыши из соломы,
Нет теса, жести, черепиц.
Труха, мякина и половы
Как кстати для гнездовья птиц.

Куда ни глянешь: льются слезы,
Куда ни глянешь: плач сирот.
Не снятся даже детям грезы,
Едой где полон был бы рот.

Переходили горе – беды
У чувашей из рода в род.
В нужде кабальной жили деды,
Подённо проливая пот.

С надеждою одною жили:
Род сохранить, продолжить род.
С себя вытягивали жилы,
Изнемогая от работ.

Порою горестно тужили
О лучшей доле для себя.
В надеждах с песнею дружили
И пели тихо про себя.

Немало авторов безвестных
Сложило песен для души.
Их сохранили наши веси,
Их пели люди и в глуши.

В тот год одиннадцилетний
Не умер с голода герой.
С опухшею ногой в постели
По бегу тосковал порой.

В ГРЯЗЕВКЕ

Пора знакомиться с героем,
Мальчонка Лешею зовут.

Болезненным убит он горем –
Его замучил костный зуд.

Нарочно наголо пострижен,
Чтоб не водилось блох и вшей.
Но все ж, бедою не обижен,
Стремился жить душою всей.

От малокровья бледнолицый,
От голоданья сухощав.
От малых крошек жив, как птицы,
Жив, Божьей милости ища.

Алешею зовут родные,
Но по-иному по селу:
«Больной» иль «Кокаль»* он отныне,
Доныне Кокель посемену.

Он учится в удельной школе
И очень любит рисовать.
В лесу он пропадает, в поле,
Стремится мастерство ковать.

Их улица тиха, вся в ивах,
Но и болотиста, грязна.
Коль воз застрянет, тоже диво –
Куда заехал, возчик, знай.

Не потому ли околоток
В округе «Грязевкой» зовут.
На прозвища крестьянин краток,
Никто с ним не поспорит тут.

Шлипшур в низине протекает,
Неся прохладу на село.
Весною снег последним тает –
Уж так природой повелось.

Возможно, здешний влажный воздух
Здоровье Леши расшатал.
Ему бы срочный нужен роздых
Под теплым солнышком у скал.

Всем телом чуют непогоду
Алеша в годы те привык.

*Кокаль — по-чувашски — пирог.

В моменты те ломило ногу,
Глушил он стоном явный крик.

Но, несмотря на все невзгоды,
Мальчишка время не терял.
Он рисовал деревья, воды
И ими мастерство сверял.

Он угли подбирал в очаге
И на дощечках рисовал.
И постепенно шаг за шагом
Умение свое ковал.

Не изводил он зря бумаги,
Интуитивно зная толк.
Возможно, так колдуют маги,
А он – как аппаратом щелк!

И на бумаге лес, поляна,
Цветы и синяя река.
Но невдомек пока селянам,
Сравнима с чем его рука.

Шлипшур как носит свои воды
И как спешит к реке Буле,
Так в Грязевке проходят годы –
Жизнь не стоит ведь на нуле

В ШКОЛЕ

«Немного пользы от больного
В хозяйстве сельского двора.
Тогда пусть встанет он на ноги,
Имея пользу от пера».

Так думал горестно родитель,
Алешу в школу проводив.
От роду сам он темный житель,
Коня умеет лишь водить.

Встает Алеша на рассвете,
Тетради, книжечки берет,
Подобно всем больным на свете,
До школы не спеша бредет.

Дом небольшой из старых бревен
Давно уж покосился весь,

Вот-вот с землей сравнится вровень,
Но все ж в нем радость детям есть.

В две комнаты ведут две двери,
В тех комнатах по три окна.
Там воют ветры словно звери,
Не школа, а беда одна.

Но детям разве то помеха –
Они стремятся много знать.
Тут начинается их вежа,
И знанья будут дальше звать.

Тут русские, эрзя, чуваша
Из всех соседних деревень.
В ладах живут народы наши,
Обретшие давно тут сень.

«Баталий» детских предводитель
Из Нижней улицы пацан,
Не в меру бравый, как родитель,
Друг Тихон чем не атаман.

Надежный друг, защитник слабых,
С Алешей в классе он сидел.
Был скромн и не жаждал славы,
Себя не видел не у дел.

Давать другим в деревне клички
В обычае живет давно.
В кого-то встрянет как затычка,
Что смыть до гроба не дано.

Для ребятни Алеша – Кокаль,
А Тихон – Осип для друзей.
Фамилию Алеши – Кокель,
На стендах поместил музей.

Но вот звонок – и в класс тут входит
Учитель их Сергей Ильич.
Он ручкой по журналу водит,
И мерно раздается клич.

К доску выходит Афанасьев*,
Читает наизусть стихи.

*Афанасьев – прежняя фамилия А. А. Кокеля.

Сидят бесшумно дети в классе,
Заслушавшись, они тихи.

Алеше ставит «пять» учитель,
Советует всем брать пример.
«Учеба – знаний всех носитель,
Всем нужною откроет дверь».

Вот так попутно наставляя,
Ведет учитель свой урок,
Детей упорно заставляя
Его задания делать в срок.

Двор школы шумен в перерывах,
Резвится в играх детвора.
Святая радость в их порывах –
Беспечная для них пора.

Детей одежды разноцветны,
Из домотканного холста.
Хоть и в лаптях, но лица светлы,
Лишь на одном лице тоска.

С детьми Алеша не играет,
Резвиться не дает нога*.
Ее ладонью потирает,
И поскорее ждет звонка.

Привычные в быту заплатки
Не замечаемы никем.
С живых детишек взятки гладки,
Не омрачат их пусть ничем.

И в бытии не выносимой
Любое детство – детство есть.
И в старости, к земле косимый,
Тем детством ты сияешь весь.

Сергей Ильич Орлов учитель,
Симбирской школы выпускник.
В години те Тарханов житель,
В дар Божий Алексея внук.

*** У А. А. Кокеля был костный
туберкулез ребер (с гнойничками).
Примечание Н. П. Сергеева.**

«Рисуй картины ты, Алеша,
На землю раз пришел творить.
Но не легка, знай, эта ноша,
Где тропы самому торить».

Себя держал учитель скромно,
Заботами питомцев жил.
Влияние его огромно,
То знает каждый старожил.

Учитель!
Он куда б ни прибыл,
В глазах народов – Гиппократ.
Его не беспокоит прибыль,
Успехам школьников он рад.

МЕЧТЫ И ИСТИНА

Зима обжориста. Известна
Та истина крестьянам всем.
Весна для них, известно, пресна,
Амбары коль пусты совсем.

В труды и месяцы впрягали,
Назвав их то «Посев», то «Серп».
В работе жилы напрягали,
Но Бог Верховный, видно, слеп.

В мечтаньях лишь богат крестьянин:
Скота и птицы целый двор,
Амбары полны. Он семьянин,
И не к нему: «ленив» укор.

В хлеву танцует конь ретивый,
Всегда готовый выйти в путь.
И по корму воз тянет сивый,
Не для него назначен кнут.

Постройки крыты новым тесом,
И расписные ворота.
Дом кажется семье утесом,
Голодного где нету рта.

Мечты, мечты! И как ни сладки,
Мечты останутся мечтой.
У сытых с бедным речи гладки,
Для них ленив народ честной.

И как бы рьяно ни трудились,
Богатства бедным не видать.
И как бы шустро не крутились,
Сполна оброка не отдать.

У них подряд неурожаи,
Да кур у них не больше трех,
На день, на два на поле жатвы,
Где плешь сплошная от огрех.

Голодные детишки плачут
Невольны пальчики сосут.
Чуть живы от соломы клячи,
Самим хоть запрягайся тут.

Оброк не сдан. А волостные
Насильно требуют его.
И на беду крестьян и ныне
Урядник прискакал в село.

– Алеша, хочешь ты послушать
Часы с кукушкой?
– Где же, где?
– Есть зеркало, – задорит Тиша, –
Посмотришь на себя, идем.

– Наверно, врешь?
– Нет, нет, дружок.
Оденься ты без проволочек.
– А если все же врешь, дружок?
– За мной останется должок.

Дружки не медля поспешили
В избушку посреди села,
Куда селяне все спешили –
Нужда крестьян туда вела.

Народ толпой стоял в сторожке.
Урядник, важный господин,
Сидит с сердитый красной рожой
На лавке за столом один.

И даже жалкий писаришка
Стоит пред ним, не смея сесть.
Присядет невзначай мальчишка
И тут же вскочит, зная честь.

Народ молчит, шуметь не смея,
На гнев нарваться не спешит.
В толпе отец и Алексея,
Урядник лишь в избе ершист.

Прав Тихон: есть часы с кукушкой,
Вон зеркало стоит в углу.
Как щелкнет на часах окошко,
Так слышится в избе «ку-ку!»

Урядник, тут ребят заметив,
Строжайше показал на дверь.
«Пошел! Пошел!
Входить не смейте!» –
Сердито рявкнул он как зверь.

В волостном правлении (урядни в чувашской деревне). Эскиз-набросок картин.
1910 г.

Знать хочется: зачем урядник
Детишек выгнал за порог?
Вновь впустит он сопливых вряд ли,
Друзья быстрее к окошку шорк!

Через стекло ребятам видно,
Что происходит там в избе.
До слез, конечно, им обидно,
Что кто-то будет там избит.

И вот урядник размахнулся
На одного своим кнутом.
Невольно Тихон встrepенулся
Всем детским жалостным нутром.

– Эх, мне быстрее подрасти бы,–
Он другу тихо говорит.–
Его тогда везде настиг бы
Карать за то, что тут творит.

(Тут, добрый мой читатель, кстати
Сказать мне о его судьбе.
Доросшись до солдатской стати,
Отдался праведной борьбе.

За неизвестный бунт в Самаре
В Сибирь отправлен Тихон был.
На каторгу. Шесть лет в том крае
Жил в кабале, горячим слыл.

Оттуда он в Донбасс поехал,
Стоял за справедливый быт.
Чтоб мирная настала вежа,
Чтоб каждый был одет и сыт.

В ряды большевиков вступая,
Тянулся к знаниям наук,
Перед другими выступая,
Не осрамиться чтоб за ум.)

Сейчас своими кулачками
Уряднику пацан грозит.
А кулаки-то сжались сами,
Когда чин плетью всех косил.

Двоих-троих в чулан закрыли,
Чтоб не перечили властям,
Чтоб об оброке не забыли,
Чтоб слабости не знать костям.

Народ выходит, вон, вздыхая,
И Афанасий среди них.
Алеша, затаив дыханье,
Глядит в глаза и лица их.

Глаза печальны, лица хмуры,
Им в тот момент не до бесед.
Ведь на оброк уйдут и куры,
Осиротив в хлеву насест.

«За что урядник бил жестоко?» –
Спросил Алеша у отца.
«Не спрашивай, сынок, до срока,
Как подрастешь, узнаешь сам».

Картины эти, след оставя,
Осели в Лешиной душе.
Вопросов много жизнь поставит,
Живущим вот в такой нужде.

ЛАШМАННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

«Лесными баринами» звали
Лесничих наши чувашаи.
При встречах картузы снимали –
И стар, и млад их уважай.

В Тарханах Левченко лесничий,
Над всеми строгий он судья.
Во все он вмешивается лично,
Всех за провинности судя.

В хозяйстве всем необходимы
Дрова и сено, и грибы,
Да ягоды. Но обходили
С опаскою его избу.

Леса действительно обширны,
Сквозь них и за день не пройти.
Шумят-поют деревья мирно,
Их кряжистей и не найти.

Дубы особенно массивны
(Они пригодны для судов).
Лашманы отдают тут силы,
Не перечислить их трудов.

Конечно, тяжела работа,
Коль обладает труд ручной.
Но о семье нужда-забота
Сюда приводит их гурьбой.

Спили дубы ты в три обхвата,
Затем вручную расколи.
Особая нужна тут хватка –
Никто, что трудно, не скули.

Зато о дубе ходит слава,
Об этом знает и Париж.
Но знает истину кто мало:
Сокрыто в славе сколько кряж?

Лашманная работа – тяжесть,
Тяжелый труд – повал лесин,
Когда на руки, плечи ляжет
Пилой владеющих мужчин.

В Алатырь едут ежедневно
С доской добротною возы.
Там перегрузят их в вагоны –
Хоть ты в Америку вози.

И Ваня, старший брат Алеши,
В лашманы вскоре нанялся.
Со взрослыми «хлебает кашу»,
Доход в свою семью внося.

Пора уж черную избенку
Сменить на чистый светлый дом,
Да и Ивану, не ребенку,
Ввести невесту в новый дом.

Обед лашманам дети носят,
Бегут ребята босиком.
Алешу с другом тоже просят,
Да сами просятся силком.

В лесу птиц песен гам стозвонный,
В лесу зеленом благодать.
Журчит родник не так уж звонко,
Не прочь кукушка погадать.

А ягод-то! Ты рви хоть лежа,
Грибов! Нагнуться не ленись,
Борщевиком нажиться можешь,
В лесу, что в жизни нужно, есть.

Лашманы детям очень рады,
Светлеют лица, видя их.
Звать лишний раз к столу не надо,
От стука, вжика лес утих.

Хотя на вид усталы лица,
Шутить работный люд не прочь.
– Надумал, Тихон, ты жениться?
На посиделки-то охочь?

В карман не лезет тот за словом,
Ответить за троих готов.

– Нет, не дорос еще я «ломом»,
Вот наберу чуть-чуть годков.

– А ты, Алеша, на холсте
Рисуешь суженую, может?
Надул тот губы у куста,
Держать кому-то совесть гложет.

А лес стоит себе на диво,
Уставясь молча на людей,
Которые поели живо,
Крестьясь спроводили детей.

ЗНАКОМСТВО С ЛЕВЧЕНКО

Любил Алеша летом поле,
И речку, и цветущий луг,
И одинокий дуб на воле,
Растущий в поймах дикий лук.

Лога, овраги Пучамаса,
И бьющие в них родники,
Лесов темнеющая масса
С Алешей с измальства сродни.

Ах, с детства близкая природа,
Душе и сердцу милый край!
Зимой и летом ты пригожа,
Зимой и летом детям рай!

И как бы ни тяжка эпоха,
Природа – для Алеша мать.
В душе останутся сполохи,
Ее умей лишь понимать.

– Для очага нам хворост нужен,
Пусть для зимы лежат дрова,–
Отец заботится о нуждах,
Детей спроводив со двора.

Усердно хворост собирая,
Два брата делом занялись.
Сквозь чащу леса пробираясь,
Тут Левченко к ним заявись.

– Ага, вы молодняк рубили,
Кто вам позволил лес губить?

(Лишь хворостины в куче были)
Но я не стану же вас бить!

Привел ребят во двор свой барский,
– Два дня трудитесь у меня!
От барина не будет ласки,
Пришлось трудиться дотемна.

На день другой в поту два брата
Набили сеном сеновал.
В минуты отдыха в тетрадке
Тайком Алеша рисовал.

Там вышел Левченко в натуре –
Глядел с тетрадки так же хмуро.
Так тройка, гости, терем-дом
В тетрадке вышли чередой.

Себя увидев в той тетради,
Смутился Левченко на миг.
– Рисуй: рисуй ты, Бога ради,–
Сказал Алеше,– что поник?

Поверил ли на деле барин,
Что этот хилый паренек,
Который с детства занемог,
Владеет чудным Божьим даром?

Эх, барин, сколько издевался
В лесу над бедными людьми!
Из них чуть-чуть кто зазевался,
Ты бил безжалостно плетьюми!

Конечно, барин брезгал теми,
Кто носит лапти круглый год.
Возможно, мальчик бросил семя,
Что дар дает и им Господь.

На милость смягчился хозяин:
– Ходи ты чаще в гости к нам.
А мальчик ковырял козявки,
На этот раз смутившись сам.

Жена лесничего лечила
От хвори-недуга его.
Елей лечебный в душу лила
(Не перескажешь тут всего).

СГОРЕВШИЕ МЕЧТЫ

«Прощай, моя родная школа,
Не твой я больше ученик.
Я не покинул бы «прикола»,
«Симбирск», «Симбирск» в ушах звенит.

Сергей Ильич мне на прощанье:
«Учись ты далее», – сказал.
И я об этом обещаю
Отцу в тот день же рассказал.

«Хочу я тоже, как Григорий,
Поехать осенью в Симбирск».
«Ученым людям меньше горя,
Ученье – не какой-то риск.

Но что Иван, ваш старший, скажет?
Он слишком рано впрягся в труд.
Ведь на него вся тяжесть ляжет,
А тяжестей – пруди хоть пруд».

Двух сыновей отец в июне
В Симбирск далекий проводил.
«Приеду чтоб не остался втуне,
Учитесь не жалея сил».

Но вскоре написал Григорий
Печальное письмо домой:
«Братишке к знаниям путь не торить,
Теперь он тяжело больной...»

Отец Алешу на подводе
Привез домой. Сам думал вслух:
«Что за напасти, Боже вроде
К молитвам нашим не был глух?»

«Мечты! Мечты! Они сгорели!
Мне, видно, счастье не дано!»
В душе уже мечты не пели,
Теперь ей разве все равно?

«Картины рисовать не брошу,
Учиться можно самому.
Тяжелую болезни ношу
Осилью и переломлю».

Леса. 1948 г.

Алеша начал поправляться,
Ходить по лесу, по полям.
Однажды в поле поравнялся
С ним Левченко, лесничий сам.

«Алеша, голубок, ты дома,
В Симбирске, чай, ты должен быть?»
«Да одолела вот хвороба,
А я ведь только начал жить».

«А ну, юнец, садись-ка рядом,
Поговорим попутно ладом,
Прокатимся ко мне домой,
Там ждет тебя подарок мой».

– Спасибо вам большое, барин,
Не знаю, чем благодарить...
– Потом спасибо скажешь, парень,
То, что получишь, рад дарить.

Во весь опор помчались кони,
Не видя впереди преград.

Вот уж села деревьев кроны,
Вот уж домов ряды оград!

«У Левченко какие кони!
В округе лучше не найти!
А наши клячи – точно сони,
Под плеткой ленятся идти.

А этих, знающих овес лишь,
Никак в узде не удержать.
Ни у кого в селе не встретишь
Коней, способных славно ржать».

Так думал Алексей примерно,
Прижать забыв раскрытый рот.
А лошади бежали мерно,
Пока не встали у ворот.

– Приехали! Встречай, мамаша!
Кого привез я, угадай!
Пойдем, Алеша. Хата наша
Тебе открыта, так и знай.

Супруга Левченко встречает
Алешу доброю душой,
Душистым угощает чаем,
А мужу подает крюшон.

– Купил я, Леша, в Петербурге
Картины, краски и мольберт,
Купил учебники на торге –
Он твой: весь мой ассортимент.

Мальчишку это взволновало –
Подарок слишком уж богат!
Тут красок всяческих немало...
– Спасибо, – сердцем рад.

Такое и во сне не снилось,
А тут – отрада для души!
Есть, видно, все же Божья милость:
Теперь, малой, рисуй, пиши.

С Кардовским, Репиным знакомит
Алешу барин погода.
– Художник сам дорогу торит,
Тут подражанье не годны.

Он ищет образы, находит,
Учась, конечно, у других.
По краю пропасти он ходит,
Бывает буен, также – тих.

Тебя волнует если что-то,
Душевной волю дай струне.
Потом спасибо скажет кто-то,
На труд твой глядя на стене.

Возможно, мысли в беспорядке,
Но их все ж не забывай.
В искусстве строгие порядки,
Ты спешке волю не давай.

Картина каждая по сути
Собой коль радует людей,
Тебя минуют злые шутки
За новшество твоих идей».

Запомнил это крепко Леша,
Пред трудностью не спасовал.
Какую на себя взял ношу,
Он знал теперь и рисовал.

«ЗНАК БОЖИЙ»

И вот век старый спешно минул,
Сил набирает новый век.
Ярмо народ еще не скинул,
Но намечается просвет.

Везде в стране идут волненья,
Народов возмущает гнет.
Тревожат многих и сомненья:
На избавленья шансов нет.

А дни бегут. У Алексея
Одна забота в голове:
«Учиться бы, добро всем сеять
Картинами, не половой».

Спасибо Левченко, поверил
В способность мальчика и стал
Учить тому, чем сам он мерил
Художество, и много дал.

Ивана вскоре он пристроил
При церкви местной в сторожа*.
Лес вывезли, чтоб дом построить,
Путем законным, не дрожа.

«Как мне помочь родным по дому,
Как вырасти здоровым, как?
Не по плечу дела больному,
Для них обузою я так».

В крестьянстве он сейчас бессилён,
Об этом думает день-ночь.
И этой думой обессилён,
Не может мысли гнать он прочь.

«Постой... Иван сказал мне ныне,
Что в церкви нет икон ничуть.
Продажа их крестьянам стынет,
В народе как сие почтут?»

Сумеет ли? И он рисует,
С иконами себя связав,
И Матерь Божию рисует,
О том Ивану лишь сказав.

– Ну, брат, скажи-ка, отличишь ли
Рисунок мой от образца?
– О, Боже мой! Слова тут лишни,
Рисуй, рисуй ты образа.

Портреты сельских богачей
Рисует тоже Алексей.
Природный дар куда же денешь,
Все удивляются: «Ей-ей!»

«Знак Божий», – говорят селяне
О парне, мастерству дивясь.
Теперь есть имя и влияние
И деньги малость завелись.

Похож их дом на мастерскую
Художников. Молва идет:

****Иван также был псаломщиком, имел хороший
голос и музыкальный дар, играл на скрипке, даже сам
их мастерил.***

«Жизнь испытал он мытарскую
Мечты все ж исполненья ждет».

Не выбираясь из деревни,
Кует Алеша мастерство.
Течет без остановки время,
Оно безжалостно, черство.

**1899 год.
ГОЛОДНЫЙ ГОД**

Опять в окрестностях Тархана
Настала горькая пора.
Когда ж избавиться крестьянам
От бед? Приносит их жара.

Палит безжалостное солнце,
Земля засохшая пылит,
У речек выступают донца,
Душа крестьянина болит.

Пустые на полях колосья,
Везде хозяйствует сорняк.
Голодный год пришел в полесье,
Коль гибнет зелень на корнях.

Алеша юноша уж рослый,
Но приковала к дому боль.
«К полям, лугам стези проросли,
Прожить сю зиму шансов ноль».

А Левченко село оставил,
В Полтаве будто бы живет.
На ноги парня бы поставил,
К несчастью, вдруг сменил жилье.

Чай, на погост ему дорога,
Бог, видимо, желает так.
Врачей не призовешь к порогу,
В доме их денег нет и так», –

В селе так рассуждали люди,
Жалея парня, как родню.
По жалостям таким вот судя,
Не долго Леше жить, поди.

Сам Алексей, кончину чужа,
Душою обострился всей,
Надеялся: его минуя,
Не даст смерть о себе вестей.

Все вдохновеннее рисуя,
Он мастерство свое точил.
О скуке ум не вел турысы,
Успехами труда почил.

Отца, себя нарисовал он,
В их лицах – каждого судьба.
И горе-беда в них навалом,
И жизни видится борьба.

Отец его, вот, Афанасий –
Как выразительны глаза.
В них нет ни капли катавасий,
В них лишь победная гроза.

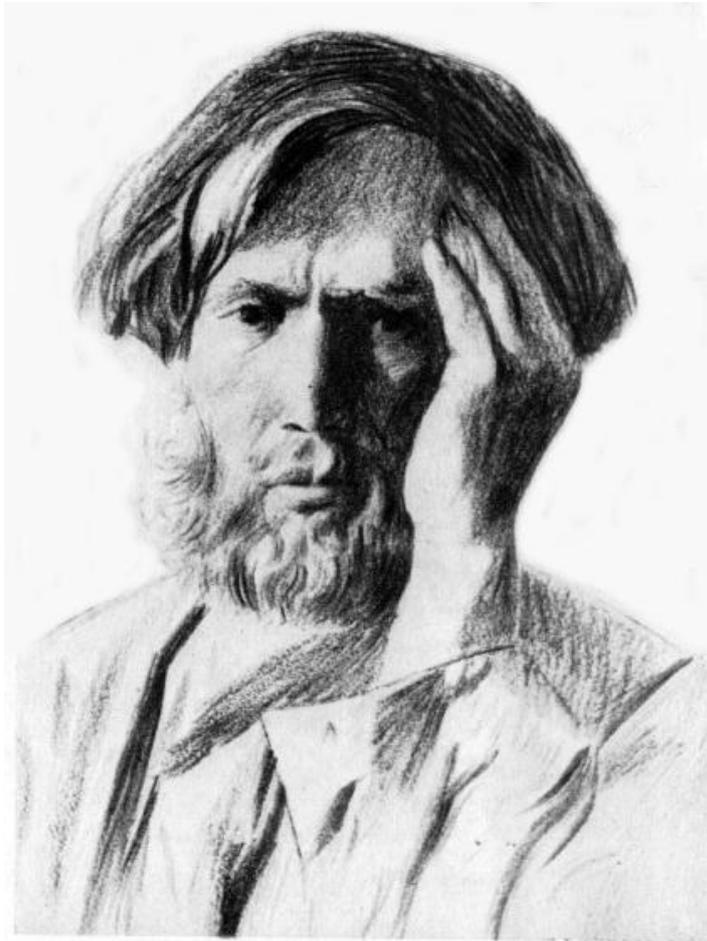
«Нет, нет, не надо вовсе денег», –
Порою думает Лексей.
Искусство в нем теперь не вянет,
Его душою принял всей.

Порой, бывает, он не в силах
На лавку у печи падет.
Село изобразит в картинах,
Когда, набравшись сил, встает.

Автопортрет. 1899 г.

АВТОПОРТРЕТ. 1899 г.

Голова мужчины. 1899 г.

**АФАНАСИЙ КИРИЛЛОВИЧ КОКЕЛЬ –
ОТЕЦ ХУДОЖНИКА**

Головка. 1899 г.

Нищий. Копия. 1899 г.

«НИЩИЙ»

Но что-то часто он в постели:
«Оставь, оставь, болезнь, меня!»
На улицах деревья пели,
Листою на ветру звеня.

Вот лето позади осталось,
Вконец ослабла солнца прыть.
Поляк Раубе*, оказалось,
В село лесничим прибыл жить.

Врачей привез с собою барин
Спасать от гибели крестьян.
И малый крестьянин, и старый –
Немало умерло селян.

Иван, услышав весть такую,
В дом барский тут же поспешил.
– Вы, помня заповедь святую,
Братишке помогите жить.

Врачи с Алешею шутили,
Вселяя бодрость в дух его.

*Вячеслав Иосифович Раубе, управляющий лесничеством, прибыл из Петербурга. Его жена, Мария Вячеславовна, была художницей-любительницей, хорошо знала одного из главных организаторов и руководителей Товарищества передвижных художественных выставок В. Е. Маковского.

Летом 1899 г. в Поволжье наступила сильная засуха, погиб весь урожай, начался голод. В Тарханах эпидемии и эпизоотии унесли жизнь почти половины людей и всего домашнего скота.

В это время болезнь А. А. Кокеля обострилась, умножилось число открытых ран на теле. Спасла от гибели лишь помощь, подоспевшая из Петербурга. На борьбу с эпидемиями прибыли студенты медицинских и ветеринарных институтов. Среди них оказалась Мария Варганова, близкая родственница В. И. Раубе, студентка Женского медицинского института. По ее настоянию решено было срочно оперировать А. А. Кокеля в Петербурге, а после выздоровления – устроить на учебу в Академию художеств.

И удивились, и смутились,
Узнав, какой дар у него.

«Да это ж чудо! – рассуждали, –
В такой вот нищенской глуши,
В такой вот от культуры дали
Растет талант большой души!

Какие славные картины,
Какой богатый колорит!
Да и изящество-то линий
О мастерстве лишь говорят».

Из них Варганова Мария,
Когда настал отъезда день,
В сердцах коллегам говорила
(А на лицо легла тут тень):

«Коллеги, тут бедою пахнет,
В глуши его талант зачахнет.

Его нам, может, взять с собой
И дать его болезни бой?»

«С тобой, Мария, мы согласны,
Сейчас нуждается он в нас.
Мы так же думаем негласно,
Но ты опередила нас».

«Возьмем», – они сказали дружно,
Алеша этому был рад.
В дорогу собираться нужно,
В душе маячит стольный град.

День этот Кокель не забудет:
Открыт мечте путь, наконец.
Немало трудностей в нем будет,
Какой-то должен быть венец.

Махали вслед Тархана ивы,
Под ветром ласковым клонясь.
Прощались пажити и нивы
И одинокий в поле вяз.

В округе все добро желало,
Счастливого везде пути.

Дорога длинная лежала,
Ему всю жизнь по ней идти.

Ее начало в Петербурге,
Пока он знает лишь о том.
Еще в какие в мире бурги
Путь приведет – уж знать потом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В СТОЛИЦЕ

По сути мир всегда двоякий:
Довольство где, там нищета.
Одни живут беспечно, ярко,
В поту – другие, в темноте.

Возможно ли Тарханы сравнить
Со стольным градом россиян?
Там мостовые гладки, ровны,
И ночью город осяян.

Дома высоки, величавы,
Верхами вперлись в небеса.
Соборов золочены главы,
Нева вам кажется без дна.

Прямые улицы широки,
Ведут куда-то без конца.
По ним Алеша ходит робко,
Все удивляет тут юнца.

Везде резьбы искусной полно,
Не город ли страны чудес?
Во сне тут очутился словно,
Но наяву Алеша здесь.

Собор вон Исаакиевский,
Как величав он и красив.
Глаз радуют собора фрески,
Стоит надежно тут массив.

Как колокол выносят балки?
Пудов пять тысяч, говорят.
Не долетят до верха галки,
Кресты на солнышке горят.

Весь в золоте собора купол,
Ушам приятен перезвон.
Глашатая не нужен рупор,
Стекается народ на звон.

Кутузов и Барклай де Толли
Как бы глядят на битвы поле,
Известен им уже исход,
И вскоре предстоит поход.

В соборе хора песнопенье
Вас уведет в небытие.
И нет ни капли страха тени:
Лишь там беспечно житие.

Обилье фресок! И любая
Волшебной кажется тебе.
А нимфа, в древности любима,
Поможет каждому в мольбе.

Но почему в одних соборах
Так много броской красоты?
А живы церкви на поборах,
И красота – привлечь паству.

А мать Раубена решила
Алеше в творчестве помочь
И людям нужным письма пишет:
Покой свой отстранила прочь.

ЭРМИТАЖ

«Бывать он в Эрмитаже должен,—
Подумала она сперва,—
А сын ему помочь в том может,
Поговорила с ним вчера.

Он там охранников начальник
И может парня пропускать.
И парень днями без печали
Там прохлаждается пускай».

И вот задумка Свенторжецкой
(Она же Раубена мать),
Как и хотелось ей сердечно,
Парнишку стала занимать.

Теперь по Эрмитажу ходит
Алеша, духом окрылен,
И дивы дивные находит,
Всему, что видит, удивлен.

Он видит мировую славу
И, как дитя, картинам рад.
Подходит к каждой снова, снова
Он, обходя за рядом ряд.

«Джоконда» Леонардо Винчи,
А то Рембранта «Блудный сын»
Заворожительны и нынче:
Для Алексея – точно сон.

А то художников России
С любовью собранный музей...
Картины русский дух носили
Палитрой колоритной всей.

Брюллов представлен, смелый Репин,
Да и Ивбнов и Крамской.
Характеры у русских крепки –
Оставил каждый норы свой.

Вот мастер веточку простую
Изобразил на полотне.
Перед картиной молча стоя,
Живую силу видишь в ней.*

*Речь идет о картине А. А. Иванова.

С насмешливым задором пишут
Письмо к султану казаки.
А бурлаки подмогу ищут –
Шедевры репинской руки.

В картине каждой вдохновенье,
Заметный почерк мастерства,
Души порывов к правде рвенье
И дверь, открытая сердцам.

Алеша наш в глубокой думе:
«Секрет в чем все же мастерства?
Найти зерно в бытийном шуме
Учиться, может, мне сперва?»

И день, и ночь в труде потея,
Он, мастер, спорит все со злом.
Порой и он несет потери,
Но спорит дряни всей назло.

Ну что сказать: в труде и кони,
Но выше разум наш стоит.
Не зря же говорят: искони
Прекрасное талант творит.

И это – истина, возможно,
Но я один и одинок.
Вслепую заблуждаться можно,
Что Богом испытать дано?

Изобразить атлантов тянет,
Не получается никак.
Без знаний и дар Божий вянет,
С ума могу сойти я так.

У мастеров, достойны кисти,
Как гармоничен колорит!
Их образы как живы, чисты,
Все о таланте говорит.

И отличительна палитра,
По ней-то руку отличишь
Того, чьим потом-то политы
Картины, что душой ты чтить.

У каждого своя тропинка,
Проложена она лишь им.

Идя по ней без зова – крика,
Бывает иногда раним.

Но отражая душу в красках
И мысли в образы кладя,
Не думают они о ласках,
Надежд напрасных не плодят.

В рисунках коль секрет заложен,
Ответ лишь в поисках найдешь.
Путь поиска быть может ложен,
Ошибку сразу не поймешь.

Коль думаешь, что все ты понял,
То не размахивай рукой.
Бес срока в колокол не звонят,
Придет когда-то срок и твой».

Сомнения свои Алеша
В музее кой-кому излил.
И понял он, какую ношу
На плечи Боженька свалил.

То днями он ходил в сомненьях,
То вдохновением пылал,
То в сладких нежился томленьях,
То к черту праздность посылал.

Ему служитель Эрмитажа
Сказал однажды невзначай:
«Ограду нашу – антуража–
Предложил твой земляк, то знай».*

Гляди: пркрасны в Летнем саде
Деревья, статуй стройный ряд.
Такое вероятно в ладе
С талантом, люди говорят.

Но нелегко далось все это –
Росла столица на поту.
Немало крови тут пролито –
Немало писано про то.

Со strony – Петра творенье,
Людская – в истине – нужда,

* Речь идет о П. Е. Егорове.

Кнута и спин народов тренье...
Когда то кончится, когда?

Свенторжецкая сообщила:
«Тебя Маковский попросил
Карандашом создать рисунки,
Старайся из последних сил».

Маковский...
Имя мировое,
Алеша раньше знал его:
В избе своей при вьюжном вое
Учился часто у него.

Он рад такому порученью
И весь в работу погружен.
Но нет опять пути к ученью –
Болезнью он опять сражен.

В БОЛЬНИЦЕ

Палаты, палаты, палаты,
Какая везде чистота!
«Какой же ты требуешь платы,
Болезнь?» – повторяют уста.

Приходят болезни пудами,
Как вражья нежданная тать,
Уходят по капле, с трудами,
Капели первичной под стать.

Врачи каждый миг тут на страже,
И ночью, и днем начеку.
Присесь-то им некогда даже,
Раз так суждено на веку.

* * *

Пришла Варганова однажды
В палату Лешу навестить.
Рад встрече был из них тут каждый
И чуть ли не слезу пустить.

– Ну как, идешь ли на поправку,
Как кормят и какой уход?
И если хочешь знать ты правду,
Все реже будет мой приход.

Учеба отнимает время,
Экзамены вон на носу.
Пока ращу учебы семя,
Пора и отбивать косу.

Мария с парнем то ли шутит,
Серьезно то ли говорит?
Его сомнениями крутит,
Задором девичьим горит.

– Какой ты скромный, но и хваткий,
Все говорят: «Талантлив он».
Мои к тебе визитки кратки,
Бери-ка к чаю, вот, лимон.

Она к нему поближе села,
Все тараторит без конца.
Но разговор ведет умело
И все ж доводит до венца.

– Ты вспомни-ка альбом свой скромный,
Кардовский восхитился им.
Спросил: « А есть ли что-то кроме?
Пусть даром дорожит своим».

С тобой Сам Бог, считай, ты мастер,
Пусть это радует тебя.
Да пусть поможет Божья Матерь
На ноги встать, крепи себя.

Да вот еще: с другим альбомом
Твоим Маковский тож знаком.
Рисунками, представь, доволен,
Итог знакомства вот таков:

«Дорога для него открыта.
Пусть в академию идет.
Умение в душе сокрыто,
С учебой знание придет».

**Рубенс. Союз Земли и Воды.
Между 1612 – 1615 гг.**

Джорджоне. Юдифь. Около 1502 г.

Рембрандт. Даная. 1636 г.

И это передал Ротаст* мне,
Узнав, что болен, тут лежишь.
Скорейшего выздоровленья
Тебе Маковский пожелал.

Алеша слушает покорно
Живой Марии разговор.
Он благодарен ей, бесспорно,
Как дома встретились, с тех пор.

– Порою мама укоряет:
«Ты балабол, но меру знай».
Сама была такой же кралей,
Что укорять, коль ты резва.

Алеша, почему молчишь ты,
Обидела, быть может, чем?
Конечно, скромны вы, мальчишки,
Зачем же скрытым быть во всем?

– Ну что вы? Я ничуть не скрытен,
Скорее, я у вас в долгу.

*Н. П. Ротаст – художник, друг М. Варгановой.

Леонардо да Винчи. Мадонна Бенуа. 1478 г.

Его, пожалуй, нечем крыть мне,
Я беден, можно гнуть в дугу.

– Ну до чего же ты наивный,
Речь наша разве о деньгах?
Не станешь с кошельком безвинным,
Не жить без друга ни денька.

– В народе нашем тоже ходят
О дружбе мудрые слова.
Коль двое крепко дружбу водят,
Дурная не страшна молва.

– Вот этот разговор по нраву,—
Она смеется теплотой.
Глаза повеселели сразу,
Лицо приобрело покой.

– Вот принесла тебе я книги,
Читай, Алеша, не ленись.
Болезнь свою облегчишь с ними,
Ну, до свидания, крепись.

Пушком порхнула из палатки,
Оставив парня одного.

Визит ее к Алеше краткий
Забить заставил о ноге.

Лежит Алеша. Сотни мыслей
Кружатся в голове чредой.
Не следует в болезни киснуть –
Не одиночка он с бедой.

Иметь друзей – всего дороже,
Тем более – в чужом краю,
Иголкой согнуть где он может,
Он пропасти не на краю!

По роду он хотя чувашин,
К нему у них презренья нет.
Пусть и нарядны, чинны, важны,
Несут ему ученья свет.

В примеры Писаревых брать ли:
Людмилу, Инну – дочерей,
К нему относятся как к брату,
Вот только вышли из дверей.

Пришла подруга с ними – Анна,
Дочь Виноградова, – он рад.
Визит троих – как с неба манна,
Душе – как бодрости заряд.

А Инна... Очень боевая,
В тюрьме сидела, говорят.
А речь горячая, прямая,
Глаза как искорки горят.

Впервые от нее он слышит,
Что, если трудовой народ
Капитализма мир сокрушит,
Себе свободу обретет.

«Слова ее, конечно, верны, –
Алеша мыслит про себя, –
Но как избавиться от скверны,
Коль власть их давит на тебя?»

Заснул Алеша незаметно,
И снится Алексею сон.
Мать улыбается приветно,
И ей спешит навстречу он.

И вдруг вокруг все изменилось:
У озера он Пучамас*,
Видны леса, луга и нивы –
Краса родная без прикрас!

У озера, людей пугая,
Склонилось дерево одно.
Обходят стороной, ругая,
То дерево народ давно.

К себе не манит это место,
Его боится все село
И отзывается нелестно,
В душе грозится помелом.

То – место жертвоприношений,
Его название – киреметь.
Порою много подношений
Приносят: полотенца, медь.

С мольбою просят киреметя,
Чтоб горе – беды отводил,
Чтоб духов злых изжил со света,
Чтоб с с тяжкими к ним не ходил.

Алеша видит: ворожея
Над ним колдует, лечит хворь.
На подношеньях душу грея,
Живет безбедно с давних пор.

Со сна его тычками будит
Сосед по койке: «Эй, проснись,
Во сне недоброй бредить будет,
Открой глаза, перекрестись».

Проснувшись, Леша озирает
Палатку, русского Петра.
В глазах его еще играет
Страх запредельный. Видит – зря.

Обход с утра проводит доктор:
– Ну-с, парень, как твои дела-с?
Я сообщу сегодня фактор:
Тебе болезнь зазря далась.

*Название местности в Тарханах.

На ноги, Леша, скоро встанешь,
Быть может, и плясать пойдешь.
Коль личностью большой ты станешь,
То к славе путь себе найдешь.

– Большое, доктор, вам спасибо,
Вас не забуду никогда,
Случится если что-то либо,
К вам только обращусь тогда.

– Ты только-с не болей, мой милый,
Как можно-с береги себя,
Давай-ка набирай-ка силы-с,
Живи, всегда свой труд любя.

Иван Ильич – его так звали,
Врача-хирурга, люди тут.
С хорошей стороны лишь знали
Врача и благородно чтут.

В СЕМЬЕ ПИСАРЕВЫХ

Мой уважаемый читатель,
Возможно, скучен мой рассказ.
О грехов наших, вон, искатель
Уже готовит едкий сказ.

Слагать роман, или поэму
Не каждому судьбой дано.
Найти, конечно, можно тему,
Но описать то – но и но.

Как говорят у нас, с артелью
Сподручней справить молотьбу.
Труд праведный и скита келье
Нет, не чета моей судьбе.

Помочь едва ли кто-то может
Поэту в тягостном труде.
Его души страданье гложет,
Поможет кто ему в беде?

Но это высказано к слову,
Читатель, можешь ты понять.

Спросить, конечно, снова:
«Где Алексей?» Живет на ять.

За то, что мало образован,
Теперь потеет в три ручья.
Учителем он быть обязан,
Не лишня помощь тут ничья.

Обрел товарищей в столице,
Друзей надежных он обрел.
Стеснялся раньше их прилично
И как чувашин все робел.

У Раубе он жил недолго,
Но будто в доме жил родном.
Теперь, не забывая долга,
Он посещает этот дом.

А нового узнал он сколько
В гостеприемной той семье!
Не получил бы знаний столько,
Живя в своем глухом селе.

А вот поправившись в больнице,
В семье стал Писаревых жить.
Благие для Алеши лица,
Готов он душу им излить.

Живут богато, но пристойно
И, беднотою не гнушась,
Ведут себя всегда достойно
С Алешей. Рад он всей душой.

Дом этот для людей искусства
Надежною опорой был.
К талантам озаренным с чувством
Он отношения слыл.

Деньгами ли, или одеждой,
Иль пищей доброй помогал.
Больные шли сюда с надеждой:
Помогут, кто недомогал.

В имение приехал Грабарь
И, как Алеша, тут живет.
У мастера одна потреба:
За сюжетом творить сюжет.

А то, не выходя из дома,
Он что-то пишет за столом.
Алеше интересно, что там:
– Сижу, я над большим трудом.*

Тут образы людей искусства
Мной будут изображены.
Труд выйдет, думаю, искусным,
И многие будут сражены.

Труд этот, Леша, многим нужен,
Особенно таким, как ты.
А с книгою всегда будь дружен –
Осуществятся все мечты.

У реставратора, считает,
Упорный и почетный труд.
Учись труды других читать ты –
Уменье, труд все перетрут.

– Для древних мастеров темпера**
Любимой краскою была.
Для них она была как вера,
В Соборах лучшею слыла.

Не только там: и в Эрмитаже,
В «Мадонне» Мартини тоже.
Джордано вон нашел в «Юдифе»,
А Тициан – в своей «Данае».

– Ай молодец ты, – хвалит Грабарь,
Известных самых ты назвал.
Получится темперой образ
Без красок и других, то знай.

Они тогда, об этом помня,
Имели свой все ж кругозор.
Был каждый верен Божьей воле,
К Нему был обращен их взор.

Ведь мифологический образ
Широк по сути и хорош.
Но там всего-то лишь двоякость,
Нужда у мира – не на грош...

* И. Э. Грабарь тогда писал 5 томную «Историю русского искусства». ** Темпера — позолота.

Уже в трубе вон воеет вьюга,
Явилась снежная зима.
Тепла не будет долго с юга,
Пока белым бела земля.

«Какая ожидает доля,
Помехи все, помехи все?
Во мне покуда дышит воля,
Сосредоточу силы все.

Приди, приди ко мне удача,
Я знаю, где-то есть она.
И Грабарь то отметил давеча:
«Талант работает без сна.

Ты мумия, коль не рисуешь,
А знаешь, мумия, мертва.
Не трудишься – тогда рискуешь
Опасть на землю как листва.

Коль осень вспомнил, ты гляди-ка,
Какой был мастер Левитан.
Его лес светлый, а не дикий,
Глядишь и станешь там витать.

Оттенков в голубом все триста,
Какое тонкое чутье!
А простота – на первом месте,
Ты это, Алексей учти.

Вот скрыто где оно – уменье,
Зарыт где истинный талант!
Вот где учиться вашей смене,
У этих красочных палат.

Погодно осень наступает,
Погодно падает листва.
Талант в трудах не умирает,
И вечно будет жить молва...»

Порой Алеша незаметно
Впадает в думы глубоко.
Что видит, слышит, все заветно,
Как в детстве мамы молоко.

Но все же говорят в народе:
Гость и желанный – на три дня.
И честь знать время бы уж вроде,
Он никому тут не родня.

Алеша то не забывает,
Знать честь у чувашей в крови.
С мольбертом часто он бывает,
Писать картины норовит.

Портреты Писаревых пишет,
Иль репродукции ли там.
Так он покой в картинах ищет,
Торопиться куда-то сам.

– Труды твои, Лексей, прекрасны,–
То тетя Вера говорит.
Теперь у парня цели ясны,
Душа надеждою горит.

Он с теплотою распростился
С той хлебосольною семьей.
И в путь – дороженьку пустился,
Счастливый рок ища себе.

Сияло солнце. Было лето.
И теплый ветерок ласкал.
Дорог достаточно на свете,
Которая, что ты искал?

Лежачий пень, как говорится,
Годами обрастает мхом.
Раз молод – надо торопиться,
Ленивый не спешит Пахом.

Пути-дороги бесконечны,
Читай, как книгу, не ленись.
Порою образы бесцветны,
А то от радости летишь.

В душе его нет беспокойства,
И сердце радостно стучит.
Он чувствует таланта роста
И не боится уж кручин.

Прощай, мне близкий город Тула,
В столицу путь меня зовет.

Чай, тетя Вера там взгрустнула,
Приехать Грабарь дал совет.

В АКАДЕМИИ

Его фамилия есть в списке,
Сегодня он студент, студент!
Его мечта уже так близка,
Сегодняшний как значит день!

Готов приобрести он знания,
Стараться будет каждый день.
«Куда пришел без рода-званья?»–
Смеется пусть, кому не лень.

«И я ведь человек,– отвечу,–
Скажите, чем же хуже вас?
По мне вам рано ставить свечку,
И не стыжусь, что я чуваш».

Чего скрывать, немало слышал:
«Куда ты прешь, Васьлей Иванч?»
Он с огорчением то слушал,
Но чем же лучше сам смехач?

Известно всем: чуваша скромны.
Трудолюбивы. Но есть сказ:
Когда делили счастье, скромник
Из-за лаптей лишился враз.

Он опоздал. И не досталось
Там счастье. Кто-то спер.
Кому оно тайком досталось,
Домой тогда два счастья пер.

Вот почему чуваш несчастен,
Другим в глаза глядит всегда.
Да будет сто раз чувашин честен,
Не видит счастья никогда.

Лаптей завязывал он шнуры
Уж слишком медленно со сна.
Без счастья всегда он хмурый,
В глазах извечная тоска.

Когда же будет справедливость,
Когда взбодрится он душой,

Когда подаст ему Бог милость,
Когда не будет жить с нуждой?

Радоваться ли Алексею,
С улыбкой или слезы лить?
«Надежда... жить лучше с нею
И бережно ее хранить.

«Выучившись на педагога,
Вернусь в родное я село.
И с помощью Господа Бога
Возьмусь усердно за дела.

Преображу село родное,
Открою школу в радость всем.
Сад заложу, пусть плодоносят,
Пусть радоваться будет чем.

Мечты, мечты... Коротки вожжи,
Как трудно ими управлять.
Один добиться счастье может,
Другие память оставлять.

Но все же, все же у Алеши
Причина радоваться есть.
Хотя и ляжет груз на плечи,
Приятна о приеме весть.

Вот академия! Я знаю,
Что и читатель знает то,
Из чувшей сюда для знания,
Не поступал еще никто.

Ответственность теперь у парня,
Но он народ не посрамит.
Как ни жарка студента варня,
Он выдержит, как бы гранит.

Вот и сентябрь пришел в столицу,
Деревьев праздничен наряд.
Поймал Алеша знаний птицу
И этому всемерно рад.

С ним вместе и другие рады:
Все Писаревы и Ротаст,
Варганова, а также Раубе –
«Учиться силы пусть Бог даст».

Маковский по-отцовски обнял,
Как-будто сына своего.
Давно мечты он парня понял:
«Добьешься, верю, ты всего».

С их помощью нашел квартиру,
Старушка где жила одна.
Но чаще рисовал картины,
Не зная теплого одра.

Маковского же мастерская
Приютом стала для него.
Упущенное наверстая,
Он все переносил легко.

Маковский... Разбудить умел он
Заснувший в человеке ум
И доброе вскрывал умело.
В его картинах много дум.

«Крах банка», «Узник», «Вечеринка»
И «Объяснение» – картины,
Где свежи, жизненны палитры
И точны образы и лики.*

В них человека поведенье
И внутренний порыв его
До массы точно доведены.
Учился Леша у него.

Многообразна жизнь студента,
И это нравится ему.
Он крепкий жизненный фундамент
Заложит тут, учась всему.

Сквозь это бурное горнило
Несметное прошло людей.
Читатель дорогой, тож видно,
Бывал в плену тех милых дней.

Начало есть. Конец, чай, будет.
Тогда надейся на добро.
Лексей мечту свое добудет.
И ты желай ему добра.

* Картины Маковского.

ПИСЬМО АЛЕШИ

*День добрый, как вы там живете,
Отец и мать, еще Иван?
Вестей, наверное, вы ждете,
И вот письмо пишу я вам.*

*Дела идут пока нормально,
Учусь прилежно, хорошо.
Признаюсь честно, денег мало –
Студент живет и на гроши.*

*Друзья посильно помогают,
Раубены и их родня.
С упреком ласково ругают,
Когда не покажусь три дня.*

*Но в основном всегда мы ладим,
Причин на разногласье нет.
Мой быт, благодаря им, ладен,
В моей судьбе они – просвет.*

*Не отстаю от всех в учебе,
Хотя и трудновато мне.
В мечтах уже витаю в небе,
Что и не виделось во сне.*

*По жизнь я русским благодарен,
Что не сторонятся меня
И безвозмездно благо дарят,
Равняя с русскими меня.*

*Чего скрывать? Я беспокоюсь,
Ликуя, что грустит душа.
Я добрым людям удивляюсь,
Близка чужая им нужда.*

*Богатые разнятся тоже,
И каждый по себе живет.
Один всегда в беде поможет,
Другой готов всех «съесть» живьем.*

*Пожалуй хватит. Сообщите,
Как на селе у вас дела?
В моих словах печаль ищите,
По вам тоска меня свела.*

ЯМЦИК

*По дому нашему скучаю,
Все чаще вспоминаю вас.
На этом письмецо кончаю,
Здоровья всем.*

Алеша ваш.

ПИСЬМО ИВАНА

*Твоим вестям мы очень рады,
Спасибо за твое письмо.
Болезней одолев преграды,
Ты, значит, там здоров весьма.*

*И мы здоровы, слава Богу,
И сносно будто мы живем.
Пусть тяжело, крестьяне могут
Дела свои вести во всем.*

*Сумели дом большой поставить,
Теперь светло, просторно в нем.
Нам нелегко с деньгами ладить,
Живем в заботах день за днем.*

*Брат семинарию окончил,
Теперь в селе приход ведет.
По мере сил сумел помочь нам,
В Ново-Буяново живет.*

*Я дал понять ему намеком,
Что ты вдали живешь в нужде,
Не подвергался чтоб упрекам,
В средствах поддержка, мол, нужна.*

*Помочь тебе он согласился,
Родителям он слово дал.
Пожалуйста, не побирайся,
Всегда во всем ты будь удал.*

*Немало на селе событий,
Конечно, все не перечесть.
Перечислять их я не буду,
Но для тебя одно вот есть.*

*В церковном хоре пела Настя,
С кем ты хотел построить счастье,
Теперь вот замужем она,
Такая ей судьба дана.*

*Тут говорят, ее украли.
Ну что ж, обычай наш такой.
Родители, быть может, вдали,
Чтоб от молвы иметь покой.*

*В селе не умолкают споры,
Войну японскую честят.
Какие слышишь разговоры,
Когда окончить-то хотят?*

*Туда из сел забрали многих,
Пустует без мужчин земля.
У стариков уж слабы ноги,
Страдает через дом семья.*

*Ты как-нибудь держись, братишка,
Учебой ум свой развивай.
Не написал ли тут я лишка?
Пищи почаще.*

Брат Иван.

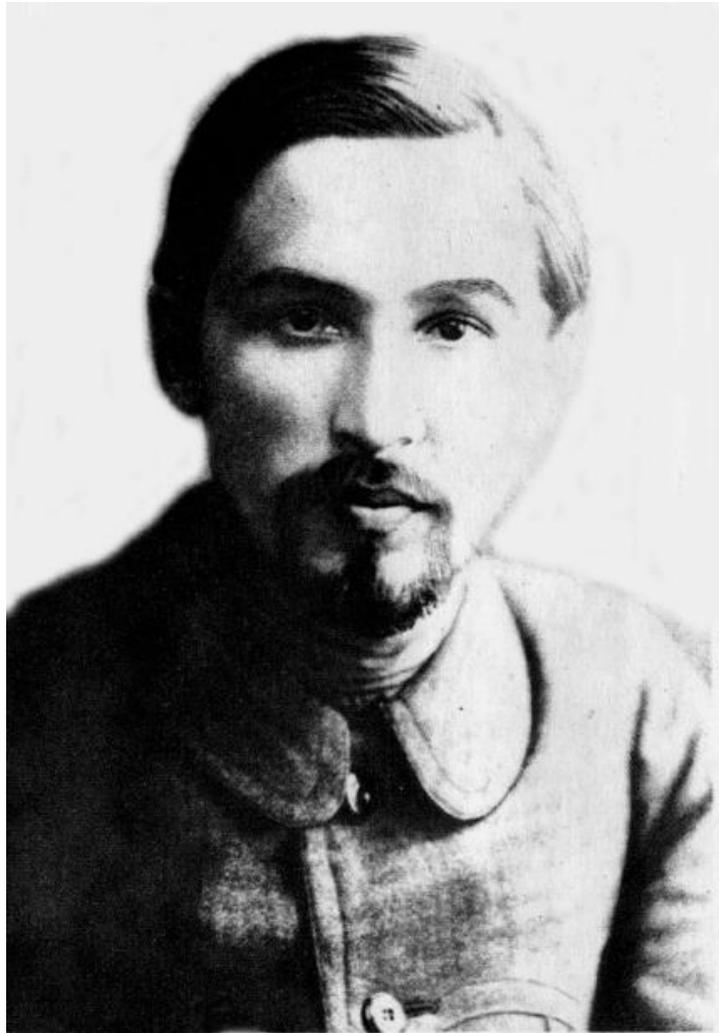
* * *

*«Не по любви, чай, вышла Настя,
Перечить не могла отцу.
Ее судьба в отцовской власти,
И он ее толкнул к венцу.*

*Не зря же беспокойно было
В то время на моей душе,
Тревожно как-то сердце ныло,
Но Настя не моя уже.*

*Тебя любил тогда безмерно,
Во мне пыл этот не угас.
Могла мне быть женою верной,
Не вышло ничего у нас.*

*Не знала ты тогда, конечно,
Что я люблю одну тебя
И жажду тайно страсти вечной,
Не вызывая в ней себя.*

А. А. Кокаев. 1905 г.

Был болен, потому стеснялся
К тебе с признанием прийти.
Теперь уж поздно, хоть и кайся,
Желаю счастье с ним найти».

Алеша, горестно вздыхая,
Пребыл в тех милых сердцу днях.
Причины нет кого-то хаять,
Что с ними уж не быть родней.

1905 ГОД

Бурлит, шумит, кишит столица,
В надежде ли, отброшен страх.
Народ толпой идет молиться,
Услышит, может быть, монарх.

В истории тот день известен:
Пред Богом и монархом честен,
В тот день собрал народ Гапон
Под зимний колокольный звон.

Но царь не удостоил чести
Народу внять – дороже власть.
Послал солдат он в целях мести.
И кровь людская пролилась.

На улицах везде знамена,
Как муравьи, народ кишит
И требует режима смены,
Но царь их слышать не спешит.

Народ прозрел и хочет воли,
Не хочет с голодухи пасть
И требует достойной доли,
Но будто бы оглохла власть.

На улицах идут сраженья,
Слышны пальба и тяжкий стон,
И кто-то падает сраженный,
И это не какой-то сон.

«Кровавое воскресенье» на Дворцовой площади. Эскиз по натурной зарисовке.
1905 г.

Идет борьба за человечность,
За волю и свободный труд.
И хватит быть рабами вечно –
Народ он, разъяренный, крут.

Но силы-то пока не равны,
И потому-то много жертв.
Еще не время драться явно,
Но души нищих гложет червь.

Пред Богом чем же виноваты,
Что вечно нищи, голодны?
За что стреляют в них солдаты,
Что, люди больше не годны?

Нет, не покроет кровью бедность
И не сотрет их нищету,
Но пошатнет монарху верность,
Затем разрубит власть в щепу.

Ходил Алеша к Циммерману*,
Который сходки проводил,

*А. Н. Циммерман – известный ученый-лесовод.

Где бичевал властей обманы,
Сторонников себе плодил.

Вел сходки очень осторожно,
Чтоб ни один не ведал шпик.
А если что чуть не сторожко,
Получат непременно пшик.

Жандарм ли, кучер ли, иль дворник,
Лакей ли, иль швейцарь-позорник
За всеми преданно следят
И с рук господ, как псы, едят.

Алеша изучил программу
Товарищей своих всерьез.
Там правда суцая до грамма.
Ни капли нет умильных грез.

«Мои пути-дороги с ними,
И, значит, цели их – мои.
Дальнейший путь решится ими,
И за удачу я молю.

Зиварт*, Матэ**, отважный Репин
На душу искры сыплют мне.
Как все они, я стану крепким
И не останусь в стороне».

Так страстно думая, он Маркса
Офортom вмиг изобразил.
За сей портрет земного Марса,
Известно вам, острог грозил.

Солдаты и казаки – гады –
В тот день стреляли в мирный люд.
Алеша строил баррикады,
Убийцам преграждая путь.

*** Э. Ф. Зиварт – заведующий офортной мастерской
печатных дел Петербурга.**

**** В. В. Матэ – профессор Художественной академии
Петербурга.**

Затем решил быть санитаром,
Чтоб раненых друзей спасать.
Принялся за работу жаром:
В задворки раненых таскать.

Он не заметил, как тут плетка
Прошлась со свистом по спине.
На теле Леши та заметка
Осталось на всю жизнь синеть.

На миг мелькнул перед глазами
Свирепый облик казака.
И ноги понеслись тут сами
Прочь от повторного мазка.

А тех кровавых дней детали
Затем легли на полотно.
Известными картины стали,
Стал сам известным заодно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Привет! Привет! Село родное,
Околицей дождись меня.
При том скажу тебе одно я:
Ты только не встречай вина.

Село мое, семь лет тут не был,
Но часто вспоминал тебя.
С былым моим смешая небыль,
Во снах я видел тут себя.

Прямые улицы зелены,
Под ивами село само.
В округе этом редки клены
Им где-то зеленеть дано.

Рожденный здесь тут оседает,
Родной ему дорожке край.
Меня по далям грусть снедает,
Ищу взамен себе я рай.

Знакомый каждый вопрошает:
– Да ты ли это, Алексей?
– Надолго, иль малость дней?
– Пожить чуток не помешает.

Картуз свой скидывает встречный,
Земной изобразит поклон.
Чужим покорность их извечный,
Немой поклон их испокон.

«Меня за барина считают,–
Подумал горестно Лексей,–
Они не ведают, не знают,
Что с ними я душою всей.

Женский портрет. 1916 г.

Пока народ наш жалок, кроток.
А если спросишь, почему,
Ответ, конечно, будет краток:
Богатых гнет вина всему.

Бесправный люд страдал веками
Под гнусным гнетом, в нищете.
Батый, затем татары с Камы
Трясли, как семя в решете.

Да и сегодня нам не сладко,
По-прежнему крестьян уклад.
О жизни бедной думать гадко,
Когда ж придет к народу лад?

Один лишь путь: народы если
Насильно в руки власть возьмут,
Придут достаток, мир на веси
И станет в лета время смут».

Пока шагал он полон дум,
Пред ним предстал Ивана дом,
Письмо его ему напомнил,
Сейчас о нем Алеша вспомнил.

Стоит и старый, где он вырос,
От тесноты стояла сырость.
Там баня. Летний там очаг.
Да и сейчас он дорог как!

Пусть ветхий он и почерневший,
Под лоно хочется его.
Пусть неказист теперь он внешне,
Его жизнь началась с него.

Смолою пахнет новый дом,
Теперь изба светла, просторна.
Поставлена в углу одном
Им сотворенная икона.

Бесспорно, дом на загляденье,
Красив – снаружи, чист – внутри.
Иван старался, ночь ли, день ли,
Без отдыха недели три.

С женой со дня судьбы совместной
О доме думали таком,

В мечтах определили место,
Где будет красоваться дом.

И вот мечта осуществилась,
И, наконец-то, с плеч гора.
Теперь нужна нам Божья милость
Детей им здесь растить пора.

У чувашей такой обычай:
Под вечер всей семьей обычно
Лишь соберутся за столом,
Как моментально тихнет дом.

Все слушать новости готовы
И держат уши насторо.
Рассказчик интересен новый,
К нему внимание остро.

Алешу слушали тревожно,
Им, видно, нелегко понять,
Как в подданных России можно
Вот так безжалостно стрелять?

– О Боже правый, царь неужто
Сам приказал в народ стрелять?
– Что рассказал, пожалуй, чушь то,
– Зачем же зря людей терять?

– Не верите? Ну погодите. –
Рубашку спешно Леша снял.
– Теперь вот сами поглядите.–
Рубец там на спине сиял.

– Не врешь ты, брат, тебе мы верим,
Но как же дальше бедным жить?
Мож, смутами не портить нервы,
Царю же подчиняться, ить?

Алеша долго просвещал их
И прокламации читал.
Ему родные не мешали,
И каждый, как он прав, считал.

НОВАЯ ФАМИЛИЯ

Уж на востоке солнце всходит,
День наступает для селян.
Шум-гам со всех сторон доходит,
Спешат крестьяне по делам.

Запрячь успел вон кто-то лошадь,
Прохладной ранью в лес спешит.
Пуста еще у церкви площадь:
С утра всем некогда грешить.

По улицам проходит стадо,
Пыль тучей стелется вослед,
Пока хвоста сего «парада»
Там за селом не канет след.

День летний. Все его моменты
Красою привлекают нас.
И в каждом верные приметы
Находит наш народ подчас.

По ним определяют погоду,
По ним выходят на поля,
По ним беду предвидеть могут,
Живут, Всевышнего молят.

Хлопочут, глядя на соседей,
Бояться, как бы не отстать.
На жатву кто-то первым едет,
Так, значит, – и другим подстать.

Зима обычно ненасытна,
Порой съедает весь запас.
В селе до масленицы сыты,
А после – вынужденный пост.

Хозяйства каждого нужда:
Еды бы вдоволь ежедневно.
«Вам вера для того нужна, –
Поет с амвона поп степенно. –

Сердти Всевышнего нельзя/
Не то вы бед не оберетесь.

Без милости Его неся
Свой крест, вы скоро надорветесь».

* * *

– Кого я вижу! Ты ли, Леша?
Ну, будь как дома, проходи.
Не беспричинная, чай, ноша
Прийти заставила, поди?

Раубе рад его приезду,
В глуши не частый гость такой.
– Ты, значит, твердую породу,
Слыхал, грызешь. Орел какой!

– Да, я студент. Заслуга Ваша.
Но если б Вы не помогли,
Судьбы куда б склонилась чаша,
Куда б пути вести могли?

Давно уже я не был дома.
С картинами сельчан своих
Знакомить появилась дума,
Которые творил для них.

– Спасибо, что не забываешь,
За что тебя благодарю.
Ты не без пользы пребываешь
В селе, без лести говорю.

Приду на выставку, конечно,
Друзей-знакомых приведу.
А может, выступлю и речью,
С людьми полезными сведу.

Кого на улице ни встретит,
Спешит на выставку позвать.
Приезд свой хочется отметить
И мнение сельчан узнать.

– Лексей, какой ты молодчина,
Есть, несомненно, божий дар.
Высокого добьешься чина
Без шумных и ненужных свар.

Его рисунки все хвалили,
Удачи прочили одни.

В конце вопросом завалили:
– **А. Кокель** что за псевдоним?

Алеша отвечал с усмешкой:
– Дразнили нас вы сами так.
Немчиной отдает немножко,
Зато, друзья, звучит-то как!

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР

Талант он отчего зависит,
Его удачи в чем секрет?
Когда над ним тот дар зависнет,
Ответ на это есть, иль нет?

Бывает в жизни и такое,
Что встанешь ты на ложный путь
И пребываешь во покое,
Не находя подолгу суть.

Лягушка соловьем не станет,
А змею не дано летать.
У лебеда особый танец,
Своя у каждой твари стать.

Чуваши говорят обычно:
Из чашки общей вместе есть,
Не каждым разом, как привычно,
Ловить галушку будет честь.

Но я, читатель мой, заметил
То, что в моем родном краю
Любая пташечка приветней,
И сам я будто бы в раю.

По городу идешь столичной,
Как принц английский разодет,
Но чувствуешь себя ты лично:
Пришел на посторонний свет.

Приедешь ты сюда на время,
Чтоб скоренько домой отбыть,
Но невероятное бремя
Тебя заставит тут побыть.

Ты рад бы вырваться оттуда
И это чувствуешь душой.

Но вырваться тебе отсюда
Вопрос дурачески большой.

Но на селе другое дело,
Там на глазах сюжет, этюд.
Коль примешься за дело смело,
Твоя картина тут как тут.

Но в чем, вы спросите, причина?
Ответ, как истина, простой:
Земля своя родного сына
Не принимала на постой.

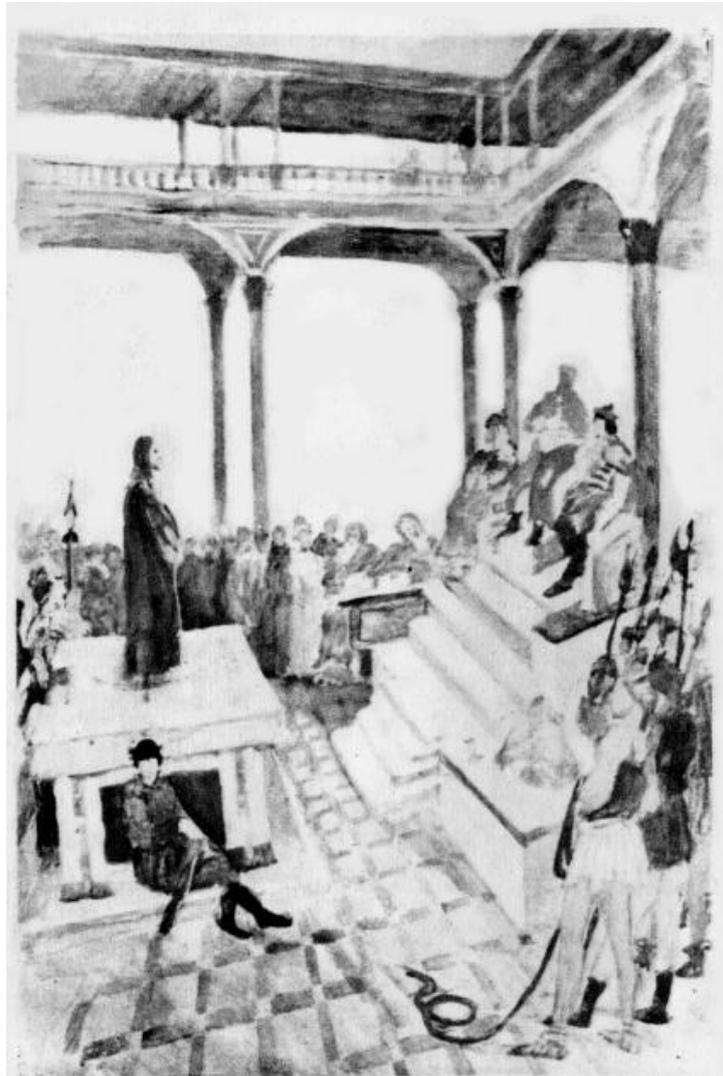
Как никогда Алеша счастлив,
Размеренно идут дела.
«Сюжет чувашский» им отчасти
Взят из родного же села.

Там девушка одна – красotka –
Собою затмевает свет.
Она своей похожа статью
На молодых березу лет.

Она для земляков не чужда,
Они в ней Настю узнают.
И в ней, без слов признаться нужно,
Русалку люди признают.

«Чувашскую мадонну» парень
С особой страстью рисовал.
В ней нации своей он корень
Как бы повторно основал.

Работает без лени Кокель,
Плоды приносит труд его.
Волшебный дар не гогель-могель,
Добиться можно с ним всего.

Христос перед Пилатом. Эскиз академической композиции. 1905 г.

У ОЗЕРА

Безоблачную ночью дева,
Что с коромыслом все стоит,
Глядит на землю как на диво,
Готовая всех напоить.

Кто на луну ее забросил?
Пожалуй, скучно там одной.
У озера Алеша бродит,
Стоит прохлада над водой.

«Придет ли, не придет ли Настя?»
Всю ночь готов ее он ждать.
«Побыть минуту с нею счастье,
Навстречу, может, ей бежать?»

Со стороны села явилась
Вся в белом, чуть ли не бегом.
А сердце учащенно билось,
Застрял нежданно в горле ком.

– Настасья, ты ли?
– Я Алеша.
– Тут постоим, пойдем куда?
– Сквозь землю провалиться проще,
Чем ночью выбраться сюда.

«ЧУВАШСКАЯ ЖЕНЩИНА»
(Портрет Пелагеи Кокель, младшей сестры
Алексея и Германа Кокель)

Тебя я одного любила,
Но, видно, такова судьба.
Мужская одолела сила,
Поверь мне, Верхний Бог судья.

Меня насильственно украли
И заперли постыдно в клеть.
Согласия с меня не брали,
Вины моей ничуть в том нет.

Как в юности-то я мечтала
Всегда быть рядом лишь с тобой.
А с горя-то я как металась,
Любимый и сейчас ты мной.

– Ах, Настя, Настя дорогая,
Я до сих пор люблю тебя.
Возможно ли представить, как я
За все, за все корю себя.

А завтра мне пора уехать,
Согласна ли сбежать со мной?
– Нет! Нет! Не оберешься греху,
Что скажут люди, милый мой?

Хотя и не люблю я мужа,
Но вместе шли мы под венец.
Подальше от греха, о ужас!
Узнает муж, и мне конец.

Удачи я тебя желаю,
Прости, коль можешь, и прощай.
Жить не легко нам будет, знаю,
Но ты по мне там не скучай.

Лексей один стоять остался
У блеклой под луной воды.
С ней с сожалением расстался.
Но может ей попасть, поди.

Песня. Из «Чужбинной сонеты». 1920 г.

У РЕПИНА

Для каждого, кто тут бывал,
Гостеприимен угол этот.
Гостям всегда приют давал:
Зимой ли, осенью, иль летом.

Шагая по прямой аллее,
Приятно слушать шум берез.
На сердце станет веселее,
Душе привольно тут без грез.

Свернешь чуточек ты с дороги,
На берег озера придешь.
А там уж вскоре до порога
Большого дома ты дойдешь.

А в слезно чистом водоеме
Все отражение его.
Растут тут сосны рядом с домом
С десяток, может быть, всего.

«Пенатами» сей дом зовется
Передовыми тут людьми.

По пятницам там речи льются,
Дни эти в радость для семьи.

Хозяин, знаменитый Репин,
Приветливо встречает всех.
Пришли Маковский и Шаляпин,
У Куприна приятный смех.

Сидят вон Бехтерев и Павлов
За круглым радостным столом.
За шуткой весело им, право,
Про Русь их речь пошла потом.

Их будущность страны волнует,
Страдания ее сердят,
Русь любят с трепетным волнением,
От гнета избавлять хотят.

С гостиной рядом в доме этом
Есть помещенье для гостей.
Звон гонга там звучит приветно:
Не отставай, мол, ты от всех.

Но если как-то провинился,
При всех обязан извиниться,
Сказать при том «штрафную речь»,
В сторонке оставляя спесь.

Еще в том доме есть обычай
Лакеев вовсе не держать.
Все сами делают обычно,
Им непривычно лень рожать.

Не ведая чужого пота,
С открытою душой живут.
Их уважают потому-то,
Что бескорыстными слывут.

Но следует предупредить:
Душа коли пуста, дырява,
К ним лучше уж не приходить,
Заметят то с порога прямо.

Разборчив очень Репин в людях,
Он может говорить в глаза.
Уж если кто-то очень нуден,
То на лице его гроза.

– Друзья, хочу вас познакомить
Сейчас я с юношей одним.
Чуваш он. Кто-то может вспомнит,
Как познакомились мы с ним.

Меня сегодня удивил он
Картиной новою своей.
«Чувашская мадонна» дивна,
Глубокая задумка в ней.

День нынешний изображает,
Палитру может выбирать.
Дух нации в ней выражает,
Умея краски подбирать.

– В честь юноши, мои друзья,
Хочу вам новую спеть песню,–
Шаляпин добрый как нельзя,
«Эй, ухнем!» исполняет с честью.

Алеша удивлен: ведь вправду
Не только русскому народу
Известные вон дружат с ним,
Всем сердцем благодарен им.

И верно говорят: в ком разум
Рекою полноводной бьет,
Талантов привечают сразу,
В трудах находят сами свет.

С тобою делятся охотно
Бедою – горем и добром.
Беспечно мимо не проходят,
Всегда приветливы, добры.

– Друзья, со мною, чай, согласны:
Пусть тут рисует Алексей.
Конечно, над собой он властен,
Тут лучше, в мастерской моей.

Он, вижу, хвастаться не любит,
В нем есть и искра, и порыв.
Пусть мастерство свое углубит,
Пусть делает в судьбе прорыв.

Сам Репин с добродушным взглядом
С улыбкой на него глядит.
Известные с ним люди рядом
Тут одобрительно галдят.

Алеша счастлив непомерно
В компании сей непростой.
Трудиться будет он примерно,
Раз приняли тут на постой.

«ТЫ ЯЗВИШЬ КАК ГОГОЛЬ...»

– Вы знаете, дружище Кокель,
На чей похож ваш острый нос?
– Откуда знать?
– Писатель Гоголь
Имел такой, дружище. Да-с, –

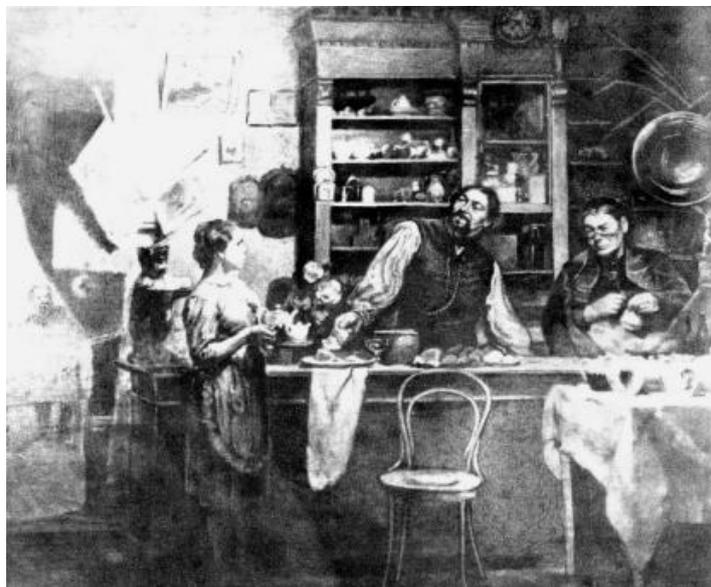
Всерьез ли, или, может, в шутку
Кардовский разговор завел.
Старался Алексей быть чутким:
«К моим эскизам ли речь свел?»

Вон на одном мы с другом в детстве
Пошли на зеркало глядеть.
Крестьяне есть в картинном детстве,
Урядник есть – не смей задеть.

Кардовский не заставил ждать:
– Тебе бы обличать как Гоголь,
Картины смелые рождать.
Эскиз-то твой хорош, но только...

Не обижайся за сравненье,
Крутое нынче наше время.
Хочу, чтоб твой дипломный труд
Был не без пользы, юный друг.

А нос твой, – сам смеется лихо,–
Ну чисто гоголевский, верь.
Кардовского тут понял Леха,
Ему с ним весело теперь.

«В чайной. 1912 г.

Да, старший добрыми словами
Младого душу окрылит,
Намеком старый говорит,
Но будет понято то нами.

Задумку года три имея,
Писал картину Алексей.
Себе покой давать не смея,
Корпел он над работой сей.

– Слежу я за твоей работой,
Успеешь ли? Вот что заботит.
А у него внутри горит,
И вот что Репин говорит:

Мне нравится. И я надеюсь,
Что зрители тебя поймут.
– От похвалы такой я рдею,
Мне этих не забыть минут.

И он, всю душу отдавая,
Писал, не покладая рук.
Его сомнения сдувая,
Кардовский тоже хвалит труд:

– Я верю, победит рисунок,
Хотя на первый взгляд простой.
«Суд» конкурсный глубок и тонок,
Заметит труд дипломный твой.

Вот «В чайной» наконец готова
И ждет критического слова.
И, оценив студента труд,
Признал картину лучшим «суд».

Дипломник стал лауреатом.
Газеты тут наперебой
Печатали статьи об этом.
Он предпочтенье дал одной.*

Январские морозы-стужи
Ему как-будто нипочем.
Теперь, как прежде, он не тужит,
Не хуже он других ни в чем.

Сказать честней, наоборот,
Есть у Алеши чем гордиться.
Заткнет любому тут же рот,
Насмешкою заставь лишь злиться.

Отныне победитель он,
Не зря же пролито столь пота.
Пусть в хате нищей он рожден,
Теперь не беден ни на йоту.

Сын Афанасьев из Тархана
В художестве добьется сана.
Теперь сомнений в этом нет,
О нем узнает скоро свет.

Удачно завершив учебу,
С Зенковым** удостоен был
Впервые посетить Европу,
В Италии вдвоем побыть.

*Здесь речь идет о статье в газете «Правда» (1913 г., 5 января 1913 г.), посвященный творчеству А. А. Кокель.

**Зенков С. Н. — художник.

В ЕВРОПЕ

Героя отправляя в путь,
Уверен, дорогой читатель,
И ты с ним вместе быть мечтатель,
Не сомневаюсь в том ничуть.

По миру ходит поговорка,
Что все дороги в Рим ведут.
Два года парень без мороки
В Европе пожил – там и тут.

В Берлине, Дрездене, конечно,
Он по музеям походил.
По Вене не ходил беспечно,
В Париже Леша в Лувр сходил.

Затем Италия предстала,
Любимый всеми град Милан.
Слух о Флоренции: О,Велла!*
Туда дорога всех вела.

Зенков – друг славный и попутчик.
Сказал Алешке: «Скоро Рим.
Уж там мы рукава засучим
И что-нибудь-то сотворим.

Читатель должен знать и это:
В Париже будучи, ребята
И к Луначарскому зашли,
А адрес по письму нашли.

Лесничий Циммерман просил их
Вручить ему свое письмо.
Хозяин принял их как милых,
Доволен ими был весьма.

Работы новые увидев,
По-детски возбудился он.
Талант большой в них явно виден, –
А в голосе довольный тон.–

*Велла – очень красивый, прекрасный.

Да, академия родная
Талантам открывает путь.
Европу ими удивляя,
Свою показывает суть.

В Италии, друзья мои,
Золотарева* посетите.
На Капри дом его стоит,
Письмо мое, вот, занесите.

На Капри же вы познакомьтесь
Со знаменитостью, не бойтесь,
Его найдете без труда.
– А это Горький, да?
– Да, да...

Охотно это вспоминая,
Друзья до Рима добрались.
Они там, устали не зная,
За труд художника взялись.

Не только дни, но и минуты
Они там не теряли зря.
Не в тягость вдохновенья пути,
Открылась новая заря!

Неаполь славный, Геркуланум,
Сорренто и Помпеи, Пестум*
Вошли в них до мельчайших пор,
И их с «Джокондой» разговор.

Боргезу*** в Риме берегут,
Божественную прелесть эту.
Полюбоваться им идут
Туристы со всего, чай, свету.

Рисуя тут «Джоконду» в раже,
Алеша вспомнил Петербург.
Ее впервые в Эрмитаже
Увидел он, придя в восторг.

****Алексей Александрович Золотарев – писатель. В то же время он на Капри руководил колонией русских поселенцев.
Города Италии. ***Боргезе – знаменитый дворец в Риме.*

Тринадцать лет...
И может быть,
Ему Джоконда помогала?
«Талантливым, запомни, слыть, –
С картины говорит, – не мало».

СОВЕТ ГОРЬКОГО

Италия! Красот страна.
История ее богата.
Античность на века дана,
Всегда хранимая богами.

Равенна сказочной была,
Когда господствовало рабство.
Все в песнях, праздниках жила.
Веселье, шум теперь не часты.

А церкви тут как величвы,
Мозаика их красит так.
Труд он велик, вы в этом правы,
Находит счастье в нем мастак.

Италия! Уют соборов
Немало мастеров рождал.
Святым Беато* был недаром,
Таким он за картины стал.

И вправду творчество волшебно.
Искусству лишь благодаря
Веками боги живы. Небо
Не сможет столько нам дарить.

Куда не добирался Кокель,
С собой этюдник прихватив.
Нарисовал с азартом сколько?
Везувия! Он так красив!

Два раза с Горьким повстречался
Он обходителен с людьми.
Совет его в душе остался:
«Трудягу мы должны любить».

*** Беато-фра Джованни да Фьезоле (1387-1453)
художник Италии. В эпоху Возрождения церковь
признала его святым.**

В искусстве новое течение,
А кто сегодня зубоскал,
Со временем изменит мнение,
Крепчает днями наш закал»

– Откуда ты? – спросил.
– Чуваш я.
– Да, знаю, трудовой народ.
Скромны и терпеливы ваши,
Я слышал, вы – Улыпа род...

Глубокий Горького совет
Взял Кокель в жизни за основу.
Для наблюдений он – как свет,
Он видел все теперь по-нову.

Так, по картине «Итальянцы»
Набросков у него полно.
В ней жизнь показана не в глянце,
Ей душу отдано сполна.

Народ трудолюбив и весел,
А песен, сказов и не счесть.
Тысячелетия те песни
Италии приносят честь.

Язык ли в этом помогает,
Как мелодично он звучит!
Лучи как-будто рассыпает
С намеком: «С Римом не шути!»

Пусть тут они как в сказке жили,
Душа давно уж рвется в Русь.
В тоске сердечко тянет жилы,
Ну а глаза туманит грусть.

Прошли два года не впустую,
Есть зрителям что показать.
Стучат сердца не вхолостую,
Им есть друзьям что рассказать.

«Прощай, Италия – свет мира,
Тебя вовеки не забыть!
Ты стала вдохновенья лирой
Для чуваша. Пора нам плыть».

Итальянка. Эюид к картине «Итальянцы», 1913 г.

Так думал возмужалый Кокель,
В порту на пароход садясь.
Он явно слышал сердца стуки,
Души часть оставляя здесь.

А волны моря гладь взрыхляют
И бьют в крутые берега.
А горы мрачные вздыхают:
«Не покидайте навсегда».

В ПЕТЕРБУРГЕ

Как после долгого пути
Приятен воздух Петербурга.
Свободно можно тут шутить
В объятьях дружеского круга.

Уж в академии шум-гам:
Там нынче выставка открыта.
Толпятся группы тут и там,
Суждения прямы, открыты.

«Экзотика как хороша...»
«Во всем тадантливы картины...»
«Видна художника душа...»
«Из жизни взяты...»
«И правдивы...»

Картина «Итальянцы» многих
В том месте в группу собрала.
Налюбоваться все не могут.
Она в плен души забрала.

С особым судят интересом,
В них слышно больше похвалы.
Кому же суд такой не лестен?
Таланту мастера хвала!

Чуть поодаль Сверчков* и Котов,
И Котов другу говорит:
«Пролить придется много пота,
Чтоб как земляк тебе творить».

* Н. К. Сверчков – чувашский художник. В академии он учился вместе с художником П. И. Котовым.

Друзья пока еще студенты,
Для них же Кокель – идеал,
А для Сверчкова – ”хамырьял”,
Полезны им его советы.

Он посоветовал им школы
Кардовского и Чистякова:
«Добьетесь многого у них,
Не забывайте слов моих».

С ним познакомился Сверчков
На дне поминок по Серову.
Еще увидел он без снов
В тот день Шалапина живого.

Сначала тот скорбя по другу,
В приходской ближней церкви пел.
Затем студенческому кругу
Задорным басом песни спел.

– Алеша, ухнем, – он предложил,
Сердечно Кокеля обняв.–
На путь не встанешь, верю, ложный,
Цель твердую свою поняв.

Затем профессора, студенты
Совместно пели допоздна.
Шалапин был для них презентом,
Сошла к ним будто бы звезда.

С тех пор два года пролетело,
Провел их Кокель вдалеке.
Теперь Сверчков, вон, то и дело
Свой держит взгляд на земляке:

«Каким стал умным, гордым, смелым,
И старшим говорит в глаза.
Теперь он уважаем всеми,
И в свет проложена бразда».

– Эй, хамырьял! – к нему подходит,–
Здоров ли, как идут дела?
Вновь чувшей свела судьба,
И здесь беседа их проходит...

* Хамырьял – земляк.

Студент глазасть, ревнив повсюду,
Уже все шепчут по углам:
– Ай, со сверчком ведет беседу
Сей выставки, вон, автор сам.

Собрашийся в фойе народ
На многое ответов просит.
Художник выступил вперед,
Ответил живо на вопросы.

Из чувашей* теперь их трое
В сей академии художеств.
Нет, не бесплоден мир наш вроде,
Родится не один художник.

В МОСКВЕ

Смекнул ты, мой читатель, может,
Порой болеет наш герой.
Тогда печаль меня тревожит,
И сна лишает мыслей рой.

Недуг его я поделил бы
И взял частицу на себя.
Слов лишних в строки я не лил бы,
Героя своего любя.

Но так судьба распорядилось,
Ее не в силах изменить.
А сколько жизни сократились,
Когда б талантам жить да жить.

Такой исход предупреждая,
Уехать подали совет:
– Обостренья не ожидая,
Езжай. Широк наш белый свет.

А время слишком беспокойно,
Бунты, и голод, и война.
Народ лишается покоя.
И бедствует сама страна.

*После А. А. Кокеля в академии Петербурга учился и Александр Александров. Он родился в городе Цивильске в 1884 году.

В такое время покидая
Столицу, прибыл он в Москву.
Надежд больших не ожидая,
Снял угол у реки Москвы.

А жить-то надо, где бы ни был,
Ждать помощи не от кого.
И приняли не так уж любо,
Пойми, мол, сами не того.

А «Общество передвижное»
Подспорьем малым в жизни стал.
Пусть худо-бедно, жить-то можно,
Туда картины он отдал.

«На кухне» и «Портрет семейный»,
А также и «Волжский обрыв»
Печатает журнал известный,
Был Кокель рад, его открыв.

Но на душе покоя нету,
Не для того же пот он лил.
К большому двигался просвету,
Ему теперь вот свет не мил.

«Но за судьбу бороться надо,
Ее мне нужно изменить...»
Последней вести сердце радо:
Надежды протянулась нить.

Ему учитель Репин пишет:
«Готовься Кокель в дальний путь.
В Москве достаточно быть нищим,
Нашли работу, вот в чем суть.

Быстрее в Харьков собирайся,
Училище художеств ждет,
И за работу принимайся,
И добрых, дорогой, надежд».

Рад вести Кокель как младенец:
Надежная работа есть!
Выпрашивать не надо денег,
Ему оказана вон честь.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ

Тиха, прекрасна Украина,
Стремился я сюда давно.
Ты перестала быть окраиной,
И вот пожить мне тут дано.

А как же Левченко забыть мне?
Поденно помогал в быту.
Решал, судьбине быть – не быть ли,
В учебе открывал пути.

И если б он руки не подал,
Какая бы сложилась жизнь?
Вполне возможно: в пропасть падал,
Туда толкала, чай, болезнь.

А от судьбы куда же деться?
Но все ж считаю: счастлив я.
Путей-дорог не счесть на свете,
Нашелся путь и для меня.

Привет, Украина, привет.
Тут обрету ли я пенаты?
Причин хандрить мне больше нет,
Я твой весь, Харьков, с этой даты.

Ты светлые мечты рождаешь,
Смягчаешь черствый мой настрой,
Чуть не с объятьем ожидаешь,
И мыслей радужных уж рой.

Заметил в школе Кокель сразу,
Что в классах многогранен труд,
Что можно поместить во фразу:
«И жнец, и швец, учитель тут».

Да, академии уроки
Для них лишь даром не прошли,
И впитанные ими соки
Тут в пользу школьникам пошли.

Кардовский, Репин их не зря же
Учили методам своим.

А. А. Кокель (стоит слева) среди харьковских художников-преподавателей, 20-е годы

Класс каждый ими будь заряжен,
Пойдут уроки в пользу им.

Он к Воробьеву, Прохорову,
Да к Гредескулу, Любимову*
Симпатию свою имел,
Беседы часто с ними вел.

На Западе война гремела,
Из-за чего нехватка средств.
В галоши школа чтоб не села,
Концы концами нужно свести.

Раевских** сцене слава богу,
Что школе их театр помог.

*Воробьев В. П. – профессор анатомии, Прохоров С. М. преподаватель, художник, Гредескул А. А. – заведующий библиотекой, Любимов А. М. – директор Харьковской художественной школы. Они все в то время работали вместе с А. А. Кокелем.

**Иванова (Раевская) М. Д. – художница, Раевский С. А. – муж Раевской. Они в Харькове своими средствами содержали театр.

И школа чувствует подмогу,
Святую из святых подмог.

Любимов женится. И не в чем
На свадьбу Кокелю идти.
Раевским и он был замечен,
Смогли те с помощью придти.

Предложили костюм приличный,
Пришелся в меру тот ему.
Понравился ему он лично,
Но и краснел он по сему.

В работе был он аккуратным,
Талантом был не обделен.
А Русь завязла в деле ратном,
И с каждым днем плохи дела.

ПЕРВЫЙ РЕКТОР

Прошла волна по всей России,
Народы ждали то давно.
Большевиков власть взяли силы,
И бедным воля всем дана.

«Товарищ» слово всюду слышно,
Оно как-будто говорит:
«Для нас вконец-то солнце вышло,
Для нас оно светло горит.

Вставай тогда для новой жизни,
Назад нет старому пути!
Чтоб больше нищими не жили,
Смелее власти руль крути!»

Но слишком враг еще коварен,
По сути он – хамелеон.
Тишком готовится ко сваре,
Живя в народе квёло он.

Вчера кого он ненавидел,
Притворно нынче сладко льстит.
Ведет учет, его обидел
Сегодня кто, готовясь мстить.

А власть провозглашает громко:
«Земля – крестьянам!» «Людям – мир!»

Чай. 1919 г.

Ведь для того сметен царь с трона,
Теперь беднейший люд не сир.

У Кокеля работы много –
Крутись как белка в колесе.
Но выполняет он их строго,
Идут они исправно все.

Теперь он в техникуме учит,
В вечерней школе, институте.
И нужно успевать везде –
Ответственность и там, и здесь.

Работы эти-то – не малость,
Еще он ходит В Комитет.*
Чужда его натуре вялость,
И «Не могу» в помине нет.

На удивление студентов,
Он ни одну не запустил.

*После революции А. А. Кокель, кроме основной работы, преподавал в вечернем техникуме, профессиональной школе, коммунальном и строительном институте, трудился в Комитете по новой организации знаний художников Украины.

И слышит множество приветов,
Во всех коллегиях он мил.

А Наркомпрос когда предложил
Им ректора себе избрать,
Не стали в тайное играть
«Лишь Кокель ректором быть должен.

Он душу отдает работе
И трудится и день, и ночь.
И сутками о нас в заботе,
И выбрать мы его не прочь».

Сначала Кокель растерялся:
Так неужели ректор он?
Но не привык совсем теряться
Да жмут дела со всех сторон.

Художественная их школа
Теперь солидный институт.
Но времени крутая воля,
Кто мало вырвется из пут.

В ТАРХАНАХ

Пора суровая, лихая
В село родное привела.
Грешно, конечно, пору хаять,
С родными коль опять свела.

Прими, прими, село, ты сына,
Прими в объятия свои!
Родное все в тебя, до тына,
Что бережет поля твои.

Вот ко околичному тыну
С волненьем подошел Лексей.
Платочек из кармана вынул
И отдышаться тут присел.

Кругом хозяйничает осень
Во многоцветии листвы.
Видна сквозь листья неба просинь,
Калины красочны кусты.

Стоит в округе тишь какая,
Душе какая благодать!

Косарь. 1920-е годы

Нет в городе такого рая,
Там ввек такого не видать.

Да, после шума городского
Блаженный неги тело ждет.
В родных пенатах надо ль много,
Ты рад и кваканью к дождю.

С тобой здороваются чинно,
Знать, помнят, с уваженьем чтут.
Для беспокойства нет причины,
Для них доселе свой он тут.

Поговорить желает каждый,
К делам Российским интерес.
Для них вопрос сегодня важный:
«Когда ко благу перевес?»

– А вправду из Симбирска Ленин?
Знавали мы отца тогда.
Был в школе нашей днем осенним,
Но это было, ой, когда.

Мечту о жизни новой, мирной
Крестьяне внутренне хранят.
Войну своих считают верной,
Фронт белых, верят, будет смят.

И Ленин тоже в это верит,
В доверии он потому.
Откроют вместе счастья двери
В борьбе жестокой. Быть тому.

На беляков карикатуру*
Зло Кокель было рисовал.
Деникина он там натуру
Красногвардейцам открывал.

За что пришлось ему расстаться
С любимым Харьковом скорей.
Никак не мог он там остаться –
Погиб бы от руки зверей.

Себя он верой твердой тешил,
Что красные все ж победят.
С той верой головы не вешал,
Тревожные те дни ведя.

А после Брянского-то фронта
Вновь очутился он в Москве.
Опять нуждался он в «ремонте»,
Опять с врачами случай свел.

Он благодарен им сердечно,
Что вылечили вновь его.

* Речь идет о картине «Как деникинцы справляют свою временную победу». Она была растражирована, распространена на фронтах.

В Москве прошли дни быстротечно,
Он гость тут навсегда-всего.

Читатель знает, он в Тарханах,
Но изнывает там без дел.
У брата гость он не незванный,
Но, кажется, в глуши засел?

Как в Наркомпросе предлагали.
Ему в Симбирск бы заглянуть,
Но в городе людей тиф валит,
Туда закрыт сторонним путь.

Но Кокель не привык впустую
По-барски праздненья терять.
Его палитра не пустует,
Картин рисует Кокель ряд.

Нарисовать он мог бы больше,
Но тут случилось чехарда.
Не ведал случая он горше,
К нему нагрянула беда.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

В деревне бунт. Стучат к Ивану:
– Агент московский, выходи!
– Дом спалят. Ждать того не стану,
Лексей, задами уходи!

Куда там – Кокеля поймали,
Бока как следует намяли,
Затем закрыли на замок,
Чтоб до утра сбежать не мог.

Страж революции. 1927 г.

Старый рабочий. 1927 г.

А баня-то – изба родная,
Где Алексей родился, рос.
«Вот и лежу теперь один я,
Ого, как окровавлен нос!

Но неужели смерть тут встречу,
Как до утра мне боль терпеть?
И почему же я не кричу,
Чтоб в небо тотчас же взлететь?»

А в голове одни вопросы:
«Как вырваться, как убежать?
Не умереть же мне так просто.
И рано мне в земле лежать.

Все тело в ссадинах и ноет
И шевельнуться нету сил.
И если не бежать, то может
Кулачество с земли сносить.

Жить хочется. А что я сделал,
Иль мог бы сделать для людей?
Ребенка даже не лелеял,
Не щупал девичих грудей».

Вот кто-то щелкнул тут замочком,
Знакомый слышит голос он.
«Так это ж Настя! Настя! Точно!
А это явь ли, или сон?»

И вышли слезы тут невольно,
И вырвался невольно стон.
– Мой милый, кончилась неволя,
Беги скорей отсюда вон.

Охранник самогонку глушит,
Ему сейчас не до тебя.
Меня на них обида душит,
Винить готова я себя.

Благодарить Ивана надо
За ключ, который мне он дал.
Получится у нас все ладно,
Охранник лишь бы не узнал.

Пока ты выйдешь на задворки,
Я быстро лошадь запрягу.

Нет, нет, иди быстрее за горку,
Крепись и силы напряги.

Лексей дождался за деревней,
Направили в Алатырь путь.
Несется лошадь споро, ровно,
И даже ей не нужен кнут.

– За нами лишь бы не погнались,
В Алатырь вскоре довезу.
Прощально вслед деревья гнулись,
Алеша не сдержал слезу.

Природа ото сна проснулась,
Окрасился багрянцем лес.
Ночь страшная, нет, не приснилась?
Зачем людей попутал бес?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В НАПРЯЖЕННОЙ БОРЬБЕ

Теченья новые в искусстве:
«Новаторы» да «Футуристы» –
Смотрящие со стороны
Слепые, может быть, умны?

Дела решают в Наркомпросе,
А реализм для них уж стар.
Художникам в таком вопросе
Они показывают жар.

«Теперь Пролетискусство наше
По новому идет пути.
Приносит вред искусство ваше,
И с нами лучше не шутить».

Малевич* ли «Квадратом черным»
Заменит прежний реализм?
Проложат ли они путь торный,
Иль канет в лета всякий «изм»?

Явленье временное это,
От них не будет и следа,
Они ведь не приносят света,
От них дождешься лишь вреда.

Лишили Кокеля работы
Они – все те же футуристы.
Закрыли даже институт
И без забот себе живут

****Малевич К. С. – автор картины «Черный квадрат».
В 1920 годах жил в Харькове.***

Ассоциацию* вести
Неимоверно было трудно.
Но ту ответственность нести
В то время очень было нужно.

Художники сказали прямо:
«Себя в обиду не дадим.
Ложь победить у нас не вправе,
С народом мы, а он правдив».

Не проведете на мякине
Вы пожилого воробья.
И поговорки вот такие
Верны. Примите на себя.

Когда скульптуры футуристы
Тут понаставили и там,
Народ града от них очистил,
Мол, не нужны такие нам.

Простые люди реалисты,
Они не принимают ложь.
У них всегда-то души чисты,
Им только Правду покажи.

Но пусть меня простит читатель,
Что вовремя не сообщил:
В тех трудностях женился Кокель
К ним и супругу приобщил.

Художница она к тому же,
И Анною ее зовут.
Она души не чаает в муже,
Всегда в согласии живут.

У пары сын родился вскоре,
Зовут Романом малыша.
В троем, не зная об уколе,
Благополучием дышат.

В борьбе тех лет, так напряженной,
Духовно закалился ум.
Считай, что он теперь прожженный
И полон новых, светлых дум.

*В то время А. А. Кокель руководил Харьковским филиалом Ассоциации художников Червоная Украина.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

«А жизнь художников красива, –
Так говорим мы иногда, –
В картинах счастье их на диво,
В почете имена всегда.

Для жизни есть машина, дача,
Квартира, – просто красота.
Для них жениться – не задача,
Детей рожают просто так.

Другим семьей обзаводиться
Жилой квартиры, места нет.
Приходится таким ютиться
В оврагах по десятки лет.

Зайди в иную мастерскую
Художника – разинешь рот.
Увидишь светлую такую,
Ее под самым небом свод».

На внешний взгляд оно, быть может,
Им так и подобает жить?
Они на жемчуга похожи,
Без них и красоте не быть.

Культура – будто хлеб насущный,
Не можем без нее мы жить.
Кто без нее, тот душу сушит,
Богат – кто может с ней дружить.

Издревле люди это знали,
Оставили гордиться чем.
Рембрандт, Пуссен и ныне с нами,
И Репин тоже дорог всем.

Они через картины живы,
Веками учат красоте.
Картины их, бесспорны, дивны,
Ведь каждый этого хотел.

Но вот художников тех нужды
(Поэты тоже в том числе)

Поймет ли сердцем смертный каждый?
Но не прочтешь то на челе.

Художник сколько пролил пота,
Оценит время как всегда.
Одни теснятся все без счета,
Других обходит, вишь, беда.

Читатель мой, от темы главной
Я специально отошел.
Не осуждай, вернусь к ней плавно,
И ты ведь что-то тут нашел.

Одно и то же: «В прошлом, прошлом...
О современном думай чуть.
Писать о прошлом, видно, проще»,—
Твоих такая мыслей суть?

Ты так ли думаешь, не так ли,
Творцов я долг хочу понять.
Поняв то хоть до малой капли,
Я с сердца тяжесть смог бы снять.

Как в поговорке говорится,
Знай, прошлое, идти вперед.
«Пора к герою воротиться»,—
Ты скажешь. Так настал черед.

Он учится, преподает,—
Так поступать диктует время.
Пример студентам подает,
Растить в умах познаний семя.

Чернов, Дерегус и Яценко,
Беседин, Сизиков* его
От сердца уважают, ценят,
Трудом он заслужил сего.

*Дерегус М. Г. – народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР. Чернов Л. И., Беседин С. Ф. – заслуженные деятели искусств Украинской ССР, профессора. Яценко В. Ф. – заслуженный деятель искусств Украинской ССР. Сизиков В. В. – народный художник Украинской ССР, профессор. Их всех в разные годы учил А. А. Кокель.

Теперь-то он в большом почете,
Профессор, говорят в поклон.
Ум на лице заметен четко,
Квартира есть, где есть балкон.

Он прежде-то всего художник,
И этим больше мы горды.
Сравнить с любым титаном можно,
От этого легко в груди.

Известны всей стране картины:
«Колхозник» и «Автопортрет»,
«Шахтер» и «На посту», «Рабочему» –
Талантливы, заверил свет.

Дела его идут на славу,
И исполняются мечты.
Им сказанному внемлют слову
И чтят художников чету.

Его фамилия известна,
А с ней – известны чуваши.
Народ не пропадет безвестно,
Коль так к познаниям спешит.

«ЛИКБЕЗ»

– Послушай, Анна, что мне пишут, –
Супруге Кокель говорит, –
На родине поддержки ищут,
Душа о том давно горит.

Из Чувашии, вишь ли просят
Картину им нарисовать,
Которой праздник там украсят,
И я не должен спасовать.

Эскиз готов. И есть названье.
Задумано оно: «Ликбез».
А для заказа есть призванье,
Картины тож имеют вес.

– Супруга, эй, сюда иди-ка!
Введу в картину образ твой.
Поближе, вот сюда, садись-ка
И вниз направь-ка взгляд ты свой.

Ты мне жена, – а сам смеется, –
Чувашка, значит, ты нутром.
Картину лик твой, мне сдается,
Придаст правдивость. Ну, с добром.

Этюд готов. Но все ж художник
Покоя находить не может:
Чтоб образы крестьян создать,
Живых их нужно созерцать.

По улицам он походил,
И на базары заходил,
Этюдov разных создал много,
Но не нашел он основного.

Где ходит поисков мучитель –
Его «ликбезовский» учитель?
О, эврика! Жена его
Чем не подходит для него!

Он смотрит пристально на Анну:
– О, сколько я тебя искал.
– Оправдываться не стану,
Сидела дома. Что пристал?

– Нет! Нет! Я не о том совсем.
Учителем в «Ликбезе» станешь.
– Не подхожу в эскизе чем?
– Там грамоту совсем не знаешь.

Учитель нужен позарез,
Для этого во всем подходишь.
– Не далеко ли ты залез?
– Но время ценное уходит.

Теперь вот тут при свете встань,
Представь себе: меня ты учишь...
Прямой ее в эскизе стан –
Для Кокеля уплыли тучи.

«Ликбез» картина вот готова,
На днях до чувашей дойдет.
В ней тема актуальна, нова,
В ней каждый новшество найдет.

Приходит вскоре в Харьков новость:
Его там, в Чебоксарах, ждут.
Вот поезд набирает скорость,
Дома в окне назад бегут.

«О, край родной! Давно там не был,
И как же встретишь ты меня?
Ты в быль ли превращаешь небыль,
Купцов-буржуев власть сменя?..

В ЧЕБОКСАРАХ

Лаптей, рогожек, кулей город
И город множества церквей,
Он каждому чувашу дорог,
Насмешек пункт чужбины всей.

Насмешек те сам Кокель слышал,
Быть может, в детстве верил в них,
Хотя они презреньем пышат,
Пришлось народу слушать их.

Количество церквей, конечно,
Скорбеть причины не дает.
Уничтоженье их беспечно
К досаде повод подает.

Но все же тут вон обновленье,
Чуваш во славу осмелел.
Судьба его теперь в нетленья,
Счастливым стать Бог повелел.

Печатают газеты, книги,
Читает жадно их народ.
И в выпуске журналов сдвиги,—
Будь грамотен, чувашский род!

Художники их украшают,
Картины их на новый лад.
От личных выгод отвращают,
Лишь коллективен их уклад.

А как поэты пишут смело,
Железо режут их слова.
Бичуют прошлое умело,
Течение новое ловя.

Тут Шелеби, Эльгер, Ухсай,
Митта – земляк он по району, –
С горячим сердцем Хузангай,
Со всем народом породненный.

Один театр чего тут стоит!
Игра артистов – волшебство.
Свою роль каждый так усвоит,
Живыми видит большинство.

Веселые какие песни,
К укладу новому зовут.
Душа чувашская не тесна,
Веков добро хранится тут.

Растет и город. И с размахом
Как птица тянется все вверх.
И вскоре он, собравшись духом,
Со дна ложбин наверх всплывет.

Профессору все близко, мило:
«Ну здравствуй, – шепчет, – край родной!
Тут племя наше кол забило,
Прервав кочевный образ свой».

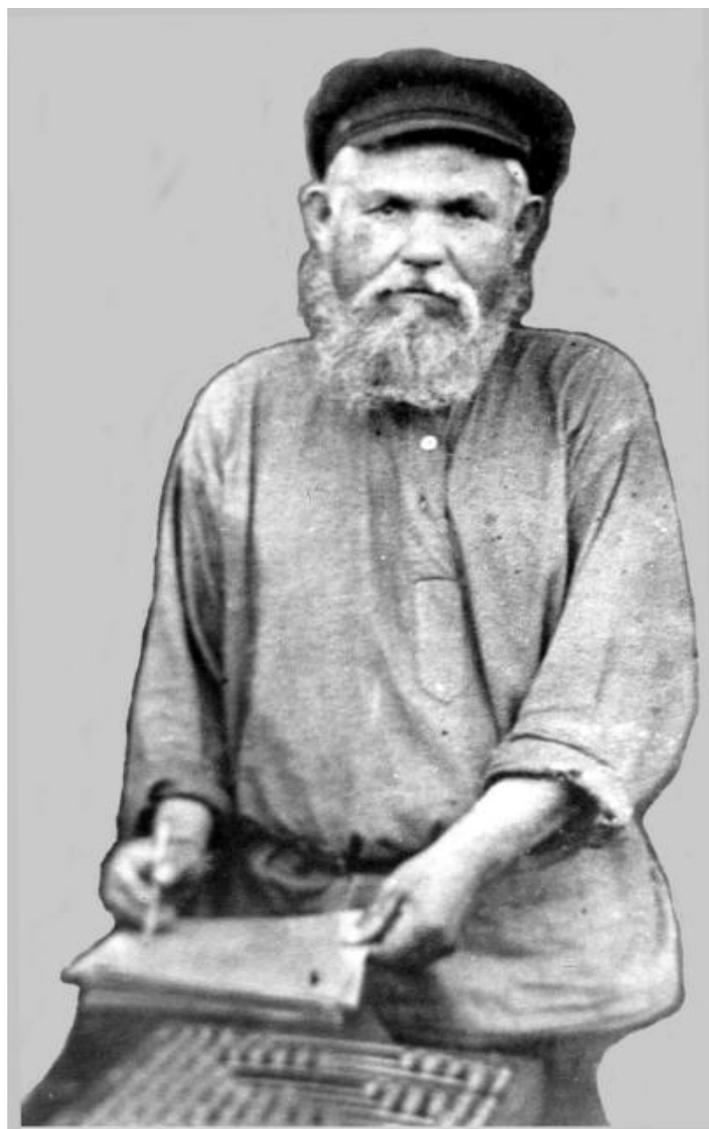
В столицу прибыл и Сверчков,
Друзья-коллеги встрече рады.
Ведут беседу вечерком,
Им лучшей не сыскать награды.

Решили тут обосноваться,
Понравилась идея им.
Неплохо было бы остаться,
Но повезет ли им двоим?

Пока им это неизвестно,
Беседуют в тиши ладком.
(Для них день завтрашний – безвестность.)
Решив так, разошлись на том.

Конечно, Кокель жить тут рад,
Ведь для него здесь все по-сердцу:
«Себе не буду же я врать,
В жене–то пониманье встречу».

«Ликбез» картину тут по-праву
Шедевром посчитали все.
Газеты подняли на славу,
Пришлось она по нраву всем.

ОСИПОВ ТИХОН ФЕДОРОВИЧ

ВСТРЕЧА С ТИХОНОМ

– К вам можно?
– Можно! Заходите!
Мужчина входит средних лет.
– Ой, Тихон же, ходи-поти ты!..
– Вишь, не забыл ведь. Ну, привет!

– С какими ходишь тут вестями?
Ну проходи, поближе сядь.
– Хожу-стучу пока костями,
Хотелось встретиться опять.

Куда беседа не доводит,
А новостей-то набралось.
Оно-то, времечко проходит,
Сколь видеться не довелось.

– Работаю я в исполкоме*, –
Задумчиво вздыхает гость, –
Теперь ведь школа в вашем доме,
Не спас Ивана и мой пост.

Его с Герасимом** забрали,
Отправили без слов в Сибирь.
Они ведь мельницы держали,
Для них тут тесен был наш мир.

Я старый коммунист и чую:
НКВДешники круты.
Самостоятельность любую
Враз принимают за вреду.

Я слышал, правда ли: желаешь,
Сюда приехать навсегда.
Не делай глупостей, ведь знаешь,
Не будет воли никогда.

*В то время Т. Ф. Осипов работал заместителем председателя исполнительного комитета Тарханского района.

**Герасим Пирогов – родня А. А. Кокеля. Его хозяйство было раскулачено. Та же участь постигла и Ивана Кокеля, который не вернулся после тюрьмы в село Тарханы. Подробно о них можно узнать в следующей главе книги.

Случись, пожалуется кто-то,
Припомнят: родственник твой поп.*
Обходятся с такими круто,
Мой этот сказ, запомнил чтоб.

Сейчас не смотрят на заслуги,
Всех зависть из-за них берет.
Мы окажи кому услуги,
Потом он шкуры с нас дерет.

Растерян Кокель. Друг желает
Ему разумия, добра.
Как поступить, он лучше знает,
И потому сто раз он прав.

– Скажи-ка, друг, дела какие
Тебя в столицу привели?
– Дела, дружище, вот такие:
Боюсь, тебя бы не смели.

Ты думаешь, кто кулаки?
Ведь настоящие трудяги.
Нам поощрять бы вот таких,
Они в неволю в землю лягут.

Спускают сверху предписанья,
А ты молчи и выполняй.
У них план выполнить призванье,
А тут людей в Сибирь гоняй.

Порою злость меня берет:
За что на каторге страдал я?
На деле, честь свою берег,
Итог: напрасные страданья.

****Речь идет о брате А. А. Кокеля – Григории (Епископ
Герман Алатырский – включенный Синодом Русской
Православной Церкви в лику святых).***

Автопортрет. 1936 г.

Знал Ворошилова, представь ты,
В Луганске я работал с ним.
Что с нами в будущем-то станет,
Пойдем вперед путем каким?

Пожалуй, хватит. Душу смягчил
И скинул тяжесть плеч долой.
Сказал все, ничего не пряча,
Теперь, мой друг, пора домой.

А слушать Кокелю занятно,
Он много нового узнал
Предупредил его гость внятно,
Теперь не ждет судьбы завал.

В рутину эту не заманят,
Сто благ хотя бы посулят.
Родная сторона и манит,
Но жизни связь с супругой свят.

СУРОВЫЕ ГОДЫ

«Порядки новые» пришли
На Украину, – шумит всяк сброд, –
Большевиков года прошли,
Сметем с лица земли такой род.

Москву мы скоро подчиним,
Народ поставим на колени».
«Какие важные чины,
Москва когда знавала плена!»

Не удалось уехать в тыл,
Теперь семье терпеть придется.
У армии хватает сил,
Пока им нужно притерпеться.

А «новые хозяева»
Велят учить все в институте.
Отделался от них едва:
Ослеп я. Этим не шутите».*

*Перед началом войны глаза А. А. Кокеля были оперированы.

Он сжег архив из-за фашистов,
Что сжечь-то было у него.
Он занесен был в черный список,
Могли те обыскать его.

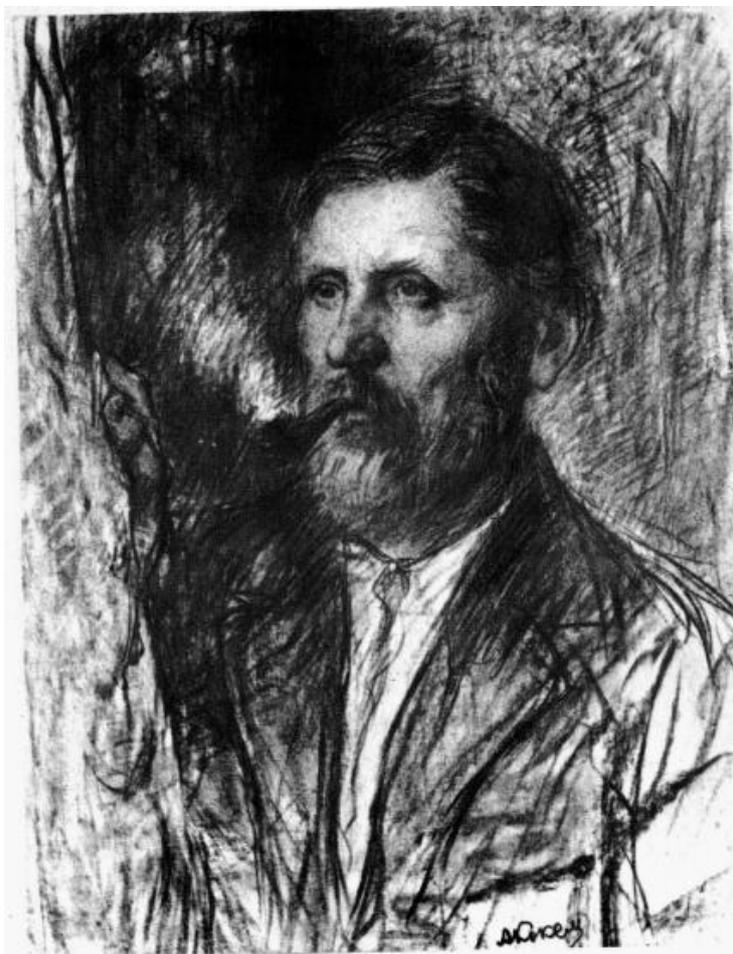
Шаяпин, Горький, Луначарский,
Маковский, Репин и Кардовский
Да Чистяков к нему писали,
Теперь, как жалко, их не стало.

Но жизнь на свете их дороже,
И бдительность нельзя терять.
Преподнести сюрпризы может:
Ведь палка может тож стрелять.

Картины он надежно спрятал
И успокоился затем,
Ведь времени он зря не тратил,
Остался сам доволен тем.

Роман вон и супруга дома,
Болеют оба от нужды.
Особо похудел сын Рома,
Лекарства, пища им нужны.

С днем каждым жить им тяжелее,
Здоровье начало слабеть.
Становятся фашисты злее
И пуще начали наглеть.

Колхозник-ударник. 1936 г.

Как вырваться из сего ада?
Как прежде, с честью жить когда?
Быть может, подчиниться надо?
О нет! Пустеет жизнь тогда.

Пошла жена вот на поправку
И стала на базар ходить.
Там навела у бабок справки
И дружбу начала водить.

А цель ее совсем простая:
На снедь этюды продавать.
И днями на базаре стоя,
На стол хлеб стала подавать.

Однажды (было то зимою)
До дома еле добралась.
– Мать, что случилось-то с тобою?
За непосильный труд бралась?

– Алеша,– отвечает тихо,–
Фашисты изверги на деле.
Сегодня насмотрелась лиха.
– Скажи, пожалуйста, в чем дело?

– Они на Ильича руке
Героев вешали сегодня.
Тащили вверх их на крюке.
Скажи, куда же это годно?

Кто дал им право измываться
Над этим памятником вождя?
Они не думают смываться,
Беды на головы не ждя.

Профессор сердится: Когда
Они в Европе сил набрали?
И льется кровь уж сколько года?
А скольких, скольких в плен забрали?..

Для всех день светлый потемнел,
Округи даже опустели.
Страну фашизм на нет свел,
Но и они в галошу сели.

Уже профессор замечает:
Фашистов лица потемнели.

Глаза германцев потускнели,
Растерянность их отличает.

Вот наша армия придет
И спросят у него: «Профессор,
Работать заставлял агрессор?»
Ответит: «Раб мне не идет.

Я честь свою, нет, не испачкал,
Нет, не склонил я головы.
Я верил, что вернетесь вы,
И с первых дней я ждать вас начал».

ВСТРЕЧА С УХСАЕМ

На улицах стоит шум-гам,
На лицах радости улыбки.
«Красноармейцы, слава вам!
Хай живе молодцы – парубки!

Освободите нашу землю
От наглой гитлеровской орды.
Чтоб дух исчез от силы темной,
Чтоб сгнули в своем Одре!»

Профессор болен. С ног его
Свалил былой несчастный голод.
Худой. Не хочет ничего.
В постель загнали голод, холод.

Но не поддался он врагу.
(Как ненавидит он его.)
Как ни было им тяжело,
Не бил пришьельцам он челом.

Стучится кто-то у двери:
– К вам можно?– голос-то спокойный.
– Пожалуйста,– глазам не верит;
В дверях стоит его знакомый.–

Вперед пройдите, не стесняйтесь,
Как дома чувствуйте себя,
Сюда, пожалуйста, присядьте,–
На гостя он глядит, любя.

А гость военный (капитан),
Его вид бравый, стройный стан.
Речь начал голосом спокойным
(Как-будто вовсе не военный):

– Меня, быть может, не узнали?
Ухсай, чувашский я поэт.
– Ну что вы? Сразу же узнал я.
Спасибо вам. Пролили свет.

Не видел чувашей давненько,
Теперь мне полегчало как,
Боль в теле отошла маленько,
Помог мне ваш приход вот так.

Спасибо вам от всей души,
Теперь свободнее дышу.
Беседа стала добродушной,
А, может быть, немножко грустной.

– Вы в Чебоксары перебраться
Хотели, знали все о том.
Вас очень ждали там собратья,
Скажите-ка, причина в ком?

– Заминка вышла, да, родной,–
Профессор медленно глаголет,–
Причина не во мне одном,
И обстоятельства неволят.

Открыл он без утайки душу
И рассказал о тех годах.
Он вспомнил и Ивана, Гришу.
Тогда витал над всеми страх.

– Судьба... Что сделаешь?.. Я сам
Тогда перетерпел те муки.
Где только ни был, тут и там
Одни завистливые лики.

Донос строчил ведь твой же друг»,
Писатели всегда зубасты...
– Да, да, таков он жизни круг,
Одной судьбой страдаем часто.

Конечно, каждому известно:
Родной твой край – всегда родной.

Там каждый угол – сердцу место,
Плохой картины – ни одной.

Признаюсь: в мыслях день и ночь
Бываю я в родной деревне.
Конечно, и сейчас не прочь
Обнять там милые деревья.

Но о поездке я не мыслю.
Душою к Харькову привык.
Да, с Чебоксарами не вышло,
Ушел вагон, поймите вы.

– В путь выйти никогда не поздно,
Не все потеряно еще.
Вам сообщу я чуть попозже
О положении вещей.

(Скорей читатель пусть узнает,
Ухсай свои слова сдержал.
С победою он вспоминает,
Профессору как слово дал.

Из Ужгорода в рождество
Он Кокелю в письме так пишет:
«За нами, друг мой, торжество,
Вас ждут в родимой Чувашии...»)

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

«Споткнешься утром – на целый день», –
В народе сказано не зря.
Судьбе бывает нас не лень
Трясти безжалостно зазря.

«Вот приняли! Теперь солдат я!
Отец, меня благослави.
Ты, мама, там не сокрушайся,
Предела нет моей любви.

Служить Отчизне – честь большая,
Я не останусь в стороне.
Врага со всеми сокрушая,
Я честь свою не уроню.

А в институте, мои родные,
Учиться буду я потом.

Успею, годы молодые,
Не беспокойтесь вы о том.

Ну как мне в стороне остаться,
Как людям мне смотреть в глаза?
Не роду нашему так статься,
Когда над Родиной гроза...»

Слова письма звучат душевно,
К родным Роман их написал.
Но к светлой молодой душе-то
С косою-пулей рок пристал.

Теперь в гробу лежит несчастный,
Его вот только привезли.
Кажись, вот-вот проснется статный,
Но смерть-то чутко тело зрит.

Лежит в гробу мечта-красавец,
Единственное их дитя.

Автопортрет. 1941 г.

АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ КОКЕЛЬ

Женский портрет. 1941 г.

АННА АФАНАСЬЕВНА КОКЕЛЬ

«Судьба, зачем играешь с нами,
Лишая ровного житья?»

Зачем бездушно отнимаешь
Ты счастья так у пожилых?
Зачем наследника лишаешь,
Не оставляя род в живых?

Зачем на головы седые
Зо злостью валишь столько бед?
Суша так годы молодые,
Семье наносишь тяжкий вред?»

Его похоронили вскоре,
Квартира Кокелей пуста.
К могиле тропочку проторив,
Поденно у дитя чета...

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Общителен на удивленье
В природе человечесий род.
Не вынося уединенья,
От скуки он спешит в народ.

Откуда столько силы в жизни,
Подневно человек берет?
Антеем побеждая козни,
Стремится он всегда вперед

А тот же, кто душою хилый,
Коль как-то попадет в беду,
Никак не наберется силы
Достать счастливую звезду.

Другой, чуток добившись славы,
Грудь колошматит: «Наших знай!»
А третий, лишь с бутылкой бравый,
Себе в вине находит рай.

Родится кто-то незаметно,
Так незаметно и помрет.
Стремится к цели кто заветной,
Того и время не сотрет.

В нужде труд создал человека,
Мы часто любим говорить.

Слова, идущие из века,
Толкают Кокеля творить.

Минута каждая в учете:
То в выставках прими участие,
То посещай ты институт,
С студентами встречайся тут.

Художников больших наследье
Известны до конца не всем.
То об оставленном их следе
Ему есть поделиться чем.

Да конференцию решили
В Москве со всеми провести.
И Кокель речь готовит живо –
Ему там выступить в чести.

Хотя не молод он годами,
Старется все успевать.
Бежит от старости трудами,
Привыкший с детства не зевать.

По всей стране друзей немало,
Всех поименно не назвать.
Друзей хороших время дало,
Он помнит, каждого как звать.

С утерей кровного Романа
Душой и телом Кокель сник.
Глубокой оказалась рана,
Печально отразился лик.

Как дальше жить? Для утешенья
Есть, слава Богу, институт.
А для душевного забвенья
Испытанное средство – труд.

Супруги, от душевной раны
Избавиться в сердцах хотят
(В решенье этом оба равны),
В квартиру приняли дитя.*

*Речь идет о враче Н. А. Волковой. После войны ее сиротские годы прошли в семье Кокеля.

Земляк профессора Кутузов,*
Тогда армейский генерал,
Имел с ним дружеские узы,
Роль благодатную играл.

С военным близость шла на пользу
(Он в мыслях этого хотел):
И вскоре он солдатом позы
На полотне запечатлел.**

В беседах часто земляки
Село Тарханы вспоминали,
Когда зачислят в старики,
Пожить в краю родном мечтали.

*Генерал-майор Н. И. Кутузов в то время служил под
Харьковым. Он родился в с. Верхнее Турмышево.*

**Речь идет о картине А. А. Кокеля «Бойцы на привале».

МОНОЛОГ КОКЕЛЯ

Товарищ, завтра юбилей мой,
На праздник соберу друзей.
Но из Чувашии далекой
Нет никого из близких всех.

К тому же, Павлов** вон как пишет
(Чуваш едва ли скажет чище):
«Забыв о нашей стороне,
Искал почета в стороне».

Конечно, я родной свой род
Не вправе хаять без причины.
Немало вынес наш народ
И терпеливо гнул он спину.

Из них был счастлив редко кто,
Лишь единицам шла удача.
Из пут не вылезал никто,
Кого застигла незадача.

Талантов скольких засушила
Нам Богом данная судьба,
И песни звонкие глушила
(Всевышний Сам Себе судья).

Спасибо Левченко за то,
Что прирастил ко Украине.
Спасибо Репину за то,
Что в дом меня, как сына, принял.

Для украинцев тут я свой,
Для россиян я тоже свой.

**В. П. Павлов. Собрание сочинений. I том. Чебоксары, 1962, с. 140. В статье «На выставке картин» 1928 года» писал так: «Художник Кокель – имя известное. Его, вероятно, во всех уголках России. Но он забыл свою родную сторону и свое имя старается распространять в других местах. В его картинах чувашские образы не находят места. Можем ли думать, что он, как чувашский художник, может принести нам пользы? Нет».

Хотя в краю родном не жил я,
Своим признает Чувашия.

Скажу совсем без хвастовства,
Моя фамилия в устах
Слышна порой и европейцев –
Честь для чувашских-то умельцев.

Я кто, скажите между делом,
Ответ каким же будет ваш?
Да правильно, душой и телом
Я свой, я коренной чуваш.

Судьбу свою не укоряю,
Такое чуждо для меня.
Какой бы ни была корявой,
На благо имя не менял.

В родной деревне смерть явилась,
Но Настя выжить помогла.
В меня тогда ее страсть влилась,
Иначе быть и не могло.

Злой рок лишил меня наследства,
Не оттого ль жизнь не полна?
Лишений много видел с детства,
Но не сломила та волна.

Тепло души, богатство знаний
Без платы отдал я юнцам.
Тайком не требовал я званий,
Всегда открыто шел к сердцам.

Село родное, земляки
Для сердца моего не чужды.
А бед ни вынесли каких,
Нутром я принимал их нужды.

Зажженный Левченком огонь
Во мне до смерти не погаснет.
Тут в Харькове оправдан он –
В людской раздул его я массе.

Я Чувашию не забыл,
Хотя и не пришлось там пожить.
Вдали от родины я был,
Следов моих не знала пажить.

Причина не во мне одном,
Вы это знаете прекрасно.
Хоть сожалею я о том,
И тут я прожил не напрасно.

Как сверстник Тихон говорил:
«Не жить в спокойствии двулично...»
Порой сквозь слезы я творил,
Такое для трудяг привычно.

Справляю завтра именины,
Мне будет семьдесят и пять.
Родные все мои невинны,
Что праздную без них опять.

Могли ли мать с отцом помыслить,
Что из своих трех сыновей
Одних оставить кто-то мыслил
Родителей в избе своей?

Лихое время разбросало
Их по чужим углам страны.
А вскорости двоих не стало,
От рук бездушной сатаны.

Иван, брат самый дорогой,
В Сибири беспричинно сгинул.
Скажите мне, какой изгой
С седла его бездушно скинул?

Ну что, что мельница была?
Трудом своим ее построил.
Трудом своим семья жила,
Брат планы радужные строил.

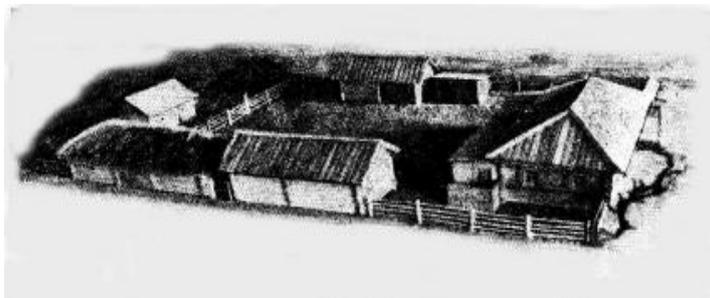
Дом (ныне музей А. А. Кокеля) И. А. Кокеля в Тарханах

Дом брата* новый разорен,
А мельница бесхозно сгнила.
Там, видимо, растёт бурьян,
Нечистая гуляет сила.

С тобой, родной мой брат Григорий,
Достаточно учились мы.
Разнились хоть пути-дороги,
Не довели нас до сумы.

При трудностях построил школу,
Благодаренья не нашёл.
В полах ты не улучшил долю –
Навстречу Бог ли не пошёл?

****Дом сохранился. Вначале это было здание школы.
Теперь там – музей А. А. Кокеля. Для его организации
много сил приложил учитель-художник Валентин
Порфирьевич Сергеев.***

Усадьба И. А. Кокеля. Макет художника В. П. Сергеева

Хотя и стал архиереем,
Отправили тебя в Сибирь.
Партийных не смягчить елеем,
Не действует на них имбирь.

«В родном краю попы опасны»,—
Подумали в НКВД.
А уговоры тут напрасны,
«В Сибирь скорей семью веди!»

И вот из братьев жив один я.
Живу от дома далеко.
Известно миру мое имя,
Далось мне это нелегко.

Справляю завтра именины,
Прибудет множество друзей.
У плитки возится, вон, Анна,
Моей опора жизни всей.

Я ей от сердца благодарен,
Супруге преданной моей.
Судьбой самой мне друг подарен,
И я всегда был верен ей.

Мой завтра праздник, друг-товарищ,
Будь в мыслях завтра ты со мной.
Душой я молод, темя варит,
Вровень шагать хочу с тобой.

Памятник А. А. Кокелю в Харькове.

Мечты, мечты! Конца их нету.
Куда они не доведут.
Труды мои не канут в лету,
К народу годы приведут...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мой уважаемый читатель,
Рассказ мой подошел к концу.
Сюжетов острых ли искатель?
К другому я привел венцу.

Каким рассказ мой получился,
Его читателю судить.
В стихи мои печаль стучится,
Не мог другое я прудить.

В далекой древней Украине
Покоится художник наш.
Партийной отказав рутине,
Вдали покой нашел чуваш.

А на его могиле вскоре
Был памятник сооружен.*
Ученики его тут споро
Другарей подняли «в ружье».

Профессора могила чтима,
Всегда там свежие цветы.
И памятью о нем гонимо,
Не гоже прятаться в кусты.

Для нас художник сей великий,
Ему от нас хвала и честь.
Им нарисованные лики
В моих стихах не перечесть.

Он вечно в памяти народной
Неугасимо будет жить.
Дар, даденный самой природой,
Не перестанет радость лить.

*** Авторами памятника были: Г. Д. Сова —скульптор,
заслуженный деятель искусств Польской Народной
Республики и его жена Л. И. Жуковская.**

Коль речь о Кокеле идет,
Нельзя и Сеспеля* забыть нам.
В Чернигов след его ведет,
Схоронен к тамошним могилам.

Быть может, я совсем не прав,
Мой уважаемый читатель?
Такой уж, извините, нрав,
Мне жаль, что вдалеке лежать им.

В земле родной куда спокойней
Лежать телам. Душам покойных,
Наверно, легче тут витать,
С родными рядом обитать.

Земли прекрасной, ты, чувашин,
Наследник славный предков наших,
Детей по миру разбросав,
Не забывай их адреса...

Товарищ, вспомни, я писал
Об обитателях Тарханов.
Их вклад в историю не мал,
С тех памятных времен всем ханов.

Они – села родного слава,
Но их могилы далеко.
Из них достоин каждый слова,
Вписать сюда всех нелегко.

Скажи, чуваш, земли ли мало,
Иль славы ищешь в стороне,
Иль что неведомо позвало,
Чтоб колесить по всей стране?

В каких краях ты ни был только,
В числе которых – Сахалин.
«Покою не ищу нисколько,
Буксирная дана мне жизнь».**

* М. К. Сеспель (Кузьмин) – чувашский поэт.

****Строки из стихотворения поэта А. К Андреева
(1937-1968 гг.). Он трагически погиб на Сахалине.**

Как мастерски умел трудиться
Скромнейший мой земляк Петров.
Говаривал, когда озлится:
«Хлеб не бывает без трудов».

При песенке «В селе любимом»**
Сердечко только защежит.
И вспомнит девушка о милом,
А парень о любимой мнит.

Волшебная той песни сила,
Я верю, вечно будет жить.
Мы с юности в душе носили
Сердца связующую нить.

Имен, известных всем, тарханских,
Пожалуй, друг мой, и не счесть.
Но на слова хвалы и ласки
Имеет Кокель больше честь.

Чувашский первый наш художник!
Искусства пик ты покори.
Твои картины важны, нужны,
В них творческих источник сил.

«Профессор Кокель вышел родом
Из славных, – говорят Тархан».
Ты – вечно в памяти народной,
Навечно чувашам ты дан.

**** Песня композитора А. Петрова, уроженца с. Тарханы,
на слова Ю. Скворцова. А. Петрова похоронили
в Чебоксарах.**

*Слева направо: поэт Николай Кушманов,
художник Анатолий Кокель.*

* * *

Выходим молча из музея
Профессора июльским днем.
Навстречу теплый ветер веет,
Печать спокойствия во всем.

Невольно прихожу я к мысли:
В трудах коль для людей живешь,
То в памяти их не умрешь.
Давайте помыслом жить высшим!

**1978-1989 гг.
Тарханы – Чебоксары.**

(Перевод М. А. Ставского)

**Произведения
КОКЕЛЯ
АЛЕКСЕЯ
АФАНАСЬВИЧА**

1. Казанская богоматерь. 1898. Б. акв. 22,2x17,8. ЧГХГ.
2. Анютины глазки. 1898. Б. акв. 25x20ч ЧГХГ.
3. Альбом №1 с рисунками. 1899. 20 л. 23:8x32,5 ЧГХГ.
4. Альбом № 2 с рисунками. 1900. 25 л. 22:4x30,2. ЧГХГ.
5. Портрет отца. 1899. Уг. кар. 16x12,5. МУИ.
6. Портрет брата. 1899. Кар. б. 13x12,5. МУИ.
7. Автопортрет. 1901. Паст. акв. кар. б. 35x25. МУИ.
8. Автопортрет. 1903. Паст. б. 28,7x31.
9. Голгофа. 1903. Акв. э. б. 51,5x42:5. ЧГХГ.
10. Портрет чувашской женщины. 1906. М. х. 81,5x72. ЧГХГ.
11. Мужской торс с верхним освещением. 1906. М. х. 80x53. ЧГХГ.
12. Натурщик. М. х. 78,5x53. 1906.
13. Натурщик-ракурс. 1906. М. х. 58x108.
14. Мужская модель с кувшином. 1906. М. х. 98x66.
15. Академическая дача. 1907. М.х. 45x66. ЧГХГ.
16. Петушки. 1907. М. х. 26x81. ЧГХГ.
17. Уральские заводы. 1908. М. х. 42,5x44. ЧГХГ.
18. Натурщик с черепом. 1908. М. х. 66x100.
19. Женский торс. 1909. М. х. 80x52. ЧГХГ.
20. Черное море. Евпатория. 1909. М. х. 37x73. ЧГХГ.
21. Эскиз «Се человек». 1909. Б. э. 17x25. ЧГХГ.
22. Голова натурщицы. 1909. Б. уг. 63x48. ЧГХГ.
23. Портрет женщины в бордовой шали. 1910. М. х. 90x52. ЧГХГ.
24. Обнаженная мужская модель с желтой драпировкой. 1910. М. х. 92x62,5. ЧГХГ.
25. Мужская модель. 1910. Б. тон. уг. 91x56. ЧГХГ.
26. Мужская модель. 1910. Б. тон. уг. 91x64,5. ЧГХГ.
27. Женская модель. 1910. Б. тон. уг. 95x65.
28. Фигура раввина. 1910. М. х. 79x52. ЧГХГ.
29. Эскиз картины «В чайной». 1910. М. х. 40x58.
30. Эскиз картины «В чайной». 1910. Уг. э. б. 58x81.
31. Эскиз картины «В чайной». 1910. М. х. 44x71. ЧГХГ.
32. Эскиз картины «В чайной». 1910. Г. б. 27,3x47,7. ЧГХГ.
33. Эскиз картины «В чайной». 1910. М. х. 43x56. ЧГХГ.
34. Эскиз картины «В чайной». 1910. Б.бел. кар. черн.акв. 23,5x36. ЧГХГ.
35. Эскиз картины «В волостном правлении». 1910. Б. санг. акв. тушь, перо. 17,7x25,3 — ЧГХГ.

Автопортрет. 1937 г.

Автопортрет. 1937 г.

36. Христос перед Пилатом. 1910. Б. санг. акв. тушь, перо. 17,7х25:3. ЧГХГ.
37. Женская модель. 1910. Б. уг. 91,5х60:5. ХГХМ.
38. Натурщик. 1910. Б. уг. 91х62.
39. Обнаженная мужская фигура со сжатыми кулаками. 1910. Б. уг. 91,5х63,5. ЧГХГ.
40. Обнаженная мужская фигура с наклоном. 1910. Б. тон. уг. 92х60. ЧГХГ.
41. Обнаженная женская фигура. 1910. Б. уг. 91х41. ЧГХГ.
42. Обнаженная женская фигура со спины. 1910. Б. тон. уг. 91,7х43,5. ЧГХГ.
43. Полулежащий обнаженный натурщик со спины. 1910. Б. тон. уг. 90,5х59,5. ЧГХГ.
44. Сидящая обнаженная женская модель в сложном ракурсе. 1910. Б. тон. уг. 92х66. ЧГХГ.
45. Обнаженная мужская модель с поднятыми руками. 1910. Б. уг. 91х60. ЧГХГ.
46. Обнаженная мужская модель, сидящая. 1910. М. х. 78,5х52,5. ЧГХГ.
47. Обнаженная женская модель. 1910. Б. уг. 91,5х53. ЧГХГ.
48. Обнаженная мужская модель, лежащая. 1910. М. х. 53х78. ЧГХГ.
49. Обнаженная женская модель со спины. 1910. М. х. 99х56. ЧГХГ.
50. Обнаженная мужская модель. 1910. Б. уг. 91х64,5. ЧГХГ.
51. Эскиз картины «В чайной». 1911. Б. тон. коричн. кар. уг. бел. 52х73. ЧГХГ.
52. Рисунок к картине «В чайной». Деталь. 1911. Б. тон. санг. мел. уг. 70,5х46. ЧГХГ.
53. Хозяин. Рисунок к картине «В чайной». 1911. Б. тон. коричн. кар. 63х47,5. ЧГХГ.
54. Эскиз для стенной росписи. 1911. Б. акв. 13,5х13. ЧГХГ.
55. Эскиз для панно на религиозную тему. 1911. Б. акв. 15х17. ЧГХГ.
56. Слушают музыку. набросок из альбома. 1911. Б. кар. 17х20. ЧГХГ.
57. Мальчик в красной рубашке. На обороте: Обнаженная натурщица. 1911. М. х. 81х53. ЧГХГ.
58. Официантка. Этюд к картине «В чайной». 1911. М. х. 102,8х58. ЧГХГ.
59. Христос перед Пилатом. 1910—1911. Б. акв. з. 32,5х24. ЧГХГ.
60. Эскиз евангельского сюжета с Христом. 1906—1911. М. х. 23,5х45,5. ЧГХГ.
61. Мужской портрет. 1911. Б. кар. уг. 34,5х28,7. ХГХМ.
62. Обнаженная натурщица. 1911. М. х. 81х48.
63. Крестный ход. 1911. Б. тушь, перо. 16,5х24,5. ХГХМ.

64. Бабушка. Этюд к картине «В чайной». 1911. М. х. 87х62. ХГХМ.
65. Официантка. Рисунок к картине «В чайной». 1911. Б. уг. 88,5х58. старый рабочий
66. Официантка. Этюд к картине «В чайной». 1911. М. х. 102х56.
67. Портрет. Рисунок. 1911. Б. уг. 33х27.
68. В чайной. 1912. М. х. 184,5х246,5. Вольский городской художественный музей, Саратовская область.
69. Старуха. Этюд к картине «В чайной». 1912. М. х. 86х60.
70. Хозяин. Рисунок к картине «В чайной». 1912. Б. санг. уг. 37х29.
71. Голова старухи. Рисунок к картине «В чайной». 1912. Б. уг. 34х26. МУИ.
72. Эскиз картины «В чайной». На обороте: Полулежащая женская фигура. 1912. М. х. 82х103. ЧГХГ.
73. Художник перед мольбертом. 1912. Б. тон. акв. г. кар. 36,7х29,6. ЧГХГ.
74. Альбом с набросками. 13 листов. 1912. Кар. итальянский.
75. Итальянский этюд. 1913. М. х. 23х33. ЧГХГ.
76. Итальянский этюд. 1913. М. х. 23х31. ЧГХГ.
77. На берегу Средиземного моря. Италия. 1913. М. х. 36х45. ЧГХГ.
78. Итальянка. 1913. Б. уг. санг. мел. 71х41. ХГХМ.
79. Эскиз картины «Итальянцы». 1913. М. х. 24,5х37. ЧГХГ.
80. Итальянский пейзаж. 1913. Б. акв. 20,5х38,5. ЧГХГ.
81. Итальянка. Этюд. 1913. М. х. 59х35. ЧГХГ.
82. Итальянка. 1913. Б. мел. санг. уг. 70х44.
83. Башня. Этюд. 1914. Б. акв. 33,5х25. ЧГХГ.
84. Из былин. Эскиз. 1914. Б. акв. бел. 21х38.
85. Из былин. Эскиз. 1914. Б. г. кар. 21,4х36,3 ХГХМ.
86. Итальянцы. 1914. М. х. Местонахождение картины неизвестно. Была на весенней выставке в Петербурге в 1914 г.
87. Семейный портрет. 1914. М. х. Местонахождение картины неизвестно. Показана на Весенней выставке в Петербурге в 1914 г., на 44 выставке Товарищества передвижных художественных выставок в 1916 году.
88. У церквуши. 1915. Б. тон. сепия. 31х44. ЧГХГ.
89. Автопортрет. Из альбома. 1915. Б. кар. 27,5х19.
90. Тверь. 1915. Б. кар. 19,6х29,6. ЧГХГ.
91. Улица в Твери. 1915. Б. кар. 19,5х24,5. ЧГХГ.
92. Тверь. 1915. Б. кар. 17,5х26,5. ХГХМ.
93. Старушка в шляпе, сидящая в парке. Тверь. 1915. Б. кар. 24,5х19,5. ЧГХГ.
94. Вид из окна. 1915. Б. кар. акв. г. 28х19. МУИ.
95. В городском саду в Твери. Из альбома. 1916. Б. кар. 17х26,5. ЧГХГ.
96. Акация. Евпатория. 1916. М. х. 50,5х108.

97. Березовая роща. 1916. М. х. 107х71.
98. Пейзаж. Харьков. 1916. Б. кар. г. 22,9х34,9. ЧГХГ.
99. Две обнаженные женские фигуры. 1915—1916. Б. кар. 34,3х26,2. ЧГХГ.
100. Крымский берег. 1916. Б. кар. акв. паст. 25,5х33. ЧГХГ.
101. Автопортрет. 1916. Кар. «Негро», б. МУИ.
102. Натурщица. 1916. Б. сан. 28х14,5. МУИ.
103. На Черном море. Алушка. 1916. Б. акв. паст. 25,5х36.
104. Пейзаж. 1916. Б. акв. тушь, перо. 16,5х23. ЧГХГ.
105. В городском саду в Твери. 1916. Б. кар. 15,5х20,8. ЧГХГ.
106. Сидящий натурщик. набросок. 1916. Б. кар. 36х28. На обороте: Три композиции и три наброска тушью и пером. ХГХМ.
107. Натурщица. 1917. Б. ит. кар. 11,8х24. ЧГХГ.
108. Святогорск. Кладки. 1917. Б. акв. 25х35. ЧГХГ.
109. Пригород Харькова. 1917. Б. акв. 25,5х32. ЧГХГ.
110. Сидящая обнаженная фигура. Из альбома. 1917. Б. кар. санг. 34х26. ЧГХГ.
111. Весной. 1917. Б. акв. 21х28,5.
112. Святогорск. Общий вид. 1917. Б. акв. 25,5х34.
113. У монастырских стен. Святогорск. 1918. Б. акв. 25х35.
114. Вид с меловых гор на Донец. Святогорск. 1917. Б. паст. 25х35,5. ЧГХГ.
115. Два наброска. Из альбома. 1917. Б. санг. 28х35,5.
116. Натурщик. набросок. 1917. Б. санг. 34х25,5.
117. Сидящая фигура. 1917. Б. кар. санг. 34х26.
118. Голова натурщика. 1917. Б. уг. санг. 29х23.
119. Художник А. И. Титов. 1916—1917. Б. санг. 36х28. ЧГХГ.
120. Портрет. Размышление. 1917. Б. акв. санг. 40х32,5. ЧГХГ.
121. Ярмарка. Лошадь с телегами. 1917. Б. акв. 14,7х24,5. ЧГХГ.
122. Пейзаж. 1918. Б. кар. 31,4х78,1. ЧГХГ.
123. Осенний парк. Этюд. 1918. М. х. 40х44,5. ЧГХГ.
124. Портрет художника М. Бражник. 1918. М. х. 63х50. ЧГХГ.
125. Извозчик. 1919. М. х. 137х105. ЧГХГ.
126. Профиль женщины. 1919. Б. гр. кар. 55х23. МУИ.
127. Эскиз картины «Извозчик». 1918—1919. Б. кар. акв. 36х28. ЧГХГ.
128. Эскиз картины «Извозчик». Два варианта. 1919. Б. акв., зелен, тушь. 28х31. ЧГХГ.
129. За самоваром. 1919. Б. черн. акв. г. тушь, перо. 17х23. ЧГХГ.
130. Девушка. Из «Чувашские сюиты». 1919. Б. акв. цв. кар. 18х24. ЧГХГ.
131. За пивом. Из «Чувашской сюиты». 1919. Б. кор. кар. акв. г. 26х33,7. ЧГХГ.

Автопортрет. 1941 г.

«...Вспоминается с большой силой полотно того художника (г. Кокеля), который написал картину «В чайной»: в ней есть оригинальность и типичность.

И. Е. РЕПИН. 1912 г.

- 132. Санний путь. Из «Чувашской сюиты». 1919.** Б. акв. тушь, перо. 17,5х25,2. ЧГХГ.
- 133. Девушка в национальном костюме. Из «Чувашской сюиты». 1920.** Б. паст. кар. 23х33. ЧГХГ.
- 134. Санний путь. Из «Чувашской сюиты». 1920.** Б. акв. г. 29х44. ЧГХГ.
- 135. Голова старика с бородой. 1920.** Б. кар. тушь, перо. 11,6х9,5. ЧГХГ.
- 136. Торговка рыбой. 1920.** Б. акв. г. 24,5х31. ЧГХГ.
- 137. Демонстрация. 1920.** Б. акв. бел. 28х22. МУИ. 138. Венчание. Чуваши. 1919—1920. Б. акв. г. 17,4х25. ЧГХГ.
- 139. Сено собирают в стога. 1920.** Б. кар. 22х29,4. ЧГХГ.
- 140. Пейзаж. 1920-е гг. Сепия, б. 28х42,5. ЧГХГ.**
- 141. Анна Афанасьевна. 1921.** Б. кар. акв. 22х22,2. ЧГХГ.
- 142. Натурщик в шубе. 1922.** Б. кар. 39,6х24,2. ЧГХГ.
- 143. Старик с бородой. 1922.** Б. кар. 34,5х22,9. ЧГХГ.
- 144. Старик с бородой (с пробором). 1922.** Б. кар. 31х23. ЧГХГ.
- 145. Старик. набросок. 1920.** Б. кар. 23х19,5. ЧГХГ.
- 146. Беспризорник Ванька. 1924.** М. х. 51,5х41. ЧГХГ.

А. А. Кокель. Автопортрет.

«Есть... важный раздел в жизни художника – это... взять себя в руки: думать и жить все время в искусстве, активно бороться за наше дело, выдвигать новые замыслы, творить с повышенным чувством ответственности художника – терпеливым на все, искренним, трудолюбивым, направляя себя все время вперед и вперед... Наше время такое: и мы не должны отставать от времени.»

А. А. КОКЕЛЬ.

- 147. Женский портрет. 1920—1925. Б. кар. 34,7x23. ЧГХГ.**
148. Феодосия. Сарыголь. Из окна. 1926. Б. акв. 23,5x28. ЧГХГ.
149. Рыбная ловля. Эскиз. 1926. Б. акв. 18,5x30.
150. Автопортрет. 1926. Б. уг. санг. 25,5x20,2.
151. Украинская хата. 1926. Б. кар. акв. 16,8x24,2. ЧГХГ.
152. Старый рабочий. 1927. Б. кар. санг. Местонахождение не установлено. Показана на 1-й выставке Ассоциации художников Червоной Украины, Харьков.

153. **Никополь. 1927.** Б. на к., акв. г. 18,5x28,8. ЧГХГ.
154. **Крестьянин. 1927.** Б. кар. санг. Местонахождение не установлено. Показана на 1-й выставке Ассоциации художников Червоной Украины, Харьков.
155. **На посту. Страж революции. 1927.** М. х. Местонахождение не установлено. Показана на Всеукраинской выставке 1927 г.
156. **Никополь. 1928.** М. х. 21,5x30,7. ЧГХГ.
157. **Эскиз картины «Рыбная ловля». 1928.** Б. кар. акв. г. 20x34,2. ЧГХГ.
158. Эскиз картины «Рыбная ловля». 1928. Б. кар. акв. г. 22,3x3.9,6 ЧГХГ.
159. Эскиз картины «Рыбная ловля». Феодосия. 1928. Б. кар. акв. 20x31,3. ЧГХГ.
160. **Кирилловка. 1929.** Б. акв. 17,5x24. ХГХМ.
161. **На берегу Азовского моря. 1929.** Б. акв. 14,5x19. ЧГХГ.
162. **У каменных стен. 1929.** Б. акв. 18x26. ЧГХГ.
163. **Единоличница. 1930-е гг.** М. х. 118x99. ЧГХГ.
164. **Селянин. 1930-е гг.** На обороте: Эскиз картины «В чайной», М. х. 100x83. ЧГХГ.
165. **Портрет жены художника. 1931.** Б. ит. кар. 36,3x27,5. ХГХМ.
166. **Награждение ударницы.** М. х. Местонахождение не установлено.
Показана на выставке НКПУ в 1931 г.
167. **Азовское море. Ейск. 1932.** Б. кар. 27x29. ХГХМ.
168. **Колхозный рынок. 1934.** М. х. 75x99. ЧГХГ.
169. **Эскиз картины «Ликбез». 1934—1935.** Б. кар. акв. 21x26,9. ЧГХГ.
170. **Весной. 1935.** Б. гр. кар. уг. акв. бел. 21x28,5. МУИ.
171. **Ликбез. 1935.** М. х. 125x182. ЧГХГ.
172. **Звонница. 1936.** Б. акв. 26,4x23,8. ЧГХГ.
173. **Автопортрет. 1936.** Б. уг. 50,5x38,5. ЧГХГ.
174. **Автопортрет. 1936.** Б. уг. 53x40.
175. **Рисунок руки с книгой. 1936.** Б. уг. санг. 21,2x33. ЧГХГ.
176. **Соляные промыслы. Эскиз картины. 1936.** Б. акв. кар. 13,5x28. ЧГХГ.
177. **Вид на Кременец. Изюм. 1936.** М. х. 52x72,5. ХГХМ.
178. **Колхозный базар. 1936.** М. х. Музей г. Лебедина. 6-я Всеукраинская выставка; выставка «Искусство Советской Украины», 1936.
179. **На соляных промыслах. 1936.** М. х. Местонахождение не установлено. Показана на выставке «Искусство Советской Украины» в 1936 г.
180. **Рыбалка. 1937.** М. х. 23x31. ЧГХГ.
181. **Дождь прошел. Изюм. 1937.** М. х. 23x30. ЧГХГ.
182. **Колхозник. 1937.** Б. кар. цв. уг. 54,4x44. ЧГХГ.
183. **Рисунок к картине «К. Е. Ворошилов у танкистов». 1937.** Б. кар. 27,9x21,1. ЧГХГ.

На лесоразработках. Эскиз. 1935 г.

Ударница. 1931 г.

184. К. Е. Ворошилов у танкистов. 1937. М. х. Местонахождение не установлено. Показана на юбилейной выставке произведений художников УССР в 1937 г.

185. На лесоразработках. 1939. Б. акв. г. 29x37. ЧГХГ.

186. Автопортрет. 1939. М. х. 39x27.

187. На лесоразработках. 1939. Б. кар. акв. 20x29,7. ЧГХГ.

188. Автопортрет. 1939. Б. кар. акв. 26x19. МУИ.

189. С самоваром. 1939. Б. кар. 40,1x28. ЧГХГ.

190. На Черном море. Алупка. 1940. Б. кар. акв. 25,5x36. ХГХМ.

- 191. Автопортрет. 1940. Б. акв. 24x22. ХГХМ.**
192. Хатки. 1941. Б. акв. 25x33,5. ЧГХГ.
193. Из окна. Дача Короленко. 1941. Б. акв. бел. 25,3x20,3. ЧГХГ.
194. Шишаки. Пейзаж. 1941. Б. акв. 23x28. ЧГХГ.
195. Портрет Ромы. Автопортрет. наброски. 1941. Б.кар. 28,5x20,5. ЧГХГ.
196. Два наброска с Анны Афанасьевны. 1941. Б. кар. 24x16,7. ЧГХГ.
197. Автопортрет. 1941. Б. кар. 23x18,3. ЧГХГ.
224. На Донце. Эсхар. 1954. М. х. 43x58. ЧГХГ.
225. Пейзаж с луной. 1955. Б. кар. акв. 20,5x26,5. ЧГХГ.
226. Донец. 1955. М. к. 24,3x30,5. ЧГХГ.

Произведения, местонахождения которых не указано, являются собственностью жены художника — А. А. Кокель (г. Харьков).

Сокращения: ЧГХГ — Чувашская государственная галерея, МУИ — Музей украинского искусства УССР, ХГХМ — Харьковский государственный художественный музей. М. — масло. К. — картон. Х. — холст. Б. — бумага. Санг. — сангина. Кар. — карандаш. Паст. — пастель. Бел. — белила. Гр. — графитный. Цв. — цветной. Уг. — уголь. Тон — тонированный.

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ, БЛИЖАЙШИХ УЧЕНИКОВ О ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. КОКЕЛЯ

ИЗ КНИГИ А. Г. ГРИГОРЬЕВА □КОКЕЛЬ□

Настоящая книга посвящена первому чувашскому художнику А. А. Кокелю, профессору, ученику таких видных мастеров русского изобразительного искусства, как П. П. Чистяков, И. Е. Репин, В. Е. Маковский, Д. Н. Кардовский. Творческая деятельность А. А. Кокеля началась в конце XIX века и была тесно связана с национально-освободительным, рабочим и коммунистическим движением в России; она нашла высокую оценку на страницах дооктябрьской большевистской газеты □Правда□

В воспоминаниях действительного члена Академии художеств СССР, народного художника СССР, Героя Социалистического Труда, профессора В. И. Касяна читатель найдет немало интересного из жизни А. А. Кокеля в первые годы Советской власти, когда чувашский живописец возглавлял отряд художников – реалистов на Украине, создавал произведения, положившие, наряду с работами других выдающихся художников, начало советской станковой картине.

Народный художник СССР М. Г. Дерегус и профессор С. Ф. Беседин выступают в числе первых ближайших учеников А. А. Кокеля в Харьковском художественном институте, организатором и первым ректором которого он был. Рисуеться полная драматизма борьба художественных группировок, увиденная глазами начинающих мастеров, которые нашли в А. А. Кокеле достойного продолжателя высоких традиций русской демократической культуры в новых исторических условиях.

Профессор Г. М. Окладной показывает А. А. Кокеля как общественного деятеля, воспитателя художников многих поколений.

Ученики А. А. Кокеля разных лет Л. И. Чернов, В. Ф. Яценко, В. В. Сизиков, Л. А. Шматько, П. А. Шигимага раскрывают творческую и педагогическую лабораторию своего учителя, показывают те основополагающие принципы мирового реализма, на которых был воспитан и которые утверждал всей своей многообразной деятельностью чувашский художник.

В воспоминаниях ректора Харьковского художественного института М. А. Шапошникова, скульптора Г. Д. Сова и врача Н. А. Волковой обрисованы жизнь А. А. Кокеля в послевоенные годы, его художественно — эстетические и педагогические принципы, общественно — нравственные идеалы, на которых он воспитал своих учеников, занявших впоследствии видное место в советском искусстве.

*В. И. Касиян,
народный художник СССР,
действительный член Академии
художеств СССР,
Герой Социалистического Труда,
профессор*

СИЛА ЛИЧНОГО ПРИМЕРА

Думая об Алексее Афанасьевиче Кокеле, я вспомнил 1923 год. Тогда я, житель Западной Украины, принял советское гражданство и через четыре года поселился в Киеве. Учеба и мое творческое становление проходили в Пражской Академии художеств у Макса Швабинского. Дальнейшее профессиональное совершенствование связано с Италией, где я изучал бессмертные творения классиков в лучших собраниях неповторимых городов этой страны. Ко времени приезда в Советский Союз я утвердился в принципах реализма, сходных с устремлениями русских передвижников, у которых учился А. А. Кокель.

В Киеве я нашел полное преобразование искусства и художественной школы. Всякого рода формалисты словно с ума посходили, наделали много такого, что нормальным людям вовсе не нужно. Вся прежняя культура игнорировалась как буржуазная. Помню, зашел я к автору скандально знаменитого Черного квадрата К. С. Малевичу. Он насаждал среди творческой молодежи абстракционизм. В его кабинете висели творения, одно бессмысленнее другого. Спрашиваю,

— Что вы тут делаете?

Он отвечает,

— Я здесь лечу студентов от реализма.

Я говорю,

— Кого вы лечите, больных или здоровых. Как можно лечить здоровых людей, ведь реализм — это здоровье, телесное и духовное?!

Тогда же в музее русского искусства была организована выставка новогоискусства, на которой многих авторов действительно можно было принять за душевнобольных. Конечно, так продолжаться долго не могло, народ не мог принять ни таких произведений, ни их крикливых создателей. Кабинет Малевича был закрыт. Памятники, возводившиеся формалистами, рабочие разрушали в тот же день, когда они шумно открывались. Малевич и ему подобные считали, что

развитие искусства пойдет по тем путям, которые они наметили, но вышло по — другому. Не помог им и Запад, куда они подались. И там забудут их очень скоро, потому что после себя они не оставили ничего такого, что действительно звучало бы, как, например, в искусстве XVII века, в картинах Рубенса, Рембрандта, Веласкеса, Пуссена. У формалистов же одни фокусы и кривлянье. Настоящему искусству это противопоказано. Ведь еще А. С. Пушкин сказал, Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво

Долго общаясь с А. А. Кокелем, разделяя с ним взгляды на искусство и задачи художественного творчества, на воспитание творческой молодежи, я, между тем, до последнего времени мало что знал о нем лично. Не имел представления о его революционной работе в Петербурге и на Урале, об участии в становлении Харьковского художественного института в первые годы Советской власти. Это был крайне скромный человек, ничего о себе не рассказывал. По этой причине, я думаю, нам и в голову не приходило, что у него нет тех званий и наград, какие имели многие художники. Среди людей искусства он пользовался таким высоким авторитетом, что, конечно же, в их глазах он был выше всех званий и наград. Эта сторона его вовсе не интересовала.

В Харьковском художественном институте, где я был проректором по учебной работе в 1938 — 1941 годах, все мы сходились на том, что А. А. Кокель — художник необычный. Его высоко ценил И. Е. Репин. И то, что он сказал о Кокеле, не сказал ни об одном современном художнике, ни об одном своем ученике. Поэтому всегда, когда речь заходила о Кокеле, мы словно указывали на самого Репина. Это был такой мастер, рядом с которым ни один другой не выдерживал критики.

Мы, художники и профессора Харьковского института, знали этюды с натуры, выполненные А. А. Кокелем как в годы его ученичества в Академия, так и у нас, на Украине, и всегда удивлялись той легкости и пластичности формы, какая была у А. А. Кокеля. Создавалось впечатление, что все у него выходит просто, легко, без трудностей. Особенно запомнилась живопись руки, пальцы в тени написаны теплой краской, совсем не той, что на свету, очень живо, естественно, цельно. Это пример истинного мастерства, подобрать краску нужной глубины и яркости, положить ее на правильное место. Это очень важно, потому что

многие этого не делают, а просто мажут. Замажут целый холст, говорят, делают подмалёвок, а из этого подмалёвка ничего не выходит, потому что они не делают рисунка. Нужен точный рисунок. Рядом с цветом ложится другой, третий, четвертый, и тогда получается цельность, настоящая красота, убедительность, живая жизнь. А. А. Кокель владел секретами живописи старых мастеров, знал свойства живописи, открытые импрессионистами.

Но краски — лишь средство. Главное — картины. Собственно, он один из главных создателей станковой живописи на Украине. Хорошая вещь была у А. А. Кокеля — [К. Е. Ворошилов у танкистов] Мне рассказывали, что ее хвалил сам Климент Ефремович, внесший огромный вклад в развитие творческой жизни советских художников. Или другая картина — [На посту. Страж революции] Стоит у дверей ревкома красногвардеец в кожаной — не в армейской форме. Ведь не всем давали шинели, их не хватало. Но какая высокая правда! Нельзя сравнивать этого солдата ни с тем, который стоит в Ватикане, ни с тем, который охраняет королевский дворец в Лондоне. В изображении А. А. Кокеля этот советский солдат — представитель совсем другой армии — самой сильной, непобедимой, потому что она защищает интересы самого народа. Вот это с большой силой реализма и выразил А. А. Кокель.

По таким произведениям видна сила искусства А. А. Кокеля. И неудивительно, что формалисты, [новаторы] должны были обрушиться на него прежде всего в своей борьбе против реализма. И неудивительно, что студенты и художники — реалисты, чувствовавшие ответственность за развитие советского искусства в русле реализма, выдвинули на пост ректора нашего института в 1921 г. не кого —нибудь, а именно А. А. Кокеля. И неудивительно, что во главе Ассоциации художников Червонной Украины, самой передовой здесь организации творческих работников 20-х годов, оказался А. А. Кокель. Его сила заключалась не в шумных декларациях и не в игнорировании сделанного в прошлые века, а в создании того, что ведет вперед, в будущее, что развивает и возвышает человека. Сейчас, когда мы о А. А. Кокеле знаем больше, чем при его жизни, он предстает перед нами как художник — борец, как человек и как педагог в ином свете.

В 1939 г. мы ездили в ВАК за аттестатами профессоров. А. А. Кокель был профессором с начала 20-х годов, но после преобразования высших учебных заведений в 1934 г. это звание надо было подтвердить заново. Перед поездкой в Москву мы волновались, но Кокеля там хорошо знали и страхи наши быстро прошли. На

радостях стали ходить по музеям. Осмотрели Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Все открываем для себя заново. Сколько ни ходишь, все кажется, что конца учебе нет. Вот уже сами профессора, а все равно видишь, что еще очень мало знаешь. А Кокель, прямо как ребенок, будто все видит впервые. Поехали в Ленинград, один только Эрмитаж за день не обойдешь. Посетили Русский музей, Дом—музей И. И. Бродского, Петродворец — золото, скульптура, вода, фонтаны — красота! А. А. Кокелю было тогда 59 лет, мне он казался несколько грузным, малоподвижным. А он шагает бодро, энергично, откуда только силы берутся. В этом городе он необыкновенно оживился, показал места, связанные с его молодостью. Осмотрели мы Решетку Летнего сада и Мраморный дворец Ринальди, построенные его земляком П. Е. Егоровым, посетили в Александро—Невской лавре могилу востоковеда Н. Я. Бичурина, друга А. С. Пушкина, К. П. Брюллова и декабриста Бестужева. Меня интересовали материалы, связанные с украинской культурой.

В 1941 г. я выписал для А. А. Кокеля командировочное удостоверение для выезда в Казахстан. А. А. Кокель, не сумевший выехать из Харькова, прожил в оккупации тяжелую жизнь, но показал себя честным советским человеком, остался настоящим художником до последних дней своей жизни. Встретил я его уже в конце войны в Киеве, где мы собрались для обсуждения задач, стоящих перед работниками искусства освобожденной украинской земли. Был он худой, изможденный, цвет лица какой — то зеленый, только глаза такие же, как и прежде — внимательные, ласковые, всепонимающие, одухотворенное лицо. Гуляя среди киевских развалин, мы говорили о будущем нашего искусства, о воспитании новых кадров художников, о выставках, где выступали мастера, каждый второй среди них был учеником Кокеля.

Биография художника — это его творчество, его произведения. Реализм А. А. Кокеля самого высокого свойства. На своих коллег и студентов он оказывал сильное воздействие. Его все любили, особенно студенты. Это — редкость, чтоб учащиеся так любили своего преподавателя. Студенты идут учиться к тому, кого уважают и любят, у кого могут научиться делу. А каждый может научить только тому,

что сам умеет. Кокель знал и умел очень много, о многом мог рассказать и многому научить. Студенты видели, что у А. А. Кокеля все получается хорошо, красиво. Если красиво, то и правильно, ибо в красоте заключается и добро, и правда. Жить будет только красота. Красоте служил, красоту создавал, к красоте приобщал массу других людей Алексей Афанасьевич Кокель.

*М. Г. Дерезус,
народный художник СССР,
член – корреспондент Академии
художеств СССР'*

МОЙ ДОБРЫЙ НАСТАВНИК

О Кокеле у меня остались самые теплые и самые хорошие воспоминания. В искусстве он мой первый и главный учитель. Вплоть до начала Великой Отечественной войны 18 лет я работал вместе с ним; это были счастливые для меня годы настойчивой учебы и плодотворного творчества.

В 1923 г. я приехал в Харьков, где хотел поступить в художественный институт, о котором много был наслышан. Здесь работали Алексей Афанасьевич Кокель, Митрофан Семенович Федоров, Михаил Андреевич Шаронов, Семен Маркович Прохоров – видные ученики П. П. Чистякова, И. Е. Репина и Д. Н. Кардовского по Петербургской Академии художеств. Они пользовались на Украине большим уважением. Мы, молодые, радовались, когда удавалось встретиться с ними. Завидев их издали, кланялись. Когда они говорили с нами и смотрели наши работы, мы были на седьмом небе от счастья. С глубоким почтением мы относились к ним. Они были для нас лучшими примерами для подражания.

Только института, о котором я мечтал, я здесь не нашел. Им завладели формалисты, люди далекие от искусства, они всю работу развалили. Они все сделали, чтобы лишить его реалистической опоры в лице преподавателей – воспитанников Академии художеств. М. С. Федорова уволили (позднее он преподавал в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в Ленинграде). А. А. Кокеля, создавшего на месте училища институт, оклеветали, отняли мастерскую в мансардах (ее передали М. А. Шаронову, впоследствии директору Киевского художественного института; М. А. Шаронов и А. А. Кокель в Харькове были неразлучными друзьями). Учебную программу, разработанную под руководством А. А.

Кокеля, отвергли, рисунок и живопись были отодвинуты на последний план. Деньги, отпускаемые на натуре для рисования, были растрacены на посторонние дела. Учебные мастерские завалены футуристическими поделками Кратко. Над зданием стояла высоченная труба, из которой валил черный дым. Студенты учились что—то ковать, резать, □картины□ делали с помощью молотка, пилы и отверток. Появились какие—то производственные мастерские, даже не помню, как они назывались. Ничего общего с тем искусством, о котором я мечтал. Посмотрел я на все это и...поступил на биологический факультет Харьковского университета, где проучился около двух лет.

Учусь в университете, успеваю хорошо, а на душе беспокойно. Хочется рисовать, писать красками, быть среди художников, в мире искусства. Наконец, не вытерпел, пошел к А. А. Кокелю домой. Он жил тогда в подвале института, лишенный квартиры, мастерской и зарплаты, лишенный любимого дела. Комната маленькая, окно — на уровне мостовой. Один угол загорожен холстами, там, по—видимому, стояли его произведения. На стене и столе — плакаты, которые А. А. Кокель делал, как я думаю, ради заработка для семьи. Женат он был недавно, жена была молодая, красивая; художница. И сам он тоже красивый, стройный, с бородкой, смуглый, с добрыми глазами. Красивые волосы отброшены назад. Удивительно располагающая внешность.

Крайняя бедность угнетала его, связывала творчество. Казалось, что в эти годы, когда был разгромлен институт и подверглись гонениям лучшие художники — реалисты Харькова, он был в чем—то морально сломлен, сломлен как творец и художник. Много отличных картин он написал, одной его работы достаточно было бы для другого художника, чтобы всю жизнь пользоваться заслуженной славой, но все это было совершенно не то, на что был способен А. А. Кокель по своим природным данным, по своей профессиональной подготовленности. Было впечатление, что его настолько морально унизили, что вернуться к прежнему душевному состоянию, которое отличало его до начала 20—х годов, он уже не мог. Только он никогда ни на что не жаловался. Зная его ровный характер, видя его приветливость и жизнерадостность, никто не думал, что А. А. Кокелю, в руках которого кисть и карандаш приобретали волшебную силу и чудо художественного образа совершалось как бы на глазах, само собой, в жизни может быть трудно, как любому из нас.

Пришел я к А. А. Кокелю, к тому времени уже знаменитому, робким деревенским парнем. Очень мило он меня принял. Расспросил,

учился ли я и где. Предложил приходить, приносить карандаш, резинку, бумагу, чтобы работать вместе. На первом же уроке я натянул бумагу неправильно. Алексей Афанасьевич поправил, сказав, что от правильно натянутой бумаги зависит качество рисунка, грамотное его построение. Надо было нарисовать голову старика. Начал я свою работу. А. А. Кокель при первых же моих штрихах заметил, что я делаю совершенно не то, не скомпоновал рисунок, поэтому продолжать его не имеет смысла. А что такое «компоновать» — я и понятия не имел. Он сел рядом со мной и подробно объяснил, что это такое. При этом на листе рядом с моим рисунком сделал свой, маленький. Сделал построение головы натурщика, приговаривая, вот так, так надо делать, это сюда, а это сюда. Сначала наметил основные объемы головы, их сочетания, затем провел «лепку» формы. Обращал большое внимание на детали, их своеобразие и характерность, но не как на отдельные части, а как на составное целого, неразделимого. Особое внимание останавливал на глазах, ибо это труднейшая штука; рисуешь их, мучаешься — ничего не получается. Кокель просит дать ему тонко очиненный карандаш «чтобы как иголочка была» и нарисует глаз по твоему рисунку. Совсем другое изображение — понятное, живое. Не разрешал работать сангиной или широким, толстым карандашом. Говорил, что ими надо пользоваться, когда станешь опытным художником. А тонкий карандаш дает возможность быстрее обнаружить допускаемые ошибки и лучше их исправить. После головы мы перешли к рисованию торса человека. Дела мои пошли вполне успешно. Вскоре я поступил в Харьковский художественный институт.

В те годы все частные занятия и консультации дорого оплачивались. С первой же стипендии в университете я решил заплатить Кокелю за уроки. Однако он меня и слушать не стал, замахал руками, говорит, ради всего святого, не делайте этого. И это в то время, когда он сам буквально бедствовал. А ведь у него занимались десятки молодых художников. Сам же, когда у него появлялась какая-либо сумма, всегда ухитрялся под каким угодно предлогом передать ее нуждающимся студентам.

В институте я попал в класс В. Д. Ермилова. Рисовал он вполне нормально, но картины делал из фанеры, жести, болтов, гаек и т. п. Увлекался кубо-футуризмом, супрематизмом, конструктивизмом и студентов сбивал на это. Нам это не нравилось, нам нужна была реальная живопись. Я к тому

времени посмелее стал, выбрали меня в Совет института ученым секретарем. Совет обладал в то время большими полномочиями. И мы, студенты, не принимавшие формализма, потребовали, чтобы нашим профессором по искусству был А. А. Кокель. Кокель рисунком и живописью владел лучше многих. Он для нас был живой классик реализма, у которого можно научиться серьезному делу.

А. А. Кокель вел в нашей группе рисунок и живопись. Помню первый натюрморт, который он поставил: в центре русский резной кувшин, фрукты — на фоне красивой драпировки. Постановка и простая, и сложная, а самое главное — привлекательная, академически строгая и очень оригинальная. На занятиях живописи Алексей Афанасьевич всегда требовал точного рисунка. Говорил, что на рисунке все и держится. Когда есть рисунок, есть все. Если не прорисовано как следует, то сколько ни пиши красками, все будет разваливаться. Рисунок — это фундамент всей композиции.

Мы часто ходили на выставки, в музеи и очень критически относились к произведениям авторитетных художников. Часто говорили А. А. Кокелю, вот, мол, такой мастер, а делает не так, как надо. Алексей Афанасьевич терпеливо выслушивал наши замечания, говорил, что для того чтобы получилось «не так» этот мастер много раз переделывал «так» как «я вас учу». Он отличал ученические работы от творческих, сделанных художником в зрелый период. Если же сразу начинать с того, что делают опытные мастера, то студент ничему не сможет научиться, у него для этого не хватит сил, умения, навыков, знаний. Особенно он предостерегал против преждевременной лихости, «свободы» рисунка. Для истинной свободы в рисунке нужна громадная школа, — говорил А. А. Кокель.

А. А. Кокель был неразговорчивым человеком. Нелюдимым — нет, молчуном — нет. Он был немногословен. Другие любят поговорить, пошуметь. Помню, один из наших преподавателей так расшумелся по поводу одного студента, что поставил вопрос перед администрацией, или этот студент, или — я. Видимо, студент нарушил дисциплину. Преподаватель хотел, чтобы с девяти часов все работали. Алексей Афанасьевич совсем другой человек был. В подобных случаях он только как-то особенно посмотрит, и сразу все становится на свое место. Добрым взглядом учитель добивался большего, чем другие окриком. Студенты очень любили А. А. Кокеля. Каждый из них знал, что у него можно поучиться многому.

А. А. Кокель как бы подводил студентов к картине, готовил к работе над большими произведениями. И в годы студенчества, и

потом, когда я был аспирантом и сам преподавал, вел в родном институте мастерскую батальной и исторической картины, я всегда наблюдал, как он готовил художников к серьезной творческой работе, как лелеял индивидуальные возможности каждого. А в те годы этого почти никто в нашем институте не делал. Более того, мне лично и дипломную работу, первую в жизни картину, не пришлось написать. Наш и Одесский институты заключили договор на соревнование: кто больше и скорее выпустит художников. Видимо, наш институт занял первое место, потому что нам не дали поработать, а тут же выписали дипломы. А. А. Кокель был против такой практики и, несмотря на свою мягкость и нелюбовь к публичным выступлениям, часто резко высказывался против такой постановки дела, требовал исходить из опыта академического обучения, реалистического искусства, которое не терпит верхоглядства и легкомыслия. Картину свою я все-таки написал, но уже после окончания института. А. А. Кокель в моей мастерской продолжал со мной занятия, входил во все подробности моей работы. Работа над эскизами, которые я написал под его руководством, научила меня тому, что я не успел узнать в институте.

Работая с нами, А. А. Кокель много рассказывал о своих учителях, показывал их работы. Он учил нас не просто ремеслу художника, но хотел приобщить к большой культуре. Эту особенность А. А. Кокеля многие знали, в том числе и художественные организации, каких было в Харькове довольно много. Они за ним буквально охотились. Всем хотелось свои позиции утверждать авторитетом А. А. Кокеля и его друзей по реализму. Его картины в то время звучали очень сильно, как новое слово в живописи. Любя академическую школу, оставаясь преданным ей и своим учителям, А. А. Кокель не был закостенелым в своих принципах консерватором. Он чутко реагировал на запросы времени и отзывался на них. Среди непонятных формалистических картин творения А. А. Кокеля и его товарищей смотрелись как молодые девушки среди больных, умирающих стариков. Зрители на выставках стояли именно у таких работ. Если там изображался человек, то это был человек, если он мучился — так мучился, если смеялся — так смеялся. Это было живое, настоящее, сама жизнь. И здесь была живопись, было настоящее мастерство, на которое мы ориентировались. В борьбе против формализма картины, подобные, например, «Стражу революции» А. А. Кокеля, сыграли более важную роль, чем все декларация и шумные выступления вместе взятые. Кокель не любил групповщины, возни, создаваемых любителями всяких диспутов

Харьковский художественный институт и после 20-х годов подвергался всевозможным изменениям. Многие из него ушли, не выдержав бессмысленных экспериментов. Лишь А. А. Кокель держался. Как и прежде, он не шумел, не угрожал, не выставял себя, как порою делали другие. Он умел молча сказать так, что его мнение всегда оставалось определяющим. Поэтому справедливо сказать, что в лучших достижениях этого института А. А. Кокелю принадлежит основная заслуга.

*С. Ф. Беседин,
заслуженный деятель искусств
Украинской ССР,
профессор*

ПЕДАГОГ ПО ПРИЗВАНИЮ

Я поступил на учебу в Харьковский художественный институт в 1922 г., когда его директором был А. А. Кокель. Время было тяжелое, только что по Украине прокатилась гражданская война. В учебных мастерских темно, холодно. Студенты жили где попало, питались как могли.

Однажды вошел в аудиторию человек чуть выше среднего роста, стройный, с какой-то лучистой улыбкой. Это был Кокель Алексей Афанасьевич. Нам повезло, ведь как художника его знали все.

Есть разные педагоги: случайные и профессионалы. А. А. Кокель по натуре был педагогом. Он любил заниматься с учениками, любил педагогическую профессию. Это было его высокое призвание. Ни при каких обстоятельствах он не выходил из рамок, никогда не повышал голоса; всегда доброжелательный, мягкий, открытый, вежливый. При этом очень принципиальный и настойчивый. Через всю свою педагогическую деятельность он пронес великие традиции мировой реалистической школы, воспринятые им в Петербургской Академии художеств у П. П. Чистякова, И. Е. Репина, Д. Н. Кардовского, В. Е. Маковского и Г. Р. Залемана, которые его самого ставили очень высоко. В нашем институте он и его товарищи по академической мастерской И. Е. Репина и Д. Н. Кардовского — М. А. Шаронов, С. М. Прохоров, А. В. Маренков, А. В. Хвостенко — Хвостов — составляли ту могучую реалистическую группу, которая вела последовательную борьбу со всеми формалистическими, модернистскими проявлениями в искусстве и художественном образовании тех лет, сыграла важную роль в утверждении принципов социалистического реализма в искусстве Украины.

Личность А. А. Кокеля даже в этом блестящем окружении — явление незаурядное. Он очень любил природу, людей, это

выражалось в каждом его поступке, движении, слове. В каждом его новом произведении видна высокая культура. Красоту, любовь к красоте он пронес через всю жизнь. И сам был всем красив, своим искусством, жизнью своей, общественной и педагогической деятельностью, которой всецело был предан. Он был более всего красив тем, что все, чем обладал, щедро и без остатка отдавал людям. Поэтому ученики его становились крупными мастерами искусства, яркими, неповторимыми творческими индивидуальностями. Он и его такие разные ученики подняли украинское искусство на небывалую высоту.

А. А. Кокель — большой мастер рисунка, основы основ искусства. Он стоял на позициях аналитического, творческого познания природы. В этом он был преемником традиций своих великих учителей, главное в учении которых состояло в том, чтобы изучать глубокую сущность пластической формы. Не внешне срисовывать видимое человеческому глазу, а контролировать чувство разумом, знанием. Он учил глубоко воспринимать природу, терпеть не мог приблизительности в ее передаче, отхода от природы ради красоты. Из педагогических приемов ближе всего для него был личный показ. Показчик он был первоклассный.

А. А. Кокель прекрасно чувствовал и умел передавать природу в цвете, живописными средствами. Живопись он понимал как рисование цветом. Он говорил, нет живописи без рисунка, нет живописи без формы, нет живописи «вообще». Особенно возражал против так называемой «техники живописи». Техника живописи в любом материале тогда высока, утверждал он, когда ее «нет» когда ее не видно, когда о ней, глядя на произведение, не думаешь. То есть, высока она тогда, когда художник подчиняет технические приемы выражению своих мыслей, пластической формы. Алексей Афанасьевич говорил: не показывайте мне мазочков, не показывайте «красивую технику» а дайте реальную пластическую форму. Часто ссылался на В. А. Серова, который тем велик, что в его произведениях есть не «техника» а крепкая, живая передача материального мира, осязаемой, реальной формы.

А. А. Кокель последовательно воплощал свои педагогические и художественные принципы в произведениях; примером тому — «В чайной», «Страж революции», «Пикбез», «К. Е. Ворошилов у танкистов», «Отдых бойцов» ставшие крупными достижениями в украинском изобразительном искусстве. Он не любовался голой техникой, не бравировал своим высоким умением, не искал цветовых решений лишь ради решения, а смотрел на них как на средство достижения определенных художественных целей.

А. А. Кокель относился к педагогической работе как к самой сложной творческой задаче. Это совершенно правильно, ведь педагог должен идти в ногу со временем, более того — опережать его. Он сам должен постоянно обогащаться и обогащать знаниями других, воспринимая все лучшее, передовое, прогрессивное в мировой культуре. Студенты знали, что на каждом его занятии будет что-то новое, интересное, еще не познанное, но крайне необходимое для дальнейшего развития. Ученики не пропускали занятия, не опаздывали на них, не работали плохо. Каждый трудился от души, выкладывая все свои возможности.

Многие преподаватели и студенты к учебным занятиям по рисунку и живописи относились как к нудной, хотя и необходимой работе. Интересной они находили лишь композицию, сочинение эскизов картин. У А. А. Кокеля такого разделения не было. В учебной работе для него не было мелочей, которыми можно было бы пренебречь. Он требовал творческого отношения к самым незначительным работам, которые в дальнейшем помогут в решении больших идейно-композиционных задач. Он считал, что вся атмосфера в институте, все виды работ в студенческие годы должны служить формированию будущих художников, способных самостоятельно ставить и на высоком художественном уровне решать сложнейшие творческие задачи.

А. А. Кокель считал метод показа не безразличным для будущих художников. В необходимых случаях он показывал прямо на работе самого студента. Некоторые преподаватели подстраивались под настроение студента, не желая нарушить ход мыслей автора, его понимание и душевное состояние. Такое подделывание А. А. Кокель не любил. Он говорил, что педагог должен быть всегда выше студента в раскрытии замысла. Кокель показывал обычно рядом с рисунком студента, не выполняя за него, а объясняя сам характер и принцип изучения природы в рисунке. Такие рисунки «на полях» становились для нас бесценными образцами, и мы оставляли их на память. Если студент не сразу или не полностью понимал свою задачу, то Кокель «фидел» с ним на одном и том же вопросе до тех пор, пока ученик своими силами не решит его. Требовательность педагога он видел в том, чтобы научить студента поставить задачу и добиться ее правильного художественного решения. Он никогда не прощал ученикам незнания, поверхностности и недоработанности. Рисунки в его мастерской часто бывали незаконченными, но то, что уже было сделано, говорило о том, что студент свою задачу понимает.

У А. А. Кокеля много учеников, но нет среди них одинаковых, похожих друг на друга или на своего учителя. Все они разные, со своим, ясно выраженным творческим почерком. Хорош тот педагог, говорил А. А. Кокель, который не себя передает студентам, не себя повторяет в них, а умеет распознать и развить индивидуальные качества каждого ученика. Этого принципа придерживался Репин. Известно, что И. Е. Репин, в мастерскую которого записывалось всегда много талантливой молодежи, невольно подражавшей своему великому учителю, часто возмущался: ненавижу репинят. То есть, таких учеников, которые теряли свою индивидуальность.

В Харьковском художественном институте, как уже говорилось, преподавали в основном воспитанники Петербургской Академии художеств, ученики П. П. Чистякова, И. Е. Репина, Д. Н. Кардовского, стоявшие на реалистических позициях. И на собраниях, и в дружеских беседах они с глубокой благодарностью вспоминали своих учителей, раскрывали их величие, ценность их наследия перед студенческой аудиторией.

Для нас, студентов, было очень важно, что у А. А. Кокеля и его коллег слово и дело никогда не расходились. Как художники, они выступали очень активно на всех выставках своего времени и задавали тон. Мы наблюдали, например, как создавалась картина А. А. Кокеля «Страж революции». Там нет отсебятины. Помню всю обстановку, на фоне которой написан главный герой. Зрители встретили картину восторженно. Она явилась началом новой, советской станковой картины. Внешне скромная, без броских пластических решений. Все достоверно, с натурной правдой. Правда формы, правда тона, правда пластического и колористического решения. Картина проста, понятна и в то же время захватывала своей реалистической правдой.

Помню, с какой радостью мы ходили на выставку, на которой была показана «Голова старого рабочего» — рисунок А. А. Кокеля. Это — классическое произведение — по глубокому мастерству, по тонкому психологическому выражению рабочей жизни того времени. Простой этюд. Конкретный человек, ветеран труда и революционной борьбы. Но это типический образ, вобравший в себя все характерное для старых поколений рабочих России. Вот этим умением схватить и выразить наиболее существенное был всегда силен А. А. Кокель. Не всякий художник обладает таким даром.

В нашем институте хранятся эскизы и подготовительные этюды и рисунки к картине А. А. Кокеля «В чайной». Это — классический образец реалистической картины. А. А. Кокель любил ее и гордился ею и всем комплексом подготовительных работ. По существу, эти

подготовительные работы стали самостоятельными произведениями высокого класса. Каждая из них закончена, выразительна, поэтому, естественно, эти материалы заняли в методических кабинетах Харьковского и Киевского художественных институтов видное место. На них готовилось не одно поколение художников.

В конце жизни Кокель часто болел, но этого никто из нас не замечал. Он выглядел всегда бодрым, держался ровно. Я часто бывал в эти годы у него дома, где мы вели нескончаемые беседы об искусстве и литературе, которую он хорошо знал и любил, о музыке. Он хорошо играл на рояле и пел. Иногда пробовали петь вместе. Когда он пел чувашские песни, на глазах у него стояли слезы. Рассказывал, что его родители забытые нуждой, никогда не пели, даже не смеялись. Очень любил украинские песни, много их знал. Очень любил наш край, многое в его биографии было связано с Украиной. Искусство составляло основную цель, смысл его жизни. Он живо интересовался всем, что происходило в мире.

Кокель — подвижник труда. Трудно сказать, когда он просто отдыхал. Он был всегда или за книгой, или с карандашом и кистью в руках. Но он никогда не замыкался в узких рамках одного вида искусства, обогащался новыми достижениями во многих областях человеческой деятельности. Он был разносторонне образованным человеком.

В 1946 г. мы поехали в Ленинград, в Академию художеств: А. А. Кокель, С. М. Прохоров и я как директор Харьковского художественного института. Были на методической конференции, на которой обсуждались пути развития советской художественной школы, утверждались учебные программы по специальным дисциплинам для средних и высших заведений. И я был рад увидеть, то, что отстаивал в Харькове А. А. Кокель, стало на этой конференции главной линией развития всей советской художественной школы. Наш учитель был еще более окрылен. Таким окрыленным, устремленным вперед он сохранился в моей памяти навсегда.

*Л. И. Чернов,
заслуженный деятель искусств
Украинской ССР,
профессор*

МЯГКИЙ, ЧЕЛОВЕЧНЫЙ, ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ

А. А. Кокель от природы был исключительно одаренный человек. Однако при его жизни мне казалось, что свои возможности он в полной мере не реализовал. У него, по моим представлениям тех лет, не было той внутренней энергии, какая была, например, у его самого близкого друга С. М. Прохорова. И по натуре он был ровный, деликатный, грубости или повышенного тона никогда и ни с кем не допускал. Совсем другой человек был С. М. Прохоров — решительный, эмоциональный. Приходит он к нам в мастерскую, а на улице весна, солнце, у него от этого хорошее настроение, на нем белый костюм, на груди орден и начинает громко читать стихи А. С. Пушкина. Но настроение его было переменчивым. Один студент говорит ему: «Семен Маркович, я был сегодня в музее, смотрел «Запорожцев» И. Е. Репина — уж черная картина!» Прохоров от обиды даже покраснел, ногами затопал: «Ты что, дурак. Пошел вон!» В другой раз стоим у тех же «Запорожцев». Одна из студенток замечает: «Как вы думаете, Семен Маркович, не велика ли рука у того запорожца, что на втором плане?» Он: «Птичка! Тебе показалось, никогда такого не видел» — в том смысле, что у И. Е. Репина такого не может быть. Не мог перенести, чтобы кто-то видел у И. Е. Репина что-либо плохое. А. А. Кокель тоже очень любил И. Е. Репина, много о нем рассказывал, но всегда отводил наскоки студентов на него и одновременно приучал критически относиться к художникам прошлого, какими бы великими они ни были. Относиться критически, чтобы у них научиться мастерству и идти в своем развитии дальше.

Мне, естественно, нравилась решительность С. М. Прохорова. С ним я жил долгие годы рядом и в институт ездили вместе. Когда заходила речь о А. А. Кокеле, Семен Маркович говорил: «Алексей Афанасьевич совсем не такой, как ты думаешь. Он очень боевой» Именно от Прохорова я узнал о революционной деятельности А. А. Кокеля в Петербурге, на Урале и в Поволжье, о его активной работе в годы гражданской войны, руководящей работе в Ассоциации художников Червонной Украины, в нашем институте, о том, какую роль сыграло его творчество в борьбе против формализма за утверждение социалистического

реализма. Сам крупный художник и педагог, Семен Маркович откровенно завидовал таланту своего друга и при всех громко восхищался им. У нас, студентов, было такое впечатление, что им трудно даже на минуту разлучаться, всегда они были вместе.

В 1932 г. я приехал в Харьков. До этого я здесь никогда не был. Чувствовал себя в общем неуютно. Приехал сдавать вступительные экзамены в художественный техникум. Принимал Кокель. Алексей Афанасьевич поставил экзаменационный натюрморт индустриального содержания Некирпич, фуганок, какое-то колесо, шестерни — тогда такими мотивами очень увлекались. Чувствуя поддержку Алексея Афанасьевича, я работал довольно решительно.

А. А. Кокель на первое же свое занятие принес целую папку со своими рисунками, этюдами. В одном из этюдов меня сильно поразило небо, которое было написано так свежо, красиво, солнечно, что весна, изображенная на холсте, казалась настоящей, несущей людям радость и счастье. Впрочем, этот этюд висит у нас в художественном институте.

А. А. Кокель был чудесным живописцем и учил нас живописи — тонкой, гармоничной, звучной. В наши работы он часто вмешивался, но никогда не писал за студента всю работу, как некоторые другие педагоги. То место рисунка, где он показывал и поправлял, сразу оживляло общий фон, всю композицию в целом. Вспоминаю, как я однажды писал старика в сложном повороте, сзади, почти «из-за уха». Бился, бился и все без толку, не получается. Подошел Алексей Афанасьевич, «взял» цветком один кусочек моей работы — появился и поворот, и нужная тональность. Дальше уже я сам смог продолжить как надо.

По рисунку всем хотелось учиться именно у него. Привычка у него была такая, садится за мольберт и отставляет левую руку ладонью кверху, назад, к студенту, где тот стоит за спиной преподавателя — это означало, надо резинку ему на ладонь положить. В правую руку Алексей Афанасьевич берет карандаш и «проходит» по всему рисунку мягко, деликатно, но сразу заметно, что тут он поработал; его руку ни с чьей не спутаешь. Он всегда говорил, рисуйте как бы двумя руками, смотрите на форму изнутри. И в это время работал карандашом и правил резинкой в левой руке; поправляя резинкой, он ею рисовал так же, как карандашом. Объясняя нам рисунок, указывая на ошибки, он не сыпал терминами, а показывал внутренние связи формы, которые надо было найти.

В Харьковском художественном институте висят рисунки, выполненные за 12 часов, когда А. А. Кокель учился в Академии,

в мастерской Д. Н. Кардовского. Сделаны они с блестящим мастерством. Их не спутаешь ни с какой другой работой. А. А. Кокель однажды рассказал такой случай. В мастерской Д. Н. Кардовского он рисовал, сидя рядом с А. Е. Яковлевым, таким оригинальным, что все хотели рисовать, как он. Д. Н. Кардовский тогда сказал Алексею Афанасьевичу, «Вы – Кокель, он – Яковлев. Он рисует, как Яковлев, а вы рисуйте, как Кокель» На этом примере А. А. Кокель показывал, как надо развивать свой талант, свое творческое лицо, которое тогда только хорошо, когда оно свое, а не чужое.

Настоящий талант рисовальщика у А. А. Кокеля я открыл для себя после его смерти. Мы готовили его выставку. Были в его мастерской вместе с Д. П. Овчаренко и Г. О. Томенко. Я поразился его альбомным наброскам, которые он никому никогда не показывал. По ним понял всего А. А. Кокеля. По ним можно было узнать его характер, размышления. Передо мной вдруг предстал художник огромного масштаба, о котором я по существу ничего не знал.

Все, что делалось под руководством А. А. Кокеля в техникуме и институте, было направлено на подготовку к работе над серьезной картиной. В то время картина в определенном смысле была в загоне, ее традиции во многом были забыты. Алексей Афанасьевич эти традиции возрождал, хотя ему приходилось, конечно, нелегко. Он всячески поощрял работу над композицией. Я любил компоновать. Мне особенно нравился в ту пору М. В. Нестеров. Показывал свои эскизы А. А. Кокелю. В отличие от многих преподавателей, он не останавливался на мелочах, не показывал, где надо чуть левее или чуть правее, выше или ниже. Он обращал внимание прежде всего на содержание, на идейную направленность и остроту вещи. Он говорил о целом отношении к раскрытию избранной темы. И требовал правды выражения, радость так радость, печаль так печаль, чтобы этой задаче все было подчинено. Когда я говорю о композиции, то ясно представляю самого А. А. Кокеля, весь ладный, гармоничный, крепко скомпонованный, без диссонансов.

В 1934 г. я уехал в Саратов для поступления в художественное училище имени А. А. Радищева, где, по словам Алексея Афанасьевича, получили образование многие чувашки. Некоторых он помнил со времени революции 1905—1907 годов. Напутствуя меня №я потом вернулся в Харьков№, А. А. Кокель просил узнать о судьбе его картины «В чайной» Формалисты, утвердившиеся в Академии, подобные картины, как и все классическое наследие прошлого, уничтожали. Понимающие люди картину «В чайной» направили в Саратов и так сохранили

ее для истории. В Саратове я ее не увидел, она была направлена дальше, в Вольск, в город высоких революционных традиций, где оказалась в полной безопасности. Ныне она составляет одно из главных украшений местного музея.

Сейчас я вспоминаю годы, проведенные с А. А. Кокелем, как самые счастливые. Он учил нас высокой человечности, без которой ни один мастер, даже самый великий, не создаст произведений, достойных внимания и любви народа.

*В. Ф. Яценко,
заслуженный деятель искусств
Украинской ССР*

ЧУТКОЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК

Считаю большой честью для себя, что я, как и очень многие мастера советского искусства, являюсь учеником Алексея Афанасьевича Кокеля. Встречи с ним незабываемы. Это был выдающийся художник, прекрасный педагог и человек золотого сердца и чуткой души.

Передо мной он стоит как живой и поныне. Спокойная походка, движения непринужденные. Лицо бледноватое, доброе выражение, ласковая улыбка. Высокий лоб мудреца. Глаза, немного прищуренные, будто глубоко всматриваются в мир. Все он делал умеренно, не спеша. Руки — настоящего художника, чуть коротковатые пальцы. Когда он ими брал карандаш, уголь или кисть, они становились послушными, чуткими, виртуозными.

А. А. Кокель не мог жить без постоянного общения с людьми. С утра до позднего вечера он находился в институте, со студентами. Приходя на работу, не шел в канцелярию или на кафедру, по пути его обязательно останавливали ученики. Потом сразу приходил в мастерскую, где проводил занятия. В его классе всегда стояла атмосфера творческого труда. Сам он был захвачен искусством, и это передавалось окружающим. Ему приятно было приобщать людей к таинствам искусства. Работал он не в силу служебной необходимости, а — в самом высоком смысле — по велению души.

Постоянно приходил к нам в общежитие, вникал в наш быт. Время было трудное — первые послевоенные годы. Мы очень часто, не реже одного раза в неделю, ходили разбирать бомбовые завалы, на ударные стройки, на фабрики и заводы. Проводили субботники и воскресники. И с нами всегда на равных работал А. А. Кокель. К нам он относился как к самым близким для него людям. В войну он потерял сына, тосковал по нему, страшно переживал, все ждал, что сын вернется. И каждого из

институтских, возвращавшихся из армии, он обнимал, целовал как родного. Первая моя встреча с А. А. Кокелем состоялась в 1931 г., когда я, деревенский мальчик, приехал в Харьков для поступления в художественное училище. Нас было много, более двухсот абитуриентов. Естественно, волновались, все – таки впервые в городе, настоящих художников еще не видели, друг друга не знали. В училище висят картины, на которые смотреть страшно – так они мастерски написаны. И заходит к нам в мастерскую, где нас разместилось около 40 человек, обаятельнейший человек, улыбается. Приветливо поздоровался и сразу предупредил, чтобы мы успокоились, об экзаменах особенно не думали. Все будет хорошо. Только надо сосредоточенно работать, показать, в какой степени мы подготовлены для обучения в училище. Этим Алексей Афанасьевич настолько расположил к себе, что все страхи прошли, и мы почувствовали, что перед нами не просто профессор, не только большой художник, а близкий, родной человек, как отец.

На приемном экзамене он поставил натюрморт. В окружении промышленных предметов, в центре, стояла шахтерская лампочка. Это было символично. Личность самого Кокеля была как эта волшебная лампа и в моей дальнейшей творческой жизни освещала мне путь светом реализма. На экзамене он подбадривал нас, указывал на ошибки, которые можно устранить, хотя помогать на экзамене, конечно, не полагалось. Наш курс ему понравился, потому что все мы были непосредственно из народа из шахт, с заводов и фабрик, – люди, привыкшие к труду. Он очень не любил безделья и тех, кто, желая стать художником, чурался повседневного труда, вел себя аристократически, боясь запачкать руки.

В первые недели войны, пока я не уехал на фронт, и после освобождения Харькова мы работали вместе с А. А. Кокелем в мастерской плаката. Вспоминали, как в годы гражданской войны он делал плакаты и панно, росписи агитвагонов. Это были интересные произведения, выполнялись быстро, оперативно, всегда на таком материале, который интересовал всех советских людей и был особенно близок и понятен харьковчанам, в конкретных военных условиях. Алексей Афанасьевич как крупный художник и педагог быстро улавливал состояние массовой аудитории, тонко разбирался в психологии публики и умел мобилизовать ее силы, направить к определенной цели.

Авторитет А. А. Кокеля был очень высок. Утверждался этот авторитет не тем, что он профессор, ученик И. Е. Репина, воспитанник

Академии, друг великих людей современности. Он своего величия как бы и не чувствовал, со всеми держался просто и приветливо. Наставляя нас, давая мудрые советы, он сам показывал личный пример правильной жизни, преданного отношения к искусству. Это было важнее всего. Он не показывал нам каждодневно свои творческие работы, но как блестящий рисовальщик и живописец раскрывался на выставках, на которых его работы всегда занимали центральное место, как, например, «Страж революции». Я знаю, как много прекрасных его творений погибло в прошлую войну. В трудной обстановке борьбы различных художественных направлений его линия была ясная, прямая, последовательная, и трудно переоценить его роль художника, педагога, общественного деятеля на всех этапах развития украинского искусства. Реалист, он ратовал за правдивое отображение окружающей действительности, стоял за настоящий рисунок, обращал внимание на богатство цвета, колорит, целостность композиции. Всей системой работы он добивался воспитания художника, гражданина своей родины.

Когда я стал директором Музея украинского искусства в Киеве, я часто видел его со студентами у картин великих художников, особенно у «Запорожцев» И. Е. Репина. Он учил всматриваться в произведения других авторов, разбирая их, как говорится, до косточки. Однако при любом анализе он доносил до учеников и слушателей целостность картины в ее живой связи с историей и современностью. В общении с ним всегда остро чувствовалось, как высоко назначение художника и как велика его ответственность в обществе.

Более всего мне запомнился А. А. Кокель, когда мы в 1944 г. поехали в Киев, на съезд художников Украины. Были там Максим Рыльский, Павло Тычина, Микола Бажан, Сергей Герасимов, Мартирос Сарьян, которые близко знали Алексея Афанасьевича и всегда с уважением и тепло говорили о нем, как о большом художнике. Особенно приветлив был с А. А. Кокелем В. И. Касиян, которого тогда избрали председателем правления Союза художников Украины. Было много художников — фронтовиков. Из их работ в Музее русского искусства организовали выставку. В городе — сплошные руины, Крещатик лежал в развалинах. А на душе — ничем невыразимая радость, приподнятое настроение, ведь изгнали врага с нашей земли, началась мирная жизнь, мы могли продолжать творить. Алексей Афанасьевич был как никогда весел, молод, быстр, настроен по — боевому. Как художник, он в эти послевоенные годы сделал очень много.

Большая часть его работ ныне хранится в лучших музеях страны и стала достоянием всего народа.

*Г. М. Окладной,
доктор исторических наук,
профессор.*

УБЕЖДЕННОСТЬ И УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ

В 1950 г. я, недавно избранный заведующим кафедрой общественных наук в Харьковском художественном институте, был приглашен к А. А. Кокелю на домашний ужин. До этого Алексея Афанасьевича чествовали в институте в связи с 70-летием со дня его рождения, а теперь собрались самые близкие друзья, вместе с которыми он прошел большой путь в искусстве. И на институтском вечере, и дома меня поразили скромность, с какой держался А. А. Кокель, и та огромная любовь, которую питали к нему и студенты, и старые художники. Особенно запомнилось на ужине выступление профессора В. Ф. Мироненко; характеризуя огромный вклад юбиляра в развитие советского искусства и советской художественной школы, он раскрыл роль Кокеля в нашей многонациональной социалистической культуре. Как художник-реалист, как продолжатель лучших традиций мировой художественной школы А. А. Кокель воплотил в своем творчестве лучшие качества советского гражданина, единение культур русского, украинского и чувашского народов.

А. А. Кокеля отличали прежде всего скромность и умение выполнять повседневную творческую и педагогическую работу с высокой требовательностью к себе и людям. Он не любил словесных дискуссий, на всех заседаниях и собраниях выступал очень коротко. Выступая, никогда не навязывал своего мнения, он как бы представлял его на обсуждение. Но его доводы всегда были доказательны, основаны на богатейшем опыте активно ищущего, постоянно развивающегося художника с очень широким общественным кругозором. Он всегда бывал в курсе новых открытий, достижений и имел о них свое глубокое суждение. Его предложения всегда принимались. Его труд, знания и умения, преданность делу определяли силу его безграничного влияния в коллективе. Он притягивал к себе широчайшей эрудицией, высоким личным мастерством в искусстве, перспективностью мышления, устремленностью в завтрашний день, умением готовить своих учеников для потребностей искусства будущего. Он был художником в самом высоком значении.

В конце 50-х годов Харьковский художественный институт был преобразован в художественно-промышленный, стал выпускать художников-дизайнеров для промышленности. Преобразование это прошло без коренных ломов, в целом совершенно безболезненно прежде всего потому, что он к этому был подготовлен всем опытом прошлого. А. А. Кокель, деятельность которого определяла основные черты института, всегда учил, что основой всех искусств является рисунок, что изобразительное искусство есть начало новейших форм прекрасного, что промышленная эстетика не может развиваться без изобразительного искусства, без серьезного овладения законами реалистического рисунка, живописи, композиции. Он умел смотреть далеко вперед и не замыкался в рамках личных интересов. Студенты, занимавшиеся в его мастерской, всегда отличались от других. И внешне они были другие: подтянутые, собранные, по-особому красивые, как и их учитель. Он воспитывал будущих художников убежденными в правоте своего дела.

А. А. Кокель был прежде всего хороший человек. Весь его внешний вид выражал порядочность, честность. Он вошел в мое сознание как образец художника, представителя художественной интеллигенции, которая внесла огромный вклад в решение проблем коммунистического строительства, в воспитание молодежи.

Запомнился А. А. Кокель на одном из Советов института, на котором обсуждались его творческие работы к выставке в связи с наступающим 75-летием со дня рождения и 50-летием творческой и педагогической деятельности. Предельная скромность в оценке своего труда. Очень внимательно слушал все выступления, особенно благодарил тех, кто высказывал обоснованные критические замечания. Казалось, его радовали эти замечания, потому что они говорили о высоких критериях выступающих, о том, что общий уровень школы возрос, художественная культура приобретала большой размах, чего он всю жизнь добивался. И в этой скромности я особенно сильно почувствовал силу настоящего, крупного художника. В портретном творчестве это был такой мастер, которого, может быть, мы в полной мере не поняли, не оценили. Необычайная простота изображения, внешне обманчивая как в любом большом деле, мне говорила о той высоте профессионального мастерства, на которую поднимаются лишь редкие таланты.

*В. В. Сизиков,
народный художник
Украинской ССР,
профессор*

ПРОФЕССОР

К Алексею Афанасьевичу Кокелю в ученики я попал в 1940 г. До этого окончил Омское художественное училище имени М. А. Врубеля. Здесь у А. А. Кокеля было много товарищей и знакомых. Отсюда вышел М. А. Врубель, один из самых способных учеников П. П. Чистякова. В училище хранилось много его работ. А. А. Кокель знал этого великого мастера по Петербургу, преклонялся перед его талантом колориста. В Омске работал Сверчков, он возглавлял Западно–Сибирский филиал АХРРа и внес определенный вклад в борьбу против формалистических группировок, в утверждение принципов социалистического реализма в искусстве того края. Он был также директором училища, вернее, техникума, обладавшего правами высшего учебного заведения. Как непосредственный ученик Д. Н. Кардовского по Академии, Н. К. Сверчков поставил преподавание рисунка и живописи на твердые реалистические основы. После него директором училища стал Д. С. Суслов. В училище хорошо помнили А. М. Любимова. В 1935 г., в год моего поступления в Омское училище, из Ленинграда после окончания Академии приехал П. А. Плахотнов, прекрасный живописец, впоследствии преподаватель Московского училища имени 1905 года. В тот же день стал у нас преподавать Т. П. Козлов, воспитанник Одесского художественного института, ученик Л. О. Мучника и Д. К. Крайнева. С Одесским институтом непотом училище у А. А. Кокеля были близкие связи. Он рассказывал, что именно воспитанники этого учебного заведения, обучавшиеся в Петербургской Академии художеств, своими бесконечными разговорами об Украине, своими песнями, своей тесной дружбой и спаянностью между собой окончательно решили, чтобы он, А. А. Кокель, выбрал для себя местом жительства город Харьков. Поступая к Кокелю, я имел профессиональную подготовку, основанную на традициях Ленинградской Академии и Одесского института, что он с удовольствием отмечал.

А. А. Кокель был человек твердых правил, принципиальный, но чуждый крайностей и упрямства. Человек большой внутренней культуры, он был скромный, застенчивый, деликатный. Мы чувствовали, что в нем живы традиции Петербургской Академии, которые он воспринял больше всего, по–моему, от Д. Н. Кардовского. Он и рассказывал о нем чаще

всего. Для рисования он всегда ставил интересные постановки, с разными задачами — начиная с простейших и кончая очень сложными. Высокая пластичность была в основе искусства Кокеля — рисовальщика.

Он так выразительно показывал, что никаких слов не требовалось. Говорил тихо и мало. На рисунке в свету он, притирая карандашные следы мизинцем, обобщал форму, уточнял тон, но часто предупреждал, что этого нельзя делать в тенях. Чуть — чуть тронет, чтобы взять большие отношения света и тени. Радовался хорошим рисункам студентов. Помню, на первом курсе, во втором семестре, мы начали рисовать обнаженную фигуру мужчины. Мой рисунок по построению и выразительности пластики удался. А. А. Кокель показывал его на 3-м курсе, объяснял, каким образом надо строить фигуру человека.

Никаких вольностей при нем не допускалось. Мы всегда чувствовали, что это очень большой художник, хотя об этом никто не говорил — ни студенты, ни преподаватели. Своим ровным отношением ко всем, высокой требовательностью к выполнению учебных заданий, своими творческими произведениями, которые часто показывались на выставках, А. А. Кокель приучал учеников к постоянству, целенаправленной и усидчивой работе. Он был рад, что в 1953 г. меня избрали председателем правления Харьковской организации Союза художников Украины. Не на этой должности, поддерживаемый учениками и друзьями А. А. Кокеля, я оставался все последующие годы. Радость свою он не выражал словами, а просто чувствовалась его дружеская расположенность.

Когда он бывал недоволен работой студентов, не выговаривал им, не поучал их, а просто отходил молча. И всем было ясно, что студент допустил недобросовестность. Это очень сильно действовало, потому что мы сами видели Алексея Афанасьевича всегда в работе, в хорошей рабочей форме, готовым помочь каждому из нас. Приступая к работе с той или иной группой, он заранее изучал ее, вникал в ее психологические и иные особенности, работал вполне осознанно и на самом высоком профессиональном уровне воспитывал своих учеников в реалистических традициях русского искусства.

*Л. А. Шматько
заслуженный художник
Украинской ССР*

ТОЛЬКО РЕАЛИЗМ

В 1932 г., приехав в Харьков, я хотел стать архитектором, но поступил на живописное отделение художественного училища, а через некоторое время подался на театральный факультет. А. А. Кокель, у которого я учился на первом курсе училища, а затем в институте, не ругал меня, считал, что будущему художнику надо хорошо знать все виды искусства. Но для этого, говорил он, нужна серьезная, целенаправленная и углубленная работа, а не «порханье по верхам». Это его наставление, к которому я вначале не очень прислушивался, дошло до меня по-настоящему в годы войны, когда я работал на танковом заводе.

Человек он был мягкий, очень застенчивый. В 1937 г. приехал к нам И. И. Бродский, директор Всероссийской Академии художеств в Ленинграде. Оба друг друга хорошо знали и уважали. В институте у нас постарались встретить гостя шумно. Алексей Афанасьевич вел в это время занятия в мастерской и не прервал их, так как всегда был против парадности и шумихи.

Принцип его работы со студентами: он никому не мешал, давал каждому работать так, как подсказывает ему его собственная природа. Но признавал только реализм, только изучение реальности. И в рисунке, и в живописи требовал работы сознательной, знания анатомии и перспективы. Очень большое внимание обращал на тон. Верно взятый тон решает успех всего произведения, говорил он. Пример: два наших преподавателя написали картину на тему того времени «Сталин с детьми». Раскрасили ярко, цветисто. Успех, шум вокруг них. Мы спрашиваем: «Алексей Афанасьевич, как надо работать — как они или как Репин?» Он говорит: конечно, как Репин, потому что у него верный тон и никакой цветистости не требуется для выражения радости.

На всю жизнь запомнился живописный прием, который он показал нам на портрете В. В. Стасова работы И. Е. Репина. Решили мы поставить натурщика в полном повторении портрета В. В. Стасова, в желтом халате, как у И. Е. Репина в Харьковском художественном музее. Все поставили правильно, но пишем и ничего у нас не получается, не выходит того, что на портрете великого художника. Смотрим, у Репина фон темным написан, а вся фигура — светлая, но в натуре у нас такого нет,

хотя все поставили, как у Репина. Алексей Афанасьевич говорит: «Репин — то делал немножко не так, как вы». И показал, что в портрете, Стасова фон обобщен, взят несколько в ином тоне, чем в натуре, с тем, чтобы дать цельный силуэт могучей фигуры. Писать с натуры — не значит копировать ее бездумно, в этом не было бы никакого искусства. Строить надо работу сознательно.

Моя дипломная картина, которую я написал под руководством А. А. Кокеля в институте, называлась «Первое утро Советской власти». В. И. Ленин выходит из Смольного. Об этой картине тогда много писали «жесты», впервые о дипломной картине за всю историю нашего института. Признаюсь, не все типы в картине я написал по натурным этюдам. Запутался на изображении головы одного из героев, которое мне казалось второстепенным; ее, я считал, можно хорошо написать и без этюда. Но не вышло. Алексей Афанасьевич говорит, как же это без этюда с натуры, без проверки в жизни. Взял он кисть, сделал несколько мазков, и все стало на место, так, как и надо было. Он добивался, чтобы мы понимали и чувствовали целостность произведения, и подводил нас к этому осторожно, не навязывая своего мнения, а так, чтобы мы до всего своим умом, своим трудом доходили.

После окончания института я получил мастерскую, стал самостоятельно писать. Кокель внимательно следил за моей работой, требовал, чтобы был хороший рисунок. Рисунок, рисунок, рисунок. Все на нем держится. Он должен быть красивым, пластичным. При хорошем рисунке картина поет. Требуя знания, точного выражения замысла, А. А. Кокель рабочих и крестьян, из пролетарской среды. В беседах с нами Кокель это подчеркивал, сравнивал старое время и сегодняшний день, говоря, что правительство создает все условия для учебы, для развития таланта каждого. Он говорил: разве можно сравнить трудности, переживаемые страной, с теми, какие испытывали трудящиеся массы до революции. В его беседах эта разница действительно выступала очень ясно. Нам хотелось учиться лучше, отдаваться полностью избранному делу, в котором требуется очень высокое мастерство. возвышал нас до поэзии

Кокель внешне был очень привлекательный, приятный, красивый, пропорции тела хорошие. Спокойный, неторопливый, немногословный. Прежде чем сказать, подумает, не спешит высказаться. Каждое слово его было к месту и только по делу. Любил и пошутить, но не любил, когда студенты шутками.

А. Сивиков. «Портрет А. А. Кокеля» 1950 г.

*П. А. Шигимага,
заслуженный художник
Украинской ССР*

□ ТРУДОМ СВОИМ ПОСТИГАТЬ □

У А. А. Кокеля я начал учиться в 1932 г., когда поступил в Харьковский художественный техникум. Время было трудное. Хлеб получали по карточкам. В деревне шла классовая борьба. Наши преподаватели и студенты выезжали в районы, чтобы оказать помощь в организации колхозов. Некоторые при этом становились жертвами зверства врагов Советской власти. После революции в учебные заведения принимали прежде всего детей унижали товарищей. С. М. Прохоров, который терпеть не мог расхлябанности, всегда указывал на А. А. Кокеля: □ Вот видите, какую жизнь прожил, какую нужду испытал, а как красив! □

А. А. Кокель рассказывал, что все старые художники работали стоя, так как, рисуя сидя, приучаешься горбиться. Нас он заставлял работать только стоя, говорил, что художник должен быть постоянно в движении, должен видеть натуру и свою работу полностью, на расстоянии, чтобы сохранить целостность восприятия изображаемого.

У А. А. Кокеля был талант распознавать способности других людей, раскрывать их для творческой работы. Об этом мне еще в школьные годы говорил мой первый учитель С. К. Вакуленко, у которого учился и М. Г. Дерегус. С. К. Вакуленко был в числе первых учеников А. А. Кокеля в годы реорганизации художественного образования, когда многие другие преподаватели над такими тонкостями особенно не задумывались. Алексей Афанасьевич отдавал работе с учениками всего себя, может быть, по этой причине ему не удалось самому полностью раскрыться как художнику. Однако то, что он сделал, стоит на очень высоком уровне и выдает в нем качества большого мастера.

Вспоминается, как показывал нам Алексей Афанасьевич свои работы студенческих лет. Мы не поверили, что это всего лишь учебные этюды. Вот этюд маслом — спина мужчины. Свежесть такая, будто написано лишь вчера. А рисунки углем! Удивительное мастерство рисовальщика и живописца, при этом основанное на глубоком знании технологии материалов, которыми Кокель пользовался. О технологии я говорю потому, что ей в работе с нами он уделял очень серьезное внимание. Другие об этом даже вскользь не говорили.

А. А. Кокель учил нас писать и рисовать всегда по натуре. И сам подавал в этом пример. Я помню, как он писал картину □ На

Шигимага П. А. в Тарханской средней школе. 1980 г.

соляных промыслах□ Показывал старые этюды и рисунки, выполненные им на Урале еще в годы первой русской революции. Новые же этюды он писал в г. Сакки, на соляных разработках. Помимо этюдов он даже изготовил макет тачки, на которой рабочие возят соль. Мне, говорил тогда Алексей Афанасьевич, недостаточно этюда, надо, чтобы передо мной всегда был тот предмет, который я пишу. Такого же отношения к этюдам он требовал и от студентов. Чтобы приохотить нас к этюдам, он выезжал с нами на пленэр. Пленэру отводил в работе большое место. Говорил, нас окружает реальная среда, которую надо знать. В помещении и под открытым небом она — разная. Эту разницу следует точно передавать. А. А. Кокель много рассказывал нам об импрессионистах, раскрывал их сильные стороны, говорил, что Д. Н. Кардовский высоко ценил их творчество, их вклад в искусство. Мне кажется, что именно от Д. Н. Кардовского и импрессионистов взял он ту певучую красоту, которая есть во всех его рисунках и живописных произведениях.

А. А. Кокель, работая в учебной группе, никогда не стоял за спиной ученика. Он говорил: это сковывает, мешает ученику проявить свою творческую индивидуальность. Добивался, чтобы

каждый студент трудом своим постигал натуру, жизнь. Говорил, что ни одно состояние не похоже на другое, его надо изучать, поймать, передать.

Ученики А. А. Кокеля всегда отличались своим стремлением отображать прежде всего современную действительность, ставить в творчестве актуальные общественные проблемы. Это не случайно. Сам А. А. Кокель жил интересами современности, остро чувствовал ее потребности и устремления. Об этом говорят его «В чайной» «Страж революции» «Прокат». Каждая вещь — об очень крупных, поворотных моментах жизни, которую художник видел и сам выстрадал. Говорил, что художник должен быть выразителем идей своего времени. Кто же может выразить свой век так глубоко, как не современник? Другое дело, что в одно и то же время жить и обобщить основное содержание современности сложнее, чем по прошествии времени. В этом смысле Кокель как в личном творчестве, так и в работе с учениками был первооткрывателем многих тем современности.

В годы моего обучения у А. А. Кокеля в стране было множество художественных группировок, школ и течений. Их влияние, естественно, сказывалось и на учебных заведениях. А. А. Кокель и его товарищи — реалисты занимали передовые позиции в социалистическом искусстве, утверждали и развивали принципы, благодаря которым были воспитаны лучшие художники. А кто пошел другим путем, увлекшись антиреалистическими учениями, пошел за модой, на этом остановился.

*М. А. Шапошников,
доцент*

МАСТЕР ИСКУССТВА ВОСПИТАНИЯ

Алексея Афанасьевича Кокеля я впервые увидел в 1929 г., когда поступил в Харьковский художественный институт. С первой же встречи покорили нас его необычайное личное обаяние, большое внимание к студентам, спокойствие. Это был немногословный преподаватель. Он умел излагать свои мысли коротко и ясно.

— Не черните, не черните, — чаще всего говорил он на занятиях по рисунку. — Дайте — ка я вам покажу. — Усаживался за мольберт, большой резинкой снимал все черноты, которыми страдают неопытные студенты. — Посмотрите: вы рисуете

*Сергеев Валентин Порфирьевич — художник,
директор Тарханской средней школы*

человеческое тело, в котором чернот — то нет. — И резинкой постепенно снимает черноты, поправляет рисунок, наглядно показывает ошибки. Если студентам были непонятны отдельные моменты в рисунке, А. А. Кокель редко поправлял сам. Обычно он делал маленький рисунок на углу бумаги. Когда рисовал — рассказывал, как это надо делать осмысленно.

В 1938 г. меня назначили ректором родного института, и все последующие годы, четверть века, я оставался в этой должности. Как администратору мне было чему поучиться у Алексея Афанасьевича. На заседаниях он выступал редко, если выступал — коротко. Когда на просмотрах студенческих работ он делал замечания, это касалось прежде всего преподавателей, которые всегда слушали его с глубочайшим вниманием. Спокойствием, выдержкой он покорял студентов и пользовался непререкаемым авторитетом среди них и преподавателей. При

расхождении точек зрения в коллективе Кокель не становился на ту или иную сторону, а старался дать возможность разобраться в затронутых вопросах самим спорщикам, приводя примеры из своего богатого опыта. Ни студентам, ни преподавателям он не навязывал своего мнения, чем страдают многие люди. Он удивительно умел убеждать, вернее, открывать глаза на тот предмет, о котором идет речь или спор. Его точка зрения, его взгляд на этот предмет всегда представляли как нечто объективное и правильное. Он не любил административного нажима, не любил, когда иные преподаватели, желая «оставить на месте» «строптивых» студентов, грозили низкой оценкой. Такой нажим, окрик, потерю выдержки он считал слабостью, недопустимой в педагогической работе.

А. А. Кокель был воспитанник Академии художеств, учеником великих русских художников и лучших представителей русской художественной школы, претворял лучшие реалистические традиции в своем творчестве и педагогике. И всей своей деятельностью внедрял эти традиции в учебный процесс. Наш институт, как и многие учебные заведения тех лет, много раз перестраивался, естественно, в этих условиях было немало случаев, когда неопытные студенты поддавались соблазну отойти от строгих принципов реалистического искусства, увлекались модернизмом. Алексей Афанасьевич, сталкиваясь с такими явлениями, не проявляя грубость, не спешил с выводами, а смотрел на студента и, улыбаясь, говорил:

— Не шалите, не шалите. Не со студентами всегда был на «вы». Не, зачем вы этим занимаетесь? Надо прежде всего крепко познать реалистическую форму, как можно ближе подойти к натуре, лишь на этой основе возможно «вольное» творчество. Без умения не будет высокого мастерства.

Мы, молодые педагоги, брали у Алексея Афанасьевича, из его богатейшего педагогического опыта очень многое. Педагогическому мастерству ведь надо обучаться. Это очень сложное искусство — педагогика, воспитание художников. Слагается оно из огромного множества различных качеств. Главное, разумеется, заключается в блестящем знании своего предмета. Но мало излагать предмет, надо уметь зажечь сердце студента любовью к тому предмету, который он изучает. Этим умением, этим искусством воспитания в высочайшей степени владел А. А. Кокель.

А. А. Кокель был примером дисциплинированности, преданности делу. За всю свою жизнь, несмотря ни на какие обстоятельства, он не опоздал на занятие или заседание. Всегда подтянутый, аккуратный, при галстуке. Для нас, работавших

вместе с ним много лет, в состоянии его здоровья не были заметны какие—либо старческие изменения. Не видели мы ни усталости во время лекций, ни дрожания рук. За несколько дней до смерти Алексей Афанасьевич был так же бодр, как и десятки лет назад, в молодости. Когда сказали, что А. А. Кокель заболел, всем казалось, что это лишь легкое недомогание, которое быстро пройдет. Это, конечно, была наша ошибка, мы недооценили подлинного состояния его здоровья. Весть о его смерти была как гром среди ясного неба и всех нас поразила. Наш коллектив покинул человек, который все годы цементировал его, объединял и направлял в сложной работе по воспитанию кадров художников на основе реализма. Утрата для всех была невозполнимой.

Похороны А. А. Кокеля вылились в мощную демонстрацию всего города. Город большой, движение оживленное. поэтому обычно в Харькове покойников везли в катафалке, не нарушая обычного ритма жизни. Для Алексея Афанасьевича сделали исключение: остановили движение, от улицы Артема до кладбища мы несли гроб на руках. На траурном митинге выступали представители самых разных профессий, среди которых у А. А. Кокеля было много друзей. Выступавшие много говорили о высокой партийности этого большого художника и педагога. Кокель не был членом партии. Но если подходить к нему с точки зрения его убеждений, практической деятельности, образа жизни, то без сомнения следует сказать, что он был коммунистом в полном смысле этого слова. Его отношение к выполнению решений партии, труд, который он в это вкладывал, вдохновенность в творчестве могут служить эталоном для каждого из нас: и коммунистов, и беспартийных.

*Г. Д. Сова,
заслуженный деятель искусств
Польской Народной Республики*

БЛАГОДАРНОСТЬ УЧИТЕЛЮ

В 1956г., когда умер А. А. Кокель, в Харьковском художественном институте скульпторам было дано учебное задание — сделать эскиз памятника. Моя жена, Л. И. Жуковская, с охотой взялась за эскиз его памятника. Эскиз получил отличную оценку, понравился и жене художника, Анне Афанасьевне Кокель. Только она никак не могла привыкнуть к нему неживому — памятнику.

Мы оба, жена и я, учились у А. А. Кокеля с первого курса и знали его, как милого, интеллигентного человека. В памятнике прежде всего хотелось выразить образ замечательного художника и педагога, воспитанника старой Академии. Поэтому решетку вокруг памятника и постамент мы решили в классическом стиле. Голову выполнили в граните и лицо полировали, чтобы лучше выразить мягкость характера, чтобы не сделать формы грубыми и резкими. Хотелось передать то, за что мы все любили Кокеля.

Каждый начинающий думает, что он уже мастер и делать замечания ему не полагается. В нашей группе были в основном бывшие фронтовики, знавшие жизнь, со сложившимися убеждениями. Задеть наше самолюбие было очень легко. Лишь потом мы стали понимать, что в искусстве мы еще ничего не умеем. Чем больше узнаешь, тем больше понимаешь свою беспомощность. Алексей Афанасьевич делал замечания, не боясь, что много ошибок вскрыет в наших работах. Но делал это как-то мягко, душевно, после его указаний всегда хотелось работать. Мы буквально боготворили его. Мягкость Кокеля никем не воспринималась как слабость, а вызывала уважение как к человеку и художнику. Когда он однажды принес в нашу группу рисунки, выполненные им в мастерской Д. Н. Кардовского, и наброски, которые он в наше время делал, мы были поражены его неувядаемому мастерству. И уважение к нему возросло еще больше, потому что одно дело, когда преподаватель говорит, и совсем другое, когда видишь, что он сам умеет делать.

У нас было такое впечатление, что из всех преподавателей он самый молодой, хотя ему шел уже восьмой десяток. Всегда аккуратный, подтянутый, в свежей рубашке, в наглаженном костюме. Глаз острый, рука твердая.

Очень любил Алексей Афанасьевич зверей. Говорил, что у зверей свой характер, как у людей, их надо изучать, распознавать и уметь передать. Нас, скульпторов, водил на пленэр наравне с живописцами и графиками, хотел привить нам ощущение пространства, в котором должна находиться скульптура. Он готовил художников, способных работать в разных видах и жанрах искусств

*Н. А. Волкова,
врач*

□КАКАЯ КРАСОТА!□

Познакомилась я с Алексеем Афанасьевичем Кокелем и его женой Анной Афанасьевной после освобождения Харькова от фашистских оккупантов. В войну я осталась круглой сиротой, и эти два чудных человека, сами потерявшие сына и очень тяжело переживавшие это горе, в прямом смысле заменили мне отца и мать. Работала я все годы в больнице по улице Дарвина, куда обращались студенты и преподаватели художественного института. В этой больнице от сердечной недостаточности после воспаления легких 4 февраля 1956 года, в два часа дня умер А. А. Кокель.

А. А. Кокель в жизни много болел. С детства остался у него туберкулез костей. Ему много раз оперировали глаза. Много раз повторялось воспаление легких. Была тяжелая гипертония. Однако он никогда не пользовался больничными листами, при любом своем состоянии ходил на работу. В этом ему помешать не мог никто.

Вид у Алексея Афанасьевича был молодежавый, ни одной морщинки на лице не было. Чрезвычайно опрятен, часто брился, любил одекOLONиться. Не пил, не курил. Вставал рано. По характеру был бодрый, всегда в хорошем настроении. Хмурился лишь тогда, когда кто –нибудь случайно называл его дедушкой. В еде не был привередлив, но жена готовила ему еду сама, как повар высокого класса. От постоянного голода во время оккупации он сильно исхудал, перенес операцию желудка, у него возобновился костный туберкулез. Только болезнь спасла его от угона в Германию.

В войну дом, в котором жили Кокели, сильно пострадал от бомб и снарядов. Стекла и двери были выбиты. Покупать дрова и поставить печку можно было лишь с разрешения немецких властей. Алексей Афанасьевич их не признавал и ни по одному вопросу к ним не обращался.

После войны в доме, несмотря на ремонт, тепло не стало. В 1956 г., в январе – феврале, в Харькове стояли особенно сильные морозы. Вышли из строя газовая и отопительная системы. В конце января у А. А. Кокеля установили воспаление легких, вечером 3 февраля его положили в больницу. Чтобы сбить высокое давление, ему поставили пиявки. Алексей

Афанасьевич вел себя спокойно, лишь один раз оказался как бы в забытьи. Очнулся, смотрит на пиявки и говорит:

— А, старые знакомые мои Утром 4 февраля А. А. Кокель почувствовал удушье. В палате открыли все форточки, ему дали кислородную подушку. Завтракал Алексей Афанасьевич с аппетитом. Жена побрила, помыла его. Взял он руки жены в свои и сказал:

— Какая ты у меня хорошая...

Жена смеется, смотри, мол, не перехвали. А он:

— Нет, нет, ты хорошая, мне кричать об этом — хочется. Ты себя недооцениваешь.

Было около 9 утра. Вставало солнце, свет был какой-то красный, на стекле интересно переливался. Алексей Афанасьевич увидел это и воскликнул:

— Какая красота! Как красиво!

Это были его последние слова. Ничто не предвещало скорой смерти. Умер А. А. Кокель как художник, радуясь жизни, красоте.

В музее имени Алексея Афанасьевича Кокеля

*Украинские гости выступают перед
односельчанами А. А. Кокеля*

СВ. СВАЩЕННОМУЧЕНИК
ЕПИСКОП ГЕРМАН
(КОКЕЛЬ)

МОЛИТВА

О великий исповедниче и священомучениче Германе, пастырю добрый и преславный архиерее. В отечестве твоём возсиял еси яко солнце, блистанием исповедничества и учений твоих озаряя души верных и разгоняя тьму нечестия. Ты свирепство безвальной власти неволежно претерпевый и для народа Российского Церковь Святую без изменения сохранивый. Воззри на нас грешных и недостойных чад твоих, чтущих всемирное твое прославление и призывающих имя твое святое, услыши смиренные моления наши отче святыи и Богомудрый. Своими теплыми молитвами ко Всемилостивому Богу помози нам в настоящем сем житии, соблюди святую веру Православную, сохрани все грады и страны христианския, храм сей, служащих и молящихся в нем. Неверующия просвети, сомневающимся вразуми, грешныя на покаяние подвижни, кающихся утеши, юныя научи, отроки и отроковицы в вере, честности, богобоязненности воспитай, настави их на истинный путь заповедей Божиих. Просвети разум светом Христовым во спасение души и исцеления тела, благослови их и очисти от всякия скверны, в предсмертный час сподоби причащения Святых Таин. Путешествующим помози, телесныя и душевныя болезни исцели, избави от напрасныя смерти, от клеветы и навета злых человек, от враг видимых и невидимых. Семейным любовь и согласие испосли, старыя утеши, безумныя умудри, вдовицы помилуй, сироты заступи, воннов сохрани от смерти, пленения, несчастий и облегчи их душевныя страдания. Угодниче Христов Германе, не презри нас, молящихся тебе, даруй оставления всех наших прегрешений, елико согрешихом от юности и во всем житии. Избави нас от воздушных мытарств и вечного мучения, сподоби нас получитьи Царство Небесное. Соблюди Церковь Святую от неверия, ересей и расколов и да не оскудеет она истинными пастырями правоправящими слово истины. Твоими молитвами и предстательством да возродится земля Российская святым покаянием и прославит единого Бога, Отца и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь.

Величаем тя, святыи священомучениче и исповедниче Германе и чтим колесни и труды твоя, я же за веру Христову пострадал еси.

ГРИГОРИЙ КОКЕЛЬ

Григорий Афанасьевич Кокель (Позже Епископ Герман) родился 23 ноября 1883 года в селе Тарханы (ныне Батыревского района) Буинского уезда в семье крестьянина. Был третьим сыном, после старшего брата Ивана, Алексея (знаменитого художника, первого профессора по живописи А. А. Кокеля). После него в семье появилась и младшая сестра Пелагея.

Первоначальное образование получил в удельной школе в селе Тарханы, затем продолжил учебу в г. Симбирске.

В октябре 1901 года выдержал экзамен на звание псаломщика и определен псаломщиком к Симбирскому архиерейскому дому.

С 21 апреля 1903 года — псаломщик церкви села Шерауты.

2 августа 1903 года переведен в село Батырево.

26 января 1905 года — посвящен в стихарь.

9 октября 1907 года уволен в заштат в связи с поступлением на миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии.

В 1908 г. с июня по август собирал сведения о чувашах Буинского уезда, был в 14 деревнях (история деревень, поверья, рек, быт, одежда, украшения, чувашские имена, крещения и т. п.)

12 июня 1909 года в кафедральном соборе города Симбирска рукоположен во диакона, 26 июня — в священника Высокопреосвященным архиепископом Симбирским Иаковом №Пятницким№. В это же время писал проповеди. Сохранилась тетрадь, написанная Григорием 26 января 1908 г. — в неделю 26-ю по Пятидесятнице — на русском и чувашском языках. В тот же год он составил сборник чувашских народных песен на русском и чувашском языках (всего 425), некоторые с нотами.

Входите тесными вратами, потому что тесные врата и узок путь, ведущий в жизнь, и не многие находят их.

(Мф. 7, 13 – 14)

Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

(Мф. 28, 19)

Путь истинного священства всегда был труден. Это неизмеримо тяжелый подвиг, когда должно отречься от себя во имя других людей. Григорий принял в свои руки этот трудный и тяжелый крест. Он всецело посвятил себя служению Богу и своему народу. Он возлюбил страдания во имя других. Но вдвойне был труден путь священника – инородца среди русского духовенства. В Чувашии священников чувашской национальности было очень мало. Григорию не раз приходилось переносить тяготы из–за национального вопроса. Даже в отдаленных деревенских приходах было по 2–3 притча. Службы проводились на славянском языке. Большинство прихожан не понимали русский язык, поэтому во многих деревнях чувашский народ оставался в язычестве. Как миссионер, он идет на ниву Христову спасать и просвещать светом истины, души некрещеных чувашей, желает, чтобы церковная служба была понятна и доступна каждому христианину, хочет показать, что перед Богом все народы равны, и понимает, что без образования ему не удастся ничего сделать.

Первым приходом священника Григория была Никольская церковь села Туруново.

В письме Кокелю И. Я. Яковлев просит прислать завещание. Он пишет:

□Вы 20 марта 1910 года сообщили мне, что прихожанин деревни Ст.–Котяково умер... в заключении считаю долгом благодарить Вас, о. Григорий, за содействие, оказываемое Вами развитию общины□[4].

Яковлев просит Григория и бывших воспитанников Чувашской учительской школы оказывать возможное содействие и поддержку детям – сиротам, а также детям, коих отцы находятся на войне. Предлагает организовать

ЕПИСКОП ГЕРМАН ЧУВАШСКОЙ ЕПАРХИИ

при Вараксарской женской обители для детей—сирот приют—училище. Отец Григорий активно помогает И. Я. Яковлеву не только в делах Вараксарской обители, но и занимается переводом богослужебных книг. Он привозит от Яковлева Евангелие, Псалтирь и другие богослужебные книги на чувашском языке и распространяет среди населения. Там, где он служил, каждая семья получила от него Святое Евангелие, Псалтирь, Канонник. Энергичная деятельность священника—инородца не очень нравится русским священникам. Перевод службы на чисто чувашский язык им кажется реальной угрозой. Несмотря ни на что, отец Григорий продолжает свою просветительскую и миссионерскую деятельность. С 17 февраля 1912 года он — священник Михаилоархангельской церкви села Пандиково, с 8 июня 1915 года — Никольской церкви села Чурачики. Последним местом службы отца Григория была церковь Рождества Христова села Старо—Челны Сюрбеево, ныне Комсомольского района Чувашской Республики. Отец Григорий усиленно изучает языки, особенно французский. Энергично занимается миссионерской деятельностью, проповедует учение Христово, в том числе среди татар. Разъясняет сущность и гибельность колдовства, учит преодолению языческих верований и нравов. Отец Григорий приобретает печатную машинку и типографский станок и привозит их в Сюрбеево. Он старается претворить мечту Яковлева: открыть самостоятельное издательство, которое издавало бы книги на чувашском языке. Издает такие книги на чувашском языке, как «Толкование на катехизис» «Почтение для новокрещеных» миссионерские листовки, воззвания и другую религиозную литературу. Печатал и распространял брошюры о войне. Гонорары не брал, цены книг ставил по возможности низкие.

19 октября 1917 года священник церкви Большие Арабузи Батыревского района П. Егоров пишет И.Я. Яковлеву: «6 октября 1917 года отец Кокель был на Вараксарке, а у меня, П. Егорова Некурирующего общину№ — 6 октября. Отец Кокель говорил о церкви на Вараксарке, доказывал необходимость освящения ее. На мой вопрос, кто будет служить в этой церкви по освящении, говорил, что нынче много священников—изгнанников из приходов. На это я ему ответил, что из чувашей—священников нет ни одного изгнанника. Указывал он

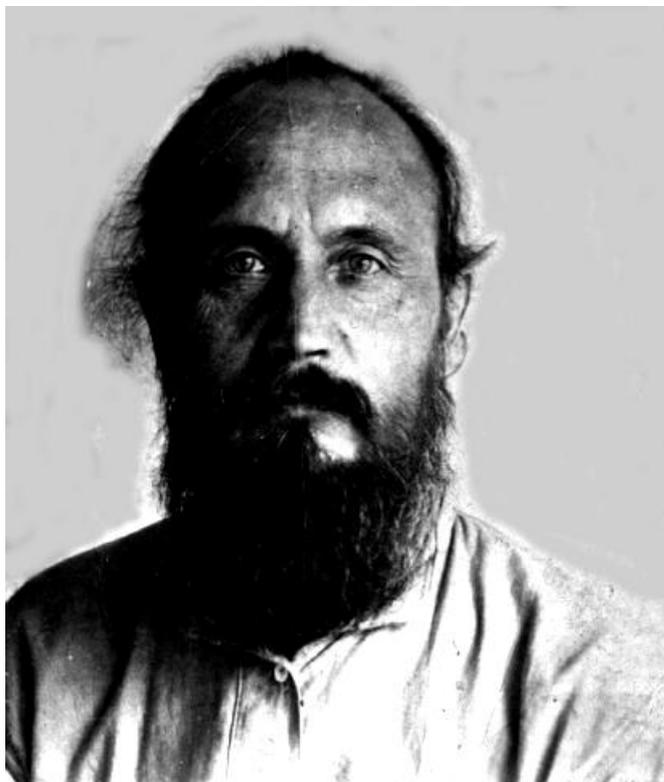
**ЕПИСКОП ГЕРМАН
В 1922–1924 ГОДЫ В ЧУВАШИИ**

и на Алексея Васильевича Рекеева. Тогда я ему сообщил о разрешении епархиального начальства на перевозку храма с. Вараксар в Люли. Отец Кокель согласился, что сейчас преждевременно ставить вопрос об освящении храма□

В Сюрбеевской Церковно–приходской школе о. Григорий преподавал Закон Божий, немецкий язык, музыку. Кроме того, знал английский, французский, латынь.

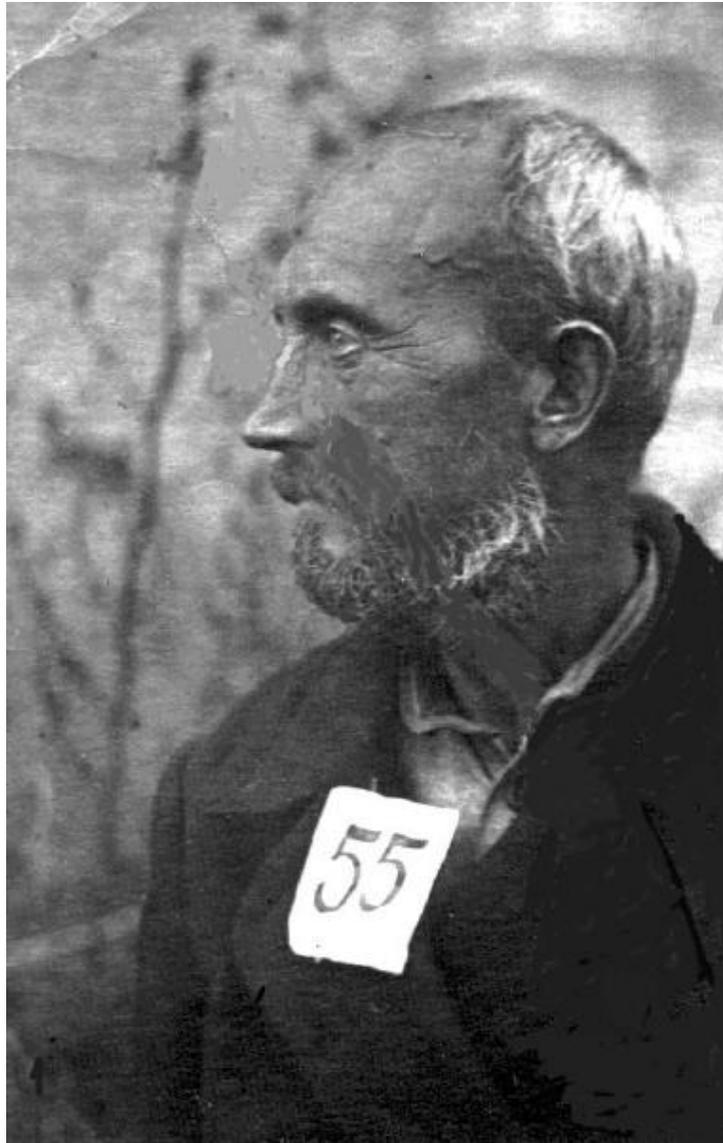
Когда народ начинал понимать сущность христианской веры и учения, отец Григорий переходил для дела проповеди в другую волость.

Батюшка всю душу отдавал народу. Он переживал: □Как вывести душу чувашина, двоеверного и полуязычествующего, из тьмы невежества и вывести его в свет истинного

**ЕПИСКОП ГЕРМАН ОМСКИЙ,
г. Хабаровск, 1934 г. в заключении**

Богопознания? Как безраздельно приобщить чувашей к православной церкви и русской культуре? □ Средством для осуществления этой великой задачи пастыря среди чувашей Григорий видел законоучительство, в школе проводить на понятном, родном, чувашском языке церковные проповеди, внебогослужebные собеседования. Там, где служил отец Григорий, количество старообрядцев и раскольников ничтожно мало. Это Буинские и Курмышские уезды, расколосектантские приходы 5 и 2, старообрядцы 447 и 30, секты 0 и 2. В то же время в Симбирском и Алатырском уездах раскол сектантов

*Епископ Герман (Кокель)
в заключении в г. Свободный Амурской области*

составил 31 и 29, старообрядцев — 2582 и 7182, сектантов 24 и 800.

В 1920 г. он овдовел. До этого умерли дети епископа Германа: Александр, Григорий, Клавдия. После смерти Ирины (жены) остался с тремя детьми, Софией — 5 лет, Аркадием — 9 лет, Александрой — 11 лет.

Советская власть предлагает о. Григорию работу, квартиру в Чебоксарах для того, чтобы он оставил службу. Отказался.

В 1921 г. о. Григорий поступает в Петроградский Богословский институт и закончил его в 1924 году.

1924 г. — Патриарх Тихон хиротонисает во епископа Ибресинского, викария Ульяновской епархии.

1925 г. — Епископ Герман подписал акт о передаче высшей церковной власти патриаршему местоблюстителю, митрополиту Крутицкому Петру Полянскому.

Дальнейшие службы епископа Германа:

1927—1928 гг. — епископ Бугурусланский.

1928—1932 гг. — епископ Кузнецкий, викарий Томской епархии.

1929—1930 гг. — епископ Томский и Алтайский.

С 14 июля 1930 г. по ноябрь 1931 г. — временный управляющий Омской и Павлодарской епархией.

1931—1932 гг. — епископ Никольско—Уссурийский, временный управляющий Хабаровской, Приморской, Владивостокской епархиями.

По 19 сентября 1932 г. — епископ Барнаульский, в.у. Бийско—Алтайской епархией.

1932—1933 гг. — епископ Хабаровский.

1932—1935 гг. — епископ Благовещенский.

8 сентября 1935 г. епископа Германа арестовали в г. Барнауле. Сидел в лагере г. Свободный Амурской области. Осудили на 10 лет лагерей. В лагере незаконно осудили за террористические взгляды против вождя партии. Здесь его взяли на учет по линии и отделу. По окраске, Православный. По категории, актив. отделение, представляющий из себя типа, не отказывающегося до сих пор от своих религиозных убеждений. Здесь он работает счетоводом финчасти второго отделения, затем заведующим делопроизводства санчасти. В лагере за Германом следили. Кокель переписывается с митрополитом Сергием, будущим патриархом. Осужден

В лагере Свободный Амурской области. 1937 г.

***Протоиерей Н. Максимов и бабушка Ксения. Работал в
Тарханах до 1930 года. Вместе с епископом Германом
боролся против обновленцев.
Умер после тюрьмы Нэпто 1930 года***

Тройкой на расстрел. Расстреляли 2 ноября 1938 г. в два часа 30 минут ночи.

Реабилитировали 7.08.1990 г.

Канонизирован Священным Синодом Русской Православной Церкви 11 июля 2001 г.

Сын Аркадий умер в тюрьме. Дочь Александра погибла от мороза на вокзале после того, как их выгнали из Москвы.

Епископ Герман говорил:

□Путь страдания есть путь к храму грядущему, и путем страдания можно получить правду Божию□

Митрополит Мануил (Лемешевский), сидевший вместе с епископом Германом в тюрьме и освободившийся раньше, считает его погибшим от ужасных пыток. В 1957 г. митрополит скажет свояченице епископа Германа Марфе Егоровне Спиновой:

□Епископ Герман погиб, не вынес тяжелых пыток□

Обвинительный приговор написан на маленьком клочке бумаги, слово расстрелять печатано со штампа. В Чувашии епископ Герман рукополагал во священники из числа воспитанников своей школы псаломщиков. Все хиротонисанные епископом Германом священники — подвижники. По словам свояченицы епископа Германа, он видел снисходящего Духа Святого на каждого рукополагаемого. По словам архимандрита Михаила Уточкина, больные, прикасавшиеся к одежде епископа Германа, исцелялись от недугов.

Хиротонисанные епископом Германом священники, иеромонах Дометий Миллин №народ считал его прозорливым№, архимандрит Михаил Уточкин №прозорливый№, иеромонах Серафим №умер в 1999 г., прожив около 100 лет, в монастыре г. Алатырь№, иерей Игнатий Иголкин №священник церкви с. Новоахпердино№. Все они были в заключении за веру. Отец Дометий был в заключении 15 лет, дважды выводился под расстрел, но Господь оставил его в живых.

Отец Григорий переписывался с Н. В. Никольским. В марте 1925 г. просит у ОЧГПУ разрешение на издание журнала □Вестник Православной Церкви АЧО□ — не разрешили, так как в программу журнала входило издание серии книг религиозно — нравственного содержания.

1925 г. — Чебоксарское ОГПУ, Ульяновское ОГПУ возбуждают уголовное дело. Архиепископ Герман обвиняется за распространение ложных провакационных слухов на территории Чувашии, Ульяновской области.

**ИРИНА ЕГОРОВНА КОКЕЛЬ
И ДОЧКА СОФИЯ. 1916 г.**

**МИТРОПОЛИТ МАНУИЛ
НЕМЕШЕВСКИЙ №**
сидевший вместе с епископом Германом в тюрьме. В 1957 г. Митрополитская жена свояченица Епископа Германа М. Е. Спиновой: [Епископ Герман погиб, не вынес тяжёлых пыток...]

**АРХИМАНДРИТ МИХАИЛ
НЕПОЧКИН № 1974 г.**
хиротонисан епископом Германом №. Выползово, Порецкий район Чувашской АССР №

АЛЕКСАНДРА КОКЕЛЬ
1929 г.

АРКАДИЙ КОКЕЛЬ

ИЗ ЖИЗНИ ЕПИСКОПА ГЕРМАНА

1

Август 1924 г. Епископ Герман призывает людей признать Главой Церкви Святейшего Патриарха Тихона. Епископ Герман был в церквях С. Баишево, Байгулово. Просил поминать Святейшего Патриарха Тихона на богослужениях, но приходские советы говорили, что советская власть не разрешает.

2

Епископ Герман пишет в Церковь с. Чурачики, что Епископ Тимофей отлучен 2 апреля 1924 г. Святейшим Патриархом Тихоном. Объясняет, что обновленцы это — раскольники. В Москве обновленческих церквей — 5, в Казани — 2. В Чебоксарах, Ядрине, Цивильске, Марпосаде ни одной. В Симбирске — 3. Герман умоляет отстать от раскольников.

3

Приходской совет церкви с. Тогаево пишет к Епископу Герману, что они отказываются от обновленца — священника П. и просят прислать православного священника.

4

Епископ Герман зарегистрирован в Административном отделе как служитель культа религиозного общества церкви с. Ибреси Батыревского уезда от 29 апреля 1925 г.

5

Благочинному 5 округа
священнику Иоанну Васильеву

Предлагаю Вам немедленно объявить всему духовенству и церковно—приходским советам, чтобы они немедленно отстранили от печения просфор матушек, замужних женщин, только вдовам и девицам — отличающимся истинным христианством.

6

Власти разрешают епископу Герману заказать печать без государственного герба.

(Ядрин. 1925 г.)

7

В конце февраля 1925 г. епископ был в церкви с. Тарханы. Говорил проповедь. Укреплял в вере. Здесь народ его называет Архиепископом Симбирским.

8

Благочинным Батыревского
округа Курмышского уезда

Впредь до возвращения из г. Москвы Владыки Виссариона – предлагаю неукоснительно выполнять все его распоряжения. Кроме того – предлагаю объявить духовенству, чтобы священники и диаконы, хиротонисанные раскольническими епископами Иоанном Никольским и Даниилом Филимоновым, ни в коем случае не должны быть допущены в Православную Церковь.

2/ безблагодатное раскольническое миро заменить настоящим святым миром.

3/ представить мне краткий список духовенства.

4/ запрещаю употребление ягодных вин, а употреблять настоящее церковное вино.

5/ просфоры печь только из белой муки.

6/ освидетельствовать брачные обыски за 24 ч.

7/ поручить благочинному духовнику аккуратно исполнять свои обязанности.

8/ обязательно вести записи о крещении, бракосочетании и умерших, при обыске иметь все документы.

9/ награды раскольнических епископов не действительны.

22 марта 1925 г.

9

Заявление
Приходского совета
Церкви с. Ибреси

Просим зарегистрировать епископа Германа служителем культа.

Священник Н. Максимов.

10

Народный комиссариат ВД – АЧР

Епископ Герман зарегистрирован в Административном отделе как служитель культа религиозного общества церковей с. Ибреси Батыревского уезда.

17 ноября 1925 г.

11

Священнику
Ивану Васильеву

Епископ Герман
Приказывает:

1/ Раскольников не принимать и не признавать;

2/ Награды, выданные раскольническими епископами, не принимать;

3/ Удалить второбрачных священников, диаконов. Они отстраняются от своих мест.

12

Распоряжение
с. Юнга. Ядрин

□ Не принимать никаких бумаг от обновленцев □

Епископ Герман.

25 апреля 1925 г.

13

Воззвание Епископа Германа
к церковным советам и притчам

О созыве 23 июля 1925 г. в с. Шихраны ст. М. К. ЖД на съезд о областном духовенствах и мирянах.

14

Донос самозванца – обновленца
епископа Даниила Филимонова в
Административный отдел Исполкома АЧР.

23 июля 1925 г. на станции Шихран Московско – Казанской железной дороги по распоряжению епископа Германа был съезд до 60 человек духовенства и 150 человек мирян. □ Обновленцев епископа Тимофея и Даниила и их священников выгнать из пределов Чувашской епархии □ № Слова епископа Германа №.

31 июля 1925 г.

15

Священнику Васильеву,
благочинному 5 – ого округа

Епископ Герман предлагает оповестить о кончине Патриарха Тихона и совершить заупокойные службы 20 – ый день 21 № 14 № апреля и в 40 день 14 № 4 № мая. После каждой литургии отслужить литию. Собор из 60 епископов избрал местоблюстителем Митрополита Петра.

16

Уполномоченному
Чувашского отделения
ОГПУ Батыревского уезда
заявление.

Церковные советы с. Шихраны, Хормалы, Новое – Тинчурино, Кошлауши и др. приглашают епископа Германа на приход служить.

В связи с этим епископ Герман просит разрешения на выезд.

18 мая 1925 г.
Епископ Герман.

17

Уполномоченному АЧР ОГПУ

заявление.

Разрешите выехать в Алатырь и Ульяновск для регистрации в Ульяновске, как викарий Симбирской губернии, с местом жительства в Алатыре.

18 мая 1925 г.
Епископ Герман
(викарий Симбирской губернии).

18

Церковный совет Вознесенского храма №бывший женский монастырь г. Алатыря№ приглашает Епископа Германа служить и жить.

19

Епископ Герман благославляет быть благочинным 4-ого округа Цивильского уезда села Подгорних св. Гавриилу Спиридонову.

Собрать по 2 рубля с каждой церкви на приобретение и доставку из г. Москвы настоящего мира.

Освидетельствовать брачные обыски за 1924 г. Браки разведенным гражданским судом без распоряжения Православным Епископом не давать.

После 2. 04. 24. назначенных Тимофеем и Даниилом освободить от должности. Предоставить список вакантных мест.

На службе читать в господине нашем местоблюстителе Патриаршего престола Высокопреосвященном Петре Митрополите Крутицком

1925 г.
Епископ Герман.

20

Епископ Герман просит Административный отдел Чувашской А. Р. зарегистрировать союз приходов Православных Церквей.

5 месяцев нет ответа, хотя по закону должны ответить через 2 недели.

Ибреси
6 августа 1925 г.

21

Епископ Герман дает подписку о невыезде из г. Алатыря.
6 мая 1925 г.

22

Чувашский отдел ОГПУ
от управляющего
Православными Церквями
Ч. Р. Епископа Германа
заявление.

Прошу аннулировать подписку от 6 мая 1925 г.

№Епископ указывает на разъяснение 5 отд. НКЮ от 16 августа, статья 13. Конституции. Свободы совести для всех. На это время у Епископа Германа 200 приходов, у Тимофея — 10.

Епископ Герман просит свободы выезда или разрешения выехать в Москву к Калинину. Обновленцы могут созывать съезды, православные не имеют права. Указывает на разъяснение об отделении Церкви от государства. Советская власть не вмешивается в область культа. Не надзирает за правильным исполнением церковного ритуала№.

4 августа 1925 г.

23

23 мая 1925 года епископ Герман и Епископ Андрей Томский и Уфимский №Ухтомский№ обращаются ко всему народу не откалываться от Православной Апостольской Церкви.

**София Григорьевна Кокель, Мария Егоровна Спинова,
Александра Григорьевна Кокель. 1928 год. Казань.**

24

Епископ Герман пишет в
Алатырский монастырь:

□ 5 ч. 27 августа приехал из Ибреси на постоянное место
жительства с согласия разрешения Чувашского отделения
ОГПУ. С меня взята подпись о невыезде в г. Алатырь, в связи
производившимся надо мной в Чебоксарах следствием □

25

Письмо Марии Спиновой
из Алатыря 1 сентября 1925 г.

Сегодня в 4 ч. утра отправили в Ульяновск.
В Алатыре сидел в тюрьме три дня за то, что служил.
г. Казань, 1 — ая Академическая, 24.

26

27 августа 1925 г. Епископ Герман пишет Алатырской уездной милиции.

Уполномоченному ОГПУ
по Алатырскому уезду

Тов. Величко требует от меня разрешение на служение, что Вам прислано из Ульяновска. ГАО и герб я Вам выслал из Ибреси. За неимением этого разрешения посадил меня в домзак□

27

В тот же день пишет диакону Сурминскому Христовдвиженской Церкви г. Алатыря, □Прошу взять в милиции разрешение и показать т. Величко. Принести мне рясу, сумку с полотенцем□

28

Заявление

Епископа Германа
Чувашскому отделу
ОГПУ г. Чебоксары

□т. Величко посадил в Домзак с отправкой в Ульяновск 1 сентября□ Епископ пишет о нарушении закона т. Величко, что он справку Чувашского отдела ОГПУ не признает. Говорит, что подчиняется только Ульяновскому губернскому отделу ОГПУ.

Епископ также пишет заявление в Алатырскую прокуратуру, милицию, председателю исполкома, прокурору Чувашской Республики.

29

Ульяновский губернский
отдел ОГПУ

заявление.

Закончил в 1924 г. Петроградский Богословский инситиут. С 17-ого декабря 1924 г. Святейшим Патриархом Тихоном назначен Епископом Чувашской республики в с. Ибреси.

Прошу освобождения от незаконного ареста.

30

Ульяновский
Губернский ОГПУ

заявление.

Со 2-го сентября нахожусь в заключении Ульяновской ОКПО.

3-го сентября подал подробное объяснение, до сих пор нет ответа. Прошу переменить меру пресечения — на содержание под стражей. Нет ни допроса или освобождения.

10 сентября 1925 г.

31

Протокол
допроса Епископа Германа
19 сентября 1925 г.

После института Святейшим Патриархом Тихоном направлен Епископом в Ибреси. Зарегистрирован как правящий епископ в Чувашской области, а в Ульяновской — нет. Задержан в г. Алатыре 28 апреля сего года, причины не знаю. Нахожусь под следствием по обвинению в том, что назначаю служителей. Дело в Чувашском областном отделении ОГПУ.

32

Предварительное следствие началось 14 сентября 1925 г. Мера пресечения — содержание под стражей. Привлечен в качестве обвиняемого. Постановление уполномоченным — что, проживает в Ибресях, нелегально управлял церковными приходами Ульяновской губернии, в процессе своей деятельности нарушил ст. 73, 219.

33

Анастасия Терентьева 16 сентября 1925 г. просит свидания с Епископом Германом.

**ОТЧЕТ СЛУШАТЕЛЯ КАЗАНСКИХ МИССИОНЕРСКИХ
КУРСОВ ГРИГОРИЯ КОКЕЛЯ
ЗА ЛЕТО 1908 ГОДА.
(том 213, стр. 167–172.
фонд Никольского).**

В мае месяце сего года, преподавателем чувашского языка на миссионерских курсах гр. Никольским предложено было собирать сведения о чувашах Буинского уезда, а спустя месяц после сего, 16 июня 1908 г., я получил и командировочные деньги в сумме 34 рубля 75 копеек.

Это поручение я исполнял в течение трех месяцев сего года июня, июля и августа. С этой целью я был в 14 деревнях Буинского уезда, населенных чувашами, которые от села Большое Батырево, где я провел, находятся.

- д. Карабай Шемурша — 10 верст.
- д. Новое Буяново — 10 верст
- с. Сугуты — 8 верст
- д. Старые Котяки — 1 в.
- д. Малое Батырево — 1 в.
- с. Туруново — 3 в.
- с. Новое Ахпердино—5 в.
- д. Новое Бахлярово—8 в.
- д. Старое Ахпердино—6 в.
- с. Тойси — 9 в.
- д. Старые Тойси — 12 в.

д. Кошки Куликеево — 15 в.

д. Янтиково—15 в.

Итого 103 версты.

Результаты моих работ изложены в двух тетрадях, в 1 — й — сами сведения, а во второй чувашские песни, числом 367, из них 14 песней переложены на ноты.

Из собранных мною сведений видно, что в древности в Буинском уезде жителей не было, а был только густой, непроходимый лес. Первыми поселенцами считаются татары. Тогда этот уезд входил в состав Казанского царства. Границею этого царства служила нарочно вырытая яма, глубиною около двух сажен, шириною около трех сажен. Эта яма Неканава№ начинается около села Чепкасы и идет вплоть до реки Волги, на протяжении около 80 верст. В древности в этих местах происходили неоднократные войны. Это видно из многих данных существующих и по настоящее время, а именно, военные лагеря около села Русской Цильны, около роши □Железный куст□ и крепость около д. Тимяш. Эта крепость состоит из двух круглых земляных валов, вышиною 2 сажен, окружность которого более 500 сажен. В ней может помещаться более 5 000 человек. Предполагают, что она построена царем Иоанном Грозным. Чуваша же переселились сюда в более позднее время из Казанской губернии, по всей вероятности, около 200—300 лет тому назад. Однако же по численности чуваша занимают первое место. Во всех больших чувашских деревнях построены церкви. За последние 10 лет в данной местности построено 6 церквей, стоимостью каждая 8—10 тысяч рублей. Духовенство чувашских приходов состоит из чувашей же. Они богослужение и проповедь совершают по—чувашски. В деле христианского просвещения это обстоятельство имеет важное значение. Это можно подтвердить фактами. Так, 10 лет тому назад языческое общественное жертвоприношение совершалось повсюду, а теперь оно оставлено совсем. Это произошло благодаря трудам духовенства из чувашской школы. Теперь здесь основывается две женские общины, в которых спасается более 50 девиц. Из числа чувашей есть постоянные паломники и временные. Они посещают Саров, Алатырь, Свяяжск, Казань, Киев, Иерусалим и другие места. Но некоторые чуваша еще недалеко ушли от язычества, особенно в домашней жизни, где ими соблюдаются многие из языческих обрядов. Есть даже и такие чуваша, которые во время болезней и бедствий обращаются за помощью к ворожеям. Из числа мелких ворожей самую знаменитую считается ворожея с. Тойси. Она уже в

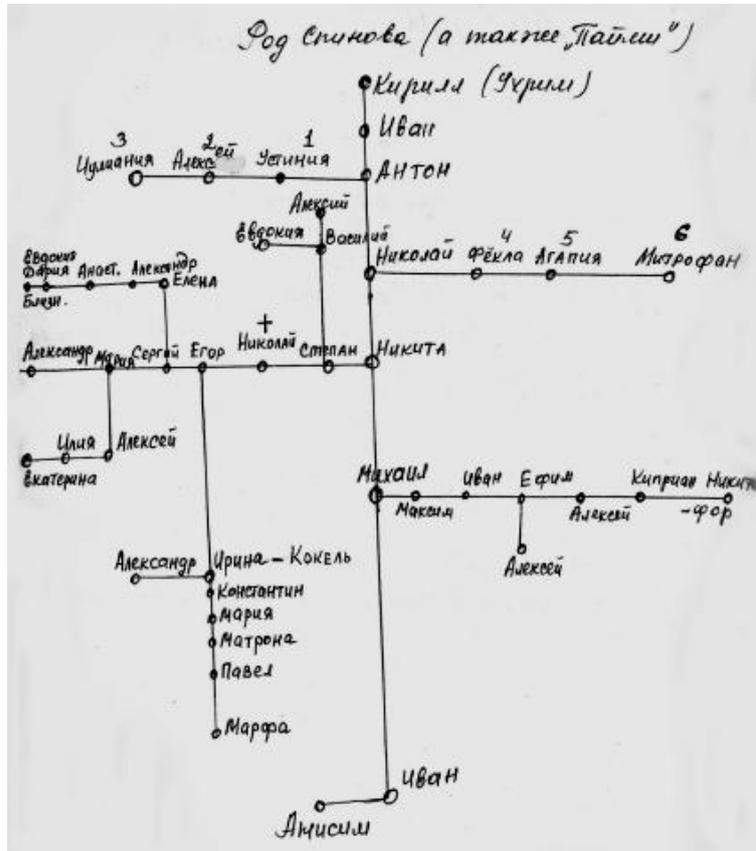
пожилых годах, слепая. За помощью к ней прибегают и русские, и чуваша за 20—30 верст. В народе распространена молва о том, что предсказания ее исполняются. Во всех деревнях есть школы, в них обучаются мальчики и девочки. Волнения последнего времени коснулись и чуваш. Теперь и среди них замечаются личности, равнодушно относящиеся к делам церкви. Так что теперь со стороны духовенства требуются усиленные занятия делом христианского просвещения.

Курсист Григорий Кокель.

(Из архива Гуманитарного института г. Чебоксар.)

РОД СПИНОВЫХ

№ также [Пайми]№

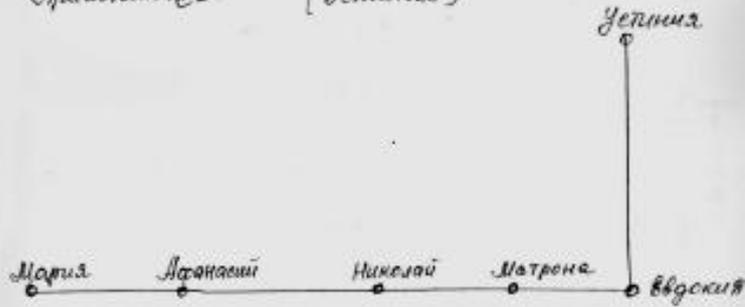
Приложение 3

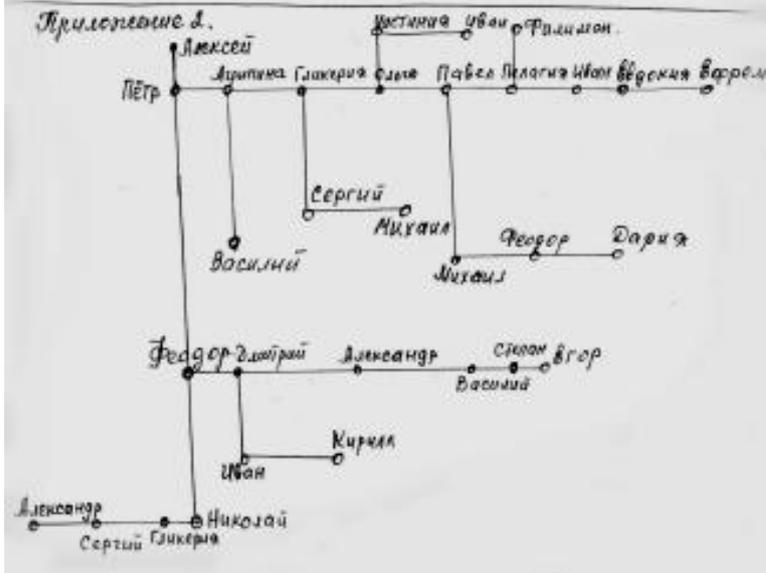
Приложение 4.

Приложение 1 (Устиныя)

Приложение 2.

Составил Григорий Кокель в 1908 году.

**Ко всем православным христианам
Симбирской Ульяновской
епархии и Чувашской области.
Возлюбленные чада во Христе!**

Спаситель сказал: «Созижду церковь мою и врата ада не одолеют ее». Слово «церковь» греческое, по русски значит «Общество верующих». Таким образом, Христиане будут на земле всегда, до кончины мира и никакие учения врагов Христианства не могут уничтожить их, ибо Сам Господь всегда вместе с ними да поможет им еще. Еще Иисус Христос сказал; «Се аз с вами, во вся дни, до скончания века». А если истинно верующие в Бога имеют среди себя Бога — основателя Христианства, то заблуждаться они не могут: истина всегда с ними.

Среди нас появились лживые обновленцы, которые по своему злему умыслу хотят обновить нашу Святую Православную веру. А обновление их состоит вот в чем. Они 1929 г. в Москве собрали незаконный собор, где нарушая церковные правила — постановили:

1. Не считать брачные состояния препятствием к епископскому служению, открывая доступ к епископскому сану, как одиноким, бессемейным, так и женатым № ст. 8 деян. 8—го собора №

2. Разрешить второбрачие священнослужителям, кроме епископов.

3. Разрешить священнослужение женатым на вдовах или разведенных.

4. Допустить к священнослужению тех, кто оставил его лишь вследствие своего вступления во второй брак № ст. 9—го. деян. №

5. Закрыть монастыри, как уклонившихся от чистой монашеской жизни № ст. 11 №

Кроме того они хотели «выявить человеческую личность Христа» т. е. считать Христа не Богом, а простым умным человеком № каким считают его все неверующие № Эти лжеобновленцы хотят сократить и посты, оставив только один великий пост. Они не признают святых мощей, поэтому то на своем лживом соборе постановили: во избежание могущей быть впредь фальсификаций № обмана № — мощей предавать земле № ст. 11 деян № А если не признавать св. мощей, то не будет на земле ни Храмов Божиих, т. к. каждый Православный храм освящается тем, что на престоле его кладется св. антиминис со вложением св. мощей. Эти лжеобновленцы не признают антиминисов. Таким образом, эти непризванные обновленцы нарушают церковные правила, существующие уже 1900 лет. Поэтому православные

архиереи во главе с Патриархом Никоном 2 апреля 1924 года запретили главарям обновленчества — епископам — служить в церквях и ставить безблагодатных священников и диаконов.

Братие и сестры во Христе!

Именем Христовым умоляю Вас остерегаться сих раскольников, не вливаться вместе с ними! Они без благодати Божией. Истинная Православная Церковь нисколько не нуждается в таких самозванных обновителях, как эти раскольники. То, что постановили св. апостолы и св. отцы, пусть до кончины мира сохранится без изменения. Святые апостолы и св. отцы были угодники Божии, они знали, какие законы нужны грешным людям, и — устанавливали их — предложили исполнять их. Лжеобновленцы ставят себя выше их правила. Но православный народ хочет верить без изменения так же, как верили отцы и деды. Обновленцы выдумывают свою новую веру и все свои злые изменения хотят провести на выдуманном им 8-м вселенском соборе, от которого мы, православные, никакой пользы не ждем. Если и этот собор им даст разрешение на второбрачие духовенства, тогда придется нарушить св. писание, где св. апостол Павел ясно говорит, что пресвитеры и священники и диаконы должны иметь только одну жену. В послание к Тимофею III — 2 — 13 ст.

Наши Православные христиане не принимают обновленческого раскола. Так в Москве у обновленцев 5 церквей, а православные имеют несколько сотен церквей. Также и в Казани у обновленцев 3 церкви, а у православных — несколько десятков. Подобно и в других городах не признают обновленцев, и многие села, и они отказались от них. Они, обновленцы, держатся только на обмане. Для нас, православных, на земле самое важное, самое священное — это святая вера, которая пребывает вечно, а все другие блага на земле скоропреходящие, тленные.

Православные христиане! Да поможет Вам Бог твердо стоять в Православной вере, ни в чем не нарушать и не изменять правилам св. апостолов и св. отцов и быть послушными православным пастырям — епископам и священникам церкви Христовой.

Благословение Господне на Вас, братие и сестры мои во Христе. Аминь.

1-го Мая 1925. Управляющий Православными Церквями АЧ Республики Епископ Ибресинский
Герман викарий Симбирский Ульяновский

**Тропарь
священномученику
Герману Чувашскому**

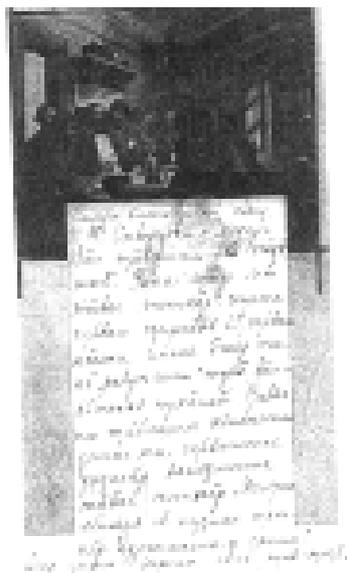
Глава 4

**Днесь духовно торжествует земля Чувашская,
празднует день представления в райския обители
священномученика Германа. Живот свой
положившего за истин Православныя веры, и
соблюдый ее всецело. Оружием благоволения
Божия венчанный на земли и благочестно
печение скончавый, венцем нетления
украшенный на небеси, сего ради из глубины
сердца вопием ти, великий и преславный
исповедниче веры, моли Христа Бога спасти
души наша.**

**Кондак
главы 6**

**Основание непоколебимое Православныя
Церкви явился еси, сохраняя страну нашу от
ересей и расколов, подая пример веры и
благочестия, в опечестие твоем возсиял еси
солнце, просвещаая светом Божественным земли
Чувашския, Гермоне священномучениче.**

ИЗ ПИСЬМА Н. В. НИКОЛЬСКОМУ

Наш благочинный, священник П. Ф. Скворцов с. Ходары. Он старается за чувашей. Мы с ним хотим вот что сделать. Здесь 13 чувашских церквей. Для покупки чувашских книг разрешили собрать по 5 рублей. Соберется 65 рублей. На них издать чувашские книги и раздать чувашам бесплатно. Хотим начать сначала с жителей святых. Можно ли так? Было бы хорошо, если бы Вы написали. Пойдет ли?

Чувашская народная песня,
записанная Г. А. Кокелем в 1908 г.

1. Усталая невзвешенная

♩ 6 2 2 3. 2 23 5 3.
 стала нога наклонилась
 ♩ 2. 21 6. 1 2 2 21 6. 1.
 нога матица согнулась
 ♩ 6 6 6 2 2 3 2 223 5 3.
 у матери рука укоротилась
 ♩ 2. 21 6 1 2 2 21 6. 1.
 у матери рука удлинилась.

2.
 Ах, ах, согнуться!
 Но курит ходит назад и вперед.
 Когда дойдет на край улицы
 Обида прильнет, шарт! стучит,
 Ах, шашинка, шашинка,
 Когда я уйду отсюда
 Будет ходить в задор и вперед! (сов.
 будешь подходить и не стану и
 на дверь)
 Когда дойдем до двери
 Но обиды не ждали, шарт! стучит

**РУКОПИСИ ФОНДА ПРОФЕССОРА
НИКОЛЬСКОГО НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
*Материалы по истории и этнографии №***

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Брошюры о войне пользуются спросом и уже 32 шт. продал. Важными делами все интересуются, но только цены брошюры немного высоки, если бы копеек 5—6, то этих брошюр моментально купили бы. Также и цена Переводческой Комиссии очень высоки и продавать очень трудно. Положим, и покупали бы эту брошюру в 4—6 стр, кто даст 3—4 коп., или поучения в день Пасхи по 2 коп., текста нет и полной страницы. Прилагаю при сем 3 брошюры, напечатанные мною в Симбирской Губернской Типографии. Каждая брошюра обошлась мне в 1 копейку. Поэтому поучение в день Пасхи обойдется в 1№ копейки, продавать можно по одной копейке и со скидкой 30 процентов. — Неужели авторы взяли гонорар? — Или в центральной типографии дороже, чем в Губернской типографии? Цену на свою брошюру я поставил потому, чтобы можно было сбавить при покупке на 2 или 3, что на книжках. Переводческой Комиссии заказывать невыгодно. Книжки этой комиссии расходятся очень туго. Если будете печатать книжки о войне, то я просил бы сделать это возможно дешевле, при объеме теперешних книжек, но на более худшей бумаге. Покупатели смотрят только на число страниц и на цену. Брошюры о войне за февраль и март если и напечатаете и цена будет 5—6 копеек, — то разойдутся быстро. Если в книжке будут сведения за 4—6 месяцев, — то они мало интересуют чуваш, запоздало. В Симбирской Губернской Типографии за лист в 16 страниц при 1000 экземпляров берут 20 рублей.

**Благодарный Ваш священник
Григорий Афанасьевич Кокель.
Пандиково, Курмышский уезд. 12 марта 1915 г.**

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Из прилагаемых бумаг усмотрите, что дело идет о Монастыре, когда—то существовавшего в Курмышском уезде Симбирской губернии, близ села Ильиной горы, на границе Ядринского уезда около Балдаевской волости. Об этом монастыре говорится и в грамоте царя Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича от 4 июня 1799 №691№ года, что он существовал за рекой Сурой на чувашской стороне.

Указ самодержца Всероссийского от 28 марта 1756 г. за номером 134 говорит, как и в каком количестве приобрел Ермолаев, как и где находится — 325 четвертей. В это время монастырь был, — на плане этого года от д№; Уничтожен Пугачевым в 1774 г. 17-ого мая — Екатерина Великая не отобрала ли землю этого монастыря в казну; у нас сведений нет.

Дело это начал и документы собрал крестьянин д. Большой Кукшум Никифор Анисимов. Анисимов по этому делу недавно подавал много прошений, но, не имея возможности достать и передать документы, подтверждение о действительности существования этого монастыря, — от всех лиц получал отказ. Подавал в Казанский и в Симбирский Духовные Консистории и в Священный Синод неоднократно. Дело он это ведет чуть — ли не с 1880 года. По разрушению этого монастыря, землей его завладел незаконно — помещик Ермолаев, который владел до 1980 года, позже передал своей дочери в приданое, которая вышла замуж за купца Таланцева. Он в свою очередь хотел продать ее крестьянам села Ильиной горы.

Достать документы Анисимову не удавалось, ибо он неграмотный, и его почти везде обманывали. В Москве в архиве он достал хороший план, где была указана Монастырская земля, и этот план предоставил в 1980 г. 24 апреля в Казанскую Консисторию, но оттуда получил его товарищ Анисимова и продал Таланцеву за несколько рублей. Потом Анисимов вторично обращался в Мешевой Архив в Москве, и ему выслали совсем другой план. Предательски поступали не только крестьяне, но и священники. Так протоиерей Фармоновский с. Пандиково, когда был благочинным, скрыл документы и в Консисторию донес, что Анисимов теперь это дело оставил. Так же было с благочинным Владимиром с. Шемярдяново, Ядринского уезда.

Теперь вся власть хлопочет о восстановлении Монастыря, подал прошение на Высочайшее имя. В сентябре 1813 г. пришло письмо с сообщением, что дело передано к Обер Прокурору..., Священный Синод, но ответа оттуда пока нет. Самому Анисимову неоднократно предлагали взять денег сколько угодно и прекратить дело, но он не соглашался, многие пользовались и теперь так же пользуются от Таланцева за это дело. Анисимов даже сидел за это дело в тюрьме.

Чувашский Монастырь здесь в Курмышском и Ядринском уездах вполне необходим, релгиозность здешних чуваш совсем не та, что в Буинском уезде.

Мне хотелось бы всенижайше просить Вас, Николай Васильевич, — не поможете — ли мне своими советами по сему

делу? Может быть, согласитесь достать планы и грамоты этого Монастыря из архива?..

Если хотите — Вы будете основателем сего Чувашского Монастыря или богодельни, чтобы для чуваш польза была.

Все—таки я уверен, что Вы не оттолкнете от себя это святое дело для чуваш и можете достать требуемое дело.

О своем взгляде на это дело — просил бы меня известить. Важно было бы завести собственную типографию для печатания чувашских книг.

3 марта 1914 года.

**Благодарный Ваш ученик
г. Курмыши, села Пандикова,
священник Григорий Кокель.**

Р. С. 3 февраля подал прошение к Епископу Андрею в Уфу о принятии меня туда. Подал и диакон Романов. Он откажет или нет?

Том 279 стр. 219 – 225.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Пртя словарь, и травник, и советник, изданный А. А. Каспари № журн. «Родина» № я наткнулся на следующее название. «Чувашский корень или чапутинскиа, сарсапарилла №milah China№ Фармацевтическое название china orientalis, s. nodosa. s ponderosa №Raolix№ Корень называется линный корень. Лазящее или вьющиеся растение с попеременно расположенными эллиптическими или сердцевидными листьями. Цветы, образующими зонты с соцветии из семейства лилейных №tiases Dc№ произрастающее в Китае или Японии. Клубневидные корни, по внешнему виду напоминающие картофель; прежде употребляемое против ломоты, в настоящее время употребление их вытеснено сассапарилью американской №.1., стр. 872№

Чувашский — это чувашский или только одно созвучие слов. Чапутински?

Если это корень наш чувашский, национальный, — то, что за название «Сарсапарилла» Сассапарель и Сарсапарила — как из них вывести чувашское слово?

Сасса — голосу; сарса — подстилая; а «парель» или «парилла» — что это? Если это чувашский корень — почему растет в Китае и Японии, а не среди чуваш?

Если в словаре: сарсапарель остиндская, Сассапарель американская, сассапарель итальянская.

Может быть это показывает, что чуваша когда—то жили среди китайцев.

Я здесь эту траву не знаю и не слышал, может быть при случае напишете мне про эту траву и чувашское название ее, и если оно здесь растет.

Буинский наблюдатель церковной школы протоиерей Соколов в своем отчете за 1913 г. совершенно чепуху мелет о чувашах, что будто—бы чувашское священство плохо исполняет свои законоучительные обязанности, говорит о ненужности чувашского богослужения, если желаете познакомиться с этим, я могу его Вам выслать.

**Священник Григорий Кокель 12 марта 1915 г.
Том 283, стр. 253–255.**

Многоуважаемый Николай Васильевич!

12 февраля сего года в здании Поднеско—Чурачикской уездной приходской школы, которая состоит в моем заведовании, был учительский съезд, созванный в Буинском уезде наблюдателем уездных школ протоиереем отцом Соколовым. Взгляды о. Соколова на инородческое просвещение Вам, кажется, хорошо известны из посланных мною Вам отчетов о состоянии церковных школ уезда. Раньше он был ярким фанатиком руссификации, а теперь изменился, вероятно, только мизерно, что видно из слов учительницы сей школы Зинаиды Григорьевой, по рождению дочери чувашского священника и матери черемиски. Она тоже отрицает чувашский язык, но под моим вниманием принуждена была придерживаться системы Ильминского. Ей Соколов будто бы сказал о моем отказе, что читать в школах по—чувашски совершенно не надо.

Во—первых, на съезде обсуждался вопрос об улучшении преподавания Закона Божьего.

Официально Соколов придерживался системы Ильминского в 1—ые 2 года проводить по—чувашски, а в последние 2 года — по—русски. При обсуждении сего вопроса, между прочим, о. Соколов вставил, что в чувашском Евангелии Иосифа называют «Мария упашки» — что есть неправильный перевод слов «мужеве». Тут Иосиф называется мужем не в собственном смысле, а в переносном, сказал он, обрученной Иосифови — по—русски, значит, по Соколову «вручена Иосифу». Это, конечно, так, но я сказал, что у чуваш «упашки» есть точный перевод слов мужеве, но понимаем мы это слово «упашки» в переносном смысле «мнимый муж» — Соколов не преминул мне возразить: «Вы, батюшка, говорите ересь» когда я сказал о точности чувашского перевода слов, слово «муж» — этим инцидент был исчерпан.

2. Русский язык Соколов предложил проводить с первого месяца, в начале устный, разговорный, а потом чтение по русскому букварю — вместе с чувашским языком. Чувашский язык читать по 4 урока и в старшем отделении.

3. Арифметику предложил начать по-русски с 1-ого же дня учения, без чувашского языка и по остальным предметам ничего, только славянский язык охарактеризовал о. Соколов, как язык, служащий связующим звеном православных христиан. На мое замечание, что греки служат по-гречески, о. Соколов заметил, что это первый язык православного христианства в счет идти не может.

В отчете по славянскому языку добавил, что слово в слово надо переводить по-русски и по-чувашски с таким расчетом, чтобы со временем прихожане понимали слова богослужения и обходилось без употребления чувашского языка при Богослужении.

Вообще, из всех слов о. Соколова можно было вывести заключение о необязательности чувашского языка в школах, что удел церковных школ не христианизация населения, а руссификация, что он оправдывается тем, что все государства света стремятся всех своих подданных подучить государственному языку с тем, чтобы они после могли совершенно слиться с государственной нацией. Этот вопрос шаткий и никто ему замечаний не делал.

Из составленного отчета о съезде, который о. Соколов хотел послать в Епархиальный учительский совет, явствует, что в чувашских школах необходимо придерживаться системы Ильминского. Слово о чувашском языке внес о. Соколов по моему настоянию, хотя о. Соколов был весьма мягок и уступчив. Все-таки он как-то заметил мне: «Почему вы, батюшка, стараетесь о чувашском языке?» Я сказал, что без чувашского языка не может быть пользы учения для чуваш.

Священник Григорий Кокель

с. Чурачики

7 марта 1916 г.

Р. С. Раньше в с. Больших Арабузях был съезд женских учителей, созванный инспектором уезда г. Егоршиным. На этом съезде проведена необходимость для чувашских школ придерживаться системы Ильминского.

Том 303, стр. 53–54.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

№1 Документов по Чувашским селам Буинского и Симбирского уезда у меня имеется, но немного, в случае надобности я могу их прислать. Относительно чувашских сел сведения имеются в изданиях Симбирского архиерейского комитета. Вы, вероятно, с ними знакомы. Собрать материалы

о чувашских учительских семинариях, я думаю, пока нетрудно, стоит написать учителям семинарий, они вам вышлют. А собрать материалы по просвещению чуваш, это, пожалуй, затруднительно. Мне кажется, сведения можно найти только в канцеляриях Чебоксарских заведений или в архивах школ — в церковно-приходских и конференциальных документах. Я вот не могу найти циркуляр Яковлева о запрещении приобретать мои песни, позволенных цензурой. Циркуляр в начале 1889 г.

Циркуляр был разослан Яковлевым 10-го января 1889 года №42 г. Симбирск по поводу лирических песен некоего Ивана Юркина, служащего в Симбирском губернском акцизном управлении. Юркин считал, что чувашки сливаются с русским народом, поэтому думал, полезно собирать и издавать чувашские народные песни, предания, поговорки и т. д. Но Яковлев считал, что нужно их издавать с ученою целью, для этнографии и филологии, но никак для распространения в школах среди учителей, так как могут они повредить религиозному движению среди чуваш в направлении к православию. Особого циркуляра от Яковлева с запрещением приобретать песни Кокеля не было.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

№2 25 сего июля от порока сердца скончалась моя жена — 34 года от роду. На моем попечении осталось трое детей, старшей девочке — 11 лет, младшей — 5 лет, а мальчик — 9 лет. Мое положение теперь не важно, но бежать некуда. Думаю учиться дальше, но Духовные Академии закрыты, а других духовных школ нет; так получить духовное высшее образование негде. В университете, кроме политики, вероятно, ничего нет. Если там преподают и прочие науки, как прежде, — то не мешало бы хоть поучиться тут.

Искренне прошу Вас, Николай Васильевич, не жалейте клочка бумаги, напишите мне, куда поступить для получения высшего образования? Об этом я написал епископу Андрею в Уфу, но не знаю, где он — в Уфе ли? Для ученья в университете дают стипендии, — но можно обойтись и своими средствами. Жду от Вас ответа.

Благодарный Ваш ученик, священник Григорий Кокель.

12 августа 1920 г. почт. отд. Старо-Челны

Сюрбеево Симб. губ. священник означенного села.

Том 302 стр. 3.

Премногоуважаемый Николай Васильевич!

Вашу открытку получил 17 сентября нынешнего года. Жаль, что она так долго шла, то непременно воспользовался бы вашим предложением. Солдатчина не мешает: я признан по 29 ст. негодным и мои сверстники не призваны. Слава Богу — на 3 или 4 года можно жить сносно. Оставить детей у родственников можно, но я думаю, лучше взять их с собой, ибо пришло время им учиться! Квартиру — с трудом, но все-таки можно найти. Теперь учение пришлось отложить до будущей осени, а пока подготавливаюсь и понемногу собираю долги и спускаю лишнее имущество. У меня есть: 1 лошадь, 1 корова, телка, 2 овцы, 1 свинья и 8 поросят, железный плуг, тарантас, шинованная телега, сноповязка, швейная машина и пр. мелкота. Ёаксене сутсан — пуранма ёитеёёё пулё тетёп. Тата ыраш 2 теёткипе акнă, унтан, Турă парсан, пёр 150 — 200 пăt тухать. Новый Завет манăн нумай — 500 шт. Илес теекен ёынсем ёырусем яраё кунта. Сире пуранма йывăр пулё, пуштăпа сухари, ёу ярсан, ёитеймest пулё. Кирлё пулсан, ёырăр, — эпё яма тăрăшăп.

Сире тав тăвакан свящ. Григорий Кокель.

**17 окт. 20 год. Поставное отделение Старо-Сюрбево,
Симбирская губерния**

Том 320 стр. 153 — 156

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Я, Ваш ученик, священник Григорий Кокель в августе прошлого года приехал сюда и поступил в Богословский институт на 1-ый курс. Год кончился и теперь идет сдача зачетов. Мои успехи : по метафизике весьма хорошо, литургике — весьма, по общей церковной истории — весьма, гомилетике — удовлетворительно, по патрологии — весьма; по остальным пяти предметам еще не сданы. С августа будет перевод на 2-ой курс. Ученье идет успешно, но трудно содержаться, тем не менее ни за что не брошу ученье... Курс академии профессора академического института помещен на частной квартире; академическое здание занято под детский приют. Содержание института и профессоров, исключительно на сборы с церковей. Так в Казани идет обновленческое движение? У нас здесь — центр этого движения и движение разрастается всюю. 13-ого июля прибыл новый архиепископ Николай Соболев, бывший здешний протоиерей — без пострижения. В воскресенье — 16 июля будет встреча его в Казанском соборе, — какая будет встреча — сомнительно.

Настал случай и нам, чувашам, получить епископа из чуваш, и от инициаторов этого движения я получил предложение, но пока вопрос не решен.

Будьте добры написать свои взгляды на это обновление: на предложение мне согласиться или нет? Случай благоприятный для чуваш — получить не только епископа, но и автокефалию. Со стороны благодати — спора нет. Только сейчас нужно обязательно поставить троих епископов — чуваш...

О дальнейших деталях дела напишу по получению от Вас ответа. Вопрос: найдем — ли сейчас 3-х кандидатов из чуваш и вполне энергичных. Осветите и этот вопрос, а равно перешлите и общую схему чувашской кафедры.

Благодарный Ваш ученик священник Григорий Кокель

15 июля 1922 г. Адрес: Петроград,

Воскресенский пр. д.13, кв. 6

Том 290, стр. 60№№

Многоуважаемый Николай Васильевич!

В 1921 г. я из Петрограда послал Вам письмо с извещением о себе. По всей вероятности оно до вас не дошло.

Я овдовел в 1920 г.; в 1921 — поступил в Петроградский Богословский институт, ныне курс учение в нем окончил, а теперь пишу кандидатскую работу. Святейший Патриарх направляет меня к Преосвященному Афанасию Епископу Чебоксарскому — постриг в монашество и озаботиться о дальнейшем служебном положении о. Кокель□

Так гласит определение Патриарха и Синода. Дальнейшая служба выяснится в Казани, где буду в начале августа. Между прочим, Патриарх упомянул о епископе Чувашском Тимофее. Я крайне удивлен, что послужило поводом к переходу его к красным? Ведь он старик, скоро умирать пора и вдруг такой позор для чуваш. Патриарх сказал, что он считается отпадшим от Православной Церкви. При этом добавил, что если Вас послать на его место, то кабы он не съел Вас.

Печально! Ведь теперь настали такие времена, когда мы, чуваш, законным образом получили бы самостоятельную епархию. Вообще, мое положение, будущее, покрыто неизвестностью. Направь в чувашскую область, неизбежно со стороны Тимофея — обычно в этих случаях — клевета, обвинения перед властью. Я, конечно, не могу участвовать в самочинном сборище обновленцев. Бывал у них на всех собраниях, и знаю все детали незаконного дела их. Бывать в церквах — где служат обновленцы, не находишь мира, так и чувствуешь, что нет тут Христа, а все самовольно, только раздоры, обвинения Патриарха слышишь от них. Здесь число

красных церквей весьма ничтожно, в Москве их около десяти. В деревнях их совершенно не признают.

Был бы весьма рад, если бы Вы дали мне весть о себе.

Как бывшего благодетеля, — желательно мне всегда вспоминать о Вас — Великое Вам Спасибо!

23~~VI~~ — 1924 год. Священник Григорий Кокель.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Милость Божию — я, епископ Чувашской области, имею недостаток в чиновнике архиерейского богослужения, не можете ли помочь мне в этом деле? Может быть, есть у Вас знакомый машинист или машинистка, который смог бы помочь нам тут. Думаю, Епископ Афанасий или Андроник, уступит для этого свой чиновник. Питаю глубокую надежду на вашу отзывчивость.

Ваш молитвенник Епископ Герман Кокель

28. XII. 1924 г. Ибresi.

***На обороте письма адрес: г. Казань, Б. Проломная ул. д.49,
кв. 2. Николай Васильевич Никольский.***

СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

25. 08. 2001 г.

№ 2824

Москва, Т-31, Чистый, 5
Телефон: 202-25-04

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 30
ЗАСЕДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
от 17 июля 2001 года

В заседании Священного Синода под председательством
ПАТРИАРХА –

СЛУШАЛИ: Доклад Преосвященного Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых, о материалах, поступивших в Комиссию, касающихся прославления новомучеников и исповедников Российских, пострадавших в различных епархиях Русской Православной Церкви.

Справка: Архиерейский Юбилейный Собор 2000 года определил: «В послесоборное время поименное включение в состав уже прославленного Собора новомучеников и исповедников Российских совершать по благословению Святейшего Патриарха и Священного Синода, на основании предварительных исследований, проведенных Синодальной Комиссией по канонизации святых (пункт 14 Декрета о Соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских).

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Одобрить доклад Преосвященного Митрополита Ювеналия.

2. Включить в Собор новомучеников и исповедников Российских XX века имена подвижников, материалы о которых представлены:

от Астанайской епархии: священника Михаила Сушкова (1876 — 1921), священника Иоанна Знаменского (1868 — 1923);

от Кировоградской епархии: протоиерея Николая (+ 1919);

от Латвийской Православной Церкви: архиепископа Рижского и всей Латвии Иоанна (Поммера; 1876 — 12 октября 1934);

от Московской епархии: протоиерея Сергия Константинова (1877 — 26 ноября 1941), протоиерея Николая Пospelова (1885 — 17 февраля 1938), протоиерея Николая Виноградова (1876 — 24 декабря 1937), священника Николая Красовского (1876 — 31 января 1938), протоиерея Петра Розанова (1864 — ноябрь 1930), диакона Павла Любимова (1870 — март 1931), священника Василия Горбачева (1885 — 26 февраля, 1938), священника Павла Филицина (1894 — 17 января 1941), диакона Сергия Астахова (1877 — 31 декабря 1942), монаха Алексия (Гаврина; 1883 — 10 декабря 1937), Николая Копнинского (1876 — 15 марта 1938), Иоанна Емельянова (1876 — 10 декабря 1937), Бориса Успенского (1895 — 15 декабря 1942);

от Орловской епархии: архиепископа Смоленского Серафима (Остроумова; 1880 — 8 декабря 1937);

от Самарской епархии: священника Константина Сухова (1867 — 1918);

от Тульской епархии: епископа Тульского Онисима (Пылаева; 1876 — 27 февраля 1937), епископа Белёвского Никиты (Прибыткова; 1859 — 3 января 1938), протоиерея Петра Павлушкова (1865 — 23 ноября 1937);
+ от Чебоксарской епархии: епископа Алатырского Германа (Жокеля; 1883 — 2 ноября 1937);
от Ярославской епархии: иеромонаха Иосифа (Баранова; 1861 — 21 августа 1918), иеромонаха Никандра (Прусака; 1865 — 30 июня 1918), протоиерея Николая Виноградова (1870 — 1 декабря 1948), протоиерея Димитрия Смирнова (1870 — 26 июня 1940), протоиерея Флегонта Понгильского (1871 — 23 апреля 1938), протоиерея Михаила Борисова (1876 (66) — 4 июня 1942), священника Павла Успенского (1874 — 30 января 1938), священника Николая Бряцева (1867 — 8 июля 1918), священника Феодора Богоявленского (1881 — 19 февраля 1933).
3. Сообщить имена этих святых Предстоятелям братских Поместных Православных Церквей для включения их в святцы.

ВЫПИСКА ВЕРНА:

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МИТРОПОЛИТ СОЛНЕЧНОГОРСКИЙ

Даты даны по новому стилю.

* * *

Вот мы познакомились с жизнью и судьбой епископа Германа. Тексты при помощи архивных документов подготовила Нина Александровна Алёшева. Ознакомившись с этими документами, мы видим, что Григорий Афанасьевич Кокель переписывался с Николаем Васильевичем Никольским, начиная с 1915 года до 1924 года, об этом свидетельствуют его письма профессору, которые зафиксированы документально. Эта переписка продолжалась в течение многих лет.

Прочитав эти письма, увидим, что Григорий Афанасьевич был образованным человеком, что он постоянно старался повышать свои знания, свой кругозор. Конечно, умный человек тянется к такому же умному, как сам. Эта истина всем известна.

Григорий Кокель был очень благодарным человеком. Вот что пишет он своему учителю, наставнику и благодетелю в письме от 17 октября 1920 года. «... Вам, наверное, трудно приходится. Если отправить по почте сухари и масло, не дойдут, наверное. Если нужно, напишите, я постараюсь выслать». Письмо, начатое на русском языке, он заканчивает по-чувашски. Может, это была конспирация? Ведь, письмо могли и распечатать, вот он и застраховался на всякий случай.

Из писем видно, что Григорий Афанасьевич не сторонился от крестьянских дел, он постоянно старался укреплять своё хозяйство. Он пишет в одном письме так: «У меня есть 1 лошадь, 1 корова, тёлка, 2 овцы, 1 свинья, 8 поросят, железный плуг, тарантас, шинованная телега, сноповязка, швейная машина и пр. мелкота. (Потом он дальше опять пишет по-чувашски). Если всё это продать, думаю, на жизнь хватит. Ещё посеял рожь на двух десятинах земли (в 1 десятине — 1,09 га). Если Бог даст, то можно получить 150–200 пудов зерна. У меня ещё имеется Новый Завет — 500шт.. Мне пишут сюда желающие купить его...».

Его жена, Ирина Егоровна Спинова, умерла 22 июля 1920 года. Он остался один с тремя малолетними детьми. Старшей дочери Александре

было 11 лет, сыну Аркадию — 9, а младшей дочери Софии — всего 5 лет. В то время Григорию Кокелю было 38 лет. Но он всё равно хотел учиться дальше. В 1921 году, продав всё имущество, епископ Герман поехал с детьми в Петроград и поступает в Петербургский Богословский институт на очное отделение. Детей отдаёт на время в приют. Как велика была у него тяга к знаниям, как хотел углубить он свои знания.

Ознакомившись с письмами епископа Германа профессору, можно сделать такой вывод: по благословению бога его наставником в жизни был Николай Васильевич Никольский. Поэтому они тянулись друг к другу.

Если бы Бог распорядился судьбой Германа по-иному, то, может, тогда из него получился бы или известный писатель, или одарённый композитор, или хороший переводчик, или стал бы, как и брат Алексей, мастером кисти и полотна.

Если задуматься, то удивительно ведь: у одного человека сколько способностей. Конечно всё это от Бога.

Я сам отношусь к людям творчества. И вот что я заметил: кому не дано Богом, то те, (будь это хоть литератор, хоть художник, хоть композитор), недолго думая, начинают хвастаться своими творениями, называя их чуть не «шедеврами». Особенно в последнее время таких «талантов» размножилось много. Конечно, когда-нибудь сито Времени покажет, кто талантлив, а кто просто пустомеля.

Сколько времени мы ничего не знали о своих замечательных людях, для этого понадобился почти целый век, но, в конце концов, Бог распорядился так, что их добрые дела дошли до нас.

ХРИСТИАНСТВО В ЧУВАШИИ
(Из книги «Чебоксарская и Чувашская епархия».)

«Обращаюсь к Вам первым,
друзья и родичи мои чувашки.
Крепче всего берегите величайшую
святыню — веру в Бога.»
(Из «Завещания И. Я. Яковлева
родному чувашскому народу»)

Христианство в Чувашской земле известно с давних времен и имеет глубокие корни.

Географическое положение Волжской Булгарии, занимающей среднюю часть великого Волжского пути, обусловило ее важную роль в транзитно-посреднической торговле.

Древнее государство — Волжская Булгария находилось на пересечении крупных водных путей и сухопутного караванного пути из Средней Азии в Европу. Сюда съезжались хазарские, русские, среднеазиатские, армянские и византийские купцы.

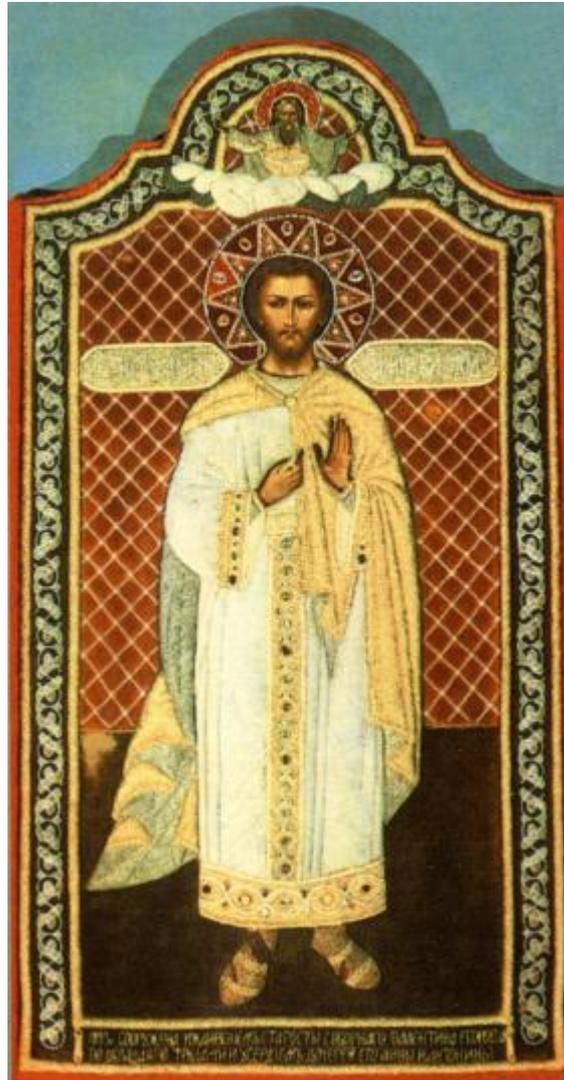
Именно купцы-христиане познакомили местное население с христианской верой. Купцы из Булгарии также вносили свой вклад в христианизацию коренного населения, и происходили случаи обращения в Христианство.

Первым христианином, имя которого сохранила до нашего времени история, был святой мученик Авраамий Болгарский. Кто его обратил в Христианство, когда и где он принял святое крещение, остается неизвестным и до сих пор. Может быть, частые поездки в различные земли по торговым делам способствовали его знакомству с истинной верой.

Став христианином, святой Авраамий при каждом удобном случае проповедовал Святое Евангелие своим единоплеменникам, но почва в сердцах людей этой страны была еще не готова к принятию семени Евангельского слова.

Ласковыми уговорами, а затем и угрозами болгары уговаривали оставить новую веру. Но, видя непреклонность Христова исповедника, они предали его различным мучениям, а затем мечем усекли ему голову. Мученическая кончина святого Авраамия Болгарского последовала 1 апреля 1229 года.

Русские купцы взяли тело святого мученика и с подобающими почестями похоронили на христианском кладбище в столице государства — городе Великом Булгаре.

**Преподобный Авраамий Болгарский,
Владимирский чудотворец.
Икона в Успенском соборе во Владимире**

Успенский собор Княгининского монастыря г. Владимира, где хранятся мощи сщмч. Авраамия Болгарского

Над гробом святого Авраамия стали происходить многие чудеса, и русский князь Георгий Всеволодович испросил у болгар мощи святого мученика.

В 1230 году мощи святого мученика Авраамия перенесли во Владимир, где они находятся и сегодня в женском Княгининском монастыре.

Так мученическая кровь положила начало христианству на земле Чувашии.

Святой мученик Авраамий не был единственным исповедником православной веры. Через сто лет на этой же земле была пролита кровь другого мученика Феодора Иерусалимлянина — богатого купца и искусного философа. Волжские болгары, не вынеся поражения от святого в споре о вере, замучили Феодора 21 апреля 1323 года.

В наше время археологические раскопки на территории Чувашии выявили немало памятников христианской культуры. Среди них встречаются шиферные и медные кресты XI-XII веков, несколько каменных и медных образов (самый известный под названием «Греческая Божия Матерь» был найден в городе Великом Булгаре), надгробные плиты с эпитафиями христианского содержания.

Все это многообразие археологических находок является еще одним доказательством того, что христианство было распространено среди болгар.

Нашествие Батые надолго приостановило просвещение волжских булгар светом Христовой веры — территория Волжской Булгарии практически полностью вошла в состав Золотой Орды.

Однако, немногочисленные случаи проникновения христианства в Среднее Поволжье встречались даже во время правления золото - ордынских ханов.

Так, в 1279 году хан Менгу-Темир вызвал к себе несколько русских князей для усмирения яссов и булгар, отказавшихся платить дань хану.

Среди русских князей был Феодор Ростиславович, по прозвищу Черный, который просил хана утвердить его на княжение в Ярославле.

В Золотой Орде жена хана предложила выдать дочь за русского князя. Менгу-Темир с большой неохотой уступил просьбам ханши и послал посольство в Константинополь к патриарху за разрешением на брак.

После крещения ханская дочь вышла замуж за Феодора Ростиславовича и в течение всей своей последующей жизни отличалась благочестием и добродетельностью.

Хан Менгу-Темир полюбил русского князя как сына и устроил для него особый дворец в своей столице. Для его содержания он дал своему зятю и дочери тридцать шесть городов, среди которых были Великий Булгар, Арск, Казань и многие другие.

Князь Феодор Ростиславович испросил позволения хана выстроить в Орде несколько церквей, и в течение всей своей жизни покровительствовал распространению христианской веры и духовенству.

Вторая половина XVI века открыла новый период в истории распространения христианства в Среднем Поволжье. Дело просвещения местного населения продолжил святитель Гурий, первый архиепископ Казанский. Святитель проповедовал среди коренных жителей края, своими наставлениями укреплял новокрещённых в вере и постоянно объезжал свою епархию.

Введенский собор в Чебоксарах является самым первым православным храмом в Чувашии. Место для его строительства выбрано на территории Чебоксарского кремля и освящено в 1555 году по указанию царя Ивана Грозного Преосвященным Гурием, впоследствии причисленным к лику святых. Возведённый в том же году деревянный собор был единственным культовым сооружением кремля. После мученической смерти патриарха Ермогена проповедь христианства среди чувашей практически прекратилась, несмотря на то, что Правительство принимало определённые меры для обращения язычников. К сожалению, все это носило внешний характер, и язычники принимали православие ради льгот и других материальных выгод. Крещёные чуваше не имели ясного представления об истинах той веры, которую они приняли в Святом Крещении.

Расцвет православной миссии в Среднем Поволжье приходится на вторую половину XIX века и связан с именем и деятельностью «великого просветителя инородцев» профессора Казанского Университета Н. И. Ильминского и его ученика И. Я. Яковлева.

Н. И. Ильминский перевел Святое Евангелие и богослужение на национальные языки, что позволяло местному населению более осознанно

***И. Я. Яковлев в форменном мундире
статского советника***

знакомиться с православной верой. Этому способствовало и открытие школ для инородцев, где преподавание осуществлялось на их родном языке.

Дело профессора Ильминского продолжил его ученик И. Я. Яковлев, который перевёл Святое Евангелие и богослужебные книги на чувашский язык.

И. Я. Яковлев — выдающийся чувашский ученый и педагог, насколько это было возможно, старался распространить христианство среди местного населения.

Для более успешной проповеди православной веры он создал новый чувашский алфавит, поскольку прекрасно понимал, что на родном языке вероучение Православной Церкви будет усваиваться более глубоко и осознанно среди коренного населения.

Вместе со своими учениками И. Я. Яковлев издавал учебные пособия для чувашских школ, устраивал приходы в различных уголках чувашской земли.

Именно ему принадлежит заслуга перевода Нового Завета на чувашский язык.

Многие его последователи стали позднее видными педагогами и священнослужителями.

Архиепископ Илари́й

Епископ Ио́сиф

Благодаря деятельности Н. И. Ильминского, И.Я. Яковлева чувашки получили собственную письменность, национальную школу и, самое главное, — Слово Божие на родном языке.

Активная просветительская деятельность Русской Православной Церкви в Чувашии способствовала тому, что в XIX веке практически не было случаев обращения местного населения в ислам или язычество.

Революционные преобразования XX века отразились не только в центральной России, но коренным образом изменили жизнь маленькой Чувашии.

Начавшаяся гражданская война разделила людей на два враждующих лагеря, революционное брожение не обошло стороной и чувашское духовенство — появились призывы к революционным преобразованиям в Церкви и к всестороннему обновлению жизни.

В обновленческое движение, потрясшее Русскую Православную Церковь, оказались вовлеченными и приходы Чувашии, которые требовали предоставления полной самостоятельности — автокефалии.

Только в 1944-1945 годах, немногочисленные священнослужители Чувашии воссоединились с Русской Православной Церковью. Стараниями Святейшего патриарха Алексия I (Симанского) (1945-1970 гг.) обновленческий раскол был окончательно урегулирован и началось восстановление церковной жизни Чувашии.

Указом Святейшего патриарха Алексия I (Симанского) и священного Синода Русской Православной Церкви в 1946 году на территории Чувашии была утверждена самостоятельная епархия.

Архиепископ Мануил

Архиепископ Николай

Первым епископом Чебоксарским и Чувашским был назначен Преосвященный Иларию (в миру Петр Григорьевич Ильин), переведенный с Ульяновской кафедры.

Несмотря на преклонные года и телесные немощи, епископ Иларию (1946-1951 гг.) отдавал все свои силы делу управления епархией и восстановлению церковной жизни. За свои труды священноначалием Русской Православной Церкви он был возведен в сан архиепископа.

С 1951 по 1953 годы Чебоксарскую кафедру возглавлял епископ Иов (в миру Владимир Андрианович Кресович), впоследствии переведенный на древнюю Казанскую кафедру.

С 1953 по 1955 годы епархия вынужденно оставалась без правящего архиерея.

21 декабря 1955 года, указом Святейшего Патриарха, временно управляющим Чебоксарской епархией был назначен архиепископ Мануил (в миру Виктор Викторович Лемешевский). Он составил «Мертвенное последование над скончавшимся архиереем», а также «Каталог русских архиереев (1897-1957)». Замечательный литургист и библиограф впоследствии занимал кафедру в городе Куйбышеве.

В течение 12 лет на кафедре архиепископа Чебоксарского и Чувашского находился Высокопреосвященнейший Николай (в миру Феодосьев Николай Андреевич). Владыка Николай происходил из семьи потомственных священнослужителей, восходившей своими корнями к греку-пресвитеру Иосии Феодосису.

Епископ Иоанн

Архиепископ Вениамин

В 1972 году после смерти Высокопреосвященнейшего Николая Святейший Патриарх Пимен поручил временно управлять Чебоксарской паствой епископу Куйбышевскому Иоанну (в миру Снычев Иван Матвеевич), который впоследствии стал митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Преосвященнейший Иоанн управлял епархией около года.

В 1973 году на кафедру архиепископа Чебоксарского и Чувашского из Иркутска был переведен архиепископ Вениамин (в миру Новицкий Сергей Васильевич), выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, много пострадавший за веру Христову. Архипастырем в Чувашии он пробыл всего три года, однако его отшествие ко Господу 14 октября 1976 года вызвало всеобщую скорбь и чувство невосполнимой потери среди его паствы.

Утешение скорбящей пастве было даровано Господом в лице нового архипастыря Чебоксарского и Чувашского Варнавы, само имя которого в переводе с еврейского означает «сын утешения».

Высокопреосвященнейший Варнава (в миру Владимир Владимирович Кедров), ныне митрополит Чебоксарский и Чувашский, родился 21 апреля 1931 года в селе Высокое Рязанской области, в семье потомственных священнослужителей.

После получения среднего образования юноша Владимир Кедров прислуживал в храме святой Троицы в селе Бахмачеево Рязанской епархии, а с 1953 по 1955 годы иподиаконовал у рязанского архиепископа Николая (Чуфаровского).

В 1955 году принял решение, которое коренным образом изменило его жизнь — поступил послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Через полгода состоялся его постриг в мантию с именем Варнава, в честь святого апостола Варнавы.

В 1956 году Святейший Патриарх Алексий I (Симанский) рукоположил монаха Варнаву в сан диакона.

С 1956 по 1970 годы священноинок Варнава нёс послушание ризничного Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

В 1957 году иеродиакон Варнава был посвящен в сан иеромонаха, а в 1960 году — в игумена.

С 1970 по 1974 годы архимандрит Варнава нес послушание ризничного Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В 1971 году он принял участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви, на котором был избран Святейший Патриарх Пимен.

Новым ответственным послушанием, которое Русская Православная Церковь возложила на архимандрита Варнаву, стало архипастырство в Чувашии.

Хиротония во епископа Чебоксарского и Чувашского, возглавлял которую Святейший Патриарх Пимен, состоялась 30 ноября 1976 года в Трапезном храме Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

В 2001 году архиепископ Варнава за свои неустанные труды на благо Русской Православной Церкви и Чувашии Святейшим Патриархом Московским и всея Руси был возведен в сан митрополита.

Вот уже 26 лет Чебоксарско-Чувашскую епархию возглавляет Высокопреосвященнейший Владыка Варнава. В 1976 году, когда епископ Варнава прибыл в город Чебоксары, в Республике насчитывалось 35 приходов. Сейчас же в Чувашии 190 приходов, 6 монастырей (4 женских и 2 мужских). При многих храмах открыты воскресные школы.

Несмотря на то, что в Чебоксарско-Чувашской Митрополии 220 священнослужителей, священников все еще не хватает. Эту проблему должно решить Чебоксарское Духовное училище. За 6 лет своего существования Духовное училище выпустило несколько десятков священников и дьяконов.

Огромным событием для Чувашии стал визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II 23-26 июня 1996 года. Это был первый визит Предстоятеля Русской Православной Церкви в Чувашию.

Святейший Патриарх посетил храмы и монастыри города Чебоксары, освятил Князь-Владимирский Собор в городе Новочебоксарске. Заложил камни в основание двух новых храмов: в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» (который в настоящее время освящен) и Новомучеников и исповедников Российских. Встречался с общественностью и молодежью Чувашской Республики. Особенную благодарность

**Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
за божественной литургией в Введенском
Кафедральном Соборе**

**Митрополит Чебоксарский и
Чувашский Варнава**

Введенский Кафедральный Собор г. Чебоксары

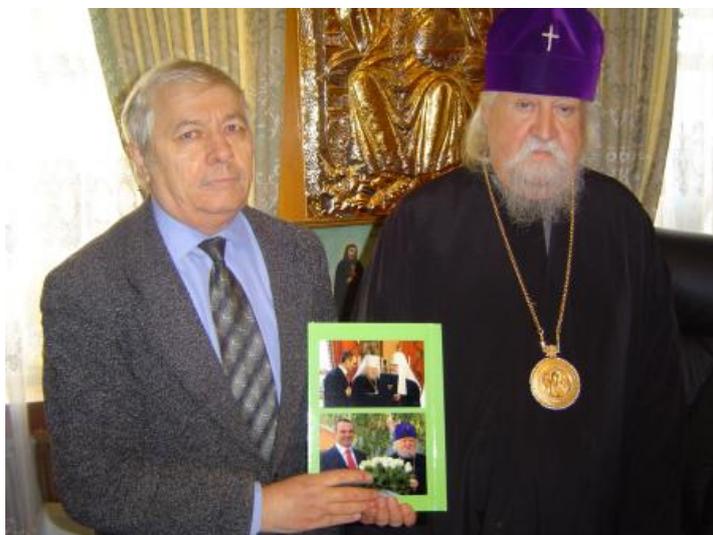
Князь-Владимирский Собор, г. Новочебоксарск

Президент Российской Федерации В. В. Путин с лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники архиепископом Варнавой

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, архиепископ Чебоксарский и Чувашский Варнава и Президент Чувашии Н. Ф. Федоров

Митрополит Варнава, поэт Николай Кушманов — переводчик книг Библии (стихотворное переложение на чувашский язык).

Святейший Патриарх Алексий II выразил Президенту Чувашии Н.В. Федорову за его помощь в возрождении духовных начал жизни Республики, в возрождении поруганных святынь.

* * *

Маленькая Чувашия много пережила за свою богатую историю. Но всегда, даже в самые трудные годы, чувашский народ хранил Православную веру.

XXI век открыл новую страничку в истории Православия в Чувашии. Но за все время существования христианства в Среднем Поволжье оно не поглощало и не вытесняло национальное народное самосознание, не уничтожало его культурного и исторического своеобразия, а преображало и воцерковляло его.

Православная вера стала твердой опорой и безошибочным духовным ориентиром в решении сложных проблем, которые в изобилии ставила перед Чувашией жизнь.

ПРОДОЛЖАТЕЛИ ДЕЛА ЕПИСКОПА ГЕРМАНА

СОФИЯ ГРИГОРЬЕВНА
ИЛЬМЕНЕВА (КОКЕЛЬ)

Сейчас хочу познакомить читателя с судьбой Софии Григорьевны Ильменевой-Кокель. Она единственная из детей епископа Германа, оставшаяся в живых, продолжательница его рода.

Софья Григорьевна Кокель родилась в 1915 году, с мужем, Федором Ильменевым, она вырастила двоих детей. Дочь, Галина Фёдоровна Дорошенко (Ильменева) — врач. Сын, Геннадий Фёдорович Ильменев— инженер, его сын Павел тоже инженер-электромеханик.

В 1997 году Софья Григорьевна в первый раз после стольких лет побывала в Чувашской республике. Ей тогда было 82 года. Она в первый раз встретила со своими родственниками и с отцовской, и с материнской стороны.

Альбина Дмитриевна Куракова, высоко ценившая труд своих родственников, при встрече с Софьей Григорьевной, учитывая возраст тёти, догадалась записать её рассказ на магнитофон. И вот её рассказ.

«С родной стороны пришлось распрощаться Софии 5–летним ребёнком. До встречи со своим мужем, Фёдором, что только не повидала она в своём коротком веку. В детстве где только не жила она: в Тульской, Курской, Московской областях. Хорошо хоть, после

седьмого класса, успела выучиться на бухгалтера. Эта профессия очень выручала её в те тяжёлые времена.

После ареста отца они с сестрой Александрой поехали в Москву к сестре матери, к тётке Марии. Некоторое время пожили у неё. Но когда узнали, что они дочери «врага народа», их попросили в течение 24 часов выехать оттуда. Они тогда поехали с сестрой Александрой в Тульскую область. Софья там устроилась по своей специальности на работу, но для Александры в совхозе не нашлось работы. Она прятала свою сестру от чужих глаз под кроватью. Александра поедет в Орловскую область в поисках работы. Она, как бездомная, ночевала на вокзалах, там сильно простыла и попала в больницу с менингитом, отчего и умерла. Она похоронена в Тульской области. После ареста отца Аркадия тоже посадили в тюрьму. О его судьбе София Григорьевна больше ничего не знает. Во время Горбачёва у власти она писала в разные инстанции, но так и не получила ответа.

Когда слушаешь рассказ Софии Григорьевны, то сразу чувствуется, что она была человек с сильным характером, попав в тяжёлое, затруднительное положение, никогда не терялась, не опускала голову. Она была уверена, что всё это ненадолго, что, в конце концов, справедливость победит.

Каждый раз, когда она приезжала на новое место жительства, органы НКВД её сразу брали на учёт, следили за каждым её шагом. За короткий срок молодой девушке приходилось менять несколько мест в разных городах. На новом месте как только она начинает привыкать и находит друзей, как через год ее опять попросили в течение суток покинуть это место жительства. «Снова собираю свой скарб и топаю в сторону автостанции или вокзала»,— вспоминает София Григорьевна.

Все, кто находился у власти, хотели жить спокойно. Никого не беспокоила судьба молодой чувашской девушки. Им было не выгодно, что в их городе или на посёлке находилась дочь «врага народа», хотя она не причиняла им никакого вреда. Наверное, просто они желали, чтобы она чувствовала себя ничтожной, никому

не нужной. Для них человек — это щепка в огромном море.

Софья понимала, что людям не надо доверяться во всём, даже хорошо знакомым. «Тогда везде действовали спецотделы, которые выслеживали «врагов народа». В Саратове я встретила с Фёдором Ильменевым, вышла замуж, сменила фамилию. Только тогда преследования прекратились. Я никому не говорила, даже мужу, что дочь епископа. Прожила с Фёдором 57 счастливых лет, он был отличным кузнецом, оружейным мастером, умер несколько лет назад...» — рассказывала Софья Григорьевна о своей жизни родственникам, когда приехала на родину спустя 76 лет.

Подумать только! До какой степени довели человека, даже самому близкому человеку она не сказала о том, что её отец епископ, потому что боялась за мужа и детей, так как вместе с ней они тоже могли пострадать. Только скрыв от всех правду, она сумела сохранить свою жизнь и спокойствие мужа и детей в течение полвека. Сколько мужества и терпения надо было для этого, только она знает. Может, она в каждую ночь просыпалась, вздрагивая от каждого шороха.

Человек всегда и везде помнит свою малую Родину, где бы он ни находился. Наверное, Софья Григорьевна не раз хотела побывать на родине предков, но она в первую очередь думала о семье, боялась, что её мужа и детей тоже могут преследовать. В одном была твёрдо уверена, что настанут хорошие времена. И вот в конце восьмидесятых она начинает искать своих родственников и находит их.

Очень тепло вспоминает Софья Григорьевна о своём муже Фёдоре, он был русский:

— Мы с ним познакомились случайно. Это случилось в Тамбовской области. По требованию НКВД мне срочно надо было уехать оттуда. Фёдор решил организовать в честь этого прощальную вечеринку. Я была непротив. Хорошо провели время. После вечеринки Фёдор признался мне в любви, предложил выходить замуж. Я согласилась тогда, просто шутя, потому что в то время в Омской области у меня был жених, и как раз собиралась ехать к нему. Фёдор очень обрадовался, узнав о моём согласии. На следующий день он собрал всех своих

На рисунке слева направо: Матрена Федоровна Калашникова, Владимир Кураков, Альбина Дмитриевна Куракова, Софья Григорьевна Ильменева (Кокель), Павел Дорошенко — внук Софьи Кокель.

близких и объявил им о нашей помолвке. Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Я дала согласие стать ему женой. Его родным я рассказала о том, что я сирота, выросла в детском доме, что родом я из Чувашии. Вот так неожиданно для меня мы с ним поженились.

И в 1936 году незамедлительно мы с ним переехали в г. Саратов. Когда устроились на работу, на окраине города, в бараке, нам выделили одну комнату. Она была совсем запущенная. Мы жили там бесплатно, потому что должны были отремонтировать её сами, своими силами. В первое время мы спали прямо на полу. У меня было тогда одно единственное платье. Вечером постираю, утром надеваю. Я не знала крестьянской жизни. Фёдор тоже был городской, поэтому мы могли жить и работать только в городе. Я получила семилетнее образование, выучилась на бухгалтера. В то время это считалось наравне с высшим образованием. Муж был отличным слесарем, это выяснилось сразу. Он нашёл в куче мусора ржавые железки и смастерил из них двуспальную кровать, а для кухни стол и стулья, потом их покрасил краской.

Получились красивые вещи, несколько не хуже, чем в магазине. Посуду тоже сам изготовил. Мы, как малые дети, радовались каждой вещи, которые мой муж мастерил сам.

Вот так мы наладили своё хозяйство, свой быт. В первое время любили ходить в драмтеатр. Покупали самые дешёвые билеты, и во время представления ели овсяные печенья. После спектакля шли домой пешком. Тогда автобусов не было и в помине. Жили мы далеко, и вот через весь город, никого не боясь, шагали домой. На ногах были резиновые галоши. Они, не считая платья, были единственной дорогой вещью у меня. Я их очень берегла. Домой мы приходили только на рассвете. Жили весело, несмотря на бедное существование. Когда родился первенец, перестали ходить в театры. В 1939 году родила сына, а в 1946 году родилась дочка.

Я всегда втихомолку интересовалась судьбой отца. Но правду узнала только при Горбачёве, после обращения в разные инстанции, мне прислали документы. Моя двоюродная сестра Нина Александровна Алёшева тоже многого добилась, сердечное спасибо ей за всё...

ПИСЬМО С. Г. ИЛЬМЕНЕВОЙ ЖОКЕЛЬНЕ

***Здравствуйте, дорогие
Альбина Дмитриевна, Ваш муж и дети!***

Сообщаем, доехали в Саратов 26 августа в 3 ч. утра хорошо. Из г. Гороховца поехали автобусом до г. Ульяновска, а там поездом до Саратова. Через г. Москву побоялись ехать, думали с билетом до Саратова будет трудно.

Дома все хорошо, все живы и здоровы, чего желаем и Вам всем.

Жизнь в Саратове вновь подорожала.

Погода установилась прохладная: ночью до 15 градусов, днем до — плюс 20.

Здравствуйте дорогие Альбина
Дмитриевна, Ваш муж и дети!
Собираюсь, поедем в Саратов 26 августа.
В 3х утра хорошо. Из Саратовские поехали
автомобилем до Чкаловска, а там поездом
до Саратова. Через Москву побольше
ехать, душам с билетом до Саратова будет
трудно.
Ваша все хорошо, все семьи и здоровья, тако
же как и Ваш брат.
Жизни в Саратове вновь возрождена.
Погода установилась прохладная. Ночью до 15°,
днем до 20°.
Дорогие Альбина Дмитриевна, муж и дети
будет возможность приезжайте в Саратов по
адресу дочери Галины: 410079 г. Саратов пр. Октябрь
Энтузиастов, дом 33-В, кв. 6 Дорошенко
Галина Фридриевна (Заводской район г. Саратов)
Будем очень рады.
По книге Джека Лондона "Лунная долина"
на стр. 400 есть река Кокиль в Америке
(Калифорния, долина Сакраменто) может

Дорогие, Альбина Дмитриевна, муж и дети, будет возможность, приезжайте в Саратов по адресу дочери Галины. Будем очень рады.

В книге Джека Лондона "Лунная долина" на стр. 400 есть река Кокиль в Америке (Калифорния, долина Сакраменто) Может быть, оттуда происхождение фамилии Кокель?

Дорогая, Альбина Дмитриевна, спасибо за теплый прием нас с Павлом. Так как мне тяжело было ехать одной в Чувашию, меня сопровождал внук Павел от дочери Галины. У нее всего один сын Павел, муж инженер-химик 1938 г. рождения. Павел родился в 1978 году в Саратове, дочь Галина 1946 г. рождения, врач-лаборант. Сын Геннадий, 1939 г. рождения, инженер-механик, жена его Тамара, 1940 г. рождения, врач-психиатр, дочь их, Татьяна, тоже врач-психиатр 1970 г. рождения. Муж Татьяны милиционер, окончил сельскохозяйственный институт. У Татьяны и Игоря растет дочь Полина 1996 г. рождения.

Ну, пока все. Будьте здоровы.

Целуем всех.

2 семьи Ильменевых и Дорошенко.

2008-99 г.

Архивные документы епископа Германа

МВД РФ

УПРАВЛЕНИЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Амурской области

информационный центр

670000 г. Благовещенск, ул. 10 лет Октября, 18

***

И. от 97г. № 3/11 д-б
На № от

Алешевой Нине Александровне

429550 Р.Чувашия

г. Мариинский Посад

ул.Казанская, 46.

Уважаемая Нина Александровна!

На Ваше заявление сообщаем, что согласно архивно-следственного дела, Кокель Герман (Григорий) Афанасьевич, 1883 г.р., был осужден заседанием Особой Тройки III ОГПУ Западносибирского края 31 декабря 1935г. по ст. 58-10, 11 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Отбывал наказание в БАМлагте НКВД, незаконно был обвинен в контрреволюционной агитации и решением Тройки УНКВД по ДВК от 17.10.37 года приговорен к ВМН. Приговор приведен в исполнение 2 ноября 1937 года. Место захоронения Кокеля Г.А. неизвестно и установить его в настоящее время невозможно.

Факт смерти Кокеля Г.А. зарегистрирован в Хабаровском край-ЗАГСе 03 июля 1992 года (запись о смерти № 299).

По вопросу ознакомления с материалами архивного дела Кокеля Вам следует обратиться в УФСБ по Республике Чувашия, куда мы согласно их запроса можем выслать дело.

Приложение: фотографии Кокеля Г.А.

Начальники ОУФ и Р А
ИЦ УВД Амурской области

С.П.Гладких

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Управление
по Амурской области

19.06.1992 г. №.....
гор. Благовещенск
ул. Пионерская, 22
***** 8 *****

410048

г. Саратов,
I Тульский проезд, дом 6, кв. 30.

Ильменевой Софье Григорьевне.

Софья Григорьевна !

Ваше заявление о судьбе Кокель Григория Афанасьевича нами получено и рассмотрено. По архивному делу заключённого Кокель Герман (Григорий) Афанасьевич, 1863 года рождения, уроженец Чувашской республики, отбывал наказание во 2-ом отделении БАМЛАГа. Во время отбывания наказания повторно незаконно обвинён за "высказывал террористические взгляды против вождя Партии. Клеветал на членов Правительства и ВКП (б). Проводил контрреволюционную пораженческую агитацию". Решением тройки УНКВД по ДВК от 17 октября 1937 года Григорий Афанасьевич незаконно осуждён к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 2 ноября 1937 года. Место захоронения Григория Афанасьевича установить не представляется возможным, поскольку каких либо сведений об этом в архивах не имеется. Его смерть зарегистрирована в городском ЗАГСе г. Хабаровска, откуда Вы получите свидетельство во его смерти.

Архивное дело в отношении Кокель Германа (Григория) Афанасьевича пересмотрено 07.08.1990 года и он реабилитирован. Высылаем в Ваш адрес справку о реабилитации Григория Афанасьевича, подготовленную прокуратурой Амурской области. В архивном деле сохранилось фото Григория Афанасьевича, которое высылаем в Ваш адрес.

Приложение: Справка о реабилитации Кокель Г.А., фотография 1 шт.

Начальник Управления

В. Г. Плигин

Регистрация с постымом срока

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Кокель
Тригорий Афанасьевич
умер(ла) 02. 11. 37, шморого морора
Готельа зельтот тризнатъ
серылого гога
в возрасте 53 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 37 года июль месяца 3 числа
произведена запись за № 259
Причина смерти разстри

Место смерти: город, селение не установлено
район _____
область, край _____
республика _____

Место регистрации ошдел загс Умторай
нод р-нон. Явартыка

Дата выдачи 3 июль 19 37

Заведующий отделом (бюро)
или его помощник
И.ДВ № 271473

Прокуратура Амурской области
" 24 " 06 1990 года

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр-н КОКМЬ ГЕРМАН (ГРИГОРИЙ) АФАНАСЬЕВИЧ
(фамилия, имя, отчество)

Год и место рождения 1883, Чувашская республика

Место жительства до ареста г. Хабаровск, ул. Карла Маркса,
Больничный дом № 5.

Место работы и должность (род занятий) до ареста _____
епископ

Когда и каким органом осужден (репрессирован) 17 октября 1937 го-
да тройкой УНКВД по ДВК

Квалификация содеянного и мера наказания (основная и дополнительная) Клевета на членов Правительства, ВКП(б), контрреволюционная агитация. Расстрелян 02.11.1937 года.

На основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов",

решение

гр-н КОКМЬ ГЕРМАН (ГРИГОРИЙ) АФАНАСЬЕВИЧ
(фамилия, имя, отчество)

РЕАБИЛИТИРОВАН

Дело пересмотрено " 07 " августа 1990 года.

Старший помощник прокурора области
Советник Юстиции

В. П. Макки
В. П. Макки

В церкви народу собралось много. Епископ Герман, в миру Григорий Афанасьевич Кокель, был единственным священнослужителем такого сана в истории русской православной церкви чувашского происхождения. Он получил высшее духовное образование в Петербурге, владел латинским, греческим, французским, английским, немецким языками. В свое время дружил с выдающимся просветителем Иваном Яковлевым, классиком чувашской литературы Константином Ивановым. Сам Патриарх Московский и всея Руси Тихон благословил его служению Богу. Кокель пользовался огромной популярностью в народе, среди священнослужителей православной церкви. Большевики не раз предлагали ему отречься от церкви, сулили высокооплачиваемую работу, но он оставался верен православию, гордо, с высоко поднятой головой пошел на смерть во имя веры.

На отпевании присутствовала дочь Кокеля — Софья Григорьевна, которой сейчас 82 года. Своих малолетних детей епископ еще в далеком 1918 году вывез из Чувашии в Петербург, сдал их в детский приют. Тогда велась беспощадная война против религии.

— Отца постоянно вызывали на ночные допросы, — рассказывает Софья Григорьевна. — Приходил разбитый,

измученный. И не счесть, сколько проводили в доме обысков, все переворачивали вверх дном, искали компрометирующие материалы, но ничего не находили. Еще хорошо помню, как в те времена власти устраивали публичные дискуссии. Усадят перед народом священнослужителя и какого-нибудь профессора-атеиста, и начинают они дискутировать о существовании Бога. Когда отец возвращался домой, я спрашивала его: «И кто же из вас победил?» «Конечно, Бог» — отвечал он. После ареста отца, мы были брошены на произвол судьбы. Когда приехали в Москву к тетке, нам дали 24 часа, чтобы мы покинули столицу. Я устроилась счетоводом в одном подмосковном колхозе. Но узнали, что я дочь «врага народа» и я вынуждена была уехать. Сестра моя Шура, бездомная, сильно простыла на железнодорожном вокзале, умерла в больнице. Про брата Аркадия я ничего не знаю, только слышала, что посадили его в тюрьму. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Я тоже постоянно меняла место работы, жила в Тульской, Тамбовской, Курской областях. Тогда везде действовали спецотделы, которые выслеживали «врагов народа». В Саратове я встретилась с Федором Ильменовым, вышла за него замуж, сменила фамилию. Только тогда преследования прекратились. Я никому не говорила, даже мужу, что я дочь епископа. Прожила с Федором 57 счастливых лет, он был отличным кузнецом, оружейным мастером, умер несколько лет назад.

В прошлом году мне на глаза попала газета «Саратовские вести». И тут с изумлением прочитала, что разыскиваются дети епископа Кокеля. Я была очень взволнована этим сообщением, все на меня нахлынуло. Неужели у меня есть родственники в Чувашии? Я ведь об этом никогда не слышала! Написала письмо в Мариинский Посад, Нине, которая мне приходится двоюродной. Я рада, что тут мои родственники, что чтят здесь память отца.

В поездке Софью Григорьевну сопровождает внук Павел, студент Саратовского политехнического института, будущий инженер — электромеханик.

— Для меня было новостью, что во мне течет чувашская кровь, — улыбается Павел. — Я, конечно, очень горжусь, что мой прадед был таким человеком. Отец говорит, что если бы он знал, что он внук епископа, он тоже, может быть, стал бы священнослужителем. Ведь сейчас к религии совсем другое отношение. Не знали мы и о том, что старший брат Григория, Алексей Кокель, был известным чувашским художником.

И все же о Григории Кокеле мы еще знаем очень мало. Его племянница, председатель приходского совета Свято–Троицкого собора Нина Алешева, по крупицам собирает сведения о его жизни. Отец Григория, Афанасий, против воли отца женился на любимой девушке, за что был лишен наследства. Жил в землянке, в курной избе. Родились у Афанасия и Екатерины три сына и дочь. Родители умерли рано, их дети остались сиротами. Однажды Алексей, будущий художник, с Григорием нанялись пилить дрова у местного объездчика. В обед он позвал мальчиков к столу, а сам отлучился по делам. Возвращается и видит разрисованную стену. Увиденное восхитило хозяина, он взял мальчиков на воспитание, дал им образование. Потом Григорий Кокель начал работать учителем в церковно–приходской школе в селе Батырево, здесь познакомился с учительницей Ириной Спиновой, на которой женился. Ее отец, Егор Спинов, был зажиточным человеком, имел водяную мельницу, магазин, двухэтажный жилой дом, несколько гектаров земли. Он послал зятя учиться в духовную семинарию в Симбирск. После окончания учебы Григорий Кокель принимает сан священника. Первым его приходом стала церковь в селе Туруново. Потом он служил в церквях селений Трехизб–Шемурша (Ошибка, в с. Трехизб–Шемурша священник Кокель не работал. Комментарий Н. А. Алешевой), Пандиково, Чурачики, Сюрбеево. У священника была множительная машина, он выпускал миссионерские листовки, воззвания, религиозную литературу. В это время близко сошелся с Иваном Яковлевым, участвовал в переводе на чувашский язык Евангелия. Кокель уже знал многие языки и отлично играл на рояле. Во время богослужения в его приходах всегда было многолюдно. Но вот житель деревни Мураты №допущена неточность, не житель деревни Мураты, а житель Д. Х. из д. Козловка Батыревского района. Комментарий Н. А. Алешевой№ написал донесение, что священник Кокель во время молитв ведет агитацию против советской власти. А энкаведэшникам только это и надо было. Приговорив его к расстрелу, решили устроить публичную казнь для устрашения других. В зимний декабрьский день, в девять часов утра, в центре села Мураты собралась толпа. Вот под конвоем, под дулами винтовок ведут Кокеля. Он идет спокойно, в рясе, с крестом на груди. Красивым голосом поет: □Помощник и Покровитель, быть мне во спасение□ Все собравшиеся замерли в оцепенении. Слышно каждое слово мученика: □Сей мой Бог и прославлю Его, Отца моего!□ Щелкнули затворы винтовок. □Стойте!□ — вдруг слышится чей–то возглас. На

улице появляется всадница с бумагой в руке, это распоряжение об отмене расстрела. Оказывается, прихожане написали в органы письмо о невиновности Кокеля, и власти вынуждены были на это отреагировать. Этим потрясением не выдержала супруга Кокеля, ее похоронили в ограде церкви села Сюрбеево. Кокель остается с тремя малолетними детьми. Позже, после получения сана епископа, был направлен патриархом Тихоном в Чувашию. Кокель принимает имя Германа в честь первосвященника Казанского Чудотворца. По приезде на родину епископ Кокель объезжает все приходы, видит их запущенными, а некоторые уже разрушенными. Он ходит из селения в селение пешком, на лошади, проповедуя православие, скорбя душой за вверенную ему паству. Деятельность молодого, энергичного проповедника не могла, конечно, понравиться новым властям. Кокеля арестовывают и отправляют в Козью Слободу под Казанью. Но за недостаточностью улик, освобождают. Становится Кокель епископом Бугульминским, Бугурусланским, Кузнецким, Томским, Омским, Уссурийским, Хабаровским, Владивостокским Бийским, Барнаульским, Благовещенским. Так он объезжает всю Россию — от Петербурга до Владивостока. Десятки церквей возвращает в лоно православия. Его бросают в тюрьмы, держат в невыносимых условиях. Высокопреосвященный митрополит Мануил №Лемешевский№, сидевший с Кокелем в хабаровской тюрьме, написал о нем: «Он мужественно выносил тяжелейшие пытки, с Божьей помощью не сдавался, не сломался, оставался бодрым духом» 2 ноября 1937 года епископа Германа Кокеля расстреляли в хабаровской тюрьме. Недавно по просьбе родственников его дело было переслано в Чебоксары.

— Обвинительный приговор на него уместился на клочке бумаги, — рассказывает Нина Алешева. — Написан коричневым карандашом. Слово «расстрелять» отштамповано фиолетовыми чернилами. Видимо, в лагерях так часто убивали людей, что даже накладывать рукой резолюцию считали излишней. Обвинения же на Кокеля, видимо, настолько абсурдны, что сотрудница ФСБ по Чувашской Республике постеснялась мне их дать. Все бумаги на Кокеля лежат в папке под грифом «совершенно секретно». В обвинительном документе сказано, что Кокель является членом контрреволюционной организации на Алтае, ставившей целью свержение советской власти вооруженным путем. Проводит вербовку новых членов и т. д. И ни одного подтверждающего это вздорное обвинение факта.

В другом донесении сказано: «Кокель пытается внушить окружающим ненависть к существующему строю, называет царское время «счастливыми днями» Кокель заявляет: «Большевики не знают историю, не щадят исторические памятники. Антихристы со злобой дьявольской преследуют церковь. Но мы все равно будем проповедовать распятого Христа,ждемся счастливых дней, когда колокола кремлевских соборов со славою встретят помазанника Божья» «Нельзя расстреливать ученых, — утверждал Кокель. — Они могут пригодиться России»

В ГУЛАГах политзаключенные носили нагрудные номера. Если же кто умирал, то их закапывали в землю без крестов, их могилы до сего дня остаются безымянными.

— И все же мы надеемся отыскать могилу Германа Кокеля, — продолжает Нина Алешева. — И намерены перенести его прах на родину. Думаю, со временем его причислят к лику святых. Надо бы издать и книгу о священномучениках Чувашии, погибших в застенках НКВД и в ГУЛАГах, а таких немало у нас. Они шли на ужасные страдания сознательно, как верующие люди, всю жизнь проповедующие добро, любовь к людям, к Богу. Их нельзя забывать. Безвинно убиенные священнослужители — это ненаписанная страница нашей истории. Она хранит еще немало тайн.

Л. Кузьмин, соб. корр. «Советской Чувашии»

ТЕРНИСТ ПУТЬ К ЦЕРКВИ

Под сводами церкви плыл, завораживая, чарующий женский голос. Почудилось, будто не только присутствующие на богослужении, но и благородные лики святых прислушиваются к этой соловьиной трели.

— Кто это поет, — спросил я у женщины, стоящей рядом со свечкой в руке.

— Матушка наша, — едва слышно прошептала она.

Не раз задавался потом вопросом: «Почему этот редкостный голос не звучит в оперном театре. Ведь обладательница его могла бы украсить любую сцену, стать примадонной»

— Этот голос мне дарован Богом, и я должна служить ему, — ответила мне матушка Свято-Казанской церкви, что в Мариинском Посаде.

Матушка (в миру Нина Алешева) не раз бывала в одном из начальствующих кабинетов, добиваясь открытия церкви. Хозяин его, райкомовский работник и убежденный атеист, даже

слышать не хотел о проблемах верующих. А сейчас нередко его можно видеть в церкви, ставящего свечку. Не думаю, что это дань моде. Потом узнал, что матушка даже в его душе сумела посеять сомнения в верности единственно правдивого учения Маркса. В чем же притягательность этой удивительной женщины? Недавно пришла и догадка, да от высокой ее культуры, от силы ума и духа, от образованности, от умения растревожить душу, засеять в нее семена добра, любви, вдохнуть в человека силу, просветлить его, редкостный, как и голос, дар.

У Марфы Егоровны, которой сейчас далеко за восемьдесят, Нина десятый ребенок. Все ее братья и сестры живы и здоровы. Она гордится ими, но особенно матерью – героиней. Большого образования у той нет, но в совершенстве знает немецкий язык. В молодости организовала в Батыреве фольклорный ансамбль, собрала голосистых парней и девчат со всего округа. Но и сама пела очень красиво, да так, что в далеком 1924 году приехали к ней специалисты и записали чувашские народные песни в ее исполнении и выпустили в Ленинграде пластинку. Пожалуй, первую в истории народного творчества Чувашии. А потом, когда Нина училась в сельхозинституте, она пела эти песни в клубах, театрах. Каждый раз ее просили исполнять их без сопровождения музыкальных инструментов. Настолько был чист и красив ее голос. Как-то родственники Нины побывали в Санкт-Петербурге, в архиве разыскали ту редкостную пластинку и сделали с нее магнитофонную запись. Матушка спела мне один куплет. Удивляют и мелодия, и текст. Невольно хотелось воскликнуть: □Да ведь как талантлив наш народ!□

Я представляю состояние души этой пожилой уже женщины. Думаю, Марфа Егоровна счастлива. Сын ее, Александр, тоже служит в одной из церквей Марий Эл.

Если первое издание Евангелия на чувашском языке осуществил с неимоверными трудностями великий наш просветитель Иван Яковлев, то второе издание с меньшими трудностями выпустил Александр. Он теперь автор многих книг. Сейчас готовит к изданию Библию в картинках в популярном изложении, а оформлять ее будут палехские мастера.

Дочь Фаина после окончания Палехского художественного училища делает росписи в церквях, реставрирует памятники истории и архитектуры.

Нина же посвятила себя служению Богу. Ничего удивительного тут нет. Ведь ее дядя был известным церковным деятелем. Епископа Чувашского Германа знают не только верующие. Он был к тому же миссионером, немало

настрадался в борьбе с так называемой ересью, большевики начали гонения против церкви. Разумеется, яркий след в душе Нины оставило творчество другого дяди, известного художника Чувашии, профессора Алексея Кокеля.

Отец Нины, как только началась Великая Отечественная, сразу же получил повестку на фронт. Но вдруг звонок из Москвы: [Оставить] Талантливейший оружейный мастер Александр Алешев всю войну чинил оружие. Стрелял исключительно метко. Вернувшись домой, в МТС, в условиях сельских мастерских, наладил отливку запчастей к сельхозтехнике из сплавов. Ныне даже в лучших колхозах такого нет. Ко всему этому Алешев заложил в Батыреве великолепный сад, который украшает землю и поныне.

А судьба Нины сложилась непросто, хотя она не считает себя несчастливой. Когда еще училась в школе, она написала сочинение о Родине, о Чувашии. Тут и засуетились преподаватели. Это же другое видение мира. Надо бы в Чебоксарах эту работу показать, да церковь посещает она. Словом, спрятали сочинение. Но разве новость утаишь. Приехали работники Министерства просвещения и тоже подивились. Красоту родного края Нина увидела в природе, освещенной божественным светом. Она хотела учиться в музыкальном училище, но когда увидела в коридорах этого заведения юнцов с начальствующими папашами и мамами, ушла оттуда.

Тут надо рассказать и о сестре Галине, окончившей школу с медалью. Получить такое отличие верующей в те времена было равносильно подвигу. Но, совершив этот подвиг, Галина, видимо, надорвалась, душа ее соприкоснулась со страшными противоречиями. Она обладала редкостными математическими способностями. Пока учитель на доске выводил задачу, девочка уже в уме решала ее. Впереди у нее было большое будущее. но Галина всю жизнь проработала начальником газового хозяйства с. Батырева. Сейчас на пенсии. Доля женская, которую она выбрала, труднообъяснима, но и объяснима тоже. Только сильные характером люди способны нас потрясать своими поступками. Их дела, наверное, не поддаются логическим умозаключениям.

Вот в такой обстановке и воспитывалась Нина Алешева. В сельхозинституте она во всех студенческих делах была заводилой, ездила в составе агитбригады по городам и селам, училась прекрасно. Ее даже хотели избрать комсомольским секретарем. Но, когда узнали, что поет в церковном хоре, руководители агрофака чуть ли не попадали в обморок. Ведь

за такой [прогляд] их по головке не погладили бы. Скандал не получил широкого резонанса. Его постарались замять, но Нине пришлось уйти из института. Хотя по закону верующие и не должны были преследоваться, но тогда борьба с религией считалась магистральной линией компартии. Тут повод подходящий нашелся. Нина с сестрой Фаиной расписывала церковь и пропустила занятия. Позже она все же закончила Ижевский сельхозинститут заочно. Как толкового специалиста, ее пригласили работать в министерство, но не разрешил владыка: [ты, матушка, церкви нужнее]

Знали ее, конечно, и чинуши, понимали, что она необыкновенной силы духа и, главное, исключительной способности женщина. В душе, может, и восхищались ею, но открыто этого не высказывали, ибо тень ее могла упасть и на их благополучные кресла. Не всякий способен покинуть его ради правды и справедливости. Однажды ее пригласили на весьма престижную работу, но с условием, чтобы она разошлась с мужем, Григорием Котеевым. Тот уже батюшкой был. Познакомились в церковном хоре. Тогда он после армии работал на кирпичном заводе. Когда запевае в церкви благоверный Нины, отец Григорий, аж своды гудят от его могучего голоса. Многие его друзья теперь народные и заслуженные артисты, а он крестит новорожденных и отпевает покойых. Но настоящие друзья всегда с ним рядом, любят и ценят его за талант. Вот недавно у него погостил известный певец Иван Христофоров. Посидели, вспоминали прошлое, души растрожили.

В течение восьми лет Григорий с Ниной восстанавливали церковь в деревне Кушниково, привели ее в божеский вид. Работали не жалея сил. Вот уже четвертый год они поднимают из руин вместо с верующими Свято—Казанскую церковь, которая и считается одним из старейших памятников №1761г.№. Она подверглась самому безжалостному разорению. Как ни пытались воинствующие атеисты вытравить веру народа, не вышло, к счастью. Люди сердцем понимали, что церковь всегда учила добру, непротивлению злу насилием, несла людям свет и терпение.

Всем миром встали марпосадцы, чтобы снова засверкали купола их любимого детища. Ведь эта церковь — не только здание, но и великолепный памятник архитектуры и зодчества. Произвели огромные реставрационные работы. В дело включились не только жители города, но и предприятия. Мастера железных дел с завода [Проммеханизация] сделали узорчатую ограду, заменили все побитые окна. Восстановлена

звонница. В далеком двадцатом году, когда над церквями пронесся опустошительный смерч, кто-то из верующих спрятал пятипудовый колокол. Надо же, дождался он своего часа. Как только началась реставрация, кто-то привез тот чудо-колокол. «Кто вы?» — спросил его отец Григорий. «Это неважно, батюшка, ответил тот. — Он тут должен быть, Бог так повелел» Но самые ценные реликвии, к сожалению, безвозвратно исчезли, вернее, их конфисковали. Это редкие иконы, изготовленные греческими мастерами, позолоченные и посеребренные подсвечники и другая ценная церковная утварь. Чтобы вернуть четырехпрестольной церкви первоначальный вид, надо приложить еще много усилий. Но когда задаешься благородной целью, видно, нет преград. И Матушка Нина, первая из чувашских священнослужителей, открывает при церкви коммерческий магазин, на что получает благословение самого владыки. В магазине «Злата» торгуют промышленными товарами, поделками и даже мороженым. Она и с хозяйственными делами хорошо справляется. Сама красит, белит, штукатурит. Не хуже заправского плотника владеет топором. В своей деревне Нина смастерила такие резные ворота да так их разукрасила, что даже бывалые сельские мужики любовались ее работой да удивленно качали головами. При мне к матушке подошла служительница церкви и попросила ее починить электроплитку. Я уж не говорю, как она управляет в огороде, где растут крупные помидоры и огурцы, лук, чеснок. Ведь недаром окончила агрономический факультет. Обещали в районной администрации выделить несколько гектаров земли, чтоб организовать при церкви подсобное хозяйство. Для чего?

— Хотим вернуть дом покойного батюшки,— говорит Нина.

— Вот он, рядом, двухэтажный, с резными наличниками. Откроем там приют для немощных и больных. В городе несколько таких домов, конфискованных у церкви. Они за многие годы пришли в аварийное состояние, никогда их не ремонтировали. Все это надо восстановить для того, чтобы там нашли себе обителище те, кому негде жить, кто никому не нужен, кроме как Богу.

Откуда матушка берет столько энергии и времени. Не представляю. Ведь она помимо всего этого мать четверых детей и троих внуков. Кстати, все они наречены церковными именами

— Ревекка, Гедеон, Мария, Маргарита.

— Я счастлива, — говорит она с тихой задумчивостью на лице. — Счастлива тем, что служу Богу и людям. Помолчав,

продолжает, — Дорога к Богу одна, а к дьяволу — тысячи. Пороки отравляют жизнь, и наша цель — уберечь людей от них, вернуть их на путь истинный, то есть путь добра, очищать их души от всякой скверны.

Часами можно сидеть и слушать ее мелодичный голос и не уставать. Глаза ее, как бездонное небо, наполнены добром и лучистым светом. Будто божественная искра горит в их глубинах.

*Л. Кузьмин, соб. корр.
[Советской Чувашии]*

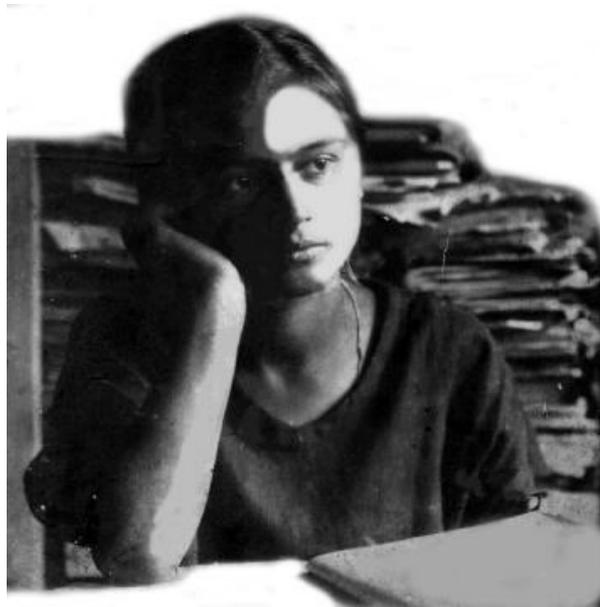
СУДЬБА

Ранее поруганные храмы вновь освящаются, распахивая свои двери. Вчерашние неверы и отрицатели ныне держат в руке зажженные свечи— времена изменились. Осознание наступило. Это не в осуждение, скорее, наоборот.

А к Нине Алешевой, хрупкой и милой девушке, вера к Богу передалась с молоком матери. Сколько себя помнит, столько и ходит в церковь. В семье была десятым ребенком. Отец — обыкновенный мужик, мозольный работяга, но веровал в Бога. В собственной мастерской отливал из железа запчасти к тракторам и машинам. Его работа была представлена аж на выставке совнаркома. Мать, как человек глубоко верующий, детей с малых лет приучала к церковному правилу. Дядя Нины, известный епископ Герман, отдал немало сил и времени для превращения обновленческой веры в христианскую.

В школе, где обучались Нина, сестры и братья, учителя, хоть и знали о их вероисповедании, относились к ним благосклонно. Совсем иначе было в Чувашском сельскохозяйственном институте, куда Нина поступила после окончания средней школы.

Первый год студенческой жизни прошел незаметно, участвовала в художественной самодеятельности, любила рисовать, выпускала стенную газету и пела в церковном хоре. Однажды вызывают ее в деканат и говорят, выбирай, либо институт, либо церковь — был конец 60-х. Безропотная девушка выбрала второе. Вышла замуж за молодого семинариста и уехала с ним в приход с. Альгешево. Жизнь ладилась, подрастали дети. Нина Александровна, вспомнив об оставленном институте, попыталась восстановиться на заочное отделение. Хотя политическая погода к тому времени чуточку потеплела, но грозные чиновники от науки по-прежнему стояли на своем, или семья, или институт.

Софья Григорьевна Кокель в молодости

Немало колесила по городам и весям эта семья, пока не обосновалась в тихом и уютном городе Мариинском Посаде, Православные считают, что как не стоит село без праведника, так и не бывает счастливой жизни без святости. В маленьком купеческом городе Мариинском Посаде в прошлом действовали три храма. Почему бы не отреставрировать оставшиеся развалины двух из них? — задалась вопросом матушка Нина. Начались хлопоты, хождения по чиновничьим кабинетам. После долгих мытарств наконец — то открывается в городе Свято — Казанская церковь.

Ее муж — отец Григорий — ведет службу, а она поет в церковном хоре. Здесь же священником служит их сын.

Прошло почти пять лет. Восстановительные работы не завершены до сих пор — нет денег. С протянутой рукой Нина Александровна ходить не привыкла, да где найдешь нынче благородных меценатов. Решила открыть индивидуальное частное предприятие «Злата» основными видами деятельности которого является производство сельскохозяйственной продукции, издание религиозной литературы, строительные, реставрационно — восстановительные работы и т. д. Получают не весть какие доходы, но все же подмога.

— Это, конечно, не совсем верный путь, — вздыхает матушка Нина, когда речь заходит об этом предприятии, — поэтому очень тяготит душу, хотя оно никакого отношения к церкви не имеет. Деньги — ничто, но это для меня, а для восстановления церкви они играют огромную роль. Жаль, власть предержавшие до сих пор не осознали, что в первую очередь необходимо возродить духовность. Немало средств затрачивается сейчас на содержание огромной армии стражей порядка, а преступность тем не менее растет. Работники милиции сетуют на небольшую зарплату — 300—500 тысяч рублей в месяц. А священники получают по 30—40 тысяч, и ни один из них не проявляет недовольства. Дело ведь не в деньгах, а в душе.

Зимой этого года случилась в Мариинском Посаде беда — в считанные минуты сгорел двухэтажный деревянный дом, стоявший почти во дворе церкви, на захоронениях. Остались без крова 11 семей. Случившимся был потрясен весь город. Но жизнь удивительными чудесами полнится. По словам очевидцев, одна стена охваченного пламенем дома, та, за которой буквально в трех метрах находилась изба, где проживала матушка Нина со своей семьей, осталась почти не поврежденной пожаром. Наверное, это знак Божьего внимания.

Еще об одном удивительном случае рассказала мне матушка Нина,

— У моей сестры есть старинная икона Знамение Пресвятой Богородицы. В конце 1987 года ее дочери Лене должны были в клубе вручить грамоту за хороший труд во время летних каникул. Однако мать не разрешила ей появляться в общественном месте. Расстроенная Лена села в кресло перед этой иконой и вдруг увидела, что из правого глаза Пресвятой Богородицы покатилась слеза. Слезы не переставали течь в течение двух недель. И сейчас на этой иконе можно увидеть высохшую линию от слез.

Анализируя сегодняшнюю нашу жизнь, матушка Нина поведала о своей тревоге за тех, кто легко и быстро подвергается влиянию масонства,

— В Мариинском Посаде и в некоторых других городах республики в последние годы широкое распространение получают теософские общества. Одно из них — так называемые пианисты, которые утверждают, будто Господь пришел к ним в лице П. Иванова. Они не просто обливаются холодной водой, они, сами того не замечая, губят души людей. Те, кто вступает в масонство, дает клятву, у иванистов тоже есть клятва, даже гимн.

Господь не раз предоставлял Нине Александровне возможность выбора судьбы, но она всякий раз оставалась с Богом и никогда не пожалела об этом.

Истинно христианская душа добра и отзывчива, матушка Нина — тоже, за что ее уважают не только верующие. Они знают, что существует другая, невидимая жизнь, которая на небесах. Земная — лишь преддверие в ту, в будущую и бесконечную.

Г. МИРОНОВА.

ФОТОГРАФИИ РАЗНЫХ ЛЕТ

На рисунке сзади: Алешев Алексей Александрович, Алешев Николай Александрович, Алешева Фаина Александровна, Иванова Мария, Алешева Анастасия Александровна, Алешева Зинаида Алексеевна, Алешева Нина Александровна, Котеева Мария Григорьевна, Федорова Елена Вячеславовна, Алешева Екатерина Павловна; **первый ряд:** Алешев Александр Александрович, Федоров Алексей Кириллович, Ильменова–Кокель Софья Григорьевна, Алешева–Спинова Марфа Егоровна, Носков Андрей Борисович, Алешева Галина Александровна, Федорова Мария Алексеевна, Котеев Григорий Васильевич, Котеев Гедеон Григорьевич; дети: Федоров Алексей Петрович, Носков Борис Андреевич, Федоров Вячеслав Петрович, Котеев Григорий Гедеонович, Котеева Татьяна Гедеоновна.

*Федор Иванович ИЛЬМЕНЕВ,
муж Софии Кокель. 1970 г.*

*Ильменев Геннадий Федорович, жена Тамара
Васильевна, дочь Татьяна*

*Дорошенко Анатолий Павлович, Дорошенко
Мильменева Галина Федоровна — врач, внучка епископа
Германа. 1974 г.*

*Курзина Полина, дочь Татьяны
Геннадьевны Курзиной Мильменевой*

*Александр Григорьевич Алешев,
Марфа Егоровна Алешева-Спинова*

*Марфа Егоровна Алешева-Спинова — 90 лет
Софья Григорьевна Кокель-Мильменова — 82 года
у вновь строящейся церкви в с. Батырево. 1997 г.*

*Алешевы: инокия Фаина, Мария Спинова
Галина Алешевы: инокия Фаина,
Мария Спинова Галина*

*Зинаида Алексеевна Козлова Александр
Александрович Алешев и сын Александр, 1999 г.*

*В заднем ряду: Николай, Светлана, Алексей Алешевы;
впереди: Ангелина Давыдова и Козлова
и ее дочь Олей,
рядом ее мать — Козлова Софья Апполиаровна*

*В заднем ряду:
Николай, Светлана, Алексей Алешевы;
впереди: Ангелина Давыдова и Козлова
и ее дочь Олей,
рядом ее мать — Козлова Софья Апполиаровна*

*Слева направо: Мария Копеева, Мария Федорова, Зинаида
Алешева, Николай Алешев, Александр Алешев, Алексей
Алешев, Светлана Алешева, Ревекка Копеева*

*Алешевы. В заднем ряду: Юрий, Наташа, Саша, Коля;
на втором ряду: Галина, Лидия, Татьяна, Ирина, Надежда,
Екатерина, Владимир, Георгий, Иван, Мария Алешевы.
В заднем ряду: Юрий, Наташа, Саша, Коля;
на втором ряду: Галина, Лидия, Татьяна, Ирина,
Надежда, Екатерина, Владимир, Георгий, Иван, Мария*

*Епископ Йошкар-Олинский и Марийский Иоанн,
протоиерей А. Алешев проводят службу*

*Епископ Йошкар-Олинский и Марийский Иоанн
приехал к Александру Алешеву*

*Протоиерей Г.Котев, Нина Алешева,
дети: Реекка, Гедеон, Мария*

Пропиерей Григорий Копеев , Маргарита и Татьяна Копеевы, Екатерина, Нина, Галина Алешевы, София Арсентьева. В центре — Марфа Алешева Непиновацей исполнилось 90 лет

Семья Гедеона Копеева

*Ревекка Копеева, муж иерей Геннадий
Арсентьев, дети: София, Илия*

На переднем плане Александр Алешев, настоятель церкви Николай, священники Алексей Федоров, Анатолий Сорокин, Григорий Копеев после проведения службы в церкви

Протоиерей Виктор Егоровский, иерей Сергей Галкин, Протоиерей Геннадий Галкин, Лидия Галкина, Екатерина Семенова, Елена Федорова

*Иерей Алексей Кириллович Федоров,
Анастасия Александровна Федорова Налешева*

*На рисунке: Мария Копеева, Нина Алешева,
священники Григорий Копеев, Алексей Федоров,
Ревекка Копеева, иерей Петр Федоров*

На свадбе Астона Алексеевича Федорова

*На переднем плане в центре иеромонах Серафим
Мироносиан епископом Германом
иерей Григорий Копеев*

Крещение Павла Дорошенко, правнука епископа Германа

*Иерей Виктор Егоровский , архимандрит Маркел
Егоровский, архиепископ Владимира Евлогий*

*Ольга Галкина с дочкой Настей, Лидия Галкина,
Ольга Соминова-Галкина, София Соминова,
протоиерей Геннадий Галкин, Елена Соминова*

*Архиепископ Николай,
Лидия, Геннадий Галкины*

*София Соминова, протоиерей Геннадий Галкин,
София Ильменева-Кокель, Павел Дорошенко, Елена
Соминова, Ольга Галкина, Мария, Маргарита Копеевы,
Мария Федорова в г. Гороховец*

*Архимандрит Маркел Михаил Егоровский №
Династия священников этого рода в 1994 году
составила 500 лет Фото 1994 г. Архимандрит
Маркел Михаил Егоровский №
Династия священников этого рода
в 1994 году составила 500 лет Фото 1994 г.*

*Протоиерей АЛЕШЕВ
Александр Александрович на службе*

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕШЕВ

Он служит в Свято–Троицкой церкви №. Емелево№ Марийской Республики более 20 лет. Его очень уважает епископ Йошкар–Олинский и Марийский Иоанн. Они часто вместе проводят службу для жителей Марийской Республики, недавно выпустили в Божий свет □Новый Завет□ на марийском языке и □Молитослов□ на горномарийском языке.

В 1993 году А. А. Алешев мне тоже помог издать □Книгу Премудростей□ — стихотворное переложение из Библии на чувашском языке с тиражом 5000 экземпляров. В этот сборник были включены: □Притчи Соломона□ □Книга Екклезиаста□ □Песнь песней□ Соломона□

Кроме книг на религиозные темы, он издал и другие сборники. Назову лишь одну: □Возрождение медицины в среднем Поволжье в XVI–XVII в.□ Автор — Г. А. Алексеев.

— Количество книг я не считал, — говорит он, — видимо, более шестидесяти, а тираж составляет несколько миллионов.

Александр Александрович постоянно повышает свои знания. Учился в Духовной семинарии Загорска №Троицко–Посад, Московская область№ Затем окончил экономический, юридический факультеты Чувашского государственного университета, имеет два диплома.

Удивительно! И семья большая №пятеро детей№ Но, несмотря на это, он постоянно учится. С отца пример берут и дети. После окончания школ все они поступили в высшие учебные заведения.

В конце книги □Библия и Закон Божий□ выпущенной в 1992 году с тиражом 15000, было написано:

□В 1991–1992 годах малое предприятие □Надежда□ возглавляет протоиерей Александр Алешев. Издал на чувашском языке в Чебоксарской типографии № 1 такие книги:

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа.
608 стр.

Акафист Покрову Пресвятой Богородицы, 32 стр.

Акафист святому мученику и целителю Пантелеймону,
32 стр.

О загробной жизни, 48 с., илл.

Святой Преподобный Серафим Саровский чудотворец.
64 стр.

Внутреннее состояние сердца человеческого. 32 с.

Как молиться об исцелении от недуга пьянства. Тираж 500 тыс. экз., 52 стр.

Православный обряд погребения. Тираж 50 тыс., 48 с.

Детская Библия, 544 с. — на русском языке.

Назову еще такие книги, как:

Краткий православный Молитослов. 94 с.

Православный Молитослов и Псалтирь. 256 с.

Благодарственное страстей Христовых. Воспоминание.

Тираж 50 тыс. 32 с.

Плач кающего грешника. 105 с.

Божественные Гимны Преподобного Симеона Нового Богослова. 284 с.

Чинопоследование Божественной литургии. 216 с. Автор А. И. Георгиевский — доцент Московской Академии.

Канонник, 192 с.

Я смело могу утвердить, что протоиерей Алешев Александр Александрович является продолжателем дела епископа Германа. В свое время и он, епископ Герман, как и Александр Александрович, все свои знания отдавал делу просвещения чувашского и русского народов. Протоиерей А. А. Алешев трудится и для марийского народа, как я упомянул выше, издает книги на марийском языке.

КАРЛИНОВ ИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в деревне Нижнее Атьково Батыревского района Чувашской Республики. При его активном участии был построен Князь-Владимирский Собор в городе Новочебоксарске.

Продолжатель дела епископа Германа. Имеет родственные связи с родом Спиновых-Алешевых.

Кандидат богословия, протоиерей И. Н. Карлинов является заместителем председателя Чувашской Библейской комиссии. Он часто выступает по радио и телвидению.

Его сыновья, протоиереи Виктор Ильич Некончил ЧГУ им И. Н. Ульянова и Сергей Ильич Некончил Духовную семинарию в Москве не служат в Соборе святого князя Владимира г. Новочеркаска.

*□ На этом месте будет Князь-Владимирский Собор... □
Знаем, при старании протоиерея, кандидата богословия
Илии Карлинова эта мечта осуществилась. 1990 г.*

Виктор, Илия и Сергей Карлиновы

На отделочных работах участие принимал прораб Сюмахин Степан Иванович. Он родился в с. Тарханы Батыревского района Чувашской Республики

*Большая семья Илии Николаевича Карлинова
перед Собором в Новочебоксарске*

**Церковь в с.Туруново Батыревского
района Чувашской Республики.
Епископ Герман здесь служил
в 1903–1905 годах.**

Икона Божией Матери [Тихвинская]

**...Как гласит московское предание, эта чудотворная икона во
время войны из храма Тихона в Алексеевском была обнесена
самолетом вокруг Москвы. Столица была спасена, а
9 декабря 1941 г. освобожден Тихвин...№
Из книги [Россия перед вторым пришествием] Стр. 241.№**

Крестный ход в селе Туруново

**РОДСТВЕННИКИ Л. П. КУРАКОВА
СО СТОРОНЫ МАТЕРИ**

Николай и Агапия —
(Новое Ахпердино)

О - сестра ----- Агафия

|
Татьяна Федоровна |
Куракова, сын Лева |

Дети Агафии и Егора Спинов:
*Константин, Ирина, Павел,
Мария, Матрена, Марфа*

|
Дети Ирины Спинова Григория Кокель:
Клавдия, Григорий, Аркадий, Александра, Софья.

|
Только Софья осталась в живых.

|
Дети Софьи (Кокель) и Федора Ильменевых:
Геннадий, Галина

У Геннадия и Тамары Ильменевых дочь — *Татьяна*

У Татьяны и Игоря дочь — *Полина*

У Галины Дорошенко сын — *Павел.*

|
Дети у Льва Пантелеймоновича и Альбины
Дмитриевны (Шаржановой) Кураковых:
Владимир, Александр.

У Агафии и Егора Спиновых остальные дети и внуки:

У Константина: *Гурий, Любовь, Александр.*

У Марии и Матрены детей не было.

У Марфы и Александра Алешева дети:

Вероника, Валентин, Галина, Анастасия, Фаина,

Владимир, Анна, Лидия, Александр, Нина.

Вероника и Валентин умерли в возрасте 2 лет. Галина замуж
не вышла

Владимир и Анна умерли при родах.

Дети Анастасии и священника Алексея Федорова: Нина (дети
- Ирина, Настя, Борис) священник Петр (дети - Алеша, Вячесла,
Катя), Ольга (дети - Женя, Костя), Астион, жена Люда (дочь
Людмила), Мария (учится в институте Богословии), Елена, муж
Албутов (сын Владимир).

Фаина (дочь Екатерина).

У Лидии муж священник Геннадия Галкин. Живут в г.
Горохоаец Владимирской области. Дети: Елена (муж протоиерей

Вместе по жизни.

Альбина Дмитриевна, Лев Пантелеймонович Кураковы

Виктор Егоровский, живут в г. Ковров Владимирской области, его отец - Архимандрит Маркел, живёт в г. Владимир, Ольга, регент (Нижний Новгород, дети: Елена: София), священник Сергей, жена Анастасия (живут в г. Бор

У протоиерея Александр и Зинаиды Алёшевых дети: Николай, Светлана, Алексей, Юрий: Александр.

У Нины Алёшевой и протоиерея Григория Котева: Ревекка (дети София, Илия), Гедеон (дети - Григорий, Татьяна), Мария, Маргарита.

Составиле Алёшева Н. А.

КУРАКОВ ЛЕВ ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ —

ректор Чувашского государственного университета имени И.Н.Ульянова, доктор экономических наук, профессор, действительный член-корреспондент, академик Российской академии образования, вице-президент Международной академии гуманизации образования, действительный член ряда российских и международных академий, в том числе Нью-Йоркской академии наук.

Избирался депутатом Совета Федерации Федерального Собрания РФ, работал заместителем председателя Комитета Совета Федерации по вопросам науки, культуры и образования, председателем Комитета по вопросам образования, культуры и социальной деятельности Межпарламентской ассамблеи Черноморского экономического сотрудничества. Занимал высокие посты вице-президента, председателя Кабинета Министров, председателя Государственного Совета Чувашской Республики.

Автор более 400 научных трудов, в том числе более 100 монографий, учебников и учебных пособий. Является автором фундаментальных словарей и справочных изданий по экономике.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Чувашской Республики, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники, лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования за 2000 год, награжден орденом Почёта, медалью К.Д.Ушинского, международной наградой «Золотой слиток».

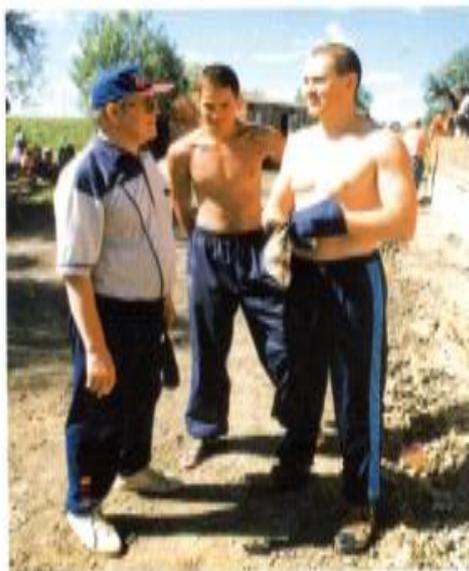
*Президент Чувашской Республики Н. Фёдоров –
Почётный доктор Чувашского государственного
университета имени И.Н. Ульянова*

*Митрополит Чебоксарский и Чувашский Варнава
и ректор Чувашского госуниверситета Л. Кураков*

Л.П. Кураков: «Здесь будет Дом знаний»

*На строительстве Дома знаний
ЧГУ: Л.П. Кураков
с сыновьями
Александром
и Владимиром
(1999 г.)*

*Дом знаний ЧГУ и часовня имени преподобного Сергия
Радонежского и равноапостольных Кирилла и Мефодия*

*Строительство дороги к Дому знаний
(д. Ишаки Батыревского района ЧР)*

Выездное заседание Ученого совета ЧГУ в Б.Чеменевской средней школе Батыревского района ЧР (1997 г.)

Президент Чувашии Н. Федоров в дни празднования Дня республики вручал государственные премии Чувашии лучшим представителям молодежной интеллигенции. В их числе кандидат экономических наук доцент заведующий кафедрой инновационной экономики ЧГУ Владимир Кураков. Ему присуждена премия за научные исследования в области социально-экономического развития ЧР. Молодым ученым уже опубликовано около 100 научных работ. (2 июля 2003 г.)

**Вновь встретились родственники Григория Кокеля и
Ирины Спиновой (Кокель) в деревне Шинерпоси
Чебоксарского района.
На рисунке: Р. В. Калашникова, Т. Ф. Куракова,
К. Ф. Григорьева, Л.П. Кураков с супругой и детьми.1998 г.**

ПОТОМКИ ИВАНА КОКЕЛЯ

Иван Афанасьевич Кокель был старшим сыном у Афанасия Кирилловича. Он родился 25 декабря 1874 года. Я и в своей поэме отметил: что у Ивана в своё время не было возможности учиться в школе. Но он всё равно отличался от своих сверстников, природа одарила его умом и способностями. По рассказу и воспоминаниям односельчан, он был умелым плотником, пчеловодом, держал очень много ульев, знал цену деньгам. Своими силами построил крупорушку. Он не сторонился и церкви, как только появлялось свободное время, пел в церковном хоре, выполнял обязанности псаломщика.

У Ивана Афанасьевича было много детей. От первой жены 9 детей родилось: Ефим (умер ребёнком), Пераскевия (1900 г.р.), Нина (1902 г.р.), Анна (1905 г.р.), Адриан (1907 г.р.), Евдокия (1910 г.р.), Мария (1912 г.р.), Мартын (1915 г.р.), Анастасия (1918 г.р.). После смерти первой жены Александры, он женится ещё раз, потому что в многодетной семье мужчине одному содержать хозяйство и детей было тяжело. Свою вторую жену Иван, как и младший брат Григорий, взял из рода Спиновых. У них родятся ещё две девочки: Полина (1924 г.р.) и Лидия (1926 г.р.). Чтобы накормить и содержать такую многочисленную семью и выбиться в люди, надо было трудиться в поте лица день и ночь. А трудолюбия Ивану Афанасьевичу не надо было занимать. Он знал цену деньгам. И вот своим собственным трудом и горбом, не покладая рук, нажил добра. Он пользовался в селе уважением и авторитетом. Но ведь встречаются разные люди. Среди хороших и доброжелательных односельчан, бывают и злые языки, завистники, люди с чёрной душой. Когда преследовали епископа Германа, для Ивана наступают тоже плохие времена. Я об этом упоминал и в своей поэме. Его в 1929 году посадили в тюрьму на полгода, а в 1931 году – на 1,5 года. В последний раз посадили 5 августа 1937 года. По воспоминаниям дочери Полины, его забрали среди бела дня начальник милиции (НКВД) Г. Орлов и его помощники, деревенские горлопаны, Я. Григорьев (Риххал Якку) и С. Гаврилов (Сесюк Семми). Я помню в детстве, если когонибудь обзывали «Риххал», это было для нас самым обидным словом. Мы боялись этого прозвища, как чёрт ладана.

Иван Афанасьевич в 1932 году сидел в одной камере с Иваном Гавриловичем Никитиным (из воспоминаний П.П. Самарина). Некоторые в такой ситуации теряются. Иван Афанасьевич и здесь находит выход из положения. В тюрьме ведь не только

ЧУВАШ РЕСПУБЛИКИ
АРХИВ ЭСЭН
ПАЦЦАААХ
КОМИТЕЧЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ

Чуваш Республика
ПАЦЦАААХ
ТЭВ
АРХИВЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ
Чувашской Республики

429000, г. Чебоксары, пр. Ленина, 16-я
телефон 62,38-94

на 24.05.99 № 48-1

от АРХИВНАЯ СПРАВКА

429550, Маринско-Посад-
ский район,
г. Маринский Посад,
Церковь
Алешевой Нине
Александровне

В архивных документах Батыревского (Большебатыревского) райисполкома имеются следующие сведения о Кокеле Иване Афанасьевиче, проживавшем в селе Тарханы Батыревского района:

В характеристике (дата не указана, в деле за 1930 год) на Кокеля Ивана Афанасьевича, составленной уполномоченным РИКа и председателем Тархановского сельсовета, записано: "... 9. Кокель Иван Афанасьевич, 01 год, имеет 9 едаков, из них трудоспособных 3. Земледелец. Обложен с/х налогом в 1929-30 г. II р.21 коп., обложен хлебом в осеннюю заготовку 5 пудов, что уплатил. Хозяйство считается середняцким, имеет избу, 2 амбара, конюшню, баню, навес, крупорушку, которую передал в колхоз, имеет водяную мельницу, которая кроме убытка ничего не дала, нет плотины..., лошадь, корова, 4 овцы. Обложен вкладом 100 р., которую не внес".

В протоколе (номер не указан) заседания президиума Большебатыревского райисполкома от 1 августа 1933 г. указано: "Слушали: Утверждение кулацких хозяйств, привлеченных к обложению сельхозналогом в индивидуальном порядке... Постановили: ... 7. Гр. с.Тарханы, Кокель Иван (отчество не указано) в 1930 году обложен с/х налогом в индивидуальном порядке по признаку - владелец крупорушки и водяной мельницы в 1929 года. Предные доходы еще сохраняются. Обложить с/х налогом в индивидуальном порядке".

В списке граждан по Тархановскому СИТу (дата не указана, в деле за 1930 г.), обложенных обязательным вкладом, оставленных в своих домах по усмотрению бедноты и собрания бедноты значится Кокель Иван (отчество не указано).

В протоколе (номер не указан) заседания президиума Большебатыревского райисполкома от 25 сентября 1934 г. записано: "Слушали: Заявление гр.села Тарханы Кокеля Ивана. Обложен индивидуальным с/х налогом, как имевший до 1929 г. 1/2 ч. водяной мельницы и крупорушку. Факт подтверждается. Постановили: Индивидуальное обложение считать правильным и в ходатайстве отказать".

В выписке из протокола № 33 заседания членов избирательной комиссии Тархановского сельсовета от 16 октября 1934 г. записано: "Слушали: Проверка списка избирателей и списка лиц, лишенных избирательных прав голоса. Постановили: ... В список лишенных избирательных прав голоса включить... 5) Кокель Ивана. 6) Кокель Татьяну, как владельцев водной мельницы, крупорушки и индивидуально обложенных с/х налогом в 1930 году..."

Сообщаем, что в неполно переданных на госхранение в ЦГА ЧР архивных документах Батыревского райисполкома, райфинотдела, ЦИК, Верховного суда и Прокуратуры Чувашской АССР сведений об изъятии имущества Кокеля Ивана Афанасьевича не обнаружено.

Документы Тархановского сельсовета, районсуда и райпрокуратуры на хранение в ЦГА ЧР не поступали.

Основание: ЦГА ЧР, ф.2320, оп.1, д.89а, лл.16,74; д.99, л.116, д.121, л.30; д.145, л.31.

Директор
Научный сотрудник

Г.А.Софронова
С.И.Вийкин

политические сидели, там же были и уголовники. Сначала он выучил и запомнил слова из тюремного жаргона, а потом начал опекать неразговорчивого товарища: «Ты, Иван, дурака валяй, старайся показывать себя крутым, а я буду всегда тебя поддерживать». Здесь невольно вспоминается сценка из кинофильма «Джентльмены удачи». И грех, и смех. Ведь недаром говорят: «Хочешь жить – умей вертеться».

Два Ивана в тюрьме занимались бондарством. После ареста Ивана Афанасьевича и заключения в тюрьму, местная власть должна была успокоиться. Но нет, они продолжили своё чёрное дело: выгнали всё семейство на улицу и начали разбирать дом и постройки. Самый первый полез на крышу Вилкин Григорий...

В своей поэме «Кокель» я упомянул о том, что этот дом сохранился. После разбора, его перенесли сначала в центр села, там был народный суд. Потом его передали на баланс школы, там был класс. В 1960 году его разбирают ещё раз и перенесут на территорию нынешней средней школы. Вначале там учились дети, потом жили семьи приезжих учителей.

Есть всё-таки на земле справедливость. По стараниям учителя-художника Валентина Порфирьевича Сергеева (*ныне директора Тарханской средней школы*) в этом доме открывается дом-музей имени А.А.Кокеля. Он же подготовил проект-макет дома и строений хозяйства Ивана Афанасьевича Кокеля по воспоминаниям очевидцев.

Я упомянул, что у И.А.Кокеля было много детей. Старший сын Ефим умер в младенчестве. Вторым по счёту была Перасковия (бабушка Альбины Дмитриевны Кураковой). Может,

в то время в деревне её величали по-другому, но в документах она значилась так. Об этом свидетельствуют её Похвальная грамота и Свидетельство об обучении в школе. Она родилась 26 августа 1900 года. В 1913 году 30 августа получила свидетельство об окончании курса обучения в Тарханском начальном училище (в то время школа так называлась). Если бы не первая мировая война, может, она продолжила бы учёбу и дальше. В 1919 году она вышла замуж за учителя Виктора Дмитриевича Калашникова из села Норваш Шигали. Он в то время работал в Тарханской школе. У Перасковии Ивановны и Виктора Дмитриевича родилось 8 детей: Михаил (1921 г.р. умер ребёнком), Виталий (1923 г.р.), Валерий (1925 г.р.), Раиса (1928 г.р.), Геннадий (1930 г.р.), Анатолий (1932 г.р. умер ребёнком от болезни), Антонина (1934 г.р. умерла ребёнком от болезни), Михаил (1936 г.р.).

Нина Ивановна Тукмакова (Кокель) родилась в 1903 году. В 1923 году вышла замуж за Александра Васильевича Тукмакова в деревню Сигачи. Муж у Нины Ивановны в 1942 году погиб под Ржевом. Она осталась одна с 8 детьми: самой старшей было 16 лет, а младший родился только. Старшая дочь Фёкла Александровна (1924 г.р.), вместе с мужем Константином Андреевичем Кудрявцевым, всю жизнь проработала в Тарханской средней школе. Они вырастили и воспитали пятерых детей. Феоктист Александрович Тукмаков (1925 г.р.) живёт со своей женой Анной Степановной Александровой в Сигачах, он участник Отечественной войны, инвалид второй группы. У них сын и две дочери. Лидия Александровна (1928 г.р.) живёт в пос. Рефотино Свердловской области, на пенсии. Они с мужем Георгием Ивановичем Катаевым вырастили двоих сыновей. Валентин Александрович Тукмаков (1930 г.р.) с супругой Лидией Ивановной Беловой вырастили тоже двоих сыновей. В настоящее время они живут в Новочебоксарске. Ольга Александровна (1933 г.р.) с мужем Василием Захаровичем Романовым воспитали троих сыновей и дочь, живут в настоящее время в г.Гай Оренбургской области. Анатолий Александрович Тукмаков (1935 г.р.) проработал до заслуженного отдыха в одном предприятии начальником цеха. У них с женой Еленой два сына, живут они в г. Верхняя Пышма Свердловской области. Анна Александровна (1938 г.р.) с мужем Виктором Ивановичем Масловым живёт на Украине в г. Кировоград, у них 2 сына. Леонид Александрович (1941 г.р.) в семье был младшим, работал механизатором. В настоящее время живёт со своей семьёй в г. Абаза Красноярского края. С женой Марией вырастили сына и дочь.

Анна Ивановна Баранова (Кокель) родилась в 1905 году. О её судьбе родственникам очень мало известно. Она уехала из села в ранней молодости. Где она выучилась на учительницу,

точных сведений нет. Но из писем и художника Алексея Кокеля, и Виктора Димитриевича Калашникова видно, что она училась на учительницу. Алексей Кокель пишет брату в 1924 году: «На днях напишу Анне. Она, наверное, уехала учиться?» «Аня, напиши, какие книги нужны? Найду.» (из письма В.Д.Калашникова). Когда собирали документы для этой книги, получили письмо от Виктора Мартыновича Кокель. Он пишет: «У отца в Москве жила сестра Анна Ивановна Баранова. Она работала учительницей. Её муж был лётчиком, в звании полковника. Он был участником военных событий в Испании. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. После возвращения из Испании его расстреляли. У них было 3 дочери: Люда, Рита, Римма. Они все живут в Москве». Мы не можем уверенно сказать, точны ли эти сведения или нет, но её родная сестра Полина Ивановна то же самое говорит про Анну Ивановну. Она сначала работала учительницей в Краснодарском крае, а потом жила в г. Мытищи Московской области. Муж был военным.

Адриан Иванович Кокель родился в 1907 году. Окончил в Тарханской школе 7 классов, работал бухгалтером в разных местах. До войны жил в Ибресях со своей семьёй и работал в леспромхозе. Во время войны попал в плен. Но после возвращения домой, по доносу односельчан, в 1946 году его арестовали и посадили на 25 лет. Сидел в Норильске 12,5 лет, потом реабилитировали. Его семья переехала к нему из Тархан. У него сын Аркадий (1936 г.р.) и дочь Валентина 1940 (г.р.). Он вернулся на родину и умер в 1970 году. Аркадий Андреевич Кокель в Норильске окончил автодорожный техникум, женился на русской девушке Галине Васильевне. У них там родились Виктор и Мария. В 1971 году он со своей семьёй приехал в Чувашию, в Новочебоксарск. Сейчас у Аркадия Андреевича 2 внука: Константин и Илья. Внук Константин Викторович Кокель учится в Чувашском педагогическом университете на художественно-графическом факультете. Кто знает, может, он тоже когда-нибудь станет таким же великим художником, как его дядя... В эту книгу включены его работы. Валентина Андреевна Исупова (Кокель) тоже переехала из Норильска в Чебоксары. За добросовестный труд Валентина Андреевна награждена многими медалями и орденом «Трудового Красного Знамени». Они с мужем Исуповым Александром Васильевичем вырастили сына Сергея и дочь Елену. Муж и сын у Валентины Андреевны умерли. У Сергея осталось двое детей: Алёша и Катя. Младшая дочь Валентины Андреевны Елена Гибадуллина учится на юридическом факультете университета, у них с мужем Олегом растёт сын Евгений.

Евдокия Ивановна Сергеева (Кокель) родилась в 1910 году. Она ходила в школу только один год. В 1929 году вышла замуж

за парня из родного села Петра Сергеевича Сергеева. Она родила 11 детей. В настоящее время живут шестеро. О своих родителях, братьях и сёстрах, о родственниках подробно рассказывает в своих воспоминаниях старший сын Евдокии Ивановны – Виталий Петрович Сергеев.

Мартын Иванович Кокель родился в 1915 году. Он ушёл из дома рано. Он учился в Муроме в железнодорожном училище на кочегара, а потом на машиниста паровоза. Он и во время войны и потом всю жизнь работал на железной дороге. Был женат три раза. С первой женой они сразу разошлись, детей не было. От второй жены родился сын Виктор (1949г.р., живет в Коврове). Его мать убило молнией. У Виктора и Валентины Кокелей 2 сына и 2 дочери. Они живут в пос. Малышно Ковровского района Владимирской области. У Мартына Ивановича с третьей женой Евдокией Андреевной родились сын Игорь (1958 г.р.) и дочь Наташа (1965 г.р.). У Игоря с женой Верой растут сын Вадим и дочь Марина, он живёт со своей семьёй в Коврове. У Натальи Мартыновны Абрамовой сын Альберт и дочь Анастасия. У Натальи сын недавно умер, но растёт у него сын Антон, внук. Она со своим мужем Игорем и дочкой Анастасией живёт в пос. Первомайское Ковровского района Владимирской области. Мартын Иванович умер недавно, 9 июля 2002 года. Мартын Иванович Кокель поддерживал тесную связь со своими племянниками (Аркадий Андреевич Кокель, Виталий Петрович и Николай Петрович Сергеевы).

Анастасия Ивановна Кокель родилась в 1918 году. Она жила и работала в Подмосковье, там тяжело заболела и умерла в 1940 году.

Полина Ивановна Кокель родилась в 1924 году и проживает одна в Тарханах на месте усадьбы бабушки и отца.

Лидия Ивановна Кокель (Спиркина) родилась в 1926 году и вышла замуж в Старые Айбеси. О ней сведений мало.

РАССКАЗЫВАЕТ РАИСА ВИКТОРОВНА КАЛАШНИКОВА

Она родилась 18 ноября 1928 г. в деревне Норваш Шигали Батыревского района Чувашской АССР. Окончив Норваш Шигалинскую семилетнюю школу с Похвальной грамотой «За отличную учебу и примерное поведение», поступила в Батыревское педагогическое училище и окончила его в 1946 году. Получила звание учителя начальных классов.

Свою педагогическую деятельность начала в Кокшановской семилетней школе. В 1947 году работала в Норваш Шигалинской семилетней школе, а с декабря 1947 года до выхода на заслуженный отдых проработала в Первомайской средней школе учительницей начальных классов. Её педагогический стаж составляет более сорока лет.

За время работы в школе с детьми она себя проявила опытным педагогом и методистом, постоянно оказывала помощь молодым учителям.

Как учитель и воспитатель, она пользовалась заслуженным авторитетом и уважением коллектива учителей, учащихся и родителей. Об этом говорят её награды:

1. В 1963 году награждена значком «Отличник народного просвещения».
2. В 1966 году награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР.
3. В 1971 году присвоено звание «Заслуженный учитель школы Чувашской АССР».
4. В 1975 году присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».
5. Награждена несколькими медалями правительства, в том числе и медалью «Ветеран труда».

Замуж вышла 7 января 1949 года. Муж, Шаржанов Дмитрий Тимофеевич, родился в 1922 году 22 сентября. Окончил 10 классов Первомайской средней школы, после учился в Чебоксарском авиаклубе. У них трое детей: Альбина — 19 января 1950 г. р. Виктор — 3 января 1953 г. р. Надежда — 9 августа 1958 г. р.

Раиса Викторовна Калашникова (Шаржанова) очень скромная женщина, вдумчивая, она, когда говорит, как будто взвешивает слова. Вот её рассказ.

«Мой дедушка, отец мамы, Иван Афанасьевич родился в Тарханах, тогда это село считалось волостным центром, оно расположено в 130 км от Ульяновска. Прадед Афанасий и прабабушка Екатерина жили очень бедно, дом у них был очень ветхий, старый. Когда умерли родители, дедушка женился на Александре Яковлевой, и с помощью её родителей в 1900 году построил новый дом. В том же году родилась моя мама.

Дедушка был в семье старшим. У него были ещё 2 брата: Алексей и Григорий, и сестра Пелагия. Я помню, как мама говорила нам: «У вашего дедушки есть братья, они очень много учились, были большими людьми, но про них не надо сейчас распространяться...». Мы тогда были молодыми, и поэтому не надоедали родителей расспросами. Сейчас я, конечно, всё бы выведала у матери. У меня отец тоже был очень образованным человеком, выпускником Симбирской чувашской учительской школы, учеником Ивана Яковлевича Яковлева. Мама, наверное, боялась за будущее отца и за нас. Как опасно было тогда иметь в родственниках людей «неугодных власти». Наша мама, понимала это, оберегала нас и мужа. Я теперь, через много-много лет, как хорошо её понимаю: сколько она сделала для своей семьи, близких, преодолев все эти невзгоды, преследования родственников, сколько выдержки, мужества нужно было заиметь. Как болела, наверное, у неё душа, сердце в то время, но она никогда не показывала нам это. Всех своих детей с отцом они выучили, дали образование».

О СВОИХ БРАТЬЯХ
(Вспоминает Калашникова Раиса Викторовна)

КАЛАШНИКОВ ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ
(1923 -1943 гг.)

Виталий — наш старший брат. Он — сын Виктора Димитриевича и Перасковии Ивановны Калашниковых. Отец работал директором Норваш Шигалинской семилетней школы, а мать — домохозяйка, занималась крестьянским хозяйством.

Брат Виталий после окончания школы с отличными оценками и Почвальной грамотой, поступил учиться в Батыревское педагогическое училище, которое успешно закончил и получил звание учителя начальной школы. Его сразу направили на работу учителем математики в Старо—Айбесинскую школу Алатырского района Чувашской Республики.

После первого года работы началась Великая Отечественная война, и его сразу призвали в армию. Сначала он окончил

военное училище по сокращенным программам, и ему присвоили звание лейтенанта.

С болью в сердце мы вспоминаем, как проводили на фронт старшего брата Виталия. Это было конец лета 1941 года. Он съездил в деревню Старые Айбеси Алатырского района, где работал учителем математики и физики. Он привез оттуда свои вещи и одновременно распрощался со своими коллегами, учащимися и школой. Вечером брат встретился со своей любимой девушкой Марией.

Рано утром уже все были на ногах. Родители готовили завтрак, собирали необходимые вещи и продукты ему на дорогу. В это последнее утро Виталий находился во дворе, сходил в огород, побывал в саду и стоял около той березы, которую сам посадил, о чем-то долго думал, но об этом нам не известно. Может быть, он с кудрявой березой навсегда прощался, может быть, сказал: «Жди меня, я обязательно вернусь!»

Дома уже был накрыт стол, вся семья сидела за столом и ждала его прихода. Потом мы все вместе пили ароматный чай с медом и закусывали пирожками, без спиртного. Кстати, у нас в семье никто не употреблял спиртного, а брат Виталий тем более никогда не пил и не курил. Родители говорили напутственные слова, пожелали удачу и скорого возвращения. Он накинул на плечи вещмешок, и все мы вышли на улицу, где его ждали ровесники. Затем они сели на подводу и тронулись. Провожающие вытирали слезы, а мы, дети, плакали. Нам так было тяжело с ним расставаться, т. к. он был для нас единственным нашим наставником, другом и старшим товарищем. Подводы уехали, мы махали руками и некоторое время стояли, как каменные, на местах и думали о скорой нашей встрече. Так мы проводили брата на фронт.

Со временем мы стали получать солдатские письма-треугольники, где он сообщал об учебе в военном училище.

После завершения училища им всем присвоили звание лейтенанта. Его отправили на Ленинградский фронт на защиту города Ленинграда. В это время там шли тяжелые кровополитные бои с немцами.

Наступила зима 1942 года. В окопах было сыро, морозы стояли ниже 40 градусов, кругом глубокий снег, метель, пурга, нигде было сушить одежду и обувь, даже временами не было горячего чая.

В одном письме он пишет так:
*«Здравствуйте, дорогие мои
Мама, Папа, Рая, Гена и Миша!*

*Примите от меня большой
привет и массу наилучших
пожеланий, желаю всем крепкого
здоровья. Я жив и здоров.*

*У нас идут напряженные бои с
немцами, нет ни одной минуты
отдыха. Противник атакует нашу
позицию несколько раз в сутки,
чтобы продвинуться ближе к
городу Ленинграда, но безуспешно.
Мои солдаты рядом с другими
бойцами крепко удерживают
позицию. После каждого*

*наступления редуют наши ряды, раненных отправляем на
лечение в госпиталь. Стоят лютые морозы, метель,
термометр показывает ниже 35-40 градусов мороза, кругом
одни глубокие воронки от разрыва снарядов и бомб. Пока на
линии фронта стоит тишина, я беспокоюсь за жизнь и
здоровье моих солдат.*

*Ежедневно к нам перебегают немцы в плен, мы их сдаем в
штаб. Наши успехи на лицо. Победа за нами». До свидания. Ваш
сын Виталий. Пишите. Зима 1942 года.*

После этих писем мы получали еще несколько весточек, где он сообщал, что его поместили в госпиталь. Врачи поставили диагноз: «Воспаление легких».

Мама по адресу госпиталя отправляла несколько посылок: одни с теплыми вещами, другие с продуктами.

Виталий в госпитале пролежал несколько месяцев, потом его отправили домой. Врачи не смогли его полностью вылечить.

В апреле 1943 года он вернулся домой. Это для нашей семьи был большим событием. Мы продолжали его лечить дома, но нужных положительных результатов не добились. Виталию становилось совсем плохо, болезнь его с каждым днем обострялась. Но он, скрывая от нас свои страдания, прилагал неимоверные усилия, чтобы удержаться на ногах. Все же болезнь его постепенно свалила с ног, и он вынужден был переходить на постельный режим.

Теперь мы по очереди стали дежурить у его постели, не уходя ни на минуты, кормили, поили, меняли полотенце на лбу, вытирали от пота руки, лицо и т. д.

Иногда нас подменяла Мария К. Я (на рисунке) запомнила их последнюю встречу. О чем они беседовали, мне не известно. Только я подметила, как она тихо плакала, слезы её прямо капали на его подушки. Их разговор никто не знает, кроме них.

Вероятно они вспомнили свое счастливое лето, свою первую любовь, свой первый поцелуй...Трагически сложилась у них судьба. Через несколько недель брата не стало. Это для нашей семьи была самая большая потеря. Мария приходила на похороны самого любимого своего человека. Его похоронили в июне 1943 года на деревенском кладбище.

День выдался солнечным, стояла теплая летняя погода, на небе пели жаворонки. А мы склонили свои головы над его могилой и навсегда прощались с самым дорогим для нас человеком. Ему же было всего 20 лет.

На прощанье он шепотом, тихо сказал, хотя и трудно ему было произносить свои последние прощальные слова, но мы все поняли: *«Мама и папа, все мои любимые малышки, прощайте, я вас очень люблю, такова моя судьба, передайте привет Марии и пусть она...»* и навечно закрыл свои умные глаза.

Мне помнятся те моменты в жизни брата, когда он учился в педучилище и работал уже учителем. Он на учебу и на работу ездил на велосипеде, ходил пешком и на лыжах, был хорошим фотографом, увлекался живописью, писал стихи, сочинял музыку, хорошо играл на скрипке и на балалайке.

Летом в свободное время мы играли вместе в лапту, футбол, купались на речке под его присмотром. Дома он проводил радио, показывал кино, слушать и смотреть приходили все: и дети, и взрослые.

В домашнем архиве сохранились его стихи и песни, альбомы по рисованию. Он для нас был и остается человеком большой буквы, его в жизни ожидало большое будущее, жаль, что все это вычеркнула Великая Отечественная война.

КАЛАШНИКОВ ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ (1925-1983 гг.)

Брат Валерий в 1939 году окончил семь классов с отличными оценками по всем предметам и получил Похвальную грамоту «За отличную учебу и примерное поведение». После продолжал трудиться в колхозе, учился в ФЗУ, но не закончил училище, вернулся домой, больше не поехал. В 1940 году устроился счетоводом в колхозе «Совет», помогал ему в этой области отец. После его призвали в армию. Он служил на Дальнем Востоке в звании старшины. В августе 1945 года он воевал против Квантунской армии на территории Маньчжурии в районах

городов Харбин, Порт-Артур и порт Дальний. Война с японцами закончилась 2 сентября 1945 года, и был подписан акт о капитуляции. Но его демобилизовали только в 1949 году, поэтому Валерий не смог присутствовать на похоронах своего брата и отца.

Вернулся он из армии осенью 1949 года. Геннадий в это время учился на третьем курсе педучилища в Батыреве, я была замужем.

Валерий устроился работать кассиром в Первомайском банке, потом его назначили главным бухгалтером колхоза «Труд» Батыревского района Чувашской АССР. На этой должности он проработал до последних дней своей жизни.

Годы армейской службы и участие на фронте повлияли на его здоровье, ему делали операцию на легких, но болезнь постоянно его беспокоила.

28 февраля 1983 года он скоропостижно скончался. Его похоронили на деревенском кладбище рядом с родителями.

По своему характеру он был очень добродушным и гостеприимным человеком, ласковым и заботливым к своим детям и матери.

Женился в 1950 году. Жену звали Лидией. Она 1927 года рождения из деревни Турмышево Батыревского района. У них семеро детей: Анатолий — 1951 года, Виталий — 1953 года, Антонина — 1954 года, Николай — 1957 года, Володя — 1959 года, Галина — 1963 года, Валентина 1965 года рождения.

О детях Валерия Викторовича и Лидии Алексеевны Калашниковых

1. Анатолий со своей женой Тamarой проживает в г. Ульяновске. У них дети взрослые.

2. Виталий со своей семьей проживает в Цивильском районе. Есть дети.

3. Николай и его жена живут в поселке Кугеси Чебоксарского района. У них один сын, который отслужил в армии. Нина Петровна — жена Николая по специальности бухгалтер, а сын студент ЧГУ.

4. Антонина с мужем Николаем проживают в г. Ульяновске. У них был один ребенок, но, к сожалению, умер по болезни. Муж родом из деревни Тимерькасы Комсомольского района.

5. Владимир с женой Лидой живут в г. Ульяновске. Она по профессии учительница. У них двое детей.

6. Галина проживает в г. Ульяновске. Трое детей.

7. Валентина с сыном проживает в г. Ульяновске. Сына зовут Димой.

Их мать Лидия Алексеевна умерла 5 мая 1998 года. Её похоронили рядом с мужем.

*Калашникова (Путякова) Лидия Алексеевна
с дочерьми и внуком*

*Дети Валерия Викторовича и Лидии Алексеевны:
Владимир, Виталий, Анатолий, Николай, Валентина,
Антонина, Галина*

Внуки Валерия Викторовича и Лидии Алексеевны

*Дороже родимого дома ничего нет!..
С разных концов страны собрал он всех Калашниковых
вместе в августе 2002 года.
Есть о чём поговорить по душам...*

*Николай Морозов, Николай и Владимир Калашниковы,
на первом ряду: Нина, Антонина, Галина. Лида
Калашниковы*

*Встреча родственников в августе 2002 года
в Норваш Шигалях*

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ШАРЖАНОВ

«Я родился 22 сентября 1922 года в селе Большие Арабузи Тархановской волости Буинского уезда Симбирской губернии. От отца остался четырёхлетним мальчишкой, он умер в октябре 1926 года, ему тогда было всего 45 лет. Мама умерла в 1940 году, мне тогда было 18 лет.

В 1930 году я пошёл в первый класс только что построенной новой школы. Она считалась начальной (в 1994 году её переоборудовали под церковь). Первым учителем у нас был Виктор Гаврилович Викторов. У него мы учились 4 года. Потом перешли в ШКМ (школа колхозной молодёжи), позже её переименовали в среднюю школу.

В 1930 – 31 годах начали организоваться колхозы, мы туда сразу вступили. Наши братья все работали в колхозе старательно.

В 1934 году после 4-ого класса летом я съездил в Чебоксары к сестре Евдокии, прожил у неё около месяца. Во время каникул постоянно трудился на прополке в колхозе. В 1936 – 37 годах уже ездил на лошади, в ночную смену гоняли лошадей на молотье, т. е. молотилки работали при помощи лошадей. В 1932 – 34 годах от нас отделился брат Исаак с женой и детьми, брат Василий окончил совхозтехникум в Вурнарах, Ананий – Батыревское педучилище. Брат Никифор тогда работал трактористом, он зарабатывал хорошо, и мы в материальном отношении жили нормально.

27 июля 1939 года мы с моим другом Степаном Верликовым по комсомольской путёвке поехали в Чебоксары на строительство завода №320 (ныне завод имени В.И.Чапаева). Меня приняли разнорабочим, потом я был бригадиром. Сначала было очень тяжело. Степан Верликов осенью уехал обратно в деревню. На заводе работал мой односельчанин Тимофей Петрович Деверинский. Мы с ним очень подружились. Вскоре я проводил его оттуда в армию. Так я всю зиму работал на строительстве завода.

1940 год. В конце августа ко мне на завод приехала мама. Я после получения весточки от брата, Анания, ей написал письмо. Он тогда служил в Львовской области и писал, что на границе

очень беспокойно, что немцы постоянно нарушают границу, что в скором времени может начаться война. В это время брат Никифор тоже служил в армии в г. Луга. Он тоже писал о возможности начала войны, тоже беспокоился, и об этом в мягкой форме сообщил домашним. Мама это поняла по-своему, видимо, поняла, что и меня могут забрать в армию, и срочно приехала ко мне. Но, увидев, что со мной всё в порядке, она уехала обратно. Это была моя последняя встреча с ней. Через несколько дней она скончалась. Мы с сестрой Евдокией приехали на похороны, а после похорон сразу уехали обратно в Чебоксары. Ананий и Никифор не успели на похороны, они немного опоздали, приехали чуть позже. Нам так и не суждено было встретиться тогда.

В октябре 1940 года нас, допризывников, повезли в поликлинику на комиссию для авиации. Из 920 парней годными для авиации признали только 92 человека.

Мы начали заниматься в аэроклубе. Мне каждый раз надо было ездить 8 километров в Чебоксары. Учился я без отрыва от производства, было очень тяжело, ведь после занятий приходилось опять идти пешком обратно 8 километров. В одно время даже готов был бросить учёбу, но инспектора приходили на завод и уговаривали, заставляли учиться. Так всю зиму изучали технические части самолёта У-2, были ещё предметы по теории. На заводе я начал работать табельщиком, и мне стало легче заниматься. В мае сдали зачёты, и мы начали летать. Мой инструктор был военным лётчиком, по фамилии Сарвин. В конце мая я начал уже летать самостоятельно, проходили все пилотажи.

22 июня 1941 года началась война с Германией. Нас, курсантов, начали кормить прямо на аэродроме, уже освободили с работы. У нас были в основном парни из институтов и техникумов, рабочих было совсем мало. Полёты давались мне легко. Почти каждый мой полёт оценивался на «отлично». Таких было только двое: я и Захаров В.И. Вскоре мы сдали экзамены по практике и теории. И нас, 42 человека, сразу же отправили в г. Энгельс. Война была в разгаре. После медицинской и мандатной комиссий, мы начали усиленно заниматься по теории. Правда, сначала было трудно, немножко подводил русский язык, но вскоре усвоил, перестал стесняться. Много внимания уделяли на занятия по физической подготовке. Всё это мне давалось легко, потому что я, как рабочий человек, имел крепкое здоровье. Все воинские трудности переносил легко, физически был крепкий, до 1942 года нас кормили очень хорошо. Потом в училище из-за нехватки горючего начали пропускать полёты, так как всё отправляли на фронт. Часть самолётов тоже отправили на фронт вместе с инструкторами.

Зиму 1941 – 42 года мы провели на лётном поле №5 в 45 километрах от Энгельса. Помещение зимой ни разу не отапливалось. Зима в том году была очень холодная и суровая. Питание тоже резко ухудшилось. Мы занимались только теорией. Летом в 1942 году нас опять перевели в город.

Положение на фронте осложнилось, особенно на южном фронте. В августе немцы дошли до Сталинграда. Этот город был важнейшим стратегическим пунктом и крупным промышленным районом. Волга являлась последней коммуникацией, связывающей центральные районы страны с Закавказьем и главными нефтедобывающими районами. Это заставило немцев любыми средствами захватить город для дальнейшего развития стратегической инициативы. В училище занятия совсем прекратились. Прямо с нашего аэродрома мы начали летать на Сталинградский фронт, на бомбардировку. Немцы тоже бомбили, особенно пострадал авиационный завод. Из самолётов Р-5 организовали лёгкий транспортный полк, куда попал и я. Наш полк стоял в Камышине и на других аэродромах. Мы на фронт доставляли продукты, вывозили обратно раненых. 19 ноября 1942 года наша армия перешла к решительному наступлению. Операцией командовали генералы Н.В.Ватутин и К.К.Рокоссовский. Планируемая немцами операция по деблокадированию окружённых частей была сорвана наступлением Юго-Западного и Воронежского фронтов. Полностью была сорвана попытка организовать снабжение немцам по воздуху. В этом была немалая заслуга и у наших лётчиков. В конце января окружённая группировка гитлеровцев была разделена на две части, после чего началась массовая сдача немцев в плен. Когда уже полностью сдался в плен со своим штабом командующий генерал-фельдмаршал Ф.Паулюс, наши части пошли в наступление в южном направлении быстрыми темпами. Нас, оставшихся, направили на переучёбу на самолёте «Петлякова».

С 1938 года военно-лётное училище, по приказу Тимошенко, выпускало курсантов в звании сержанта, этот приказ остался в силе до 1944 года. Он как раз коснулся нас, правда, денежное довольствие было наравне со средним комсоставом. Обмундирование тоже было, как и раньше. Потом постепенно выпускникам стали присваивать звание младшего лейтенанта. В 1944 году начал тренироваться на самолёте ПЕ-2, потом летал до 1945 года на транспортном самолёте. Мне в 1945 присвоили звание младшего лейтенанта.

Летом очередная медкомиссия признала меня негодным к полётам, так как у меня на высоте поднималось кровяное давление. Поэтому меня и некоторых моих товарищей больше не повысили в звании, а отправили нас в другую авиационную часть.

Служил до 1947 года, меня хотели оставить в части, но я решил поставить точку на летной карьере. После увольнения из авиации, приехал в Чебоксары. Меня по совету Д.Ф.Дубинина хотели направить на работу в НКВД. Но, немного подумав, отказался от этой идеи. В то время в городе очень плохо было с продовольствием. Что делать? И я принял решение вернуться к себе на родину, в деревню. К сожалению, у меня здесь своего угла не было, вначале остановился у своей родной сестры Зои Власовой. Устроился сразу на работу в МТС заведующим мастерским. Тогда директором работал Андрей Фёдорович Смирнов. В коллективе у меня появились друзья, с директором тоже были хорошие отношения.

В те годы на одну зарплату невозможно было строиться. В 1948 году, по совету директора, я в тракторной бригаде начал выполнять ещё обязанности учётика, где за полгода заработал 80 пудов хлеба. Кроме этого у меня в сберегательном банке были некоторые сбережения. И вот таким образом собрав 100 пудов зерна, в Сиделях купил дом у дяди, Василия Макарова. Его перевезли в Большие Арабузи. Так я обзавёлся своим домом. 7 января 1949 года в Рождество женился на любимой девушке, и мы начали жить самостоятельно. До 1960 года проработал нормировщиком в Первомайской МТС. Одновременно долгое время был председателем рабочкома, пользовался авторитетом в коллективе.

В 1954 году ушёл с директорской должности А. Ф. Смирнов, вместо него пришёл татарин С.А.Алимов, но он тоже вскоре ушёл. Потом руководители менялись часто, вот они: Ионов, Дрбчак Р.И., Андреев Н.М.

В 1960 году из МТС образовали РТС, Первомайскую РТС объединили с Батыревской, сократили штаты, в том числе и меня.

Весной 1960 года, долго не думая, мы с Путьковым Н. из дер. Н.-Турмышево организовали бригаду плотников из 7-и человек и

Фото 1950 года. В центре — Раиса Викторовна Калашникова

поехали на заработки в Алтай. Там заработали неплохо. В 1961 году опять пришлось на некоторое время расстаться с семьёй. На этот раз поехал с односельчанином Ильеровым В. в Усть-Идинский район Иркутской области, где на Ангаре строилась Братская ГЭС. Мы там устроились в СМУ плотниками.

В 1962 – 63 годах с марта по ноябрь месяц с нашими односельчанами опять работали там же. В 1964 году поехали в Красноярский край, тоже на строительство ГЭС. Но там мы недолго работали. В 1965 году мы строили дома, не выезжая из деревни. Одним словом, для нас, строителей, работа была непочатый край. В начале 1966 года поработали на севере в Эвенкии, в Туринском стройуправлении, а осенью того же года по приезду сразу же поехали в Ульяновскую область. Там мы строили ферму, а зимой участвовал в работе по электрификации родного села. В 1967 году мы в Первомайском строили клуб, т. е. делали кладку стен. Потом в середине лета опять поехали в Ульяновскую область на строительство птицефермы. Осенью поступил на работу кочегаром в Первомайскую «Сельхозтехнику», там работал до 1970 года. В летнее время плотничал. В 1972 году строили Тарханскую больницу, а осенью 1973 года поступил на работу кочегаром в Первомайский магазин при Батыревском райпо. Там работал до 1988 года. В летнее время ездили на заработки в Ульяновскую область. В 1982 году вышел на пенсию, но всё ещё продолжал работать кочегаром.

Мою жену зовут Раиса Викторовна. У нас трое детей: две дочери (Альбина и Надежда) и сын (Виктор).

Раиса Викторовна Калашникова родилась в селе Норваш Шигали 18 ноября 1928 года в семье учителя. Окончив Норваш Шигалинскую семилетнюю школу, поступила в Батыревское педагогическое училище. Получив диплом в 1946 году, она начала работать учительницей начальных классов в дер. Кокшаново. В 1947 году поработала в Норваш Шигалинской семилетней и Балабаш-Баишевской семилетней школах, а с декабря 1947 года и до ухода на заслуженный отдых, более 40 лет, она проработала учительницей начальных классов в Первомайской средней школе.

За годы работы в школе она удостоена следующих высоких наград:

1. В 1963 году награждена значком «Отличник народного просвещения»;

2. В 1966 году награждена Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР;

3. В 1971 году присвоено звание «Заслуженный учитель школы Чув. АССР»;

4. В 1975 году присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Старшая дочь Альбина родилась 19 января 1950 года. В 1967 году она окончила Первомайскую среднюю школу с серебряной медалью и в том же году поступила в Тюменский медицинский институт (фармакологический факультет). В 1972 году окончив институт, она приехала в Чебоксары и начала работать заместителем заведующей аптекой второй Республиканской поликлиники. Замужем за Львом Пантелеймоновичем Кураковым, ректором Чувашского государственного университета. У них 2 сына: Володя и Саша.

Сын Виктор родился 3 января 1953 года. После окончания Первомайской средней школы в 1971 году он поступил на факультет «Электрификация промышленности» Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова и, успешно окончив его в 1976 году, был направлен на работу в г. Новосибирск. Потом приехал в Чебоксары и начал работать инженером в «Чувашэнерго». Жена Надежда родом из Б. Яльчик – врач-физиотерапевт, у них сын Володя.

***Шаржанов Д. Т., дочь Альбина, Калашникова Р. В.
Фото 1951 г.***

Младшая дочь Надежда родилась 9 августа 1958 года. В 1975 году окончила Первомайскую среднюю школу. В 1976 – 82 годах училась на медицинском факультете Чувашского государственного университета. После окончания университета поработала терапевтом в Новочебоксарской городской больнице. В 1984 году вышла замуж за Анатолия Петровича Ухтерова (Он родом из Балабаш Баишева, окончил Саратовское военное лётное училище), и они уехали в Улан-Удэ (Бурятская АССР). Там родилась у них дочка Аня. Надя в столице Бурятии работала цеховым терапевтом в городской больнице №4. В 1992 году переехала в Чебоксары и начала работать врачом-физиотерапевтом в медсанчасти ХБК.

***(Текст напечатан с дневника Д. Т. Шаржанова)
Альбина Куракова***

*Калашников Геннадий Викторович,
Шаржанов Дмитрий Тимофеевич*

*Дети Шаржановых: Евдокия Тимофеевна (Дубинина),
Дмитрий Тимофеевич, Василий Тимофеевич, Ананий
Тимофеевич, Зоя Тимофеевна (Власова), 1951 г.*

Калашникова Р. В., дети Витя и Надя

*Калашникова Раиса Викторовна,
Шаржанов Дмитрий Тимофеевич, с. Первомайское*

*«В гостях. День рождения папы. Слева направо: Альбина
Куракова, Надя Ухтерова, Дмитрий Шаржанов, Татьяна
Федоровна Куракова, Раиса Калашникова, Виктор
Шаржанов. Сидят Аня Ухтерова и Саша Кураков»*

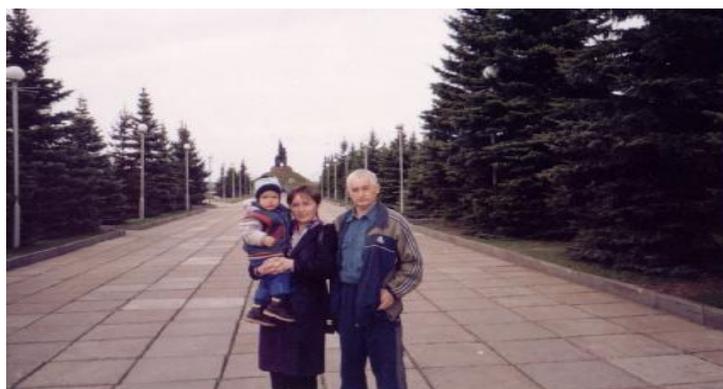

*Раиса Викторовна, Дмитрий Тимофеевич с дочерьми,
зятьми и внуками*
*Раиса Викторовна, Дмитрий
Тимофеевич с дочерьми, зятьми и внуками*

На рисунке 1 ряд: Надежда и Виктор Шаржановы; 2 ряд: Калашников Анатолий Никифорович, Ухтерова Надежда Дмитриевна, Кураков Владимир Львович, Арбузова Алёна Александровна, Кураков Александр Львович, Гудков Сергей Иванович. 26 сентября 2000 г.

Володя, Надежда, Виктор Шаржановы

Шаржанов Володя

«Я БЛАГОДАРНА СУДЬБЕ...»

19 января 1950 года в морозный крещенский день в селе Первомайское Батыревского района в семье сельских интеллигентов на свет появилась девочка. Родители нарекли её Альбиной. Это была я, Альбина Дмитриевна Шаржанова.

В то время наше село считалось районным центром Первомайского района, затем в 60-е годы произошло укрупнение колхозов и совхозов, районов, и оно вошло в состав Батыревского района. В нашем селе было очень много разных учреждений. Это очень красивый, чистый уголок

земли со свежим ароматным воздухом, т.к. вблизи нет ни одного большого города, крупного предприятия.

В семье я старшая, поэтому во мне еще с детства воспитывалось заботливое отношение к своим младшим, к брату и сестре. На 3 года моложе меня брат Виктор (он назван так в честь дедушки, отца матери, Виктора Дмитриевича Калашникова) и младшая сестра Надежда (это имя придумывала я с папой), у меня до сих пор сохранилось чувство ответственности за своих родных, они всегда советуются со мной.

Рядом с нашим домом протекает очень красивая река Була, когда летом ее прудят, там бывает очень глубоко, поэтому родители нас всех научили плавать в раннем детстве. До сих пор помню, как отец меня учил плавать. Река Була сначала впадает в Свягу, а Свяга – в нашу матушку-реку Волгу. Будучи детьми, мы всё лето купались в этой реке, не манили нас к себе никакие южные моря. Вода в реке была тёплая, чистая, так как на дне был песок, мягкая, пенящаяся, идеально отстирывает любую вещь. Зимой мы всегда прокладывали там лыжню, там же был и каток, все уроки физкультуры

*Перасковия Ивановна Калашникова (Кокель)
и её внучка Альбина Шаржанова*

Слева 1 ряд: Кондратьев Коля, Молочников Юра, Петухова Вера М., Шаржанов Володя, Ендеев Коля; 2 ряд (сидят): Хромова Лиза, Шаржанова Альбина, Исмукова Елизавета Дмитриевна, Сорокина Валя, Петухова Вера К.; 3 ряд: Деверинская Вера, Чебоксаров Петя, Безрукова Альбина, Степанова Нина, Лепёшкина Альбина, Кузнецов Миша, Сорокина Зина, Лепёшкина Вера, Лыскова Зина; 4 ряд: Кочетков Толя, Чебоксаров Коля, Малинин Федя, Грачева Валя, Волкова Лида, Пидукова Зина, ...?, Мерзлов Коля, Смирнов Алёша (4 «б» класс, 26 мая 1961 г.)

На снимке 1 ряд: Дубинин А. М., Исмуква Е. Д., Яковлев Л. Я., Миловидова А. И., Егоров Т. Н. — директор, Мокеева М. Е., Михайлов Г. М., Кошкина К. А., Кудряшов Н. С.; 2 ряд: Шагулова З. П., Кузьмина В. В., Исакова А. Н., Московцева (Галкина) А. К., Кольцова (Счётчикова) З. Е., ..., Сорокин Т. И., Кузьмин Н. И., Михайлов И. Ф.; 3 ряд: Калашникова Р. В., Карпова Л. Е., Ульянова Н. В., Раськина Н. И., Сорокина А. А., Счётчиков А. Г., Макаров Л. И. Ильич, Шаржанов А. Т., Молочников А. Н., Шагулов А. Д., Романов М. М. Фото 1960 г.

Подруги-одноклассницы 6 «б» класса, 1 ряд: Альбина Шаржанова, Зина Пидукова; 2 ряд: Зина Лыскова, Вера Петухова К., Аля Лепёшкина. 1963 г.

Выпускники 10 «б» класса Первомайской средней школы и учителя: Галкина Анна Кирилловна, Юркин Виталий Иванович, Галкин Петр Поликарпович (классный руководитель), Пахомов Михаил Пахомович. Шаржанова Альбина — 2 ряд, 4-я слева.

«С нами учились ребята из разных деревень: Первомайска, Балабаш-Баишева, Сидели, Ниж. Б. Шигали, Малые Арабузи, Кокшанова, Нижнее Турмышево и Верхнее Атыково». Фото 1967 г.

проводились там, устраивались соревнования по зимним видам спорта. Мне до сих пор нравится кататься на лыжах и, конечно, плавать. Я думаю, что наше детство было очень счастливым, радостным, безоблачным, благодаря заботам наших любимых родителей. Несмотря на то, что в то время условия жизни были намного труднее, чем сейчас, мы были счастливы, беззаботны, нас не пугал завтрашний день. Тогда ни у кого не было телевизора, газа, личной машины, даже электричества. Электричество у нас в домах появилось в середине 60-ых годов, я как раз тогда заканчивала школу. Мы уроки делали при керосиновой лампе, еду тоже готовили на керосиновой плите. Теперь в деревне, когда у всех телевизоры, холодильники, газ, телефон, сегодняшним детям, привыкшим к этим удобствам, конечно, очень трудно всё это себе представить.

Родители воспитывали нас по своему, без специальных программ. Они нас направляли только на правильный путь, мы всё сами делали по дому. Тяжёлую объёмистую работу выполняли всей семьёй сообща. До сих пор считаю, что труд был самым главным методом воспитания в нашей жизни. Не помню, что родители когда-либо повышали на нас свой голос.

Они обращались с нами с уважением, как со взрослыми. Мы всегда стыдились родителей, если иногда чем-то обижали их. Спорить с с ними и, вообще, со старшими людьми было для нас самым постыдным поступком.

Для меня, например, мои учителя до конца жизни являются ярким примером, идеалом, какими-то святыми людьми. В наше время учителя были не только для нас, но и для наших родителей самыми уважаемыми людьми в деревне. Я ни в коем случае не хочу обидеть нынешних учителей, но мне кажется, что в то время работали настоящие педагоги. Они не только давали знания, но и помогали нам найти своё место в жизни, помогали самоутвердиться. В наше время в лексиконе ученика не было такого слова «репетитор». Тогда учителя сами по своей инициативе создавали различные кружки, после уроков проводили дополнительные занятия с отстающими в учёбе учениками. И всё это выполнялось бесплатно. Я до сих пор горжусь своими учителями. Ведь у них у всех ещё были дети, хозяйство. Детей тогда в семьях было, не как нынче по 1 или по 2, а много: по пять-шесть душ. С какой теплотой я сейчас вспоминаю своих учителей. Мне сейчас трудно представить нашу школу без директора школы Тараса Николаевича Егорова и завуча Марии Ермолаевны Мокеевой, которые много лет подряд руководили педколлективом нашей школы. Это действительно были настоящие педагоги и энтузиасты своего дела. Мария Ермолаевна не на словах, а на самом деле знала характер и душу каждого ребёнка индивидуально, благодаря им Первомайская средняя школа считалась одной из передовых и сильных в районе. Большинство из наших выпускников в то время поступало в высшие учебные заведения разных городов нашей страны. Половина учителей в нашей школе были мужчины, много было и семейных пар. Это Галкины – историк Пётр Поликарпович (наш классный руководитель) и математик Анна Кирилловна (моя самая уважаемая и любимая учительница): Пахомовы – Михаил Пахомович и Манефа Павловна, учителя русского языка и литературы: Юркины – физик Виталий Иванович и Муза Дмитриевна, учительница немецкого языка, она была русская, родом из г. Горького (ныне Нижний Новгород): Митта – Венгер Петрович и Евгения Ивановна: Мария Ермолаевна Мокеева и её муж Гаврил Михайлович Михайлов, он преподавал химию: Фроловы – Ксения Михайловна и Алексей Степанович: Шаржановы – Агафия Матвеевна и Ананий Тимофеевич: Сорокины – Трофим Илларионович и Анна Андреевна: Кузьмины – Николай Иванович и Вера Васильевна, русская, родом из Москвы: Счётчиковы – Анатолий Григорьевич и Зоя Ефимовна: Волковы – Герасим Данилович и Нина Владимировна: Леонтий Яковлевич Яковлев и её жена Антонина Ивановна Миловидова и многие другие. И,

конечно же, моя первая учительница – Елизавета Дмитриевна Исмукова. Все эти учителя работали не жалея ни сил, ни времени. К сожалению, многие из них уже ушли из жизни.

Воспитывались мы в основном на классической литературе. В школьную программу обязательно входили произведения Гоголя Н.В. («Ревизор», «Мёртвые души»), Грибоедова А.С. («Горе от ума»), Островского А.Н. («Свои люди – сочтёмся», «Гроза»), Пушкина А.С. (роман в стихах «Евгений Онегин», «Капитанская дочка» и др.), Лермонтова М.Ю. («Герой нашего времени»), Некрасова Н.А. («Кому на Руси жить хорошо»), Тургенева И.С. («Отцы и дети»), Чехова А.П. («Вишнёвый сад»), Толстого Л.Н. («Война и мир»), Горького А.М. («На дне», «Мать»), Маяковского В.В. (поэма «В.И. Ленин»), Островского Н.А. («Как закалялась сталь»), Фадеева А.А. («Молодая гвардия»), Шолохова М.А. («Поднятая целина», «Тихий Дон») и др. Почти не имели представления в то время об Игоре Северяnine, Марине Цветаевой, Анне Ахматовой, Борисе Пастернаке, Александре Солженицыне и о многих других, чьи произведения включены в программу нынешних школьников. На всю жизнь запомнились книги «Четвёртая высота» (про лётчицу Марину Раскову), «Повесть о Зое и Шуре» (про Зою Космодемьянскую), «Первый учитель» Чингиза Айтматова, которые я читала в детстве. Мы были такими искренними, доверчивыми, добросовестными, старательными детьми и, вообще, патриотами своей земли, Родины, потому что нас так воспитывали. Мне всегда нравилось учиться, все десять лет каждый учебный год я заканчивала с отличными оценками, особенно мне нравились математика, физика, химия. Я думаю, мне в учёбе очень помогла и любовь к чтению, ведь не зря говорят, что «книги – источник знания».

Окончила я 10 классов в 1967 году. Сдав первый экзамен на «пять» (по физике) стала студенткой I курса Тюменского государственного медицинского института, отделения «фармации и фармакологии», как медалистка была

«Мои подруги, с которыми я жила вместе на 1 курсе в одной комнате. Слева направо: Люба Старикова (из Челябинска). Нина Ярушина (из Курганской области), Альбина Шаржанова (из Чувашии), Эмма Браунагель (из Карагандинской области)».

Близкие подруги Светлана Кучкина и Альбина Шаржанова, г. Тюмень, 1969 г.

освобождена от сдачи последующих экзаменов. В этом большая заслуга моего школьного учителя по физике Юркина Виталия Ивановича.

Что мне тогда больше всего запомнилось? Это — просторный и большой спортивный зал, где жили все абитуриенты, там же готовились к вступительным экзаменам, там же обедали и спали. По всему залу были расстелены матрацы и подушки.

Институт был открыт совсем недавно, считался сравнительно молодым, общежития не всем хватало.

После зачисления с каждым студентом проводили собеседование, где участвовал сам ректор (по фамилии Жуков). Когда до меня дошла очередь, ректор, узнав, что я нуждаюсь в жилье, сказал так: «Обязательно дадим представительнице из Чувашии место в общежитии». Его фраза на меня тогда произвела очень сильное впечатление, они так запали мне в душу, я даже немножко была шокирована. Оказывается, меня, деревенскую девчонку, считают представительницей целой республики. И не кто-нибудь, а сам ректор...

В первые годы в комнате жили по 8 человек, кровати были 2-ярусные, но мы жили всегда дружно, весело. Обед готовили сами по очереди, организовывали дежурство. Дежурный убирался по комнате и готовил еду. А на питание мы складывались со стипендии, она почти хватала нам на пропитание.

Я очень скучала по дому, по родным местам, ведь впервые в свои 17 лет уехала так далеко от родителей надолго. В первое время даже было желание всё бросить и поехать домой, но потом постепенно втянулась в учёбу и начала усердно заниматься. Конечно, для нас, окончивших национальные школы, в первое время мешал и языковой барьер. Очень часто получала письма из дома, особенно любил писать отец. Как поддерживали и вдохновляли меня письма из дома, до сих пор благодарна своим родителям и родным за их тёплые слова.

Домой приезжала только на каникулы, потому что жила далеко от них. Часто меня приглашали подруги к себе, пришлось мне побывать в гостях у моей подруги Ольги Исаевой в городе Тобольске (очень интересный старинный город на реке Иртыше), съездили один раз в Новосибирскую область (поселок Чистозерное), оттуда была родом моя подруга Галя Пономарева. Очень часто бывала в гостях у Веры Климовой, так как она жила в городе Тюмени, мы у них чувствовали себя как дома. Общаясь со своими русскими подругами и их родителями, каждый раз удивлялась их добродушию, их гостеприимству, действительно, какая добрая русская душа. Я так счастлива, что во время учебы меня окружали такие замечательные подруги, у которых многому научилась. Самой близкой подругой у меня

была Света Кучкина, родом из Свердловской области, очень старательная и умная девушка. Мы с ней были неразлучны, вместе катались на лыжах и на коньках, чтобы сохранить свое здоровье и быть всегда в форме. Она окончила институт с красным дипломом, и ее направили работать по распределению в Кемерово.

Студенческие годы в жизни каждого человека оставляют удивительно яркий, незабываемый, впечатляющий след, это самое счастливое, интересное, весёлое время, хотя учиться не так просто, особенно в медицинских вузах. Занимались систематически, усердно, ведь если что-то пропустишь, потом очень трудно наверстать, поэтому старались не пропускать занятия. Особенно много надо было запоминать названия лекарств и трав, как на латинском, так и на русском языке. Каждую лекарственную формулу надо было держать в голове и по-латински, так и по-русски, а также способы получения лекарств, дозировку, их фармакологическое применение, побочные действия и т.д. Нужно было запомнить наизусть все дозировки препаратов. Очень благодарна своим преподавателям, что сумели нас заинтересовать будущей профессией. Они к нам, студентам, всегда относились с уважением, наравне с нами общались.

В то время студентов, как было принято, каждый год осенью в начале учебного года отправляли на уборку урожая, иногда даже до полутора месяца. В основном работали на току, на сортировке зерна. Очень добросовестно относились к работе, денег, правда, платили мало, они хватали лишь на дорогу. Так тесно сдружились с местными жителями, готовили для них свои концерты, бывало, мы все свои песни спели, а они никак не хотели расходиться, всё ждали, что придумаем ещё какое-нибудь развлечение для них. И мы на самом деле на ходу составляли репертуар и удовлетворяли их просьбу, как настоящие артисты. Сельчане так были благодарны студентам, они так привыкали к нам, что провожали нас обратно на учёбу с большой грустью.

В один год был такой случай: за хорошую ударную работу меня отпустили домой на целых две недели раньше, приехала домой к родителям как на каникулы, прямо в рабочей форме, то есть в фуфайке, брюках, сапогах резиновых. Вдали так соскучилась по ним, по родной стороне, по подружкам, что даже такой внешний вид меня не расстраивал тогда, лишь бы скорее обнять родителей, брата и сестрёнку, полакомиться маминой стряпнёй.

После 3-го курса я проходила практику в Москве, во Всесоюзном институте лекарственных и ароматических растений. Это один из крупнейших в стране институтов по лекарственным растениям. С нами практику проходили студенты

со всего Советского Союза. При институте имеется ещё большой экспериментальный завод по выпуску лекарственных препаратов из растительного сырья. Это для меня была первая выездная практика. Институт – это огромная территория, где выхаживают почти все лекарственные растения. До обеда была практика, а после почти все студенты разъезжались по Москве. Такое ощущение: не было места в Москве, где бы мы ни побывали. Была молодость, много энергии, усталости почти не чувствовали.

Ещё одна практика — это преддипломная в г. Кирове, который расположен в северной части нашей страны. Рядом протекает река Вятка, она очень быстрая. Там природа очень красивая, чудесная, большие вятские леса. Мы, три девочки, жили у одной женщины. Звали её Эликанида Тимофеевна, или просто тётя Эля. Я даже помню её адрес: ул. Кутша, дом 3, кв. 6. Была добродушная русская женщина, таких людей встречаешь редко, относилась к нам, как ко своим дочерям, вместе готовили, вместе питались. Хоть и была квартира однокомнатная, мы жили дружно, не чувствовали тесноты, дискомфорта. Будучи уже на пенсии, она всё ещё работала на крупном машиностроительном заводе им. Лепси. Мы когда с ней расставались, даже прослезились. Потом мы с ней многие годы переписывались.

Как раз в это время, в 1971 году, я узнала печальную весть из письма мамы, она сообщила мне о смерти любимой бабушки, Кокель Перасковии Ивановны. Я была в шоке, ведь недавно, буквально месяц тому назад, когда была на летних каникулах, она, как будто чувствовала, приезжала повидаться со мной. Она мне говорит: «Вот приехала специально, боюсь, вдруг умру и не увижу тебя больше». Я её успокаивала: «Бабушка, так не говори, пожалуйста». Я её проводила до автобусной остановки в Атыковке, посадила на автобус. Если бы я знала, что это была

Во время работы в РБ №2.

наша последняя встреча...Эта встреча осталась в моей памяти на всю жизнь.

Как я любила свою бабушку, Перасковию Ивановну Кокель! Ведь я не знала другую бабушку, маму отца. И дедушек я не видела никогда, их уже не было в живых, когда я родилась. У бабушки, Перасковии Ивановны, я была самой первой внучкой. Она ко мне всегда относилась с огромной нежностью. Сейчас точно не помню, то ли после 6-го, то ли после 7-го класса за отличную учёбу папа мне купил велосипед, он был особый, специально для девушек, называли его «дамским». Был он красного цвета. В то время не все имели велосипед, он считался роскошью. И вот я очень любила ездить на велосипеде в Норваш Шигали к бабушке. Туда надо было ехать через широкое безлюдное поле 7 – 8 км. Сейчас как подумаю, немножко дрожь берёт, но тогда время было спокойное, никто ни на кого не нападал, не воровал, дома никогда на замки не запирались, ничего не терялось.

Бабушка проживала там с семьёй дяди Валеры (мамин старший брат). Жену дяди Валеры звали Лидия Алексеевна, тётя Лида. Хоть и была у дяди Валеры такая большая семья, тётя Лида всегда встречала нас приветливо, была всегда рада нашему приезду, относилась к нам, как к собственным детям. Кстати, дети у них пошли в родителей: они все очень добрые, искренние, трудолюбивые, не зря говорят: «Яблоко от яблони далеко не падает». Она работала в бригаде, а дядя Валера работал в правлении колхоза бухгалтером. Бабушка нянчила детей, готовила еду. Да мало ли в хозяйстве дел! И за скотиной надо было смотреть, и детей обхаживать, и по дому убираться.

Детей у дяди Валеры и тёти Лиды было много, семь человек. Старшие были мальчики. И я во время летних каникул ездила постоянно к бабушке, чтобы хоть чем-то помочь ей. Бабушка не просила меня, я сама по своей инициативе стирала бельё, потому что мальчики очень быстро пачкали рубашки, тётя Лида не успевала за ними стирать, так как с утра до вечера летом работала в поле. Мыла постоянно полы, они держали гусей, мы пасли их на лугу, когда была наша очередь. Бабушка любила варить суп с клёцками (салма яшки), она туда пускала ещё борщевик, а потом заправляла его сметаной или варенцом (квашеное топлёное молоко). Такой вкусный суп получался, до сих пор у меня на языке вкус этого супа.

Помню, у бабушки рядом с домом был огромный сад и пасека, которые остались от моего дедушки Виктора Дмитриевича Калашникова. Дома у них стоял старинный добротный шкаф, патефон и гитара, которые тоже принадлежали ему.

В Шигалях у меня были и подруги: Люба Бородкина, Рая Ульянова, Лида Волкова (она мне приходится родственницей). Но самой близкой подругой была Настя Трифонова, хотя и была она старше меня на два года, мы с ней очень дружили. Я часто бывала у неё дома, мы всюду ходили вместе. У меня остались до сих пор такие светлые тёплые воспоминания о нашей дружбе, хочется встретиться с ней ещё раз и возобновить наши дружеские отношения. Она сейчас живёт в Москве, муж у неё был из Тархан (к сожалению, он умер молодым), очень способный, одарённый человек, после окончания Казанского авиационного института работал в Бийске на военном заводе, а потом его перевели на работу в Центр управления космическим полётом Министерства обороны СССР. У них двое детей: Ольга и Григорий. Лида Волкова тоже в Москве живёт. Я надеюсь, что мы встретимся ещё все вместе.

Ещё мне запомнилось, что когда приезжали дядя Гена из Хабаровска и дядя Миша из Белоруссии со своими семьями, то все наши родственники собирались вместе. Тогда дом дяди Валеры был полон гостями-родственниками, это для нас, для детворы, был настоящий праздник. А как радовалась бабушка, когда собирались все её дети вместе, у неё глаза светились от радости.

Бабушка часто водила меня в детстве вместе с собой в Тарханы к своей сестре Евдокии, к родителям Николая Петровича и Виталия Петровича (он мой почётный крёстный отец) Сергеевых. Она никогда не рассказывала открыто о своих родственниках. Теперь я понимаю почему, ведь они были «врагами народа». Кто это не испытал на своей шкуре, они не поймут, что это такое. Бабушка была не только скромной женщиной, но и стойкой, мужественной. Она никогда не

жаловалась на судьбу, умела скрывать свою душевную боль, даже своей дочери, моей маме она говорила о них лишь о том, что они были высокообразованными людьми и больше ничего. Она всё это пережила и, видимо, больше не хотела сыпать соль на рану, не хотела беречь душу. Какую выдержку нужно было иметь! Вот каким остался в моём сердце образ любимой бабушки.

Мне кажется, в пору моего детства и юности был совершенно другой климат. Зима тогда стояла холодная, снежная, суровая, помню, как трещали морозы. С мая по сентябрь месяц стояло мягкое, тёплое лето, можно было бегать босиком всё лето. Не было необходимости в теплицах. Помидоры поспевали прямо на грядках, собирали их до конца сентября, знать не знали ни о каких кислотных дождях. Наши родители солили помидоры, огурцы, капусту в деревянных кадках и хранили их в погребе, ели их всю зиму.

Вспоминаю, как весело проходили новогодние праздники. Тогда к каждому великому празднику мамы шили для нас новые наряды. Я любила наблюдать, как строчит мама на швейной машине, мне это было очень интересно и любопытно. Она придумывала к нарядным платьям сама какие-то интересные детали: рюши, складочки, выточки, сборки и т.д. У неё была немецкая ножная машинка «Зингер», она до сих пор в исправности, отлично шьёт, теперь таких машин, к сожалению, в продаже нет. Ткань тогда была из натурального китайского хлопка, она была разной красивой расцветки. В то время в магазинах товаров было очень мало, готовая верхняя одежда почти не продавалась. По домам ходили портные и шили по заказу, были они в основном русскими. У папы висел военный шинель из сукна, из него мне сшили пальто, которое я носила очень долго. В то время портные очень выручали людей, как-никак время было послевоенное. Ещё к каждому новому учебному году мама шила для нас школьную форму: тёмно-коричневое платье и белый фартук для торжественных праздников, а чёрный фартук был повседневный. Мне до сих пор нравится этот школьный наряд.

В старших классах у нас преподавался специальный предмет для девочек «Домоводство», где нас учили шить, вязать, готовить еду. Вела занятия моя двоюродная сестра Римма Петровна Власова (по мужу Девяткина). Я считаю, что это обязательное занятие для каждой девочки. Уроки домоводства помогают девочкам легче приспосабливаться к обстоятельствам, потому что девочке самой природой предопределена высокая миссия – стать в будущем хранительницей семейного очага. Умение шить, вязать, печь пироги ей пригодится как будущей хозяйке дома. Ведь не секрет, в последнее время молодые семьи распадаются в основном из-

за того, в которых ни муж, ни жена не владеют навыками домоводства. Я в старших классах уже сама стала себя обшивать, кроила платья даже своим одноклассницам.

Был у нас ещё такой предмет «Трактороведение». Изучали мы трактор ДТ – 54. После этого я стала хорошо разбираться теоретически в технике, знала, как устроен трактор, как он работает (в частности камера полного сгорания, коленно-шатунный механизм, что приводит в движение гусеницы и т.д.). Но когда дело дошло до практики, то тут было уже совсем другое. Один раз преподаватель меня посадил в кабину водить трактор, я чуть не заехала на забор, хорошо хоть учитель был рядом, успел притормозить. Больше никогда в жизни не садилась ни на один трактор.

После 9-ого класса, в 16 лет, мне захотелось заработать денег. Моя двоюродная сестра Римма Петровна Девяткина предложила поработать вместо себя воспитательницей в детском саду, сама уходила в отпуск. Для этого нужно было разрешение РОНО, естественно, там не хотели мне его давать, так как была несовершеннолетняя. Видимо, я упорно настояла, и мне разрешили работать (тогда завроно был татарин по фамилии Гайнуллин). Вначале не понимала, какая это сложная и ответственная работа, что ты отвечаешь за жизнь и здоровье каждого ребёнка. Только со стороны кажется, что всё легко и просто, тем более у меня не было никакого специального педагогического образования и стажа. Что меня поразило в детях, так это их искренность и душевность, доверчивость и открытость. Они рассказывали обо всём, что у них происходит дома, какие отношения между собой, чего им хочется, о чём думают и мечтают, хотя ты об этом и не спрашиваешь. Там были два мальчика, за которыми нужен глаз да глаз, потому что они могли выкинуть что-нибудь в любую минуту, эти мальчики были настоящими лидерами в группе. Ещё при мне произошёл такой ужасный случай. Мы вдвоём с няней для детей организовали поход в близлежащий лес, стояла очень хорошая погода. Там поиграли в разные подвижные игры, повеселились и стали собираться обратно в садик. Смотрим, у нас не хватает одного ребёнка. Это был тихий такой мальчик Миша Тихонов. Мы целый час искали, звали, кричали, а он не откликается. Что делать? Я страшно испугалась, побежала в садик, по пути на всякий случай, чтобы предупредить, забежала к его маме в Дом культуры. Вы не поверите, Миша сидит там рядом с мамой, такой спокойный. Как он смог, такой маленький, выйти из леса (а он находился не так близко) самостоятельно, найти дорогу и добраться домой – для меня это до сих пор загадка.

Тогда в свои 16 лет я поняла, что заработать деньги не так просто. Когда получила свою первую зарплату, не знала что с ними делать, потому что никогда не держала в руках столько

денег. Согласовав с мамой, мы с братишкой Витей поехали в гости в Новочебоксарск к дяде Гене. В городе всем накупила подарки. Маме и себе купила хорошую ткань на платье. Маме до сих пор нравится это платье, а я сшила себе из этой ткани платье на выпускной бал. Когда приезжала домой на летние каникулы, всегда заходила в тот детский сад, где продолжала работать моя двоюродная сестра Римма, но там уже были другие мальчишки и девчонки.

* * *

***Поклонись до земли своей матери
И отцу поклонись до земли.
Мы пред ними в долгу
неоплаченном.
Помни свято об этом всю жизнь!***

Мой отец Дмитрий Тимофеевич Шаржанов родился 22 сентября 1922 года, он был участником Великой Отечественной войны. Очень рано остался без отца, когда ему было 18 лет, потерял и мать. Был он в семье самым младшим. Отец был очень целеустремлённым человеком, благодаря трудолюбию, настойчивости он за короткий срок встал на ноги. До войны он работал в Чебоксарах на строительстве завода им. В.И. Чапаева, одновременно занимался в аэроклубе. Когда началась война, его направили в г. Энгельс в лётное авиационное училище. При наборе учитывали, прежде всего, знание и наличие крепкого здоровья. Оттуда он был направлен на Сталинградский фронт. Он про себя пишет, что полёты ему давались легко, что их оценивали всегда на «отлично». Он нам рассказывал, что на лётном поле часто видел и женщин-лётчиц (Гризодубову, Осипенко и др.). Очень уважал маршала Г. Жукова, его портрет висел у нас на самом почётном месте до конца жизни отца. Он был очень начитанным человеком, особенно любил читать на военные и исторические темы.

После войны вернулся домой, где никто не ждал, его приютила старшая сестра Зоя. Он, как настоящий мужчина, в первую очередь построил дом. Только после этого женился на молодой учительнице (отцу в ту пору было 27 лет, а маме – 21). Тогда шёл 1949 год. Они прожили вместе больше 50 лет душа в душу. К сожалению, в 1999 году 13 мая папа ушёл из жизни.

Растили и воспитали троих детей, дали всем высшее образование. Виктор (1953 г.р.) окончил Чувашский государственный университет, факультет «Электрификация промышленности», сейчас работает в «Чувашэнерго». Сестрёнка Надежда (1958 г.р.) тоже окончила медицинский

факультет Чувашского государственного университета, работает врачом-терапевтом.

Отец за свою жизнь построил три дома (два бревенчатых, один кирпичный). Он долгие годы проработал нормировщиком в МТС (машинно-тракторная станция), потом её переименовали в «Сельхозтехнику». Отец часто выезжал на сезонные заработки. На эти деньги мы обставляли весь наш дом: купили большой радиоприёмник, телевизор, в то время в деревне это было редкостью. У отца были настоящие золотые руки, все плотницкие работы в хозяйстве он делал один, а с мамой вдвоём они без ничьей помощи построили баню на старости лет.

Мама моя, Раиса Викторовна Калашникова родилась 18 ноября 1928 года, больше сорока лет проработала учительницей начальных классов. Мама родом из Норваш Шигалей, она по отцу русская. Её дедушка Дмитрий был родом из Алтышева Алатырского района. Мне очень нравилось ходить в школу к маме, в её класс. Как приду к ней в класс, её дети сразу меня окружали, и мы с подругой учили их петь и плясать, а программу сами придумывали. Поэтому каждый мамин ученик мне дорог так же, как и ей. Я во время студенческих каникул в каждый свой приезд заходила к ней в класс (её школа находилась как раз рядом с автобусной дорогой). Мама часто представляла меня как проверяющую их знания, и дети так тянули руки, чтобы показать свои успехи.

Мама хотела, чтобы я стала тоже, как она, учительницей. Но мы видели своими глазами какая трудная и сложная профессия быть учителем. Мама полностью отдавала себя, все свои силы и здоровье школьной работе, приходила с работы очень усталая. И мы с сестрой выбрали профессию врача. Ещё в детстве я очень любила читать газеты и журналы, которые постоянно выписывала мама, это газета «Учительская газета» и журналы «Здоровье», «Семья и школа», «Начальная школа». Я считаю, что профессия врача, как и работа учителя, тоже очень благородная. Мне кажется, эти две профессии они взаимосвязаны. Учитель вооружает ребёнка знаниями основ наук, развивает познавательные интересы ученика, помогает закреплять навыки и умения. Труд учителя требует огромной любви к детям, душевной отдачи, человечности, значительных затрат физических сил и энергии. Профессия врача требует милосердия, сочувствия, готовность делать добро каждому, кто в этом нуждается. Врач – это человек, который способен откликаться на чужую боль, человек, у которого очень сильно развито чувство сострадания, человеколюбия. Я думаю, что эти две профессии очень схожи, они самые гуманные. Именно благодаря маме, мы, её дочери, и выбрали эту профессию.

* * *

***Такого снегопада, такого снегопада
Давно не помнят здешние места...
А снег не знал и падал,
А снег не знал и падал,
Земля была прекрасна,
Прекрасна и чиста!***

Наверное, это судьба. Впервые со своим будущим мужем, Кураковым Львом Пантелеймоновичем, я познакомилась в те дни, когда узнала о смерти бабушки, Перасковии Ивановны Кокель, в городе Кирове.

Тогда он был аспирантом института народного хозяйства им. Плеханова в Москве. У него диссертация была на тему повышение эффективности производства промышленности по Волго-Вятскому экономическому району. И он приезжал изучать материалы для своей диссертации. Научным руководителем был ныне известный академик Л.И.Абалкин. Я, конечно, встретила с ним совершенно случайно, а он – не знаю, как... Пригласил он меня в ресторан и потом проводил до дома, шли мы с ним пешком, помню, шёл такой красивый снег, а позади нас рядышком тянулись два ровных следа. Мы даже не заметили, как быстро пролетело время, как быстро наступила полночь. А ему уже надо было ехать обратно в Москву. Транспорт уже не ходил, до железнодорожного вокзала в чужом городе ему пришлось идти пешком, а это было не так близко, тем более и опасно. Но во времена нашей молодости как-то спокойно было, мы не думали об опасности. А мне вот, когда вернулась на квартиру, попало. Мои подруги стояли одетые, собирались идти искать меня, оказывается, они даже хотели обратиться в милицию. Тётя Эля отругала за то, что я отпустила своего молодого человека поздно по чужому городу обратно.

Потом мы часто стали переписываться, виделись редко, так как он учился в Москве. После окончания института я приехала в родную Чувашию и начала работать в Чебоксарах.

В 1973 году Лев Пантелеймонович после окончания аспирантуры тоже приехал в Чебоксары и начал работать в Чувашском госуниверситете в должности зам декана экономического факультета, а 20 июля 1974 года мы с ним поженились. Расписались мы во Дворце бракосочетания в Чебоксарах, а свадьбу сыграли в его родной деревне Чувашские Ишаки Батыревского района, в доме, где живёт сестра его мамы. Вот так судьба познакомила и свела нас вместе, парня и девушку из одного района, вдалеке от малой родины, в северном городе Кирове.

Поездка в Германию

Через некоторое время после нашей совместной жизни, Лев Пантелеймонович должен был выехать в Берлин на стажировку в Высшую экономическую школу на целый год. Детей ещё у нас не было. Муж прислал мне вызов в Германию. Оформив загранпаспорт (тогда это была целая волокита, такая нудная процедура), купила билет в Москве и поехала в Берлин. Приезжаю туда, выхожу на перрон, а там меня никто не встречает. Думаю, наверное, не успел получить мою телеграмму, а потом выяснилось, что на самом деле так и было. Главное, не испугалась и не волновалась, стою спокойно и жду, не знаю, к кому и куда обратиться. Уже пошёл второй час, а мужа моего всё нет. И вдруг... появляется он со своим другом (Борисом из Одессы) и глазам своим не верит, что к нему приехала жена. Оказывается, они сидели в кино, и после сеанса на всякий случай решили заглянуть на вокзал. Вот так какая-то неведомая сила, может, мой ангел-хранитель, привела моего мужа на вокзал, и мы встретились в чужой стране.

Я прожила в Берлине целый месяц. Это было в 1975 году. Что меня тогда там поразило в первую очередь, это высокий материальный уровень жизни немцев. В магазинах было абсолютно всё, и всё это только хорошего качества. Особенно запомнились мне поджаренные сосиски и куры в гриле, которые продавались в каждом углу. Мы посещали там много интересных мест, посещали музей в Потсдаме (где был подписан договор о капитуляции фашистской Германии). Везде чувствовалось чистота и порядок, немецкая пунктуальность и точность. Что меня ещё удивляло, так это отсутствие кражи, мародерства. Немцы, как ни в чём не бывало, оставляли свои вещи без присмотра прямо на улице на ночь. Например, многие ездили на работу на велосипеде, дальше в метро, а велосипеды оставляли у входа в метро, и они стояли там до вечера, до их возвращения. Много ещё примеров можно привести. Там в то время ещё было много наших военных.

Как поженились, мы стали жить в общежитии №3 Чувашского госуниверситета, прожили там три года. 10 марта 1976 года родился наш первенец Володя. Когда ему шёл второй год, нам предоставили трёхкомнатную квартиру по улице Эльгера. Это было такое счастье, о котором мы даже и мечтать не могли. Словами не передать, как была велика наша радость. Там родился второй сын Александр 27 июля 1982 года.

Я долгое время работала заместителем заведующей аптекой при Республиканской больнице №2, которую называли ещё

партстационаром, так как там в то время лечились в основном только избранные лица, работники обкома, Совмина и руководители различных предприятий и организаций, учреждений, т.е. контингент обслуживаемых больных был достаточно интеллигентным. Тогда был дефицит лекарственных препаратов, но к нам они поступали всегда в достаточном количестве. Коллектив наш был очень дружный, как будто подбирали только хороших сердечных людей, обслуживание было тоже на должном уровне, поэтому работать было легко и интересно. К этому времени Лев Пантелеймонович уже работал деканом экономического факультета, одновременно трудился над докторской диссертацией. На это уходило очень много времени, сил, требовалось немало усилий, чтобы всё преодолеть, сказывалось это и на семейном бюджете. Он мог бы защитить её намного раньше, но так сложилась политическая обстановка в стране, что почти каждый год менялись генеральные секретари компартии СССР (Брежнев, Черненко, Андропов, Горбачёв), а это значит, что меняется также и социально-экономический курс нашей страны. Всё это надо было отражать в диссертационной работе. Но, несмотря ни на что, защита прошла успешно, почти единогласно. Нашей общей радости не было конца. Вскоре после защиты он был избран ректором Чувашского государственного университета. С тех пор как он стал ректором, университет стал для нашей семьи почти вторым домом. Мы радуемся все вместе успехам университета, переживаем, если что-то не так. Повзрослев, оба сына выбрали специальность экономиста, хотя мы никогда на этом не настаивали. Оба окончили экономический факультет университета по специальности «Мировая экономика».

Так сложились обстоятельства, до этого у меня был сдан кандидатский минимум, закончила Высшую школу бизнеса, получив специальность «Экономика и управление производством», я стала работать старшим научным сотрудником. Живя в условиях рыночной экономики, современная жизнь по-другому заставляет нас смотреть и работать, приходится полностью переделываться, как бы трудно это не было. Сказывается, конечно, то, что мы выросли и воспитывались совсем при другом социально-экономическом строе, у нас были совсем другие взгляды и ценности, другая идеология, поэтому нашему поколению трудно перестраиваться и адаптироваться к современной жизни с его нынешними реформами.

* * *

***Кружится земля, наши годы уходят,
И этот порядок извечен в природе...
Но мы не исчезнем бесследно, как
ветер,
Останутся наши деревья и дети.***

Наши сыновья Володя и Саша, как и все дети, до школы посещали детский сад. До окончания средней школы все летние каникулы они проводили в деревне то у бабушки с дедушкой в Первомайском, то у бабушки, Татьяны Фёдоровны, в Батыреве. Володя, общаясь с деревенскими ребятами, научился говорить чисто на чувашском языке, мы были очень рады этому, одобряли его. Я удивлялась, что он знал каждого жителя в лицо, хотя село наше довольно большое. Он каждый год вместе со своими деревенскими сверстниками работал в ученической производственной бригаде при школе, которая помогала колхозу выращивать овощи. Однажды он брал довольно-таки большой пай на репчатый лук, ему помогали дедушка с бабушкой. На уборке лука он заработал немалые деньги, и в придачу для скота ещё выделили сено. Я думаю, что трудовую

«Отец на учёбе в Москве (на курсах по повышению квалификации). Мы приехали к нему в гости посмотреть столицу».

В Индии

*Дни И. Я. Яковлева в Москве. В центре — внучка
И. Я. Яковлева А. А. Некрасова, профессор ГИТИСа,
лауреат Государственной премии
СССР им. К. С. Станиславского*

В гостях у внука просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева И. А. Яковлева. Сидят слева направо: Н. А. Швилкина, А. Д. Куракова, Б. Н. Швилкин, Л. П. Кураков, И. А. Яковлев. Стоит Н. Г. Краснов

Общественность широко, радостно с почтением отметила 60-летие академика Л. П. Куракова

закалку он получил именно в деревне под контролем бабушек и дедушки. Именно в подростковом возрасте ребята, привыкшие под руководством старших к любой работе, чувствуют себя в коллективе сверстников легко и уверенно, такие дети пользуются уважением и доверием именно за то, что на них можно во всём положиться. Володя рос с детства очень общительным, подвижным, шустрым, живым, любознательным мальчиком, он мог быстро сойтись с людьми. У него было очень много друзей и приятелей, это в первое время даже настораживало, пугало меня. Потому что мы на работе, ведь каждый шаг ребёнка не уследить. Ещё он целеустремлённый, если что-то задумал, то обязательно выполнит это. Был однажды такой случай. Перебираю фотки и вижу: Володя с друзьями стоит на Красной площади. Я его спрашиваю: «Когда это ты успел туда съездить?» Оказывается, это было два года назад. Он, боясь, что мы его не отпустим, договорившись с друзьями, поехал в Москву. Мы узнали об этом только спустя несколько лет. Он окончил школу №34 с одной «четвёркой» (по русскому языку), остальные были «пятерки». Он до сих пор любит свою школу. Когда мы переехали в новый район оттуда, он всё равно ездил туда, не поменял на новую. Будучи студентом ЧГУ, он прошёл стажировку в США в г. Кливленде (штат Огайо), в местном университете, который является довольно известным высшим учебным заведением там. В течение 6 месяцев обучался по направлениям, как «Управление финансами», «Маркетинг», «Банковское дело», где успешно выдержал все экзамены. В результате стажировки опубликован ряд научных работ, посвящённых финансово-кредитной системе США.

После окончания университета поступил в аспирантуру Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов и успешно защитил кандидатскую диссертацию в 1999 году. В 2003 году защитил докторскую диссертацию. В настоящее время работает заведующим кафедрой инновационной экономики ЧГУ. Им выпущено 117 научных работ, в том числе 15 монографий, учебных пособий и справочников в области финансово-кредитной системы и социальной сферы.

Хоть и воспитывались в одной семье и в одинаковых условиях, младший сын Александр по характеру полная противоположность Владимиру. Он с детства спокойный, домашний ребёнок. Когда ходил в садик, он часто просил устраивать ему выходные дни, так как очень любил тихую домашнюю обстановку. Мог играть целыми днями с любимыми игрушками в одиночестве. Он постоянно разбирал и собирал их. Любимое его занятие – разрезать и соединять разные провода, ещё в школьные годы любил проводить телефоны в разные

На даче у Кураковых. Слева направо: Володя, Лев, Альбина Кураковы, Ирина и Михаил Калашниковы, Матрёна и Геннадий Калашниковы

комнаты. Однажды, будучи в гостях у бабушки, разрезал все телефонные провода и провёл телефон в свою комнату. Бабушка, видя, как внук выводит из строя телефон, сначала его отругала, а когда он заново всё починил, даже похвалила. Если дома какая-нибудь техника выходит из строя, все обращаются к нему, он может починить быстро и ловко.

Саша учился в школе №4, там углубленное изучение английского языка, а 10 – 11 классы закончил в гимназии при ЧГУ. Он, как и Володя, с отличием окончил ЧГУ и поступил в аспирантуру. В настоящее время является аспирантом Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. Выпустил 14 научных трудов, в том числе монографию «Малый бизнес в системе социально-экономических отношений».

Вот уже 30 лет мы живём вместе со Львом Пантелеймоновичем. Как и многим из нас, нам приходилось преодолевать на своём жизненном пути немало трудностей, не всё легко даётся на белом свете.

Самый ужасный день в нашей жизни был в августе 2001 года, когда Лев Пантелеймонович попал в страшную автокатастрофу по дороге Чебоксары – Москва около города Гороховец во Владимирской области. Вроде ничто не предвещало беду, была рабочая командировка в Москву: срочно надо было ехать в Министерство образования. Их машина (газель) столкнулась ночью с большой автомашиной. Водитель погиб сразу,

остальные спаслись чудом. Мне тяжело вспоминать об этом. Когда узнала об этой аварии, в то время я ни о чём другом не могла думать, как будто на одно мгновение для меня остановилась жизнь. Но произошло какое-то чудо, которое спасло и сохранило жизнь моему мужу. Слава тебе, Господи! Очень долго приходилось восстанавливаться Льву Пантелеймоновичу от ушибов и травм. В первое время почти месяц от страшной боли он спал сидя, потом полулёжа. После такого испытания ты как будто начинаешь жить заново на этом белом свете, начинаешь верить в чудеса...

Но несмотря ни на что, мы всегда умели радоваться даже самым маленьким успехам, которые мы достигали своим честным трудом, и всегда довольствовались тем, что у нас есть на самом деле.

Я благодарна судьбе за то, что встретила на своём пути надёжного, умного, а самое главное – порядочного человека, вот те качества, которые я ценю в первую очередь в мужчине, а остальное, думаю, приложится. Я очень благодарна Татьяне Фёдоровне, моей свекрови, только за то, что она родила и воспитала такого замечательного сына, моего мужа и отца моих детей. Она нашла в себе силы, терпения, мужества вырастить одна сына в суровые военные и не менее тяжёлые послевоенные годы и дать ему достойное образование. Жизнь у каждого одна, и она подарена нам судьбою, а смысл жизни это – в совершенствовании человека. Человек должен поставить перед собою цель, должен всегда стремиться вперёд, должен уметь ценить тех, кто рядом. Мы должны уметь прощать, терпеть, научиться дарить добро и ласку, любовь тем, кто нас окружает.

В заключении хочу сказать следующее, чем больше я узнаю о своих предках, тем больше начинаю уважать и ценить жизнь, тем больше хочется быть похожим на них. Ведь они достойно прожили свою Богом подаренную жизнь, и всё это ради нас, ради детей, ради внуков, ради людей, ради потомков, живущих на этой Земле.

Земной поклон всем моим предкам, родственникам, от всех нас, живущих в настоящее время, за то наследие, которое они оставили нам!

О сёстрах папы

***Воспоминаний светлое чувство
Станет сильнее, чем дольше
живёшь.***

Старшую сестру папы звали Зоя Тимофеевна Власова. Мы очень любили к ней ходить в гости, она тоже нас любила очень, всегда встречала приветливо, с радостью. Тётя Зоя никогда не отпускала нас, пока не накормит чем-нибудь вкусненьким. У неё в русской печке всегда стояли горячие блюда. А дома всегда был идеальный порядок. У них в красном углу стоял большой обеденный стол, и с 2-х сторон находились длинные деревянные скамейки.

Младшую папину сестру звали Дуся, Евдокия Тимофеевна Дубинина. Тётя Дуся жила со своей семьёй в городе. Все деревенские родственники, которые приезжали в город, всегда останавливались у них. Когда я приехала работать в Чебоксары, в какое-то время тоже жила у Дубининых. Жили они тогда в деревянном двухэтажном доме по улице Ленинградская, дом №23, где сейчас остановка троллейбуса №1. Можно сказать, что я получила у них большой жизненный урок. Это были добропорядочные, высокоинтеллигентные, очень честные люди. Таких людей встречаешь, к сожалению, очень редко, я несколько не преувеличиваю, говоря о них так. Тётя Дуся очень любила меня, и я тоже обожала её. Она не жалея себя, старалась бескорыстно помогать во всём нам. Устроила меня на курсы вязания, кройки и шитья, кулинарии, которые организовывала сама на общественных началах, будучи уже на пенсии. Тётя Дуся была активной общественницей, жизнерадостной, не унывающей женщиной. Курсы вели все её подруги. Между прочим, как мне потом в семейной жизни пригодились знания, навыки и умения, полученные во время занятий на этих курсах. Мне хочется называть Дмитрия Федотовича и Евдокию Тимофеевну Дубининых «великими людьми» своего времени. Как интересно было с ними общаться!

Надежда Ухтерова

ДЕТСТВА ЧУДНЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Я появилась на белом свете 9 августа 1958 года в селе Большие Арабузи. Оно расположено на берегу небольшой реки Була, которая впадает в Волгу. Известный чувашский поэт Василий Митта, который с отцовской стороны приходится мне родственником, не раз воспевал нашу реку в своих стихах. Я выросла на этой сказочной стороне, в семье была самой младшенькой.

В деревнях все улицы свои названия берут, видимо, от месторасположения. Наш дом стоял на Базарной улице, если пройтись немного по нашей улице и перейти дорогу, находится место, где раньше по воскресным дням шла торговля. Приезжали сюда магазины и из нашего села, и из соседних деревень. В такие дни народу, как на ярмарке, много было. Для них это место было не только местом торговли, но люди из разных деревень встречались здесь со своими знакомыми, делились новостями, своими радостями, бедами. Люди получали от таких встреч как бы заряд бодрости. Помню, как отец после таких встреч возвращался домой воодушевленный, рассказывал, кого встречал, какие новости узнал о своих родственниках в других деревнях от знакомых. Не только мои родители, все наши односельчане на базар ходили в основном не за покупками, а за тем, чтобы узнать новости о стране, о знакомых и близких людей, которые живут в соседних деревнях. Чем только не торговали здесь! Были и промышленные товары, сельхозорудия, продукты питания, игрушки, пирожки, сладкие напитки, пряники-печенья, а от вида конфет в разноцветных фантиках у нас, у детворы, прямо слюнки текли. Здесь же торговали и живностью: то пороссячий визг, то мычанье коров слышно было издалека. Там стояли и киоски. Они работали и в будние дни. Мы ждали воскресные дни, как праздник. В одно время вообще перестали

торговать там, и нам казалось, что мы потеряли что-то очень важное в своей жизни, было скучно, чего-то не хватало. Но это продлилось недолго. Времена изменились, и на этом месте опять начали торговать.

Наши родственники из ближайших деревень в такие дни всегда заходили или заезжали к нам, делились новостями, поэтому я их всех на лицо хорошо знала, знала, как и чем они занимаются, кто из какой деревни. Мне кажется, что наш дом для тех, кто приходил или приезжал на базар, считался местом встречи для всех родственников из соседних деревень, был как бы мостом для укрепления дружбы между ними.

Улица наша была не очень-то длинная, там всего пять дворов расположено. И родители, и подростки, и малышня, жили очень дружно. Мы свою улицу ещё называли Зелёной, потому что там даже на дороге росла трава, машины редко заезжали туда, около домов всегда было чисто и аккуратно. Каждый год взрослые и старшие школьники на нашей улице и на берегу реки сажали деревья. Мы, младшие дети, тоже старались им помогать: держали саженцы, после их поливали каждый день, пока они не окрепли. Нам это очень нравилось, мы себя чувствовали настоящими помощниками.

Мы родителей почитали с детства, все их поручения нами выполнялись без пререканий, сразу, их просьбы для нас были законом. На нашей улице домов хоть и было мало, но в семьях детей было много. В свободное время вечером мы всегда собирались вместе. Старшие дети нас не прогоняли, не говорили нам никогда, что мы им мешаем. А в какие только игры мы не играли, даже не перечислить. Играли и в «лапту», «городки» (чушкалла), «салки» (алл=мла), «прятки» (пытанмалла), «вышибалы» (попаданием мячика выбывает ребёнок из круга, из игры). Также играли в «камушки» (шак=лла), это такие маленькие шарики, размером чуть больше горошин, мы их лепили из глины, сушили, и они были такие твёрдые, как камушки. Придумывали и сами разные сюжетно-ролевые игры, как «семья», «больница», «школа» и т.д.

Мы играли с детьми и из других улиц. Но эти игры проводились в форме состязания, соревнования. Организуются две команды, и они состязаются между собой: кто кого, чья команда сильнее? Часто организовывали концерты.

Когда мы росли, мне кажется, что погода летом стояла намного мягче, теплее, чем сейчас. Мы тогда, как только наступало лето, не вылезали из реки. Вся малышня умела плавать ещё до поступления в школу. Здесь тоже соревновались между собой, кто каким способом умеет плавать, как «чапай» (надо было до противоположного берега доплыть, не показывая голову из-под воды), плавали и на спине, и боком. Мы не только играли, конечно. Помогали родителям по хозяйству: в летнее

время окучивали огороды, поливали грядки тёплой водой, таскали её из реки вёдрами, (наш дом стоял прямо на берегу Булы), убирались в доме и во дворе, чистили коровник и хлев, натаскали дров для топки печки, готовили обед. Мало ли было работы в хозяйстве! Тем более наша мама работала в школе допоздна, мы старались хоть чем-то облегчить её труд. Она очень рано вставала, перед школой успевала истопить печку, обед всегда готовила в чугуне. В печке еда не остывала до вечера. Ох, какие ещё они были вкусные: щи со свиной, жаркое со свиной или с гусиной! Мне до сих пор вспоминается вкус маминых блюд, я такую вкусную еду даже в дорогих ресторанах не ела.

Помню ещё такой случай. В наше время, когда я росла, не у всех был телевизор, не все могли его купить, считался дорогой роскошью. Но мой папа тогда ездил на заработки и мог позволить себе купить и телевизор, и мягкую мебель, и разную электроаппаратуру. И вот все соседи ходили к нам слушать и смотреть новости, концерты и другие передачи, передаваемые из Москвы. Двери нашего дома всегда были открыты настежь.

Во время летних каникул мы всегда, когда было время, ходили в гости к бабушке, в Норваш Шигали. Мне там очень нравилось. У бабушки был большой сад, там росли яблони и ягодные кустарники. У них были и улья. Я до сих пор со светлой грустью и радостью вспоминаю те незабываемые дни, в своих воспоминаниях до сих пор бегаю в этом саду...

В школе я училась хорошо, из года в год переходила в другой класс с похвальной грамотой. Конечно, в детстве каждый мечтает, мы все почему-то стремились в город, казалось, что там нас ждёт именно удача. И не заметила, как стала взрослой. Я тоже, как старшая сестра и брат, попрощалась с родителями и приехала в город. В первый год по приезду в Чебоксары, я проработала на кондитерской фабрике. В свободное от работы время занималась самообразованием, готовилась к поступлению в университет, и через год стала студенткой медицинского факультета Чувашского государственного университета. В первое время учиться было очень тяжело, потому что по сравнению со своими городскими ровесниками, мы, сельские, чувствовали себя не очень-то уверенно. Особенно когда разговаривали на русском, часто терялись, стеснялись. Но через некоторое время это прошло, мы стали привыкать к городской жизни, стали чувствовать себя намного увереннее.

10 «б» класс. Слева направо: Ендеева Галина, Никифорова Света, Иванова Любовь, Пигильцова Мария, Зейнейдтинов Мевлет Хабиббулович — кл. рук., Краснова Люда, Сверчкова Галина, Хромова Зинаида, Дмитриева Лариса, Кондратьев Владимир, Секретов Владимир, Сидуков Александр, Краснов Николай, Кольцов Вячеслав, Лукина Мария, Горшков Геннадий, Шаржанова Надя, Никитин Алексей, Сорокин Геннадий, Ильеров Леонид, Акимов Василий, Карлинов Пётр
10 «б» класс. Слева направо: Ендеева Галина, Никифорова Света, Иванова Любовь, Пигильцова Мария, Зейнейдтинов Мевлет Хабиббулович — кл. рук., Краснова Люда, Сверчкова Галина, Хромова Зинаида, Дмитриева Лариса, Кондратьев Владимир, Секретов Владимир, Сидуков Александр, Краснов Николай, Кольцов Вячеслав, Лукина Мария, Горшков Геннадий, Шаржанова Надя, Никитин Алексей, Сорокин Геннадий, Ильеров Леонид, Акимов Василий, Карлинов Пётр

Во время учёбы в университете нас отправляли осенью на сельхозработы: мы помогали сельчанам убирать картофель, собирали хмель. Участвовали в ССО, трудились на стройках, выступали с концертами перед тружениками села. Студенческие годы это были самые прекрасные годы. Студент никогда не унывает, он всегда оптимистично смотрит на окружающее. Пусть ему и денег не хватает, пусть иногда и не высыпается, готовится ночами, но он всегда умеет веселиться, радоваться, дружить, любить. Как мы тогда мечтали о будущем: «Вот выучимся и получим диплом, тогда будем лечить людей...».

И вот сбылась моя мечта. Диплом об окончании университета уже в руках. Меня направили в Новочебоксарск. Я там проработала 2 года участковым врачом. Здесь встретила своего будущего мужа. Он, как и мой отец, окончил лётное

училище. Его направили в Улан-Удэ, в Бурятию, я тоже, как нитка за иглой, поехала туда. Когда приезжали во время отпуска к родителям в родное село, отец подшучивал надо мной: «Ты у нас была самой младшенькой, нежной, хрупкой, но характером вышла вон какой крепкой, как декабристка». Он меня всегда называл «декабристкой».

В Улан-Удэ я работала цеховым терапевтом в поликлинике при авиационном заводе. Здесь выпускались военные самолёты, мой муж Анатолий Павлович Ухтеров тоже работал на заводе, он военный лётчик, сейчас на пенсии.

Мы жили в Улан-Удэ 8 лет. Там у нас родилась дочка Аня. Во время отпуска где только не побывали со своей семьёй: половину отпуска мы проводили на родине у родителей, а другую половину отпуска отдыхали по путёвке в Киеве, в Сочи, в Сухуми, в Крыму и во многих других городах нашей обширной страны.

В Улан-Удэ у нас осталось очень много друзей. Наша дочка Аня, когда посещала детский сад, подружилась с одним мальчиком. Он обожал лошадей. Видимо, эта любовь к лошадям перешла и к нашей дочке. Они постоянно играли в «лошадки». Когда переехали жить в Чебоксары, я думала, что это пройдёт. Оказывается, мы ошиблись. Когда дочка пошла в школу, постоянно напоминала: «Когда вы меня отдадите в конноспортивную школу?». Я ей тогда говорила: «Ты ещё маленькая, вот немного подрастёшь, тогда видно будет».

Шли годы. Когда Анне исполнилось 12 лет, она и говорит: «Всё, время настало, теперь меня возьмут в конноспортивную школу». Ничего не поделаешь, раз обещали, надо сдерживать своё слово. Аню сразу приняли в спортивную школу. Она там занималась в неделю 3 раза, на занятиях по теории и практике всегда получала одни «пятёрки». Мы для Ани выписывали специальный журнал «Конный спорт», у неё очень много литературы о лошадях, до сих пор бережно хранит все конспекты. Сейчас дочка учится на экономическом факультете Чувашского государственного университета.

В Чебоксарах начала работать в медсанчасти при ХБК сначала терапевтом. Сейчас наше учреждение называется «МУЗ 2-ая горбольница», а я работаю теперь врачом-физиотерапевтом.

Надежда Шаржанова и Анатолий Ухтеров

Анатолий, Аня, Надежда Ухтеровы

**ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ
КАЛАШНИКОВ**

Он родился 10 апреля 1930 года в деревне Норваш Шигали Батыревского района Чувашской Республики.

В 1945 году окончил Норваш Шигалинскую семилетнюю школу и поступил учиться в Батыревское педагогическое училище, где проучился год, а потом вынужден был оставить его и после чего трудился в колхозе «Совет» рядовым колхозником. Во время работы был избран секретарем комсомольской организации. За хорошие показатели в труде награжден грамотой ЦК ВЛКСМ и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.». В 1948 году продолжил учебу в Батыревском педучилище, которое закончил в 1951 году и поступил в Канашский учительский институт. После его окончания в 1953 году был направлен по путевке на работу в Хабаровский край, где проработал с 1953 года по 1964 год в должности директора средней школы поселка Маяк Нанайского района.

С августа 1964 года до выхода на пенсию работал в школах города Новочебоксарска, а в школе №8 был директором в течении семнадцати лет и вывел её в число передовых школ республики. По решению Министерства просвещения Чувашской Республики её прикрепили к подшефной Тойсинской средней школе Батыревского района.

Педагогический коллектив и руководство школы №8 ежегодно оказывали посильную методическую и практическую помощь данной школе.

За время работы одновременно окончил Хабаровский педагогический институт по специальности учитель географии, университет марксизма-ленинизма и народный университет и курсы повышения иностранных языков и сдал экзамены по кандидатскому минимуму.

Работа Калашникова Г. В. была отмечена правительственными наградами: медалями, грамотами Российской Федерации, Чувашской Республики, Хабаровского края, Нанайского района и Новочебоксарского горисполкома, горono. Награждён значками «За творческий педагогический

труд», «Отличник народного просвещения», «Победитель социалистического соревнования 1973-1977 гг.», дипломами, грамотами и ценными призами.

Состоял на военном учете, имеет воинское звание капитан.

Хобби — спорт, живопись, музыка, сбор значков. Мастер спорта по лыжам и легкой атлетике.

Женат, жена — Матрена Федоровна Калашникова, образование: высшее, по специальности: учитель математики. Она «Отличник народного просвещения РСФСР», награждена медалями и грамотами Правительства Российской Федерации и Чувашской Республики, Хабаровского крайисполкома, Нанайского райисполкома, Новочебоксарского горисполкома.

Со дня образования г. Новочебоксарска она более 20 лет проработала секретарем Новочебоксарского горисполкома.

Геннадий Викторович Калашников был чемпионом Хабаровского края по ДСО «Колхозник», неоднократным призером Чувашской Республики и Батыревского района, г. Канаш, г. Новочебоксарска. Имеет второй спортивный разряд по шахматам и настольному теннису, первый разряд по стрельбе, третий разряд по прыжкам в длину, по волейболу.

У них дочь Галина, окончила среднюю школу №2 с золотой медалью и музыкальную школу с красным дипломом. Она имеет первый спортивный разряд по лыжам. В 1979 году окончила Московский институт управления им. С. Орджоникидзе, факультет «АСУ машиностроения», получила специальность 06-46, квалификация — инженер-экономист машиностроения. По направлению работала на заводе «Уралэлектротяжмаш» г. Свердловска с 1979 по 1983 годы инженером-программистом и старшим программистом. Затем переехала в г. Новочебоксарск и начала работать на заводе «Промтрактор» г. Чебоксары в отделе вычислительной техники заместителем начальника отдела ОАО «Промтрактор» — прессо-сварочного производства. Нынешнее место работы и должность — заместитель начальника отдела АСУ ООО «Промтрактор — Промлит».

Муж Галины — Захаров Сергей Георгиевич, 1956 года рождения, инженер-строитель. Он вырос от должности мастера до главного инженера СМУ- 101 ОАО «Лад» г. Новочебоксарска.

В настоящее время продолжает трудиться по своей же специальности.

У них двое детей: Анастасия и Галина.

1. Анастасия родилась 29 августа 1981 года в городе Свердловске, окончила 9 классов средней школы №10 г. Новочебоксарска, одновременно музыкальную школу искусства

с красными дипломами, потом поступила в художественное училище г. Чебоксары, которое тоже закончила с красным дипломом. Она один год проработала художницей дизайнером магазина «Детский мир» г. Чебоксары.

В настоящее время она является студенткой четвертого курса Невского университета, факультета «Дизайн и коммуникация» Санкт-Петербурга.

2. Галина родилась 1 августа 1985 года в г. Новочебоксарске. Окончила среднюю школу №10 г. Новочебоксарска с золотой медалью, музыкальную и художественную школу с отличием.

В настоящее время является студенткой второго курса экономического факультета ЧГУ.

Хобби — плавание. Имеет второй разряд, а также интересуется музыкой и пишет стихи.

Калашников Г. В. вспоминает:

«Иван Афанасьевич Кокель родился в 1974 году в селе Тарханы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Батыревского района Чувашской Республики).

Бабушку звали Екатериной, а фамилия Яковлева. Отчество и год рождения мы не помним. Только известно, что она окончила сельскую школу в Тарханах. Свои знания, умения читать и писать она передала своему мужу и детям.

Благодаря помощи со стороны наш дед самостоятельно научился грамоте. После он стал страстным читателем, выписывал много газет и журналов, покупал книги, пополнял домашнюю библиотеку. Часть книг и журналов сохранилась до наших дней, мы их с желанием читаем и перечитываем.

Дедушка самые трудные и беспокойные годы прожил достойно, правильно выбрал себе дорогу, уважал труд, этому учил своих детей и родных, хотя сам остался вне школьного образования. С другой стороны семья была большая, надо было поставить всех детей на ноги и дать им образование.

По своему характеру он был решительным, крутым, все вопросы жизни разрешал самостоятельно, мало отдыхал, глубоко верил Бога, посещая аккуратно в церковь, был псаломщиком, имел хороший голос и музыкальный дар, играл на скрипке, даже сам их мастерил.

До 1917 года в России женщины и мужчины не были равноправными, земельные паи на женщин не распространялись. Это право имели только мужчины. А у моего деда в семье было 9 душ, из них только два мальчика и сам. Поэтому для него земля считалась самым дорогим достоянием. Но он не унывал, занимался другими видами работы: плотничал, занимался пчеловодством, а мед реализовал, на вырученные

деньги строил, обновлял свое хозяйство. Так он построил водяную мельницу, крупарушку. Жители близких деревень приезжали к нему молотить зерно.

При доме на усадьбе развил сад, а яблоны и ягоды продавал на базаре, пополнял свою казну. На вырученные деньги кормил и одевал семью, учил детей.

В своем небольшом хозяйстве содержал скотину, имел лошадь и другую живность. Построил добротный дом вместо избы-полуземлянки. Естественно, соседи и некоторые жители села завидовали его упорности. Но он всегда твердил: «Надо уметь трудиться и беречь каждую копейку».

На свое здоровье не жаловался, был крепким, здоровым мужиком, носил бороду и всегда шутил: «Борода — делу не помеха». Дед был мастером на все руки, он знал тонкости профессии бондаря. Кадки, бочки, деревянные ложки, скалки и другие изделия продавал на базаре. Сам вырыл колодец во дворе, сам клал печки и т. д. За его способности и умения трудиться селяне его отнесли к середнякам.

Во время массовой коллективизации он в колхоз не вступал, остался единоличником, не верил в их будущее. Был он ярым сторонником религии, хотел сохранить церкви, выступал за свободу слова и печати. За эти свободолюбивые мысли, из-за несвоевременную уплату налогов он отсидел в тюрьме два раза: в 1929 и 1933 гг.

В свободное время по вечерам нам мать рассказывала о дедушке. Она говорила, что он был строгим и прямолинейным человеком, не пубил хвастунов и болтливых людей, всегда настаивал на справедливости, был за правду без обманства.

В летние каникулы мы не раз бывали у дедушки. Он всегда был гостеприимным, добрым стариком. Водил нас по огороду, обо всем рассказывал, показывал, какие яблоки можно есть, какие не трогать, катал нас верхом на лошадях, возил на мельницу, брал в лес за хворостом. По вечерам мы поливали в огороде, а днем с бабушкой пололи грядки с овощами. Особенно нам запомнились праздничные дни, когда на столе стояли тарелки с яблочными пирогами, самовар и чашки с медом. Вот, бывало, к вечеру собирается вся семья за столом, а дед угощает.

После ужина мы все собирались около деда, он нам рассказывал сказки и одновременно воспитывал, давал наставления, учил петь и говорил: «Честный труд — это наше богатство, мало хотеть — надо уметь».

Дедушка и бабушка часто бывали в гостях у наших родителей в деревне Норваш Шигали. При встречах они долго беседовали, обменивались новостями, обсуждали интересующие их вопросы, давали советы, решали хозяйственные дела, угощались вином, пили чай с пирогами.

После ужина играли на скрипке, на балалайке и исполняли свои любимые песни. А мы, мальчики, лежали на печке и слушали музыку, песни. Так проходили наши встречи. В эти дни никто не думал, что вот-вот нагрянет туча, наступят хмурые дни и ночи.

По доносу своих односельчан нашего деда 5 августа 1937 года и по решению «тройки» арестовали и отправили в Алатырскую тюрьму, и он был осужден на 10 лет без решения суда и следствия. Дед себя считал невиновным перед новой властью, хотя и критиковал её за беспорядки, защищал свою честь и свою свободу, свой народ, религию.

Домой он больше не вернулся, где и когда умер, нам не известно.

В мае 1938 года дом моего деда Ивана Афанасьевича разобрали, увезли и поставили на улице около церкви, назвали «Народным домом» села, потом стали там учить школьников.

В 1960 году дом перевезли на территорию школы и использовали под квартиру для учителей и как классное учебное помещение.

26 декабря 1956 года Постановлением Президиума Верховного Суда Чувашской Республики мой дед Кокель Иван Афанасьевич реабилитирован.

В 1985 году в доме Кокеля И. А. открыли «Музей художника — профессора Алексея Кокеля», родного брата Ивана.

В открытии музея участвовали учителя и учащиеся Тарханской средней школы, сельчане, представители власти и родственники А. А. Кокеля.

Большой вклад вложил в сборе материалов и оформлении музея Сергеев Валентин Порфирьевич — учитель и художник школы».

**ПЕРАСКОВИЯ ИВАНОВНА КОКЕЛЬ
КАЛАШНИКОВА) — СТАРШАЯ ДОЧЬ КОКЕЛЯ И. А.
(Рассказ Г. В. КАЛАШНИКОВА)**

Мать моя Кокель (Калашникова) Перасковия Ивановна родилась 26 августа 1900 года в селе Тарханы Батыревского района Чувашской Республики в семье крестьянина Ивана Афанасьевича Кокеля.

В 1913 году успешно окончила Тарханское начальное училище, об этом подтверждают свидетельство №352 и Похвальный лист, выданные 30 августа 1913 года по решению Совета Буинского уездного училища Симбирской губернии.

После окончания школы она работала дома, помогала родителям по хозяйству. Выполняла самые трудоемкие работы: пряла пряжу, ткала, стирала, ухаживала за младшими сестрами и братишками, т. к. после неё их были еще семеро. Она вместе с родителями смотрела за скотиной и кормила

их, косила траву на сено, полола и убирала хлеб и т. д. Так и не заметила, как она выросла, как прошло её детство.

В 1919 году вышла замуж за учителя Калашникова (Димитриева) Виктора Димитриевича, уроженца деревни Норваш Шигали Тархановского (ныне Батыревского) района (У него была двойная фамилия, возможно из-за репрессий и гонений, может быть беспокоился за родственников. В конце он носил фамилию Калашников). В то время Виктор Димитриевич работал заведующим Именевского училища. При совместной жизни у них рождаются дети:

- 1. Михаил 1921 года, умер по болезни в 1922 году;*
- 2. Виталий 1923 года, участник ВОВ, офицер, умер после госпиталя в 1943 году;*
- 3. Валерий 1925 года, участник ВОВ, старшина, умер в 1983 году;*
- 4. Раиса 1928 года, учительница, проработала более 40 лет, «Заслуженная учительница школы Чувашской АССР и РСФСР»;*
- 5. Геннадий 1930 года, по профессии учитель, военное звание капитан, награжден значком «Отличник народного просвещения»;*
- 6-7. Анатолий 1932 г, Антонина 1934 г, умерли после тяжелой болезни.*
- 8. Михаил 1936 года, подполковник.*

Наш отец, Виктор Димитриевич, умер в 1947 году после тяжелой болезни, смерть отца сильно подорвала здоровье матери. Она теперь должна была разрешать все хозяйственные дела, выучить и вырастить своих детей, дать им образование, всех одеть и обуть, а главное — кормить, так как брат Валерий из армии еще не демоблизовался, вернулся только в 1949 году. Поэтому мы старались помочь матери во всех делах, чем могли.

Мы, дети: Рая, Гена, Миша всегда сохраним в нашей памяти те незабываемые человеческой доброты простой деревенской женщины-матери до конца нашей жизни. Она нас кормила, вырастила. Низкий ей поклон!

Каждый раз, садясь за стол в годы ВОВ, мы думали о свежеспелом и ароматном куске хлеба.

Мама, чтобы кормить нас, посылала всех нас в лес за желудями, откуда мы в мешочках приносили их. Лес находился в трех километрах от нашей деревни. Дома мы желуди чистили, сушили на солнце и перемалывали на ручной мельнице, пропуская несколько раз, потом просеивали через сито. Так желуди превращались в муку. После таяния снега на полях собирали крахмал. Все это смешивали с ржаной мукой и ставили тесто для хлеба. Мама из этого теста выпекала

чудесный ароматный хлеб с запахом крапивы. Так она спасла всех нас от голода. Тогда еще был жив наш отец.

Потом вернулся из военного госпиталя брат Виталий. Он долго не прожил, умер от тяжелой болезни в 1943 году. Это для нашей семьи была большая потеря. Ему тогда было 20 лет.

Мы, живые, всегда в долгу перед нашими родителями за их внимание к нам, за заботу и воспитание, хотя их уже давно нет в живых.

В колхозе мы работали от темна до темна, без выходных дней, а за выполненные работы нам бригадир начислял трудодни. В годы войны в колхозах был установлен для каждого колхозника минимум 120 трудодней, это была годовая норма. За невыполнение этой нормы наказывали строго, отрезывали огороды, не давали лошадей, солому и т. д.

Свои огороды вспахивали сохой, а соху тянули сообща 4-5 человек, картошку сажали вручную. Дрова, сено, солому, хворост возили на собственной корове.

Нам школьникам, везде надо было успевать: и учиться, и работать. Школу ходили все с охотой, хотя и не хватало учебников, тетрадей, карандашей, бумага. Поэтому вместо тетрадей использовали газеты, писали между строками. Работали наравне со взрослыми: помогали сеять, сажать, поливать, убирать. Посевы просы и ячменя пропалывали по несколько раз. Это была очень трудоемкая работа.

Уборку всех культур выполняли вручную серпом, снопы на лошади перевозили на гумно. Молотьбу производили на открытых токах поздней осенью и зимой после уборки всех культур.

Ближе к весне приступали к сортировке семян для посева, заготавливали дрова, вывозили торф, навоз на поля, по домам собирали золу.

Главными кормильцами дома были корова и другая живность. В огороде, кроме картофеля и овощей, выращивали немного зерновых культур, разные сорта многолетних трав, хмель, коноплю.

В саду собирали ежегодно урожай яблони, смородины, вишни, малины. Собирали на зиму лекарственные растения: крапиву, землянику, малину, мяту, зверебой, рябину, липовый цвет. В саду держали несколько семей пчел. Они снабжали нас медом. За ними следили и ухаживали мы с мамой.

Но самое трудное для каждой деревенской семьи были налоги, надо было вовремя их платить, погасить. Иначе строго наказывали, отбирали скот, если нет скотины, забирала другие вещи. Поэтому мама на рынке иногда продавала излишки продукции, а вырученные деньги вносила за налоги. В годы ВОВ и после, каждая семья подписывалась на

государственные займы, уплату производили «живыми» деньгами.

Управление колхоза ежегодно в конце года распределял по трудодням зерно, овощи, свеклу, солому. Обычно получали по 100-250 грамм на трудодни, иногда и ничего. Теперь работали на совесть: «Всё на восстановление «ран» от войны!»

Несмотря на такие трудные условия жизни, мать нас всех поставила на ноги, она тяжело пережила все эти военные и послевоенные годы, потеряла часть своего здоровья, что и под конец сказывалось на её здоровье.

Она умерла 16 августа 1971 года, мы её похоронили на деревенском кладбище рядом с отцом и сыном.

**ВИКТОР ДИМИТРИЕВИЧ ДИМИТРИЕВ
(КАЛАШНИКОВ) — МУЖ КОКЕЛЬ
(КАЛАШНИКОВОЙ) П. И.**

(По рассказу сына Г. В. Калашникова)

Димитриев Виктор Димитриевич, мой отец, родился 1 сентября 1896 года в деревне Норваиш-Шигали Тархановского (ныне Батыревского) района Чувашской Республики в небогатой крестьянской семье.

Дедушка, Калашников Димитрий Степанович, 1869 года рождения, умер в 1936 году. Жена — Волкова Иустина Титовна. Она жительница этой же деревни, а дедушка приехал из деревни Алтышево Алатырского района, по национальности — русский; бабушка чувашка, родилась в 1872 г. в семье Волковых, родители были крестьянами. Она умерла после болезни в 1919 году.

После женитьбы дед с бабушкой стали жить в этой же деревне. Дом стоял напротив церкви, на склоне оврага. Я хорошо помню эту усадьбу, как дед нас катал на лошадях, угощал яблоками. Огород и дом располагались прямо на берегу небольшой речки вдоль главной дороги Тарханы — Батырево, через речку проложен был мост. Он и сохранился до сегодняшнего дня, а дорога теперь асфальтирована, ходят автобусы и другие виды транспорта в другие города и районы республики.

Дедушка, как мужчина, был крепким, никогда не жаловался на свое здоровье, уважал труд и к этому приучал всех. Для окружающих он был решительным, волевым и строгим.

Годы были неурожайными, стояли зимние морозы, а летом дни — без осадков. Люди страдали от нехватки хлеба, нечем было кормить скот. Семья все выдержала, вытерпела. Дети выучились. Егор, Виктор, Иван стали учителями, а Ольга и

Александра после окончания сельской школы, трудились в крестьянском хозяйстве.

В 1909 году отец окончил курс учения в Норваш Шигалинском одноклассном начальном училище и поступил в Больше-Арабузинское двухклассное училище. После окончания этого училища в 1911 году поступил учиться в Симбирскую чувашскую учительскую школу.

Началась первая империалистическая война и осенью, в 1915 году, родившихся в 1896 году, досрочно должны были призвать на военную службу. Но по ходатайству администрации школы им была предоставлена отсрочка до 16 января 1916 года. В январе месяце они досрочно окончили школу и получили документы об окончании Симбирской учительской школы.

В том же году его призвали в 96-ой запасной полк г. Симбирска. В июне 1916 года их перевели в г. Казань и зачислили в маршевую роту для отправки на фронт.

В июле 1916 года они уже были на Западно-Двинском фронте. В январе 1917 года их полк перебросили на Румынский фронт, где их полк застала Февральская революция. В сентябре 1917 года его, имеющего среднее специальное педагогическое образование, откомандировали в военную школу в г. Полтаву, где он проучился два месяца и после Великой Октябрьской революции вернулся домой рядовым солдатом.

В белой армии не служил. С 30 сентября 1918 года по 1919 год работал учителем и заведующим Именевского начального училища Тарханского района.

В Красную армию был призван в 1919 году, но был освобождён, как учитель, в феврале 1921 года.

С 8 марта 1921 года Ибресинский уездный отдел народного образования направил его в г. Чебоксары на курсы школьных инструкторов, где проучился восемь месяцев — до ноября 1921 года, после работал инспектором Ибресинского УОНО до 1922 года, потом был назначен заведующим Тарханской школы первой ступени, а в 1925 году школу преобразовали в шестилетку.

С 1 сентября 1931 года его перевели учителем математики в Норваш Шигалинскую ШКМ. Начиная с 1 сентября 1934 года до последних дней жизни он работал директором Норваш Шигалинской семилетней школы.

Ниже прилагаю копию удостоверения отца об окончании Симбирской Чувашской учительской школы за номером 265 от 30 января 1916 года подписью инспектора Действительного Статского Советника И. Я. Яковлева.

«Сим удостоверяют, что Димитриев Виктор Димитриевич, сын кр-на с. Норваш Шигали Тарханской

волости Буинского уезда Симбирской губернии, родившийся 1-ого сентября 1896 года, обучался в Симбирской чувашской учительской школе с 1 сентября 1911 года по 16 января 1916 года и окончил полный курс положенное уставом учебных предметов, и Совет означенной школы удостоил его званием **«Учителя начального училища»**, в чем и выданному Димитриеву надлежащее свидетельство от 16 января 1916 года за № 328/213. Как окончивший полный курс учения в Симбирской чувашской учительской школе, Димитриев в отношении отбывания воинской повинности имеет право на льготу, предоставленную второму разряду по образованию (на основании ст. 22. Высочайше утвержд. 6/II-1891 года положения школе и прилож к 76 ст., разр II, отд. II Устав воинской повинности издан 1915 года, пункт — 6), а также на основании Высочайшего разрешения 25 августа 1915 года пользуется правом поступления без экзаменов в военные училища.

Настоящее удостоверение выдано 30 января 1916 года исключительно для предоставления Военному начальству.

Инспектор. Действительный Статный советник И. Я. Яковлев

30 января 1916 г.

Удостоверяется штампом и печатью школы

За годы учебы в Симбирской Чувашской учительской школе Виктор Димитриевич за отличную учебу и примерное поведение получил личную фотографию с подписью инспектора школы, действительного Статского Советника И. Я. Яковлева, где написано:

«Сия фотографическая карточка действительно снято с воспитанника III курса Симбирской Чувашской учительской школы Виктора Димитриевича, что удостоверяю своей подписью и приложением казенной печати»

Инспектор школы, действительный Статный советник: И. Яковлев

г. Симбирск, 15 января 1916 г.

Отец, работая директором школы, всегда выделялся своей искренностью и честностью. Он не был ни карьеристом, ни любителем роскошной жизни, всегда отстаивал интересы и права простого народа. По его инициативе ежегодно дети из бедных семей снабжались одеждой и обувью, а все школьники были обеспечены бесплатными завтраками и обедами за счет продуктов школьного хозяйства, пришкольного участка, но и оказывали помощь в разрешении этого вопроса местная власть и правление колхоза.

Школа размещалась на окраине села, вдоль глубокого оврага по отдельным зданиям, они имели все печное

отопление, без электрического света, а для ночного освещения использовали керосиновые лампы. Усадьба школы размещалась рядом, кругом была загорожена. Внутри находились хозяйственные склады, амбары, сарай, вспомогательные помещения для скота и птиц, овощехранилище, отдельно дровяник и другие подсобные помещения, в т. ч. и библиотека, столовая, административное здание, мастерские и жилые помещения для учителей и работников школы.

По рассказу многих учителей школы, кто его близко знал, следует отметить его простоту, его твердый характер и волевые качества, как простого человека, но строгого руководителя. Это всё способствовало всему коллективу школы работать старательно, творчески и с желанием. Он всегда себя держал перед подчиненными достойно, уважал каждого, как личность, а при необходимости помогал всем, давал ценные советы. А вопросы дисциплины никогда не стояли на повестке дня коллектива учителей и работников школы.

Регулярно следил за ходом выполнения хозяйственных дел, давал нужную оценку, всегда подчеркивал, что главное в работе — это конечные результаты, надо отстаивать и защищать права и интересы простого народа.

Учителям говорил: «Старайтесь не только быть точным, но и выражайтесь научными и литературными словами, имейте мужество называть вещи своими именами. Знайте свою цель, тщательно определите её перед началом урока и не забывайте, как добиваться этой цели. Подберите хорошую концовку и хорошее начало каждого урока, объедините их вместе, это и будет у вас залогом успеха проведенного каждого урока».

Этим и заслужил он добрую память и уважение своих коллег.

В свободное от основной работы время любил трудиться в огороде, вырастил хороший сад. По вечерам много читал научную и художественную литературу, журналы и газеты, занимался точной наукой, слушал музыку и радио, а по праздникам играл на скрипке и учил нас играть на балалайке. Но и постоянно следил за нашей учебой, давал нам конкретные задания по хозяйству: мы в огороде поливали растения, пололи сорняки, ухаживали за домашними животными.

За семнадцать лет совместной жизни с родителями, мы, дети, никогда не слышали ругань, ссоры со стороны наших родителей. Они всегда жили мирно, дружно и всегда понимали друг друга. Помню один случай, когда нас отец не пускал домой, говорил: «Идите мои родненькие, погуляйте немного,

потом я вас позову». Оказывается, в этот час, в этот день появился наш младший брат Миша (1936 г.).

Второй случай был тогда, когда мы с братом не поделили одеяло перед сном. За это отец нас крепко наказал. Мы это надолго запомнили.

Так мы не забываем доброту и заботу нашей матери, когда она после дойки коровы угощала всех парным молоком.

Отец прожил полных 50 лет. Он умер 11 марта 1947 года. Похоронили его на деревенском кладбище рядом со своим сыном Виталием.

Отец, кроме педагогической деятельности, исполнял и общественную работу:

с 1925 по 1929 годы — член Тархановского СККОВ;

с 1929 по 1931 год — член ревкомиссии Тархановского СККОВ;

с 1926 по 1930 год — член Тархановского с / совета;

с 1935 года по 1945 год — председатель ревкомиссии Норваш Шигалинского сельского совета, руководил секцией.

Неоднократно избирался членом РК профсоюзов работников учителей и делегатом первого и второго созывов Тархановского съезда Советов. Имел письменные благодарности и грамоты вышестоящих исполнительных органов.

А как учитель математики добивался всегда хороших успехов и заслуженно пользовался авторитетом и уважением коллектива учителей, учащихся и родителей.

Постоянно работал над повышением уровня знаний и педагогического мастерства. Подтверждением этого являются копия мандатов на инспектирование школ

I

«Предъявитель сего учитель Тархановской школы Батыревского района Чувашской АССР тов. Димитриев Виктор Димитриевич действительно прослушал курсы по переподготовке учителей, организованные НКП ЧАССР в г. М — Посаде.

В период пребывания на курсах т. Димитриев проявил активность и отличную успеваемость, потому он и может быть использован на работе в опорных школах, что подписями и приложением печати удостоверяется:

Зам. Наркома Просвещения ЧАССР — Сорокин;

Инспектор НКП — В. Яковлев;

Зав. курсами — В. Порфирьев.

Удостоверяется печатью и штампом Наркома Просвещения ЧАССР, номер удостоверения 5631 от 1 августа 1930 года

г. Чебоксары.

II
Копия мандата.

«Предъявитель сего Дмитриев Виктор Дмитриевич, подпись которого следующая Дмитриев, прослушавшись две сессии школьно-инструкторских курсов отдела народного образования Чувашской автономной области в г. Чебоксары при опытно-показательной школе коммуне имени III Интернационализма действительно командирруется областным отделом народного образования в распоряжение Ибресинского УОНО в качестве школьного инструктора.

Всем советским учреждениям вменяется в обязанность т. Дмитриеву без задержки отпускать подводы по пути следования.

Зав. областным отделом народного образования: — Яштакин

Зав. соцвсом: — Егоров

Зав. самокурсами: — А. Морозов

За секретаря: — Соловьев

Удостоверяется печатью и штампом Наркома Просвещения ЧАССР

24 ноября 1921 года Номер 1076 г. Чебоксары.

III
Копия удостоверения на инспектирование школ №76 от 5 января 1922 г.

«Предъявителю сего инструктору Соцвос Ибресинского Уездного отдела народного образования тов. Дмитриеву вверяется ведение постановки учебно-воспитательной части в школах I и II ступеней, детских садах и домах по Шимкинской, Шемуршинской, Шемилаковской и Тархановской волостям уезда.

Тов. Дмитриеву предоставляется право производить ревизию, требовать необходимые ему по службе сведения, присутствовать на всех уроках, проверять имущества и библиотеки, передавать необходимую по его линии педагогическую литературу для временного пользования из одной школы в другую и во всех учреждениях вышеименованного характера по указанным волостям.

Всем волостям и сельсоветам при исполнении возложенных на него обязанностей предлагается предоставлять тов. Дмитриеву бесплатные подводы в пределах указанных волостей, а вне их — за установленную плату.

Личная подпись Дмитриева свидетельствуется, изложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

Зав. УОНО — Евграфов

Зав. усовхозом — П. Губанов
Секретарь — (Подпись неразборчива)
Копия удостоверяется гербовой печатью Норваш
Шигалинского сельского Совета.
Подпись председателя Н. Шигалинского с/с: Макаров
Секретарь — (подпись неразборчива)

ДЕТСТВО

Мы росли дружно, как «грибы на дрожжах». В нашей семье на первом плане стояли младшие, а потом только старшие, т. к. они были ведущими, показывали пример младшим и ухаживали за нами. Не помню ни одного случая, когда кто-то от чего-то отказывался. У нас был твердый график всех выполняемых работ, кто и за что отвечает, а за выполнением графика следили старшие, и в неделю раз проверяли родители. Таким путем содержался порядок в доме, в огороде, особенно во дворе и во хлеву, где содержался скот. Летом мы подметали, мыли, а зимой чистили все дорожки от снега, ухаживали за домашними животными и птицами, так как у нас были гуси, утки и куры.

Самыми интересными для нас были часы отдыха: кто играл, кто рисовал, кто читал интересную книгу, кто слушал любимую музыку и играл сам на музыкальных инструментах, а в зимние дни все дружно катались с горки на санках, на лыжах или на коньках. Когда на улице оттепель, то сооружали снежные городки, лепили снегурочек. Мастером в этом деле был брат Виталий, а малыши приносили ему то уголь, то морковь, то снежные комки, так на наших глазах вырастали зимние сказочные персонажи.

У руля семьи стояли наши любимые родители, они нас приучали обедать в одно и то же время, никто не смел нарушать это святое время. Поэтому мы никогда не таскали хлеб на улицу, по дому, а если надобно, то спрашивали у матери. Такой у нас был порядок в доме.

Не хуже проходили часы полезных дел и домоводства, все дружно выходили на свои прикрепленные участки. Труд для всех был радостью. После всех мероприятий, мы принимали душ, кто ванну, кто купался в пруду, потом все грязное белье меняли на чистое. К вечеру сами готовили постели для сна. После ужина обязательно была прогулка на свежем воздухе, потом отход ко сну. Так проходили дни, годы нашего детства и незабываемые школьные годы.

Такая домашняя атмосфера позволяла нам лучше учиться, быть дисциплинированными, честными и послушными. Стыдно было бы нам подводить наших родителей, дороже их у детей в жизни никого нет.

Совет активистов при Норваш-Шигалинском сельсовете, слева направо: Василий Федотов (через некоторое время стал офицером), Дмитрий Васильев (фельдшер-ветеринар), Николай Макаров, Гаврил Анисимов, Гаерил Макаров (председатель сельсовета), Виктор Калашников (директор школы). 1937-39 гг.

В гостях у Шаржановых в с. Первомайское, август 1960 г. На снимке: Шаржанов Д. Т., Калашников В. В., Калашникова Р. В., жена Валерия Викторовича Лидя с сыном, Матрена Федоровна, Геннадий Викторович, Перасковия Ивановна (Кокель) Калашниковы, Альбина и Виктор Шаржановы, дочь Валерия Антонина, дочь Геннадия Галина.

Вся наша жизнь наполнена была теплом и светом, обаянием наших родителей. Как бы далеко не шагнули мы в жизни, никогда не обесценивается материнская любовь, забота о нас. В глубине души мы — дети — всегда любили и любим своих родителей так нежно, так глубоко. Если счастливы наши родители, счастливы и мы-дети. Создавать в доме уют и порядок, беречь семейный покой — это обязанность всех членов семьи. Таким я помню наш семейный очаг.

Домашние дела, уроки мы регулярно выполняли честно и самостоятельно. Никогда между собой не ссорились, не делили: «Это мое, это твое». Особенно Новый год, дни рождения, когда все ждали и получали подарки: кто новую одежду, кто тетради, ручки, карандаши, краски, поделки и т. д. Все были довольны, а потом Дед Мороз раздавал пакеты с конфетами и сладостями.

Ёлку украшали самодельными поделками, конфетами. Каждый ребенок выступал со своим номером, потом слушали патефон, пели песни вокруг ёлки, отец аккомпанировал на скрипке, пили чай, ели пироги с ягодами, медом, а затем играли в лото и другие детские игры.

Так мы ежегодно дружно встречали основные праздники. Всем было весело, всем было хорошо. А днем, когда начинались школьные каникулы, катались на санках, на лыжах, на коньках, т. к. наш дом стоял на берегу маленькой речки притока Булы.

В свободное время мы постоянно помогали маме ухаживать за домашними животными, поливали овощи, пололи грядки от сорняков. Осенью убирали картофель, овощи. Летом косили сено, сушили, а потом переносили на сеновал, где и спали мы в теплые летние ночи. Всей работой по дому руководил старший брат Виталий, ему уже в то время было 18 лет.

Время незаметно летело вперед, мы и не заметили, как стали взрослыми. Валерий закончил семь классов с Похвальной грамотой и собирался поступить в ФЗУ, а старший брат Виталий уже работал учителем математики, отец продолжал руководить школьным коллективом, мама вела хозяйство по дому.

Но нашу мирную жизнь прервала Великая Отечественная война. Она перечеркнула все надежды и планы на будущее. Каждая семья стала страдать от войны, налоги повысились, дополнительно сдавали государству молоко, масло, шерсть и другие виды сырья. Этого требовал фронт. Работали под призывом: «Всё для фронта, всё для победы!» Начались трудные годы войны для всего населения страны.

Всех парней, взрослых мужчин призвали в армию и отправляли их на фронт. В тылу остались одни женщины и больные, дети и старики. К нам стали прибывать беженцы с западных районов страны. Мы их всех принимали гостеприимно и дружелюбно, размещали по пустующим и свободным домам, дети учились в школе с нами вместе, а взрослые работали в

колхозе. Кормили и содержали их всем селом. Они ещё не умели работать на полях, ухаживать за скотиной, всех надо было всему учить. В колхозе мало было трудоспособных людей, вся работа легла на плечи женщин и подростков.

Работа перешла на военный лад, годных и здоровых лошадей было единицы, в основном использовали быков. Несмотря на все эти трудности своевременно производили посев и уборку зерновых культур, выращивали овощи, трудились исключительно самоотверженно без выходных дней, не снижая урожайность основных зерновых культур, поголовье крупнорогатого скота, овец и свиней, даже несколько увеличивали. Активно помогали фронту путем сбора подарков воинам, а население передавало свои сбережения на постройку военной техники. Война все же расслабила наше хозяйство, не было совсем техники. Уборку всех культур проводили вручную, участвовали в этой работе все члены семьи, за исключением самых младших ребят да престарелых.

Мы вместе с мамой ходили в поле убирать хлеб. Каждой семье выделяли определенный участок (надел). Мама жала серпом, а мы вязали снопы и складывали в копны. Так снопы подсыхали несколько дней, затем их свозили на гумно. После уборки всего урожая с полей приступали к молотье. Это была самая трудоемкая работа. Мы еле-еле успевали за взрослыми и к вечеру очень уставали, т. к. еда была скудная, хлеба не хватало.

В школах к учебе приступали только в октябре, а после уроков все выходные дни продолжали трудиться вместе с родителями. Так продолжалось до конца войны, но учебу не бросали, выучились и встали на ноги.

Как мы радостно встретили конец войны. Это для нас был настоящим праздником. Но и с другой стороны нам никогда не забыть раны войны, не все сельчане вернулись с фронта.

Наша семья тоже пострадала от войны, потеряли мы старшего брата и родного отца, в мирное время можно было бы их спасти и вылечить. Отцу было полных 50 лет, а брату всего 20 лет.

**ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ
ГЕННАДИЯ КАЛАШНИКОВА**
(отрывки из его дневника)

*«Вот моя деревня,
Вот мой дом родной,
Вот качусь я в санках
По горе крутой.*

*Вот свернулись санки,
И я на бок хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.*

*И друзья — мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.*

.....
.....
*Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда».*
Суриков И. З.

Мы, дети Перасковии Ивановны Кокель, низко склоняем головы перед своей матерью. Она дала нам жизнь, вывела на дорогу жизни. Поэтому мы в неоплатном долгу за которую она нам дала, за доброту и ласку, за то, что она растила и терпеливо учила нас быть достойными и полезными людьми для общества.

Она, конечно, не совершила в жизни никаких геройских подвигов, но была чистым, светлым и добрым человеком. Наши родители постоянно объясняли нам, как и когда нужно обращаться к старшим, как правильно говорить, как вести себя дома и на улице.

В свободное от работы время мама и старший брат Виталий учили нас петь песни, слушать музыку. Они рассказывали нам сказки, читали детские книжки.

Всем хорошим мы обязаны своим родителям, родным, особенно маме. Поэтому нет слова дороже и милее, чем слово мама, это чувство знакомо каждому человеку. Оно навсегда остается в наших сердцах, как символ защиты от всех бед и несчастья.

Мы 1418 дней жили и работали во время ВОВ по призыву: «Всё для фронта, всё для Победы!»

Мне довелось с 1941 по 1948 годы поработать в колхозе, я видел всё своими глазами и был участником всех дел. Суровыми были первые годы войны, в зимние дни температура воздуха снижалась ниже 40 градусов мороза.

Горьким было прощание с теми, кто уходил на фронт, плакали и взрослые, и дети. Самый трогательный момент наступал на краю села, когда звучали напутственные слова провожающих, когда подводы скрывались от наших глаз за бугром. Такие проводы повторялись до последнего дня Победы 1945 года. С каждым призывником, с каждым участником войны судьба распорядилась по-разному, многие последний раз видели родные места, где у них проходило детство, они не сумели вернуться с фронта. Есть семьи, где потеряли по несколько человек.

Колхозные и домашние хлопоты взвалились на наши плечи. Мы не хуже взрослых научились пахать, боронить, сеять, косить, жать, скирдовать и молотить снопы, работали от зари до зари, не зная отдыха, повидали своими глазами и холод, и голод.

В сельские советы стали поступать разрядки на рытье окопов, на заготовку дров и строительство дорог. Три месяца ежегодно приходилось мне орудовать лопатой и ломом на берегу реки Суры около Алатыря и Порецка, дрова заготавливали около поселка Кири, а дорогу прокладывали между деревнями Первомайское и Батырево. Холодный ветер пронизывал до костей, а непосильный труд и плохое питание не могли не сказаться на молодой организм, но мы не сдавались, продолжали работать.

В годы учебы в Батыревском педучилище, где мы учились с сестрой, когда жили на частной квартире, за жилье платили дровами, четыре воза дров за двоих на один учебный год. Дрова я привозил сам на собственной корове.

За время учебы мы получали студенческие хлебные карточки, отпускали на них по 400 граммов хлеба или сухарей, которые мы быстро съедали. На рынке можно было купить, но было очень дорого. Одна буханка хлеба стоило девяносто рублей — это была наша месячная стипендия. Бутылка молока — двадцать рублей, сливочное масло — шестьсот рублей за один килограмм, поэтому эти цены были недоступны для нас.

Мне до сих пор помнится, как мы с сестрой готовили обеды, когда проживали на частной квартире: картошку зальешь водой, посолишь, добавишь крапиву и немного топленого масла и хлебаешь с черствым хлебом, а чай пили без сахара, но с травами. Рая говорила: «Война, братушка, переживем». Действительно, все пережили, но какой ценой!

Помню еще один случай, это было в лесу во время сенокоса. Мы с Мишей обнаружили в дупле старого дуба пчелиную семью. Не долго думая, спилили дерево и стали вытаскивать соты с

медом. Ох, и досталось нам тогда от пчел! Мы два дня ходили с опухшими лицами, как нанайцы, с узкими глазами, еле видели. Но были довольны от удачи, что насыто наелись лесного меда, а дупло с пчелами аккуратно поставили обратно около пня.

Я уже второй год продолжал работать в колхозе, а учебу в педучилище оставил, а сестра Рая продолжала учиться. Она завершила учебу в 1946 году и получила специальность учителя начальной школы, потом стала работать.

Здоровье отца непоправимо пошатнулось, ему стало все хуже и хуже, хотя и я в каждую неделю привозил и отвозил врача из Тархановской участковой больницы, врач — Роман Иванович Селивестров, жена его Екатерина Михайловна — главный врач больницы. Их сын дружил с нашим старшим братом. Они вместе учились и окончили Батыревское педучилище. Он тоже погиб на фронте, был единственным сыном Селивестровых, хорошо играл на пианино, на скрипке.

По совету Романа Ивановича я отца отвез в районную больницу в село Шераутово, где он лечился два месяца. Эта больница находилась в пятнадцати километрах от нашей деревни, обычно в больницу я ездил на велосипеде два раза в неделю. Из-за того, что лопнули камеры велосипеда, однажды мне пришлось его таскать на себе, тогда я благополучно вернулся домой.

Отец пошел на поправку. Ходил с палкой по двору больницы. Мы с ним долго сидели в тени на скамейке, на клумбах цвели цветы, на небе пели жаворонки, кругом было тихо, небо было чистое и голубое.

Он все спрашивал о школе, как идут дела в колхозе, какой ожидается урожай, кто из наших односельчан вернулся из фронта.

Перед уходом давал советы маме и просил нас помочь ей во всем, так как мне уже пошел семнадцатый год. Так я постоянно навещал отца, отвозил продукты и свежее белье.

После выписки из больницы, я привез отца домой. В первое время он держался, даже ходил на работу. А к зиме полностью слег, шансы на выздоровление таяли с каждым днем. 11 марта 1947 года отца не стало. Его похоронили рядом с сыном. Мы остались дома в четвером. Мама теперь была единственной хранительницей домашнего очага.

Послевоенное восстановление народного хозяйства продолжалось. Стали обновлять технику, строить новые объекты для хранения зерна и техники, старые семена заменяли сортовыми, ускоренным темпом удобряли поля качественными органическими удобрениями. Эти работы велись по строгому плану.

Мы, молодежь, теперь были основными работниками, научились управлять хозяйством. Так наше поколение, минув детства, стало основной категорией рабочей силы.

Мне все же хорошо запомнились те военные и послевоенные годы, когда я трудился наравне со взрослыми в колхозе «Совет». У меня был подшефный бык по кличке «Чапай». Его все боялись. У него на носу висело одетое металлическое кольцо, чтобы он не смог обижать головой других, так как «Чапай» был высоким, сильным, но иногда и озорным. Я на это не обращал внимания, конфликтов у нас с ним не было. Бык меня всегда слушался и выручал везде и всюду, вывозил самые тяжелые грузы в любую погоду, вытаскивал другие возы и считал меня своим, так как я на него никогда не поднимал ни хлыста, ни кнута, только называл хорошими и ласковыми словами. Кормил качественно и досыта, кроме овса еще приносил всегда охапку сена, сверху, «подслащивал» солью, вовремя поил теплой и чистой водой, так я постепенно добивался уважения ко мне с его стороны. За все годы работы мы с ним перевозили сотни тонн груза, обрабатывали десятки гектаров земли, ездили сдавать зерно в Ибреси, в Канаш и в другие заготовительные пункты и элеваторы.

Но у «Чапая» бывали свои повадки. Он очень не любил жаркую погоду, боялся слепней, поэтому я его старался спасти от этих неприятностей: чистил кожу, защищал от насекомых, для этого использовал деготь, мазь и другие лекарства.

На работу мы выходили всегда с рассветом, пахали или бороновали до тех пор, пока солнце не поднимется высоко над горизонтом. А наши быки всегда знали свое время. Они были живыми «барометрами». Как только наступает время десять часов утра, они все останавливаются, немного постоят и лягут на землю, уже их больше не заставишь работать, пора возвращаться на обед.

Иногда мы давали им отдых, подменяли их с лошадьми, но их в колхозе было мало. Они были заняты другими видами работ. В основном лошади работали в осенне-зимние сезоны: вывозили лес, зерно, снопы, навоз, пиломатериалы, сено.

Мне приходилось работать на разных работах: на пасеке, в кузнице, на уборке зерна, полевым охранником. Я никогда не отказывался от поручений, об этом всегда знал наш бригадир Васильев Ф. Д.

Самое трудное время наступало тогда, когда началась уборка зерна в закрома и время сдачи зерна государству. Надо было каждый мешок по 50-80 кг переносить на телегу, потом на весы, оттуда на зернохранилище или сразу вывозили на подводах сдавать государству. Обычно ездили до железнодорожной станции в Ибресях или в Канаш на быках, а иногда и на лошадях.

В свободное от работы время я читал художественную литературу, занимался спортом, играл на музыкальных инструментах. У нас дома были две балалайки, скрипка, мандолина, патефон. Но я решил ещё научиться играть на гармошке. У дяди Егора (брата отца) была гармонь-однорядка, вот я у него и попросил на временное пользование и стал учиться играть.

Однажды я случайно встретился с одним знаменитым гармонистом из соседней деревни, разговорились, и он сказал, что хочет купить новую гармонь: хромку, двадцать пять на двадцать пять. А у него была двухрядная венка, где клавиатура правой руки имеет 23 клавиши, левой -12, она отличалась особенностями звукоизвлечения. Он мне продал свою гармонь, а себе купил новую хромку. Заплатил я ему триста рублей наличными, отдал два пуда зерна и одну балалайку. Так я стал владельцем венской гармони с «русским настроем». Моим первым учителем был сосед по дому Бородкин Михаил Фёдорович, работал он механиком и был мастером на все руки, участник ВОВ, награждён многими орденами и медалями на фронте.

В то время в нашей деревне не было ни одной порядочной гармони, после меня купил гармонь Никитин Василий, мой ровесник. Все вечера, праздники, дни рождения, свадьбы и другие мероприятия в деревне обслуживали мы. В деревне появились новые песни, новые частушки уже послевоенных лет. Мне помнится до сих пор одна песня:

*Заиграла где-то веночка
В далекой стороне,
Заиграла и забилося
Сердце девичье во мне.*

*Вот она и заиграла
Двадцать пять на двадцать пять.
Я туда-сюда глазами,
А залетки не видать.*

*Гармониста я люблю,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.*

Гармонист всегда был уважаемым и почитаемым. Не знаю, с чем и сравнить авторитет гармониста в деревне. Он и успокаивает душу людей, и улучшает настроение.

Выходя на крыльцо по вечерам, так заиграешь, что сразу услышат звуки гармони даже на окраине деревни. Далее

собирается молодежь около церкви и, образовав большой круг, начинают пляски, танцы, песни, игры.

Так проходили вечера в деревне, а зимой свободное время проводили в клубе: смотрели кино — тогда не было телевизоров, у многих даже отсутствовало радио.

Через год я обновил гармонь: купил у Кириллова Алексея из деревни Шаймурзино Батыревского района. Он зять дяди Ивана Дмитриевича Калашникова, брата моего отца. Его дочь Зинаида вышла замуж за Алексея, и он играл на гармошке на свадьбе моей сестры Раи, вот где и мы с ним познакомились.

Мне запомнился день 29 августа 1947 года, когда нам многим в торжественной обстановке в клубе вручали медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В деревне появилось новое поколение молодежи, возвращалось из армии наше старшее поколение, работа в колхозах пошла в гору.

Начался новый трудовой год — 1948, он для нас был послевоенным и ударным. В колхозе приступили к подготовке весенне-полевых работ: проверяли семена на всхожесть, ремонтировали и обновляли сельскохозяйственную технику, орудия ручного труда, осуществляли покормку озимых, ремонтировали животноводческие объекты — кругом стояла кипучая работа, так как приближалась весна.

В нашем колхозе «Совет» дружно и организованно завершили работы на полях: посадили картофель и посеяли технические культуры, скот вывели на летние пастбища, закончили посев овощных культур. Весь народ, от мала до велика работал на своих приусадебных участках. Действительно, наступил великий перелом в области сельского хозяйства и животноводства, народ получил новое «дыхание», новые возможности и новые перспективы.

Я уже стал крестным отцом у сына Михаила Федоровича Бородкина, нашего соседа, зовут крестника Геннадием. В настоящее время крестник работает и проживает в Чебоксарах со своей семьей и детьми. Сам он финансовый работник, а жена — журналистка, поэтесса, детский писатель Раиса Сарби. Она также является «Заслуженным работником культуры Чувашской Республики», членом Союза писателей России.

Пора и мне решать свою судьбу: определиться, следует ли продолжить учебу или остаться в колхозе, или отслужить в армии. Но все же я решил продолжить учебу. Дома мы жили в четвером: мать, братишка Миша-школьник, Рая, которая уже работала учительницей, и брат Валерий, который все еще служил в армии.

Поехал в Батырево, зашел к директору педучилища, Нине Лаврентьевне. Она по старой памяти приняла меня, поинтересовалась здоровьем отца, но я сообщил, что мы

похоронили его в прошлом году. Она хорошо знала моего отца, так как студенты проходили в нашей школе педпрактику.

Я оставил свое заявление, отблагодарил за прием, но теперь мне нужно учиться не два года, а целых три. Оказывается, с 1948 года, педучилище перевели на четырехлетнюю программу, так что я снова стал студентом второго курса. Начались мои студенческие годы. За время работы в колхозе я заранее сделал запасы дров, немного зерна и других продуктов, поэтому можно было спокойно прожить до возвращения из армии нашего брата.

Передо мной предстали новые горизонты жизни, новые хлопоты, хотя и было жалко оставлять работу в колхозе, передавать «Чапая»-быка в другие руки. Теперь я занимался в свободное время от учебы спортом, музыкой и живописью, так как в учебном плане педучилища были все эти предметы. Нас всех готовили в учителя начальных классов. Кроме уроков пения, мы посещали хор и играли на музыкальных инструментах. Четыре года играл на скрипке, любил рисовать.

Все оставшееся время суток я посвящал спорту, утром и вечером делал пробежки, домой ходил пешком или ездил на велосипеде, а зимой — на лыжах.

За годы учебы в стенах педучилища я стал чемпионом своего района и призером республиканских соревнований, выполнил нормативы второго спортивного разряда по лыжам, третьего — по бегу, прыжкам в длину, по стрельбе, шахматам, волейболу.

Помню один случай, где меня спасла только моя спортивная закалка. Это было во время сдачи экзаменов по математике. Как только я утром успел выехать на велосипеде, через 5-7 минут пошел шквальный ливневый дождь, колеса велосипеда перестали вращаться, они были забиты грязью, Я вынужден был остановиться и в стоге сена переждать конец дождя. Чувствую, как как неуловимо быстро бегут стрелки моих часов, а мне надо было успеть к началу экзамена, и вот дождь перестал, велосипед я оставил в стоге сена, а сам пошел то шагом, то бегом. Добежал до квартиры, позади 10 км., переоделся и пошел на письменный экзамен по математике, опоздал на один час. Особо я не переживал, что опаздываю, так как задачи по математике я не решал, а, как говорят, «щелкал» как орехи. Объяснил причины моего опаздывания. Комиссия, во главе моим учителем по математике Егоровым Тарасом Николаевичем, дало мне добро, разрешила приступить к решению. Экзаменационное задание я выполнил полностью, переписал на беловик и сдал работу членам комиссии. Они посмотрели то на меня, то на мои работы своими добрыми глазами, улыбнулись и махнули рукой, и я покинул аудиторию не последним. После сообщили нам оценки. Мою работу оценили на «отлично», так я получил первое боевое крещение на первом

же экзамене. Вечером добрался до дома, помыл велосипед и подготовил его к завтрашнему дню.

В моей памяти сохранились еще те ежегодные традиционные весенние праздники «Акатуй», что означает «свадьба плуга и зелени», которые проводятся после завершения весенне-полевых работ. Праздник проводится в каждом районе. Наш преподаватель физвоспитания Булдыгин готовил нас заранее к этим соревнованиям, особенно по кроссу. Участвовали на этих соревнованиях сильнейшие бегуны нашей республики и соседних городов, Самым престижным видом и массовым был кросс на пять тысяч метров, где принимали участие сильные бегуны городов и республик, как чемпион по бегу России Бикчурин, призер Чувашской АССР, марафонец А. Улангин, бегуны на длинные и средние дистанции Терентьев, Мурашкин и другие. Финишировали мы друг за другом, обычно на пьедестал почета поднимались известные спортсмены, в том числе и я не раз. А на празднике-ярмарке в Первомайском районе я занял сразу три первых места. Победителям вручали вымпела, дипломы, ценные подарки, даже живые экспонаты.

Одновременно на ярмарке, на празднике песни и труда идет оживленная торговля, играет музыка, работают десятки карусели с барабанным боем, выступают коллективы художественной самодеятельности, проводятся скачки лошадей, соревнование по вольной борьбе, по волейболу, по футболу, выступают гиревики.

Все сувениры, подарки, ценные призы я приносил домой, некоторые из них сохранились до сегодняшних дней.

Учился я, как и все, оценки были хорошие. После окончания Батыревского педагогического училища я сразу по направлению поступил учиться в Канашский учительский институт. В то же время занимался спортом, музыкой, совершенствовал игру на баяне, выполнял спортивные нормативы первого разряда по лыжам, получил звание чемпиона города Канаша и был неоднократным призером многих соревнований, проводимых среди студентов и молодежи по Чувашской АССР и России.

**Калашникова (Назарова)
Матрена Федоровна**

Матрена Федоровна родилась 21 ноября 1930 года в деревне Сендимиркино Вурнарского района Чувашской Республики, в семье колхозника. Мать работала в колхозе, умерла в 1977 году; отец погиб на фронте во время Великой Отечественной Войны в 1942 году. У них было пятеро детей, двое из них умерли до начала войны, а третий сын

– во время ВОВ от простудного заболевания. Остались двое: Татьяна, 1924 года рождения, и Матрена.

В 1938 году она поступила в Сендимиркинскую начальную школу, которую окончила в 1942 году. В 1943 году поступила в Сендимиркинскую начальную школу, которую окончила в 1942 году. В 1943 году поступила в Абызовскую семилетнюю школу и окончила ее в 1946 году похвальной грамотой, потом поступила в Калининское педагогическое училище, которое

после двух лет обучения закрылось, и учебу продолжила в Канашском педагогическом училище. Окончила его в 1950 году, после чего была направлена на курсы переподготовки учителей физики и математики 5-7 классов.

В 1950-51 учебном году работала в Бурдасинской семилетней школе в качестве учителя математики и физики 5-7 классов.

В 1951 году поступила в Канашский учительский институт на физико-математическое отделение, окончила в 1953 году и была направлена на работу по путевке в Хабаровский край.

С 1 августа 1953 года по 27 августа 1963 года работала учительницей физики и математики в В.Маноминской семилетней и Маякской средней школах Нанайского района Хабаровского края.

С 27 августа 1963 года по 25 августа 1964 года работала учительницей физики и математики в Долго-Полянской семилетней школе Шумерлиского района Чувашской Республики.

С 26 августа 1964 года по 13 сентября 1965 года работала учительницей математики в средней школе №20 г. Новочебоксарск Чувашской Республики.

С 14 сентября 1965 года по 31 декабря 1965 года работала учительницей математики в средней школе №29 г. Новочебоксарск Чувашской Республики.

С 31 декабря 1965 года по 4 марта 1986 года работала секретарем исполкома Новочебоксарского горисполкома.

С 3 марта 1986 года по 19 мая 1994 года работала заместителем председателя президиума Новочебоксарского городского совета ВООП.

***Геннадий Викторович и Матрена Федоровна
Калашниковы, дочь Галина***

Ее педагогическая деятельность и работа на посту секретаря исполкома Новочебоксарского городского совета народных депутатов отлична вручением ряда правительственных наград:

1. В 1947 году награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.»;
2. В 1960 году награждена значком «Отличник народного просвещения»;
3. В 1970 году награждена юбилейной медалью;
4. В 1980 году награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР;
5. В 1981 году награждена медалью «За трудовую доблесть»;
6. В 1984 году награждена медалью «Ветеран труда»;
7. Награждена грамотами Хабаровского крайисполкома и крайоно Нанайского райисполкома и районо, Новочебоксарского горисполкома;
8. Награждена значками «Победитель социалистического соревнования».

Дочери Галины Геннадьевны:

*Анастасия Захарова —
1981 года рождения*

*Галина Захарова —
1985 года рождения*

В родном доме в Норваш-Шигалях в 2002 году

ВОСПОМИНАНИЯ КАЛАШНИКОВА МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА

Я, самый младший в семье, родился в 1936 году. У родителей первенцем был Михаил, но он умер в младенчестве. Вероятно, меня и назвали в честь него. Учился в Норваш Шигалинской семилетней школе. Это была прекрасная школа, которая помогла мне с ранних лет выбрать себе будущую любимую профессию. У нас в школе тогда преподавал прекрасный, преданный своей работе педагог (физик) Александр Павлович Исаев. Он организовал в школе кружок радиолюбителей. Я с 5-ого класса увлёкся радиodelом и своими руками в первый раз в жизни собрал детекторный приёмник. Какая это была радость, не передать словами, когда этот небольшой приёмник заговорил. Мы слушали ночами передачи из Москвы. Это увлечение так и осталось у меня на всю жизнь.

В 1954 году окончил я Первомайскую среднюю школу, год проработал лаборантом в физкабинете. В 1955 году по направлению военкомата я поехал поступать в Тамбовское авиационно-радиотехническое училище, которое окончил с отличием в 1958 году. В 1967 году окончил Всесоюзный Заочный Политехнический институт в Москве, получил диплом инженера-радиотехника. Основная моя служба прошла в Белорусском военном округе. Последние 10 лет службы прошли в городе Минске, был старшим преподавателем в Минском авиационно-техническом училище Гражданской Обороны. Служению Родине отдал 32 года, ушёл на пенсию в звании «подполковника». После ухода в запас, продолжаю работать по своей специальности в народном хозяйстве.

В 1960 году я женился. У меня хорошая, дружная, счастливая семья. Жена Ирина, выросла без отца, отец у неё погиб на войне. Она окончила техникум, по специальности – техник-электрик. У нас в 1961 году родилась дочка Галина. Галина окончила радиотехнический институт. Муж, Владимир, тоже инженер-связист, продолжает служить в армии. У них двое прекрасных детей: Димитрий и Татьяна. Димитрий

*Ирина Михайловна, Галина, Михаил Викторович
Калашниковы*

*Калашников Михаил Викторович с дочерью
Галиной и внучкой Татьяной*

*Калашников Михаил Викторович и внук
Димитрий во время принятия присяги*

Раиса Викторовна, Михаил Викторович, Ирина Михайловна, Геннадий Викторович Калашниковы с родственниками на железнодорожном вокзале в г.Чебоксары в 2002 г.

будущий инженер-связист, учится в Военной Академии. Татьяна учится в школе в 10 классе на «отлично».

Мне часто вспоминается своё детство, вспоминаются любимые родители. Папа у нас был прекрасный человек, но был очень строгим и справедливым, прямолинейным. Он воспитывал в нас честность, порядочность, справедливость. У отца дома была большая библиотека. Он выписывал много журналов и газет на чувашском и русском языках. Он хотел, чтобы мы были всесторонне развитыми людьми. Мне было 10 лет, когда не стало отца. Помню, как много народу пришло на его похороны, вся школа пришла.

Мама у нас была очень скромная, мудрая женщина. Она отдавала всю свою теплоту, ласку, нежность, любовь детям, семье. Она никогда на нас не повышала голоса. От неё к нам перешла её трудолюбие, скромность, умение любить и уважать других, своих близких, родных. Благодаря её целомудрости, трудолюбия, терпения мы добились всего, чего хотели. Я помню, как она хорошо пела народные песни.

В последние годы много сил и энергии она отдала своим внукам. Никогда не забудутся нами светлые образы наших дорогих родителей...

**ДЕТИ И ВНУКИ НИНЫ ИВАНОВНЫ
МОДЕЛЬЕР ТУКМАКОВОЙ**

*На снимке Тукмаковы и Сергеевы. В центре —
Александр Васильевич Тукмаков. 1939 г.*

*Семья Константина Андреевича и Феклы Александровны
Кудряцевых, сзади — Нина Ивановна Тукмакова*

Лидия Ивановна Белова-Тукмакова, Валентин Александрович Тукмаков и Нина Ивановна Тукмакова

Анатоль Тукмаков, жена Лена, сын Дима

*Анна, Ольга Тукмаковы Муж О. А. Тукмаковой —
В. З. Захаров Дети*

Тукмаковы: Валентин, Анна, Леонид

ФеокистТукмаковФеокистТукмаков

**Анна Ивановна
№ ОКЕЛЬ№БАРАНОВА
№905-1972№**

Анна Ивановна с дочерью Милей

**ДЕТИ И ВНУКИ АНДРЕЯ
ИВАНОВИЧА КОКЕЛЬ**

*Андрей Иванович Кокель, Анисия Алексеевна
Кокель. Норильск. 1963 г.*

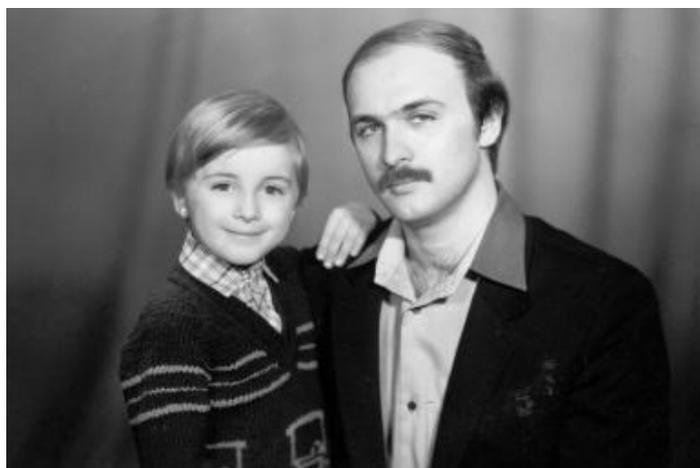
*Кокель Аркадий Андреевич, жена Галина Васильевна,
сын Виктор Аркадьевич, невестка Елена Викторовна*

Аркадий Андреевич, Виктор Аркадьевич, Галина Васильевна, Илья Викторович, Константин Викторович, Марина Аркадьевна, Анисия Алексеевна Кокель

*1 ряд: Александр Васильевич Исупов, Валентина Андреевна Исупова, Кокель, внук Женя;
2 ряд: Елена Исупова, Олег Габдуллины*

Сергей Александрович Исупов и сын Алеша

Впереди с плачком Женя Габадуллин, сзади Виктор — крестный отец Жени, рядом с ним Марина Кокель

**ВОСПОМИНАНИЯ
СЕРГЕЕВА
Виталия Петровича,
1930 года рождения, уроженца села Тарханы
Батыревского района Чувашской Республики,
ныне проживающего в г. Новочебоксарске**

*Несколько слов о своей родословной
№о отцовской линии№*

*Кузьма
I
Федор
I
Сергей
№мой дедушка,
жена — Романова Анастасия Романовна№
I
Пепр
№мой отец№
жена — Кокель Ездокия Ивановна.
I
Виталий,
жена — Павлова Елена Филипповна из Сигачей.*

Мои дочери: Светлана, Ирина.

*Муж Светланы – Шпилевский Геннадий Иванович из
Белоруссии. Сын Виталий, жена из Новочебоксарска, дочь
Оксана. У Оксаны сын — Александр №мой правнук№*

*Муж Ирины – Паупов Алексей Витальевич, из
Новочебоксарска, его родители из Вологодской и
Кировской областей. Сын Юрий учится в 7-м классе.*

Мой дед, Сергей Федорович, был русский, из рода Атамановых. Атамановы Андрей, Алексей, Антон были моему отцу двоюродными. Ганя Атаманов, Петя и другие мне приходится третьим коленом. Дед родился в 1881 году и умер в 1921 году от тифа. Он малолетним остался без отца. Когда Сергей подрос, встал вопрос о его дальнейшей судьбе №н жил и воспитывался в коренном Атамановском дворе, где потом жил Атаманов Алексей Никифорович№. Решили его отдать в работники к одному очень богатому мужику — Сесьмеркину, у которого не было детей. Жили они старик со старухой, им было за 70 лет.

Договорились так, что Сергей у них будет работать, ухаживать за старыми, похоронит их и все хозяйство

останется ему. Но случилось непредвиденное. Умирает старуха Сесьмеркина, и старик женится на молоденькой 20-летней девушке, очень сообразительной и хитрой. Она сразу стала настраивать старика против Сергея. Тут она забеременела от старика, и тогда старик с молодухой выставили Сергея за дверь. Сергей остался без кола, без двора. Тогда Сергею посоветовали жениться на богатой девушке из чувашской семьи Романовых – Анастасии. Ее родители, как одни из самых богатых в деревне, помогли новой семье обзавестись хозяйством, домом. Так русский Сергеев очувашился и мы стали чувашами.

Романовы были настолько богатыми, что не знали счета своим овцам. Постоянно нанимали батраков. Последним батраком был татарин Хайрук из Шигирданово. Я его очень хорошо помню.

Дед Сергей был настоящим трудоголиком. Он один ездил в лес на нескольких лошадях. Был участником Первой мировой войны. Сохранилось фото, где он снялся в военной форме. По рассказам родителей, дед был очень веселым человеком, любил петь, плясать. Очень любил русские песни. Мог плясать на лавке ~~Не~~ ~~камеечке~~ ~~Не~~ ~~чем~~ очень удивлял людей.

В настоящее время по прямой линии со стороны отца моими родственниками являются только Атамановы. Отец же был один, брат и сестра умерли. Со стороны бабушки Анастасии моими родственниками являются Романовы.

Несколько слов о происхождении Атамановых. Где-то в начале позапрошлого века, лет 200 назад, родоначальник Атамановых прослужил в армии 25 лет, на службу пошел добровольно, вопреки уговорам родителей. Был грамотным мужиком. И на царской службе настолько отличился, что дослужился до чина атамана, то есть был офицером. Как стал офицером, то женился и еще ряд лет служил. И вернулся на родину, в Тарханы, в богатой карете, запряженной четверкой лошадей, со взрослыми детьми.

И пошел отсюда род Атамановых. Недавно, после войны, было 4 двора Атамановых. Теперь остался один дом. Если сын Гани не останется в деревне, то в Тарханах Атамановых не останется. Это очень прискорбно. Карета Атамановых сгорела во время страшного пожара в Тарханах в 1871 году, когда сгорело 70 дворов и деревянная церковь, стоявшая на месте нынешней.

Мой отец, Петр, в отличии от деда, был тихим, спокойным человеком. В 14 лет устроился в волостное правление писарем и потом постепенно овладел бухгалтерским делом и всю жизнь был бухгалтером.

Мать моя из рода Кокелей. Кое-что о своих предках рассказывала мать. Она говорила о том, что ее дедушка Афанасий женился вопреки воле родителей и за это начинал

жизнь очень трудно. Жена Афанасия была из рода Самариных и была грамотная еще в ту пору, то есть в середине 19-го века. Это было редкостью среди чувашских женщин. Может, от нее передались гены талантов своих детей?

Мама мне рассказывала, что ее отец Иван Афанасьевич ни одного дня не ходил в школу, грамоте выучился от матери. И стал страстным читателем. Раньше в деревне только учителя и попы выписывали газеты и книги. К ним в конце 19-го века и в начале 20-го веков присоединился и Иван Кокель. Он выписывал журналы «Нива», «Родина», ежегодные календари—книги, чувашскую газету «Хыпар», чувашские настольные календари, чувашские книги дореволюционного периода, русские книги. Например, полное собрание книг Леонида Андреева и др. Долгое время остатки этих книг валялись на чердаке дома у Полины. Частично мы принесли домой. К сожалению, из всего этого ничего не осталось. По своей глупости и непониманию все богатое наследство растеряли. В том числе и многочисленные открытки «Нерасочные» присланные художником Алексеем Кокелем из Италии. И все они были написаны на чувашском языке.

Дед был способный на все руки. Он был земледельцем, плотником, столяром, мельником, садоводом, пчеловодом, бондарем, пильщиком досок, музыкантом. За что он брался — все получалось. Батраков, работников не нанимал. Обходился своей семьей. Всю мебель домашнюю сделал сам. Силами семьи построил 2 мельницы. Первая водяная была в конце села. Она была не очень рентабельна и дед ее разобрал и построил крупорушку на конной тяге. Крупорушку конфисковали при коллективизации.

В моей памяти в саду росли разные яблони, смородина около бани, там же колодезь. Сад занимал больше половины деревенского огорода. В середине росла чудная огромная антоновка. Пока дед был жив, мы ежегодно брали антоновку и мочили на зиму.

А в саду стояли ульи. С моим дедом я помню только один эпизод, где—то в 1936 году ~~№~~не было 6 лет~~№~~ Мы с ним гуляли по саду. Он мне запомнился старым, с седой головой и седой бородой. Дед мне говорил, с каких яблонь можно рвать яблоки, а с каких еще нельзя. Говорил, что если надо будет, он сам сорвет мне яблоки, но чтобы я ничего не трогал.

Он все мог делать. Но самое удивительное — он был музыкальным человеком. В церкви был регентом, то есть руководил хором, настраивал хор по камертону ~~№~~ церкви был камертон~~№~~ Дед сам своими руками сделал самодельную скрипку, смычку и играл на нем. Хорошо помню районную ярмарку в Тарханах в 1936 году на окраине леса по Хурама—Тварской дороге. Там выступал хор и отдельные исполнители.

И вот дед Кокель выступил сольным номером на скрипке. Моей детской гордости не было предела, я всем говорил, что это мой дедушка. Дед не выступает.

Мать рассказывала, что дед пил редко, только по праздникам, а на пасху — целую неделю.

Был очень строгим к детям. Чуть что — мог выпороть плеткой. Все должны были подчиниться его воле. Возражений не терпел. Если вечером с посиделок или хороводов вернешься позже назначенного времени — быть порке, хотя дети уже были взрослые. Мать рассказывала, что очень часто брата Андрея с улицы домой пропускали через окно, предварительно разув обувь.

Деда Ивана репрессировали в 1937 году. Он был крепким середняком, многодетным. Но не вступил в колхоз, был активистом церкви, очень религиозным.

Тогда, в 1937 году, сразу арестовали, в один день отправили на грузовой машине моего деда и главу Андрея. Как его звали, так как главой волости был его отец, сына тоже так называли. Романова Андрея Романовича, брата моей бабушки со стороны отца — Анастасии Романовой. Их посадили в кузов и сопровождающий куда-то ушел. В центре села машину окружила толпа сельчан. И тут начался стихийно, вроде митинг. Кокель И. А. встал в кузове и начал выступать, как оратор. Он горячо доказывал односельчанам, что его арестовали несправедливо, что хозяйничают везде антихристовы слуги. И в конце сказал: «Помяните мое слово, эта власть кончится, церковь, которую закрыли, снова откроют». Это мне рассказывала моя бабушка покойница Романова Ольга, которая стояла около машины, и все это слушали. А другой — Андрей Романов — сидел в кузове и все время плакал. Кокель Иван выступил страстно, громким голосом, пока не пришел сопровождающий. У него была неумная, страстная натура. Получи образование — вышел бы из него незаурядный человек.

Про братьев деда мать рассказывала мало. Только всегда говорила, что один из них в Харькове работает художником и что он профессор.

Алексей Афанасьевич Кокель 1880—1956. Его биография хорошо освещена в книге А. Г. Григорьева «А. А. Кокель». Вся жизнь больной, всю жизнь на диете. Женился за 40 лет, взял в жены свою ученицу художественного института, на 20 лет моложе себя. Единственный сын Роман, названный в честь прадеда, погиб на войне, пропали многие картины, написанные им. Из-за придинок КГБ в довоенный период он не общался с Чувашией.

На квартире А. А. Кокеля в Харькове побывали я, брат Коля, моя супруга Елена Филипповна. Тогда Анна

Афанасьевна была жива, она очень приветливо встречала всех нас. Она рассказывала, что Алексей Афанасьевич был очень добрым человеком, не пил и не курил, строго соблюдал диету, следил за собой, был чистоплотным. Часто болел. Прожил он 76 лет только благодаря правильному образу жизни. До конца жизни сохранился небольшой чувашский акцент.

Анна Афанасьевна рассказывала, что когда он в последний раз поехал в Чувашию, в Чебоксары №де—то в 1935—36 гг.№ в гостиницу к нему пришел человек из НКВД и сказал ему следующее: [Знаешь, что твой брат единоличник? Значит, он кулак. А ты его брат. Мы справимся и с ним, и с тобой] После этого разговора Алексей Афанасьевич на другое же утро уехал из Чебоксар и больше никогда не был на родине.

Герман Афанасьевич Кокель №883—1937гг.№ — первый епископ из чуваш № единственный до сих пор№ Мать про него ничего не знала. Сведения просачиваются только сейчас, когда занялись его биографией.

Родной брат моей матери Мартын Иванович Кокель в один из своих приездов в Чувашию рассказывал, что будто после войны Герман Кокель служил в церкви в Варшаве и будто там умер. Но, как мы знаем, этого не было, он погиб до войны.

У деда была еще сестра — Пелагея Афанасьевна Кокель №888—1950 гг.№ Она вышла замуж в Шаймурзино. Ее жизнь была несчастной. Муж был непутевый и рано умер. Осталась с одним мальчиком — Федором. Я их обоих хорошо помню. Федор вырос прекрасным парнем: высоким, здоровым, учился в Тарханской средней школе. Но тут нагрянула война, и он погиб в первый же год войны. Дома мать осталась одна. За ней ухаживала и проводила в последний путь племянница по мужу Серафима.

Мой дед был женат 2 раза. Первая жена была из рода Яковлевых. Вторая — из Батырева.

От первой жены родились 7 детей, от второй — двое.

МОИ РОДИТЕЛИ

Сергеев Петр Сергеевич
№907—1979№

Остался от отца сиротой в 14 лет. В школе учился хорошо и устроился писарем в Тарханское волостное правление, стал кормильцем семьи. Потом выучился на бухгалтера и всю жизнь работал по этой специальности. Женился в 1928 году. В 1932 году построил с семьей дом,

*Семья Сергеевых, их родные, соседи.
Начало 60-х годов*

который потом продали Пелагее Романовой. Отца в 1942 году весной забрали на войну. Через некоторое время от него перестали приходить письма. И только в начале 1943 года от него пришло известие, что он жив и находится в госпитале в Горьком. Оказывается, он в августе–сентябре 1942 года был под Сталинградом. Он лежал без памяти и его подобрала солдаты и сумели направить в госпиталь. Потом он получил осложнение легких и его в 1943 году демобилизовали. Даже в госпитале он был между жизнью и смертью. Поэтому долго не мог подать весть о себе.

В деревне отца (*на рисунке*) уважали за его доброту. Все звали его по имени – отчеству: □Петр Сергеевич□

**Евдокия Ивановна Сергеева
№окедь№**

Мать ходила в школу всего один год. Потом отец ей сказал: □Хватит учиться, дома много работы□ Из большой семьи детей только Нина Ивановна и моя мать учились мало, не завершили сельскую школу.

Любит лес, всю жизнь проработал объездчиком, потом помощником лесничего, в основном в Красноярском крае.

Вырастил сына и дочь, оба с высшим образованием, работают и живут в Сибири. Имеют своих детей.

Пимен

Имеет среднее образование. После армии несколько лет в родном колхозе работал бухгалтером. Потом переехал в Новочебоксарск, поступил на работу в «Химпром» в 55 лет вышел на пенсию.

Анатолий

Стал железнодорожным строителем. Уехал из Тархан в 20 лет по комсомольской путевке на строительство Печерско – Воркутинской железной дороги и проработал в Воркуте до пенсионного возраста.

Окончил строительный техникум. Там же женился. Старший сын окончил университет и работает в Новочебоксарске, второй сын умер преждевременно от инфаркта.

Теперь он на пенсии и живет в нашем городе.

Антонина

Славная была девочка, но не повезло в жизни. В 18 лет она заболела и проболела 20 лет, скончалась в 38 – летнем возрасте.

Николай

Самый одаренный в нашей семье. Имеет богатую трудовую биографию. Дослужился до высших должностей в Новочебоксарске: был первым секретарем ГК КПСС и Главой города. Сейчас он – директор Новочебоксарского межрайгаза.

Окончил 2 высших учебных заведения. Сын и дочь имеют высшее образование.

Вера

Имеет среднее образование. Вышла замуж в село Норваши – Шигали. Трое детей: 2 сына и дочь. Сыновья женились и имеют своих детей.

О СЕБЕ

Родился в 1930 году. Мальчиком был белобрысым, с белыми волосами, с белыми бровями. Соседка, крестная, рассказывала, что меня, маленького, баловали. Говорила, что навесят на шею кулек с сахаром или конфетами и выпустят на улицу.

До войны был тихим, застенчивым мальчиком.

В моей памяти сохранилось много эпизодов из жизни райцентра № когда в Тарханах был райцентр, с 1935 по 1940 годы № Помню первые выборы в 1937 и 1938 годах, везде были плакаты и я читал: □ 12 декабря 1938 г. — все на выборы! □

В Тарханах в центре появились районные конторы, появились автомашины. На весь район была одна легковая автомашина — М — 1 № Фмка № Она возила районных руководителей.

Как в селе появились колесные тракторы — не помню. Но хорошо помню, как сбежалось все село посмотреть на первый гусеничный трактор □ Нати □ В один год в село пригнали 3 трактора □ Сталинец □ Все без кабин и такие огромные.

Большой интерес вызвал пригон локомотива в 25 лошадиных сил. Он послужил хорошую службу колхозу: крутил сложную молотилку, жернова мельницы. Его можно было перегонять с места на место. Потом пригнали красавца — жеребца, племенного □ Трояна □ Когда во время войны в селе колхоз разделили на 2, то племенного жеребца □ Троян □ приравняли к локомотиву.

И еще значительное впечатление. Где — то в 1937 — 1938 годах в клубе появилось звуковое кино. Это было только в Тарханах, в райцентре. Несколько раз подряд показывали фильм □ Чапаев □ Мы играли в игры □ белые □ и □ красные □ Чапаев был непревзойденным героем для подражания.

Мы, мальчики, почитали и обожали в райцентре двух личностей: киномеханика и милиционера. Для нас они были главными людьми в селе.

Большим праздником стал пуск электростанции. Она стояла в сарае, в конце огорода усадьбы Мясниковых.

Стоял небольшой малосильный дизельный двигатель и соединенный с ним ременной передачей генератор. Вот и вся электростанция.

Освещались от станции конторы и несколько домов в центре села. Ток давали утром и вечером. Но все же эта электростанция, одна на весь район!

Потом по всему селу провели радио. Тоже только в райцентре, в Тарханах. Радости не было конца.

Запомнилось разрушение церкви. Ее разбирали приезжие люди, они же снимали колокола и разбивали их на куски для удобства транспортировки. Вокруг церкви собралась огромная толпа. Она молча, угрюмо смотрела на работу приезжей бригады. Один колокол был очень большой, говорили, что самый большой в округе. Когда его сбросили сверху, задрожала земля. Он раскололся на 2 части, дальше его разбивал какой-то приезжий мужик ~~русский~~

В селе было несколько магазинов, главный из них — раймаг. Было обилие конфет, промтоваров мало. Даже калоши и ситец давали по списку.

В довоенные годы в наших лесах появилась банда из жителей Бахтигильдина. Их поймали и судили в клубе райцентра. Каждое утро их водили из милиции ~~на~~ милиция находилась там, где сейчас детсад ~~на~~ клуб ~~на~~ клуб был на месте нынешнего клуба ~~и~~ мы, дети, собирались по утрам смотреть, как их ведут 4 милиционера с наганами ~~как~~ мы говорили ~~наган~~ в руках. Бандитов было человек 6.

Одного из них не посадили, освободили из зала суда, и мы, маленькие, сопровождали его по улице.

Появление мотоцикла с коляской для нас, ребят, было целым событием. Запомнился сигнал. Он был механический, с резиновой грушей. Нажмешь на грушу — раздается гудок.

В период райцентра главную улицу села замостили деревянными чурками, так называемыми «шашками». Шашки были недолговечны, непрактичны. Была запроектирована прямая дорога на Буинск через Баишево напрямую, не заезжая в Сигачи и Чеменеве прорубили просеки в Баишевском и Кармалинском лесах.

В селе в 1938 году сдали в эксплуатацию новую деревянную двухэтажную школу, она была единственная двухэтажная в районе. Средних школ в районе было всего два: у нас и в Больших Арабузях.

В этом году я пошел учиться в 1-ый класс. По-русски знал только несколько слов. Изучение русского языка начиналось только с 3-го класса. Русский я выучил в основном чтением. Читал все подряд, прочитал все книги в школьной и сельской библиотеках. Грамотность получил тоже чтением.

Вспоминаются отдельные личности. Так, много баек ходило про Чернышева Саню. Отец Евгения Чернышева, однорукого. Однажды с отцом зашли в магазин. Чернышев был продавцом. Отец мне говорит: «Ме укёа, шәрпәк ил-ха». Я подошел к прилавку и говорю: «Спичка пар-ха». А Чернышев мне: «Мён памалла сана, шәрпәк е спичка?». Я даже растерялся. Когда он уезжал на фронт, на окраине села сказал громко всем: «Какая каятәп». На мясо еду. Действительно, скоро он погиб.

В райцентре был организован духовой оркестр. Играли в нем наши, деревенские ребята, например, Николай Самарин. Брат Улья аппи. Он погиб на войне. После переезда райцентра в Первомайское, духовой оркестр распался.

По праздникам пускали воздушные большие надувные шары. Надували над костром.

Незабываемое впечатление осталось от первого прилетевшего к нам агитсамолета — «Ероплана» с планером. Самолет приземлился на восточной окраине села. Мне помнится, посмотреть его прибежали все сельчане, даже из соседних деревень. Собралось море народа. Соорудили трибуну, и начался митинг. Самолет был двухкрылый, двухместный, зеленого цвета, с красной

звездой на крыльях и хвостке. Нам было странно, что планер был без колес, лежал на земле.

Когда митинг завершился, летчики, двое, сели в самолет и еще другой в планер — полулежа. Самолет взлетел, за ним на тросе — планер. Больше я в жизни не видел планера.

Помню песни взрослой молодежи, старшекласников. Пели «Если завтра война», «Чего он моргает», «Дан приказ ему на запад». С завистью смотрел на комсомольцев. С трепетом ждал приема в пионеры.

Я верил каждому слову учителя. Учителя, комсомольцы для меня были святыми. Для нас героями были Чапаев, Чкалов, папанинцы, челюскинцы. Из вождей — Ворошилов. С завистью смотрели на прибывшего в отпуск летчика Кольцова, получившего в финской кампании орден Боевого Красного Знамени.

Страшным периодом была для нас война. В тылу вся забота легла на женщин и на нас — подростков. В день начала войны в Первомайске была ярмарка и все № том числе и мы, дети № поехали повеселиться, потолкаться. Вернулись домой и узнали, что началась война. Мне было тогда 11 лет. В клубе состоялся митинг. Выступили многие. Мне запомнился один из них — Чернов № мени не помню № участник белофинской войны. Он сказал, что добровольно уходит на фронт. Свое намерение он осуществил, но вскоре погиб.

Началась война — начались страдания. Техники почти не осталось. Лучших лошадей забрали в армию. Было полуголодное питание. Хлеба почти не видели.

С 12 лет я запрягся полностью в колхозную работу, с 14 лет закрепили за мною лошадь.

Семью выручила корова. Она была основной кормилицей. Да овец держали. Потом завели гусей.

В школе учебу начинали с 1 октября. Да и в учебное время в любой день могли снять с учебы и направить на работу, даже на ночную № олотьбу на сложной молотилке № школьные дрова пилили и кололи сами учащиеся, по очереди топили. В классах было холодно, сидели в верхней одежде. Каждый день учили военное дело. Военруком был Алексеев Семен Яковлевич.

Учителей с высшим образованием почти не было. Немецкому языку учила Чайникова К. Е. со средним образованием. Я поэтому в немецком ничего не разбираюсь.

Была высокая завшивленность. Все переболели чесоткой. Было много тараканов. Кончилась война — пропала чесотка и пропали тараканы. Повседневной обувью стали лапти. Я был старший в семье и всех снабжал лаптями, то есть плел на всю семью, иногда даже на продажу.

В колхозе жал серпом, пахал, бороновал, возил снопы, крутил на лошади конную молотилку и выполнял очень много других работ. Дома научился разделывать туши овец, снимать с них шкуру.

В быту в каждом доме была ручная мельница — крупорушка. Сами в огороде сеяли просо и потом толкли его в ступе.

Выручала в войну и картошка. Она была основной едой наряду с молоком.

День окончания войны № мая 1945 г. Не помню хорошо. Я уже повзрослел. Мне было 15 лет. Какая была радость в этот день! Около клуба устроили митинг. Выступления, всеобщее ликование. Передать словами это невозможно. Я это услышал №б окончании войны №в классе. Пришли и сообщили, что война завершилась. Всей школой двинулись к центру села, на митинг.

Однако экономически жизнь не улучшилась. 1946 год был неурожайным, голодным. Даже картошка не уродилась. Жизнь стала налаживаться только с 1947 года, тогда же отменили карточную систему и провели денежную реформу.

В 1948 году я окончил среднюю школу. В 1938 году мы пришли в 1-ый класс 42 ученика № класса по 21 учащемуся № А до 10-го дошли только трое: я, Бабунова Дина и Шелякова Оля. Четвертая, Захарова Римма, в 10-ом училась в Первомайске. Многие отсылались во время войны, так и остались с 4-мя — 5-ю классами образования.

Экзамены за курс средней школы сдавали в Первомайской школе. Нас объединили, так как и там было мало учеников, и у нас. Больше в районе средних школ не было.

У меня высшее педагогическое образование с красным дипломом. Трудовой стаж 46 лет. Из них педагогическая деятельность — 30 лет. Рядовым работал 4 года. 25 лет в основном директором школы. Мне было 21 год, когда назначили директором в Люльскую 7-летнюю школу. В течение 10 лет я работал заместителем председателя исполкома Новочебоксарского горсовета.

*Елена Филипповна и Виталий Петрович Сергеевы
с детьми Светланой и Ириной. 1964 г.*

*И летом, и зимой приходилось встречать
прославленного земляка. Он из Марпосадского района.
Когда-то и наши предки №о 1637 года№ жили в селе
Сотниково. Шоршелы рядом. Кто знает, может быть, и мы с
Вами далекие родственники...*

Шпилевская Н.С.Сергеева Н.С.Светлана Витальевна с детьми Виталием, 1975 года рождения и Оксаной, 1978 года рождения. 1980 г.

Паупов Алексей Витальевич — муж дочери В. П. Сергеева, Ирины с сыном Юрием. Майор. Фото 1999 г.

***Дети Евдокии и Петра Сергеевых: Пимен, Николай,
Виталий, Михаил, Анатолий и Вера***

Имею 4 медали, одна из них — «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.» То есть, являюсь ветераном тыла.

Женат. Жена — Сергеева Павлова Елена Филипповна из Сигачей. Отец у нее мордвин, мать русская. Знает в совершенстве 3 языка: русский, мордовский, чувашский. Всю жизнь проработала медицинской сестрой. Труженица тыла, награждена тремя медалями. Сейчас мы оба на пенсии.

Двое дочерей.

Старшая — Светлана — заместитель директора Новочебоксарского химико-технологического техникума, заслуженная учительница Чувашской Республики. Воспитала двух детей. Сын ее, Виталий, закончил университет, работает в «Химпроме». Дочь — Оксана — завершает учебу в университете в этом году. Вышла замуж и имеет сына и дочь. Правнук — Александр. Муж у Светланы, Шпилевский Геннадий Иванович, белорусс, с высшим образованием, работает на «Химпроме». К слову, у Геннадия Ивановича бабушка полячка. В жилах моих внуков Шпилевских течет кровь пяти наций: русской, чувашской, белорусской, мордовской, польской. Внук тоже женат и ждет ребенка.

Сергеева Паутова Ирина — дочь В. П. Сергеева, 1964 года рождения. Прапорщик воинской части, служит в г. Сарове Нижегородской области вместе с мужем

Другая дочь — Ирина — с мужем вместе служит в армии в г. Сарове Нижегородской области. Муж — Паутов Алексей Витальевич — майор, а Ирина — прапорщик. Служат в одной части. Фото Ирины всегда на стенде отличников службы части. У них сын, Юра, учится в 7-ом классе.

Дети и внуки у нас прекрасные, воспитанные, трудолюбивые.

КАЖДЫЙ — КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ

Я родился в 1946 году в селе Тарханы Батыревского района Чувашской Республики, в семье простых селян. Мать работала в колхозе, а отец — в лесничестве. Кроме меня в семье росли еще шестеро детей. Послевоенные годы не были легкими ни для кого, в том числе и для нашей семьи.

В 1962 году окончил в своем селе восемь классов. Причем в школе получал пятерки, но был немного непоседлив. И тогда, чтобы «остудить» меня, учителя ставили мне в дневник жирные двойки.

В начале шестидесятых годов в обществе витал дух познания. Учиться в техникуме или институте было престижно. Задумался над своим будущим и я. Признаться, мальчуганом бредил военной формой. И когда взрослые спрашивали меня, кем буду, неизменно отвечал — лейтенантом. По моему разумению, все офицеры были лейтенантами.

Но после восьмилетки, по совету старшего брата, отдал документы в Чебоксарский электромеханический техникум. Пришел вызов на вступительные экзамены. Собрал чемоданчик, надел сапоги и отправился в путь. Вспоминаю, как добирался до Батырева, до которого от наших Тархан 20 километров. Как назло в тот день пошел дождь, дорогу развезло. А успеть нужно было обязательно. Тут на мое счастье в село приехала из района милицейская машина, и меня подвезли. Заночевал я в райотделе милиции на нарах. И уже утром уехал в Чебоксары.

Экзамен по математике я сдал на «отлично» а вот с диктантом вышел небольшой казус. Незадолго до этого опубликовали Программу КПСС, и диктант был построен на этой тематике. Так слово «Программа» в нем упоминалось двенадцать раз. И я все двенадцать раз написал его с маленькой буквы. Двенадцать ошибок в одном диктанте!

Но экзаменаторы отнеслись ко мне снисходительно и поставили «четверку» посчитав все двенадцать ошибок за одну. Так я стал учащимся отделения «Механическая обработка металла резанием»

Диплом я защитил 30 декабря 1966 года. А уже 2 января был призван в ряды Вооруженных Сил.

Молодые парни в те времена не бегали от службы, как нынешние. Наоборот, многие стремились отслужить, как положено. Ну, а я попал в ракетные войска противовоздушной обороны.

Наше ракетное подразделение располагалось недалеко от украинского города Харькова, прикрывая этот крупный индустриальный центр от возможного нападения, воинская часть была, конечно, секретной. Ракетчики сами и несли боевое дежурство на ракетных установках, и охраняли объект, и готовили еду. Ни о каких увольнительных речи не шло. Но мы не роптали. Взаимоотношения между военнослужащими складывались дружеские, и хотя развлечениями были лишь просмотр кинофильмов, спорт и книги, служба протекала незаметно. К тому же срок ее сократили с 3 до 2 лет.

За годы службы 26 раз поощрялся всеми имевшимися в те годы в Уставах ВС видами поощрений для солдат срочной службы.

В 1968 году полк наградили орденом Красной Звезды, награду вручал заместитель Главкома Войск ПВО маршал авиации, дважды Герой Советского Союза Е. Савицкий. От имени всего полка выступить доверили только мне. До сих пор с благодарностью вспоминаю свою армейскую молодость, которая закалила меня и нацелила на будущую жизнь. В армии я познал цену настоящей мужской дружбе. Нас было

избрали вторым, а затем, в октябре этого же года первым секретарем городского комитета комсомола.

Многие нынешние молодые уже, наверное, и не догадываются, что означает аббревиатура ВЛКСМ, и имеют только смутное представление об этой организации. Поясняя, то была крупнейшая молодежная организация в бывшем СССР.

В 1973 году Новочебоксарск стал местом, где строительство химкомбината было уже Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, а в 1975 такой стала Чебоксарская ГЭС. Естественно, со всех концов страны съехались строители, в основном комсомольского возраста. И задачей было организовать их труд и отдых, нацелить на решение первоочередных задач. Нам это удавалось. В то время существовал в людях дух энтузиазма. Достаточно вспомнить наши субботники, воскресники, которые воспринимались, как праздник.

Затем перешел на работу в стройтрест N4 — это крупнейшее строительное подразделение того времени. Стал хозяйственником, ездил в командировки. Работа дала возможность взять нужное направление в своей деятельности, привела к правильному пониманию механизмов тогдашней экономической системы.

В стройтресте пришлось потрудиться и на профсоюзной ниве — председателем профкома, а также секретарем парткома. Так продолжалось до 1985 года. В мае избрали заместителем председателя исполкома городского совета народных депутатов. Курировал строительство, транспорт, связь и городское хозяйство. Каждое утро в 7.00 объезжал городскую территорию по самым разнообразным маршрутам.

Заместителем председателя горисполкома проработал почти до конца 80-х годов, а потом на альтернативной основе меня избрали вторым секретарем Новочебоксарского горкома КПСС, а затем, тоже альтернативно, первым. И оставался им до известных событий августа 1991 года. Потом, оставив партийную работу, вернулся в стройтрест N4, а в 1995 году мне предложили возглавить службу заказчика в ЖКХ Новочебоксарска. Если бы испытывал сомнения и не

понимал сути формулы «Заказчик — подрядчик» не согласился бы возглавить эту службу. Практически моими усилиями была образована Новочебоксарская ДЕЗ, где я проработал директором почти пять лет. В чем главный смысл образования дирекции единого заказчика?

Эта мера позволила рационально и строго по назначению использовать бюджетные средства.

В феврале 2000 года, после избрания Николая Иванова председателем Госсовета

Чувашской Республики, меня назначили исполняющим обязанности главы администрации Новочебоксарска.

У нас долгое время пребывал в заброшенном состоянии недостроенный городской стадион. Это не порядок, когда такое сооружение простаивает. Провели там ряд работ, сам участвовал вместе с другими сотрудниками администрации в субботнике по уборке трибун стадиона от хлама.

Закончили благоустройство территории, прилегающей к городскому храму. В этом месте город был, как бы разорван на две части. Теперь же благодаря площади возникла единая композиция, соединившая соседние кварталы города. «Приложили» руку к благоустройству этого района многие городские строительные организации. Уложена брусчатка, сооружен фонтан, воздвигнут памятник святому равноапостольному князю Владимиру. Установлены декоративные светильники, высажены деревья, посеяна трава на газонах. Установлена памятная плита на месте бывшего обелиска в честь жителей окрестных деревень, погибших во время войны на фронте. Площадь стала подлинным украшением Новочебоксарска.

**ФОТОГРАФИИ, РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О ВСТРЕЧЕ
НОВОЧЕБОКСАРЦЕВ СО СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ
МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЕМ II**

В ГОСТЯХ У НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА СЕРГЕЕВА

Мы встретились с Николаем Петровичем у него на квартире после обеда, как договорились. Кстати, мы с ним выросли вместе, вместе играли, он старше меня только на три года. Коля был с детства хорошим, надёжным, порядочным, справедливым, честным товарищем. Сначала он показал мне свою квартиру. В настоящее время люди гонятся за модой: глядя друг на друга, обставляют свои хоромы дорогостоящей импортной мебелью, чего не скажешь о квартире Николая Сергеевича. Правда, квартира современная, двухэтажная, но верхние комнаты по размеру маленькие. Сразу видно, что в квартире хозяйничают чистота и порядок, каждая вещь на своём месте. Николай Петрович попросил меня побывать на балконе. Оказывается, все шкафы, всю мебель там он смастерил сам лично, своими руками. Меня поразило то, что, находясь на такой высокой должности, как мер города Новочебоксарска, он мог обставить свою квартиру импортной мебелью. Я ему ничего не стал говорить, но про себя похвалил его: «Молодец, ты настоящий патриот не только на словах, но и своими поступками, делами». Для себя я сделал вывод: оказывается, к нему перешли мастерство, сноровка деда Ивана Афанасьевича Кокеля. Потому что, увидев мебель, изготовленную Николаем Петровичем, не различить, купленная она или самодельная.

Потом Николай Петрович показал мне медаль с изображением Московского Патриарха Алексия 11. Её выпустили к 10-летию его правления патриархией. Есть книга большого формата с красочными иллюстрациями о жизни Алексия 11, а также позолоченная тарелка.

— Алексей 11 подарил эти сувениры лично мне во время посещения Владимирского собора, — сообщил мне Николай Петрович.

Когда уселись в мягких креслах за стол, мы начали обсуждать материалы в будущей книге. До этого он был ознакомлен с поэмой «Кокель» и воспоминаниями друзей о двоюродном дяде Алексее Афанасьевиче Кокеле. Тогда Николай Петрович мне сказал, что у него есть ещё другие

дополнительные документы, которые не включены в книгу, и начал их выкладывать друг за другом на журнальный стол.

Вот один из них. Это было письмо художника к своему младшему брату Григорию (епископу Герману), датированное 21 мая 1907 года: «Гриша, сейчас я живу в другом месте. Уже третий день как уехал из Питера. Адрес такой: почт. ст. Глобыво Рыбинского уезда Ярославской губернии, Капринская детская больница, врачу Анне Ивановне Виноградовой с передачей мне. Я здесь поживу до конца месяца, а потом буду в другом месте, в Тверьской губернии, на казённой даче академиков. Там будем жить около тридцати человек, проживание — за счёт государства. Как живут домашние? Чем занимается Ирина? *(Это предложение зачёркнуто карандашом. Прим. авт.)*. Всем передаю привет. Как возшли озимые, бывают ли дожди в этом году? Выходит ли сейчас газета «Хыпар»? Я сейчас её не получаю. Денег не мог выслать, к тому же из-за постоянного переезда сейчас не получаю. До свидания. Алёша.»

Ещё одно письмо от 21 мая 1920 года. «Родные, никак не мог выслать вам своё большое письмо, постоянно что-нибудь да мешает, времени нисколько нет. С утра до вечера работаю: уже, как неделя, раскрашиваем на вокзале вагоны, через два-три дня закончится и эта работа. Времена становятся тяжёлыми. С юга начали опять приближаться враги. С запада наступают поляки. Еда очень подорожала. Фунт хлеба стоит 300 рублей, всё остальное тоже очень дорогое. Получили мою открытку? В дальнейшем я пронумерую их. Пусть это будет второй. До свидания. Пусть поможет вам Бог. Алёша.»

Письмо, написанное 20 июля того же года. «Родные мои! Получили ли вы мои такие короткие письма? В эти праздники я напишу вам длинное письмо. И письмо писать, и отнести его на почту времени нет — в голове постоянно мысли, ещё и работы много, и ещё думаешь, откуда найти средства для хлеба — в таких заботах и проходит время. Иногда даже нет места для отдыха и сна. Всё здесь очень подорожало — фунт хлеба 250 рублей, 1 яйцо 90 рублей. Всем до свидания. С вами Бог. Алёша.»

Письмо, отправленное 21 августа. «*Родные мои, как поживаете. Все ли здоровы? Я живу здесь как и раньше, вместо своей работы заставляю заниматься другим делом, работаем в день по 8 часов. Про жизнь-бытьё напишу в своём длинном письме. Из-за нехватки времени никуда не выходил из города. Фунт хлеба сейчас стоит 500 рублей, стакан молока — 100 рублей. Все оставайтесь здоровы с Богом. Алёша.*»

Письмо, полученное Иваном Афанасьевичем Кокотом 11 марта 1924 года. «*Родные мои, как живёте, чем занимаетесь? Потом напишу большое письмо. Анне тоже напишу. Она в настоящее время дома? Ей поэтому ничего не послал,*

напишите мне подробнее. Где сейчас находится почта? Сегодня вам выслал сахар и чай, не знаю, дойдут они до вас или потеряются? Как получите, сразу напишите. Я там указал на адресе Б.Батырево, на почте говорят, что такой ст. нет. Как получите это письмо, сообщите точный адрес. Праздники справляйте хорошо. Скоро напишу Виктору Дмитриевичу. Сегодня не смог ему написать. Сахар здесь стоит 25 копеек, а хлеб – 6–10 коп.. Там они почём? До свидания. Бог с вами. Алёша.»

Письмо от 7 мая 1924 года.

«Уважаемые родные, получили ли вы моё письмо и посылку? Не знаю, я адрес, может, неправильно указал? Как получите это письмо, сразу мне сообщите правильный адрес. Анне тоже напишу на днях. Она, наверное, уехала учиться? Как вы там живёте, чем занимаетесь, все ли здоровы? Какие у вас там обстоятельства, о чём говорят, чем в деревне люди заняты? Говорят, что столица будет в Чебоксарах, правда ли это? Кто там руководит: чувашаи или другие, знаю ли я их? Есть ли там художественная школа? Для чувашей ли она? Здесь очень надоело жить, прежних друзей нет, многие с белыми сбежали в деревни, когда я был у вас. Теперешние товарищи многие очень наивные, ничего не знают, одни болтуны. Поэтому хочется тоже сбежать отсюда, только точно не знаю куда – везде платят мало, везде, пожалуй, будет так же, как и здесь. Сейчас мы изучаем хохлацкий язык, настанет время – кто не знает этого языка, тех снимут с должности. Там то же так? Выходит ли чувашская газета? Где её печатают? Если поедете в Батырево, спрашивайте там посылку, я указал адрес: Б.Батырево, Симб. губ.. Это письмо отправлю по другому адресу, может, так правильно? Оставайтесь все здоровы. Бог с вами. Скоро напишу Виктору Дмитриевичу. Живите хорошо. Жена передаёт привет. Алёша.»

У Николая Петровича хранится ещё одно письмо, написанное в те же годы. Я сначала решил, что оно тоже принадлежит Алексею Кокелю. Оказывается, нет, его написал Ивану Афанасьевичу Виктор Дмитриевич Калашников. Вот его письмо.

«Любимые тесть, тёща! В сегодняшний день я нахожусь в Чебоксарах. Добираться дорога была очень плохая, сегодня ровно неделя, как уехал из дома. Жизнь моя не очень-то важная здесь. Мои товарищи живут здесь уже третий месяц, я тоже с ними, в одной партии. Когда домой отпустят, неизвестно. Говорят, что будем учиться до 1 июня. Может быть, деревенских отпустят на Пасху. До свидания. Адрес: г.Чебоксары, школа второй ступени номер 2, школьно-инструкторские самокурсы. Курсанту Дмитриеву. Анна, какие книги нужны, напиши. Найду.»

Николай Петрович переписывался и с Анной Афанасьевной Кокель до самой её смерти. Одно письмо Анна Афанасьевна так заканчивает: *«Не забывай Харьков – меня в частности. Анна Афанасьевна»*. Вдруг 20 января 1984 года приходит из Харькова такое письмо, написанное чужим почерком. *«Уважаемая семья Сергеевых! Пишет к Вам соседка Анны Афанасьевны. На ваше поздравление для неё, приходится сообщать прискорбную весть. Нет нашей уважаемой Анны Афанасьевны. Она умерла 14 декабря. 15-ого её кремировали – так она велела. Я ничего больше сообщить не могу, т.к. за месяц до этого сама болела. Извините за такое горькое сообщение, я считала, что нужно сообщить. Квартира пока опечатана. Больше ничего не могу сообщить. Анна Степановна Мищенко, Харьков – 23, Дзержинского, 93, кв.47»*.

Он вспоминает так:

«Как уже упомянулось, судьбе было угодно, чтобы я проходил военную службу в Харькове Я имел больше всех возможностей убывать в увольнительные, и первым делом заходил к жене Алексея Афанасьевича Кокель — Анне Афанасьевне. Она была очень гостеприимной, с большим чувством юмора, отличной рассказчицей. Одновременно закончила 2 института: педагогический и художественный. К Алексею Афанасьевичу относилась с благоговением, он дожил до 76 лет только благодаря её вниманию, уходу, правильной диете.

Анна Афанасьевна рассказывала мне о том, как ещё в 1930 году профессура Харькова построила первый кооперативный дом, и о довоенной жизни, и о поездках Алексея Афанасьевича в Чувашию, и о военных годах, и о дружбе со знатными людьми Харькова и Украины.

Однажды я приезжаю к ней (это было летом 1968 г.), и она познакомила меня со своим братом, который гостил у неё. Брат после освобождения Донбасса от немцев был назначен начальником Донецкой железной дороги (в то время она так называлась) и получил орден Ленина за восстановление железнодорожного хозяйства в рекордно короткие сроки.

При каждом посещении мы ходили на кладбище, на могилу А. А. Кокель — убирались, клали свежие цветы.

Анна Афанасьевна уже была больная, и сдавала одну комнату семейной паре — докторам бесплатно, чтобы они оказывали бы первую медицинскую помощь.

А уже под конец службы заводила разговор, чтобы я остался в Харькове. И очень огорчилась, что я решил вернуться в Чувашию. Очень живо интересовалась политикой, литературой, искусством. Мне все говорила, что я не похож на чуваша, что лицо у меня удлинённое как у англичанина.

И очень гордилась, что третий космонавт в мире — чуваш, после русского и американца.

После службы я еще дважды заезжал в Харьков, до конца дней ее мы переписывались.

Много рассказывала о сыне Романе, 1924 года рождения, который был многосторонне одаренный, записался добровольцем, направлен в 25 гвардейскую дивизию, воевал и без вести пропал..».

Из писем видно, что Кокели держали постоянную связь, хоть и находились вдалеке друг от друга. Они в любое время и при любой обстановке переписывались, интересовались жизнью родных, как у них были крепки родственные связи. Из этих писем видно, как хотел помочь и поддержать в трудное время многодетной семье старшего брата великий художник.

Николай Петрович рассказал мне о том, что интересовался в 90-ые годы судьбой своего деда после ареста, что увидел тогда архивные документы своими глазами.

– Дедушку обвинили 7 августа 1937 года по решению «тройки» и посадили в тюрьму на 10 лет. О его дальнейшей судьбе мы не знаем. 26 декабря 1956 года Верховный суд Президиума ЧАССР отменил постановление «тройки» и реабилитировали честное имя дедушки. Меня, когда я узнал об этом решении, как будто ударило током. Читаю и не верю своим глазам. « Как же так, – думаю, – дедушку давно оправдали, реабилитировали, но об этом никого не известили. Ведь тогда были живы все его дети. Им даже нельзя было тогда называть его имя, никогда не говорили об этом открыто. Только теперь, когда детей не стало, мы, внуки, смогли узнать об этом, спустя почти полвека.

Он мне рассказал о том, за что его дедушку, Ивана Афанасьевича Кокеля, сажали в тюрьму. В 1929 году посадили на полгода по 105-ой статье, а в 1931 году на полтора года за несвоевременную уплату налогов по 61-ой статье Уголовного кодекса.

Кто же тогда ходил в «кулаках» в нашем селе? Кроме Ивана Афанасьевича, считались «кулаками» Пирожков Павел Герасимович и Романов Андрей. Ещё для меня самое удивительное было узнать о том, что в списке «подкулачников», оказывается, оказался и мой отец, участник трёх войн, Алеметкин Константин Михайлович и Тигешкин Павел.

Я поразился, узнав об этом. Я знал, что мой отец считался середняком, все домашние дела, всё своё хозяйство вёл один, самостоятельно, без ничьей помощи. Он был от природы сильным человеком, считался сельским богатырём, установил крест на крыше церкви. Но кому он не угодил, кто хотел ему подставить ногу, это интересно. Он нам никогда про это не

Глава Райадминистрации
Батиревского района и
цувашской республики
Петрову В.Ф.
От пострадавшей от политических
репрессий Кокки Ивано
проживающей в селе Мархань
Ютаревского района

Завылное

Мой отец Кокки Иван Архангелович
был репрессирован в 1937 и осужден
на 10 лет лишения свободы.
Постановлением президиума Верховного
суда Цувашской республики от
26 декабря 1956г реабилитирован
После ареста и осуждения все
имущество было конфисковано. В
том числе

1. Пятиэтажной два этажа
в местонахождении Средня находится
на территории Марханьской с/пк
2. Два амбара, 3 одна конюшня
3. Один навес, дваэтажный
суда корова, гонимые овцы, суды и
в водная машина
4. Сады зирани, Паслы сирени
домашних цуват, стоголы для
травы Каласура сундук, цытата
суда цытата коровка 3, Каста
Кокки Иван Архангелович

рассказывал, может, и не знал, что его хотели раскулачить. Сергеевы, конечно, кто они такие, знают, но не хотели, чтобы я называл в книге их фамилии: «Не надо ворошить прошлое, в селе в настоящее время живут их дети и внуки. Пусть они не страдают, не краснеют за них. За их поступки они не виноваты»...

Главе Райадминистрации Батыревского
Района Чувашской Республики
Петрову В. Д.
от пострадавшей от политических
репрессий Кокель Полины Ивановны,
проживающей в селе Тарханы
Батыревского района

заявление.

Мой отец, Кокель Иван Афанасьевич, был репрессирован в 1937 году и осужден на 10 лет лишения свободы.

Постановлением Президиума Верховного Суда Чувашской Республики от 26 декабря 1956 г. реабилитирован.

После ареста и осуждения все имущество было конфисковано, в том числе:

1. Пятистенный дом жилой. В настоящее время находится на территории Тарханской средней школы;
2. Два амбара;
3. Одна конюшня;
4. Один навес, двухэтажный. Одна корова, четыре овцы, одна лошадь, водяная мельница;
5. Сани зимние. Пчелы, 3 семьи, домашняя кровать, столы — 2 шт.,

№В колхозе «Труд» находится сундук. Туда же вывезли ведра, чугуны, подовка — 3. В колхозе «Хастар» — корыто деревянное, часы будильник. В Норваш — Шигальях — шкаф для посуды, столярный верстак, бочки — 3 шт. деревянные, ульи — 3 шт., тулуп — 1 шт., чапан — 1 шт., подушки — 5 шт., перина — 1 шт.

На основании в соответствии с Законом «О реабилитации политических репрессий» прошу:

1. Перенести и установить дом на свое законное место и усадьбу, на которой в настоящее время проживаю.

Оценить незаконно конфискованное имущество по приведенному выше списку и возместить их стоимость.

К заявлению прилагаю:

ЧР №13—15 и 95 от 07.04. 95.

1. Справка о реабилитации отца — Кокель Ивана Афанасьевича;

2. Справка прокуратуры Чувашской Республики, №13—104—95, №20 03—95, о признании меня, как пострадавшей от политической репрессии:

3. Архивную справку ЦГА 4 от 20. 02. 96.

Других сведений о раскулачивании списка конфискованного имущества и о смерти отца не имею.

Подпись
Полина Ивановна Кокель.

Николай Петрович мне показал ещё несколько документов, связанные с дедом. В том числе были копии заявлений Полины Ивановны Кокель, дочери Ивана Афанасьевича, в разные инстанции. Она просила вернуть дом отца на родную усадьбу, но так и не смогла добиться ничего.

По моему, её просьбу можно удовлетворить на месте, силами местных властей. Она просит перенести и установить дом отца на законное место, на свою усадьбу. Полине Ивановне в 2004 году исполнится 80 лет. Неужели трудно выполнить её последнее пожелание? Пусть нынешний дом-музей стоит на своём первоначальном месте, где была усадьба Афанасия Кирилловича. Там родились и выросли всемирно известный художник, первый чувашский профессор Алексей Афанасьевич Кокель, первый чувашский епископ Герман, включённый постановлением священного Синода русской православной церкви в Собор новомучеников и исповедников российских, кстати, он единственный чуваш, причисленный к лику святых. Это собственный дом их старшего брата Ивана Афанасьевича Кокеля, построенный им потом и тяжёлым трудом, помогшего встать братьям в лихие годы на ноги, заменившего родителей, невинно и несправедливо пострадавшего за свои идеи.

Село Тарханы для чувашей должна быть как Мекка. И к тому месту, к дому, где родился святой Герман обязательно надо проложить асфальтную дорогу, благо дом стоит совсем недалеко от главной шоссейной дороги. Нужна только инициатива местных властей. Деньги должны выделяться на это благое дело не только из районного бюджета, но и из республиканского бюджета. Ведь наше село самое старое из сёл в районе, и школа у нас самая старая, открытая ещё в 1840 году.

Нам надо гордиться такими людьми, выросшими на нашей земле, которые прославляют не только наше село, но и всю Чувашию. Не умеем радоваться чужим успехам, мы завидуем соседу за его успехи.

Вот о чём я думал, ознакомившись с документами из архива Николая Петровича Сергеева.

*Так выглядит дом, где проживает
Полина Ивановна Кокель. Фото 2003 г.*

**Из домашнего архива
Сергеева Н. П.**

Епископ Герман

**Екатерина (Самарина) –
Жена Афанасия Кокель**

**На рисунке в центре Ф. И. Шаляпин, а также художники:
И. Е. Репин, С. Ю. Жуковский, Н. Л. Аронсон, Ф. Ф. Фидеер,
Евгения Нароман, А. Ф. Скалои, А. А. Кокель, С. П.
Красковский, Н. Д. Ермаков, профессор В. В. Матэ,
скульптор Н. Л. Аронсон.**

(23 февраля 1914 г., журнал «Огонек», № 8).

Алексей Кокель с супругой, 1955 г.

Константин Андреевич Кудрявцев, Анисия Алексеевна Кокель, Перасковия Ивановна Калашникова (Кокель), Евдокия Ивановна Сергеева (Кокель) на поминке А. И. Кокеля

*Тарханской средней школе — 150 лет.
Учителя и бывшие одноклассники. 1989 г.*

*Александра Павловна Сергеева (Краснова)
Николай Петрович Сергеев*

*Невестка Ольга Николаевна, сын Дмитрий Николаевич
с сегодняшнего дня муж и жена*

Сергеева Ольга Николаевна — дочь

Николай Петрович Сергеев с внуком Андреем

**ДЕТИ И ВНУКИ МАРТЫНА
ИВАНОВИЧА КОКЕЛЬ**

**Мартын Иванович
Кокель**

**Евдокия Андреевна
Кокель**

Игорь Кокель, жена Ирина, сын Вадим, 1981 г.

Большая семья Мартына Ивановича Кокеля. 1978 г.

*Виктор Кокель, жена Валентина,
дети: Слава, Виталий, Ирина, Елена*

Сын Натальи Мартьяновны Альберти внук Антон

*Наталья Мартьяновна Шокель-Абрамова,
муж Игорь, сын Альберт дочь Настя*

Дочь Игоря Мартьяновича Кокеля — Марина

Владимир Львович Кураков, Альбина Дмитриевна Куракова, Абрамов Игорь Владимирович, Абрамова Наталья Мартьяновна, впереди — Анастасия Абрамова

ПОТОМКИ ГЕРАСИМА КИРИЛЛОВИЧА КОКЕЛЬ

Николай Петрович Пирожков тоже из рода Саймуллы. Его прадедушка, Герасим Кириллович, родной брат Афанасия Кирилловича Кокеля. Однажды я поинтересовался насчёт его фамилии. Николай Петрович рассказал мне историю своей фамилии: «Когда дедушку призвали в царскую армию, писарь спрашивал его несколько раз, не понимая слово Кокель, а тот перевёл дословно слово «пирожок», тот так и записал на русский лад «Пирожков». Так из Кокеля мы стали Пирожковы».

Николай Петрович – известный зоотехник-пчеловод, ему присвоено почётное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Чувашской Республики». (На снимке Президент Чувашской Республики Н. В. Федоров вручает ему удостоверение к награде).

Они с женой Надеждой вырастили двух дочерей и сына. Старшая дочь Наталия после окончания Чувашского государственного университета с красным дипломом поступила в аспирантуру при университете. Младшая дочь Татьяна тоже окончила Чувашский государственный университет факультет журналистики с красным дипломом. Она в настоящее время работает в университете, учится в аспирантуре при университете. Татьяна уже успела выпустить два сборника стихов. Первый сборник стихов под названием «Весеннее

разочарование» вышел, когда она училась на втором курсе университета. Книга увидела свет при помощи спонсоров, друзей и знакомых отца Н.Ф.Ляпкина, Н.И.Глухова, В. Думилина, М.Х.Ахметова, Г.Хитрова, П.Н.Никифорова, Г.А.Максимова, Г.А.Салмина, В.И.Барышникова, А.И.Петрова, В.Ф.Синеева, Ю.С.Мадиков.

А второй сборник стихов под названием «Хожу по той же тропинке» вышел на пятом курсе. Младший сын Петя, названный в честь деда, учится пока в школе.

Наташа Пирожкова

Петр Пирожков

Илья Павлович Пирожков перед своим домом, где когда-то начинался род Саймуллы. Этот колодец еще с тех времен

Родственники отмечают Пасху. Слева направо: Михаил Петрович Сергеев, Михаил Викторович Калашников, Сергеева Мокельна Евдокия Ивановна, Пирожкова Александра Герасимовна, Пирожкова Фекла Павловна, Пирожкова Татьяна Николаевна, жена Ильи Пирожков Илья Павлович, Пирожков Петр Павлович, Романова Мария

**На снимке: Пирожков Павел Герасимович, его жена;
Пирожков Валентин Петрович Пирожкова Анастасия –
жена Пирожкова Петра Павловича**

Пирожков Петр Павлович со своей матерью

ПОТОМКИ ЕВГРАФА КИРИЛЛОВИЧА КОКЕЛЬ

Об Анатолии Васильевиче Кокеле я слышал несколько раз из разговоров друга, поэта-писателя Василия Эктеля. Я знал, что он одарённый художник, но о том, что его отец, Василий Кузьмич Кокель родом из Тархан, что он переехал в село Шерауты Комсомольского района уже потом, не догадывался.

Мы с Василием Петровичем Эктеlem при Союзе писателей учредили книжное издательство «Калем», за короткий срок успели выпустить несколько книг. Нам при этом никто не помогал, не выделял денег, мы сами находили спонсоров. Для этой цели в подвале дома №14 по ул. Лумумбы арендовали несколько пустых комнат. Анатолий Васильевич, оказывается, тоже хотел там открыть мастерскую, но потом почему-то передумал.

Но однажды, когда он зашёл к нам, мне довелось с ним познакомиться. Он меня тоже знал заочно. Говорю ему: «Твоя фамилия напоминает мне одного знаменитого художника, ты, конечно, догадываешься о ком речь». «Конечно, я понял ваш намёк. От многих мне приходится слышать об этом. Алексей Афанасьевич Кокель — мой родственник», — сказал Анатолий Васильевич. Потом он вспомнил Анатолия Кузьмича, Полину Ивановну Кокель. Потом мы говорили о поэме «Кокель», о том, что в книгу, выпущенную Чувашским книжным издательством, не включили картины А.А.Кокеля, как хотел я сам. Анатолий Васильевич опять меня удивил: «У меня и ваша поэма, и то, что вы раньше о нём печатали, дома всё это есть». Потом мы говорили о Тарханах, он там многих знает, оказывается. К слову, я промолвил о том, что ищу машину, чтобы привезти оттуда картошку. Он мне говорит: «Если бензин сможете найти, пожалуйста, берите мою машину. У меня есть «газель».

На самом деле потом мы съездили в Тарханы за урожаем. В Тарханах у меня отцовский дом пустует, но землёй мы пользуемся, сажаем там лук, морковь, чеснок, свеклу. На обратном пути мы заехали в родное село Анатолия Кокеля.

Тогда стояла настоящая золотая осень. Я давно мечтал побывать в Шераутах. Чем завлекло меня это село, я до сих пор не пойму.

Вот так неожиданно мне пришлось побывать у Анатолия Васильевича дома, познакомиться с её матерью, Клавдией Григорьевной (02.04.1937г.р). Она родом из нашего района, из

села Больш. Чеменево, её отца тоже репрессировали в 1940 году. Мать художника очень приветливая, гостеприимная женщина. Она тогда возилась в огороде. Но бросив все срочные дела, так радушно встретила нас с женой, когда узнала, что мы из Тархан, пригласила нас за стол. Как раз в это время у Анатолия Васильевича сёстры тоже приехали из города к матери помогать по хозяйству, и они тоже стали уговаривать нас зайти в дом хотя бы на чай. Мы отказывались, сославшись на то,

что недавно вышли из-за стола в Шаймурзине (моя жена оттуда родом). Они всё равно угостили нас вкусным домашним пивом.

Дом Анатолия Кокеля кирпичный, большой. Из разговора с матерью я узнал о том, что сын покупает сам все строительные материалы и привлекает всех родственников к стройке.

Вот так неожиданно познакомился я с матерью, сёстрами и родным селом художника. Как раз в то время, когда мы выезжали из села, послышался колокольный звон со стороны церкви, как будто пожелав нам доброго пути. На самом деле мы доехали до Чебоксар так хорошо. Я очень был благодарен Анатолию Васильевичу за оказанную мне помощь, и потом очень долго вспоминал его село и слышал набат церковного колокола.

Прадедушка Анатолия Васильевича, Евграф Кириллович, был родным братом Афанасия, отца Алексея Кокеля. Дедушка, Кузьма Евграфович (*на рисунке*), был первым трактористом села. Он был женат 2 раза. От первой жены Евдокии родился Василий, Толин отец. Потом он бросил жену с маленьким сыном и женился на Елизавете, от неё родился сын Анатолий.

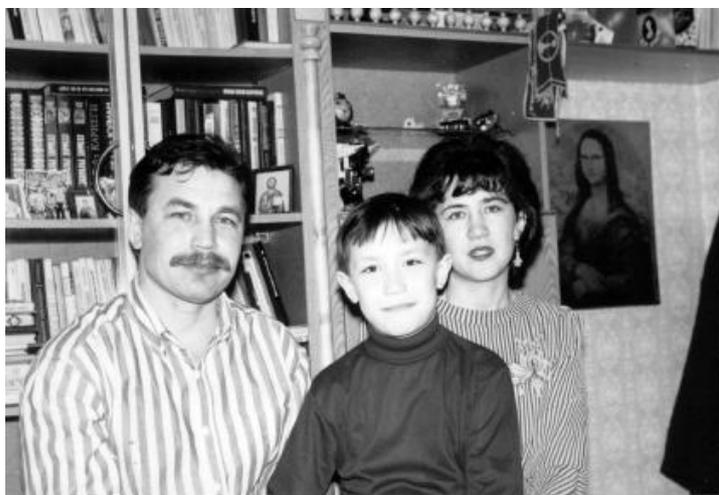
У Василия Кузьмича и Клавдии Григорьевны семеро детей (Геннадий, Анатолий, Николай, Римма, Тамара, Светлана, Антонина). Они почти все получили высшее образование.

— Отец тоже, как и дедушка, работал трактористом. Но кроме этого был и столяром, и слесарем, и мастерил музыкальные инструменты. Он ещё от природы имел дар рисовать. Как сегодня помню его картины, они были нарисованы очень талантливо, жаль, когда разбирали старый дом, не догадались сохранить его картины. Они с матерью познакомились в Алатырском районе на древокомбинате. Жаль, папа очень рано умер. Мама нас одна воспитала и поставила всех на ноги. Она всем помогла получить образование. Старший брат Геннадий в

***Церковь в с. Шерауты.
Здесь епископ Герман служил в 1903 г.***

звании полковника служит в Эвенском автономном округе в должности заместителя начальника управления МВД, у него два сына — Эдик и Богдан. Младший брат Николай служил в Афганистане, в звании старшего лейтенанта вышел на пенсию. Сестра Римма работает на одной фирме в Чебоксарах бухгалтером, у них с мужем Владимиром растёт сын Кирилл. Тамара живёт и трудится в городе Зеленограде Московской области, у них с мужем Вячеславом три сына: Дима, Рома, Андрей. Светлана работает старшим преподавателем в Чувашском государственном университете на факультете информатики и вычислительной техники по специальности «Дизайн костюма». У неё растёт дочка Ксюша. Антонина учится заочно на художественно-графическом факультете Чувашского педагогического университета, преподаёт рисование, у них с мужем Андреем растёт сын Станислав. Получилось так, что в семье у нас трое окончили один факультет — художественно- графический: я и две мои сестры. У моего

***Кокель Анатолий Васильевич,
жена Людмила, сын Алексей. 1995 г.***

Василий Кузьмич Кокель

***Клавдия Григорьевна
Кокель***

сына Алёши тоже есть задатки, склонности, дар, меня это очень радует. Я поэтому его назвал в честь дяди, Алексея Афанасьевича Кокеля, а дочку Аню — в честь Анны

Афанасьевны, — рассказал мне потом при встрече художник Анатолий Кокель.

Анатолий Васильевич Кокель родился в 1959 году в селе Шерауты Комсомольского района. После окончания школы до армии проработал деревообрабатывающем пункте в Новых Муратах. В 1978 – 1980 годах служил в Германии в танковых частях. Сразу после армии поступил в Чувашский педагогический институт на художественно-графический факультет. Педагогическую практику проходил на родине предков, в Тарханах. После окончания института год проработал в родном селе. Потом трудился в республиканском научно-методическом центре. В 1997 году его приняли членом в Союз художников Чувашии. Сейчас он является директором ООО «Анкост».

— А что означает слово «Анкост»? — спросил как-то я его.

— Анатолий Кокель строитель, — рассмеялся он. Потом задумался и сказал, — что поделаешь, во время дикого рынка на картинах много не заработаешь. Жена Людмила в школе учительница, преподаёт биологию и химию. Много ли зарабатывают нынешние педагоги? Мне ведь надо содержать семью, надо дать детям достойное образование. Пришлось переквалифицироваться, перестроиться на рыночный лад. Раньше было больше возможности заниматься своим любимым делом, данным Богом талантом, при рыночной экономике люди искусства не востребованы. Может, со временем по-другому будет? Очень душа болит, сколько времени потрачено зря. Я ведь художник, я должен творить, рисовать, а вместо этого приходится заниматься совсем другим. Я ведь хотел после педагогического института учиться дальше, продолжить свою учёбу в Санкт-Петербургском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина, но не получилось.

Анатолий Васильевич принёс мне полный список произведений, работ Алексея Афанасьевича Кокеля. Там всего 226 произведений. Какое наследие! Уму не постижимо, что всё это творил один человек.

— Ведь у нас Алексея Кокеля вспоминают только в дни его юбилея, многие не знают о том, сколько картин он написал за свою жизнь. Вот список его картин. Мой брат

Кокель Геннадий Васильевич и жена Людмила

Геннадий Васильевич в своё время побывал у Анны Афанасьевны в Харькове в гостях. Она очень обрадовалась, когда узнала, что он родственник Алексея Афанасьевича, ему напоследок подарила портрет художника, нарисованной на холсте. Мы хотели его подарить музею в Тарханской средней школе, но Полина Ивановна не захотела отдать, оставила у себя дома, пусть напоминает мне о дяде. Я ведь тогда доставил этот портрет пешком, под осенним дождём.

На самом деле, до сих пор этот портрет висит у Полины Ивановны дома, я его недавно видел сам, когда были мы у неё с Николаем Петровичем Пирожковым.

**Кокель
Николай Васильевич**

**Дочь Анатолия Кокель —
Аня**

Потом мы беседовали с Анатолием Васильевичем о его творчестве. Он мне рассказал вкратце о том, как и при каких обстоятельствах начал писать свои картины. У него есть картины, написанные на библейскую тему. Они входят в цикл «Триптих». Одна из этих картин называется «Успение». Она хранится в настоящее время в Чувашском государственном музее искусств.

— В 80-ые годы многие из моих знакомых, друзей ушли из жизни по разным причинам. У меня душа болела, я тогда понял, что в этом мире мы на самом деле находимся только в гостях. Один раз мне приснился сон, и я сразу сделал набросок этого видения на белой бумаге. Тогда чувашские художники не использовали в своих работах Библейские сюжеты, эти картины были в этом плане почти первыми. Только потом наши художники начали писать на эту тему, — рассказывает художник.

У картин «Врата», «Вхождение» сюжет прост. Герой картины стоит у Ворот в ожидании. Бог его к себе не приглашает. Хотя Создателя не видно, но, кажется, как будто он говорит герою: «Подожди входить, у тебя много дел на этой земле, сначала воплоти задуманное в жизнь». В картине «Трансплантация» говорится о том, что люди свои умственные способности транжируют по пустякам. Мы пришли на эту землю не разрушать и ломать, отравлять и уродовать живую природу, не только набивать себе

Тамара Васильевна Ложкова (Кокель) со своей семьей встречает Новый, 1995 год. Муж Вячеслав Георгиевич, сыновья Андрей, Дима, Рома

Римма Тарасова (Кокель), муж Володя, сын

**Антонина Шакмакова (Кокель), муж Андрей, сын
Станислав**

**Кокель
Светлана Васильевна,**

дочь Ксюша

Сыновья Геннадия Васильевича Кокеля:

Эдик

Богдан

желудок. Наша миссия на этой земле — творить и развиваться, мы должны оправдать доверие Бога. Если человек это не понимает, то тогда у него не только разум помутнеет, но и тело обезображивается. Тема картины «Запретный плод» тоже взята из Библии. Красивая девушка держит в своих руках ослепляющее глаза яблоко. Около неё вертятся и хитрая лиса, и жадный волк, и косолапый медведь. Они все напоминают нам людей.

Особое место в творчестве художника занимает «Автопортрет». На этой картине перед портретом знаменитого дяди Алексея Кокеля он как будто обещает продолжить его дело: «Дорогой Алексей Афанасьевич, твоё имя для меня святое. Я хочу продолжить начатое тобою дело»...

Остальные произведения тоже очень удачные. Особое место в творчестве художника занимают так же портреты близких ему людей: «Алёша», «Мама», «Людмила», «Светлана», «Братишка», «Полина Ивановна Кокель», он хорошо раскрыл в своих картинах их образ, характер. Например, в картине «Алёша» сразу видно, что волнуется

художника. Если взглянуть внимательно, то за окошком увидишь старое дерево и молодую поросль. Конечно, художник неспроста их изобразил. Он, наверное, через эти предметы хочет показать нам связь и продолжение поколений, вместо старого дерева потом вырастит новое дерево, и в жизни людей происходит так же. На небе изображены круглые предметы, напоминающие НЛО. Этим, наверное, художник хочет сказать, что мальчик живёт в эпоху освоения космоса, пройдёт немного времени, может, этот мальчик или его ровесники когда-нибудь полетят в космос. Цикл «Тарханские этюды» ещё раз нам напоминает о том, что как дорога ему родина предков – Тарханы, что оно и его люди всегда близки его сердцу, значит, он написал их по велению души. В творчестве художника также достойное место занимают такие картины как «Студентка», «Натюрморт», «Подсолнухи», «Весна», «Запоздалая весна», «Одинокая берёза», «Река Шатьма», «Таллинн. Старый город» и другие.

У Анатолия Васильевича в домашнем архиве хранятся несколько документов. Это личное удостоверение Союза художников Украины, принадлежавшее профессору Алексею Афанасьевичу Кокелю, фотографии.

Пожелаем Анатолию Васильевичу доброго здоровья, удачи и вдохновения в творчестве!

Из домашнего архива Кокеля А. В.

Письмо епископа Германа, адресованное брату Алексею Кокелю

Снимки сделаны в 1950 годах. Они говорят о том, что Алексей Афанасьевич Кокель был в рядах Союза художников Украины (удостоверение А. А. Кокель), Проводы в последний путь (на переднем плане сидит жена профессора, Анна Афанасьевна Кокель).

Мемориальная доска в честь А. А. Кокель

На могиле А. А. Кокель

Полина Ивановна Кокель перед домом. 2002 г.

ДЕТИ АНАТОЛИЯ КУЗЬМИЧА КОКЕЛЯ

Анатолий Кузьмич Кокель

*Жена Анатолия Кузьмича Евгения
Дмитриевна Кокель (Ларкузова) с детьми*

***Вера Анатольевна
(Кокель) Андреева***

***Любовь Анатольевна
(Кокель) Рябчикова***

***Антонина Анатольевна (Кокель)
Колесникова с сыном Сергеем***

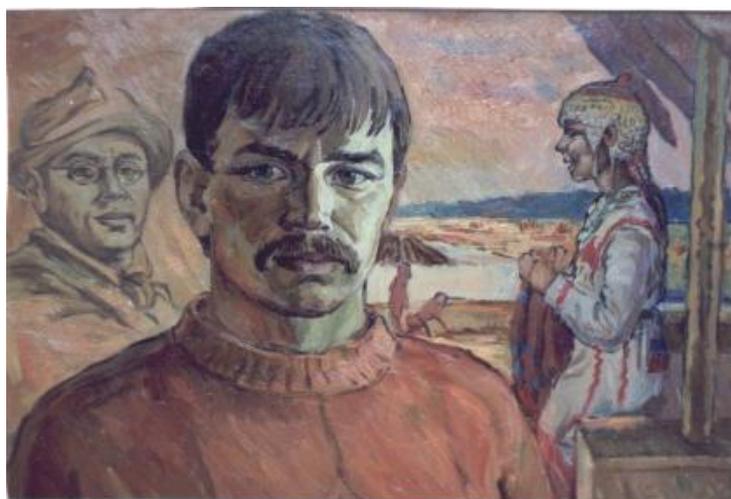

Алексей Анатольевич Кокель

*Вячеслав Анатольевич Кокель, дочь Малена,
Олеся Михайловна (Еремеева) Кокель, 2002 г.*

ТВОРЧЕСТВО АНАТОЛИЯ КОКЕЛЯ

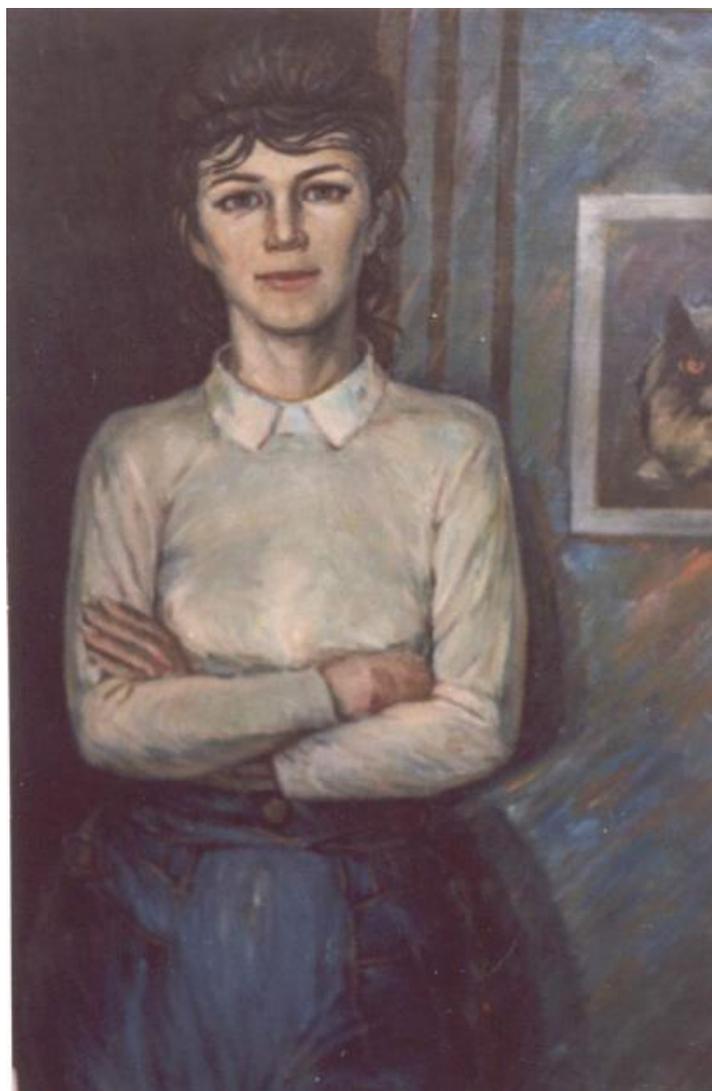
*Кокель А. В. **Автопортрет** [х. м. 60 x 50, 1991 г.*

*Кокель А. В. **Село Шерауты** [1982 г.*

«Алеша» х. м. 39 х 52. 1994 г.

«Ожидание» х. м. 47 х 44. 1995 г.

«Запретный плод», х. м. 100x100, 1995 г.

«Успение», (Триптих) х. м. 100 x 100, 1991 г.

Врата Небесных. м. 72 x 100. 1991 г.

Вхождение. Периптих. х. м. 72 x 100. 1991 г.

□Аня□

У родника

Весенние заботы

Кладия Григорьевна Кокель

Брат вернулся

Поздняя весна

Трансплантация х. м. 100 х 100. 1993 г.

**ТВОРЧЕСТВО ГЕННАДИЯ КАЛАШНИКОВА,
НАСТИ ЗАХАРОВОЙ, АРКАДИЯ КОКЕЛЯ**

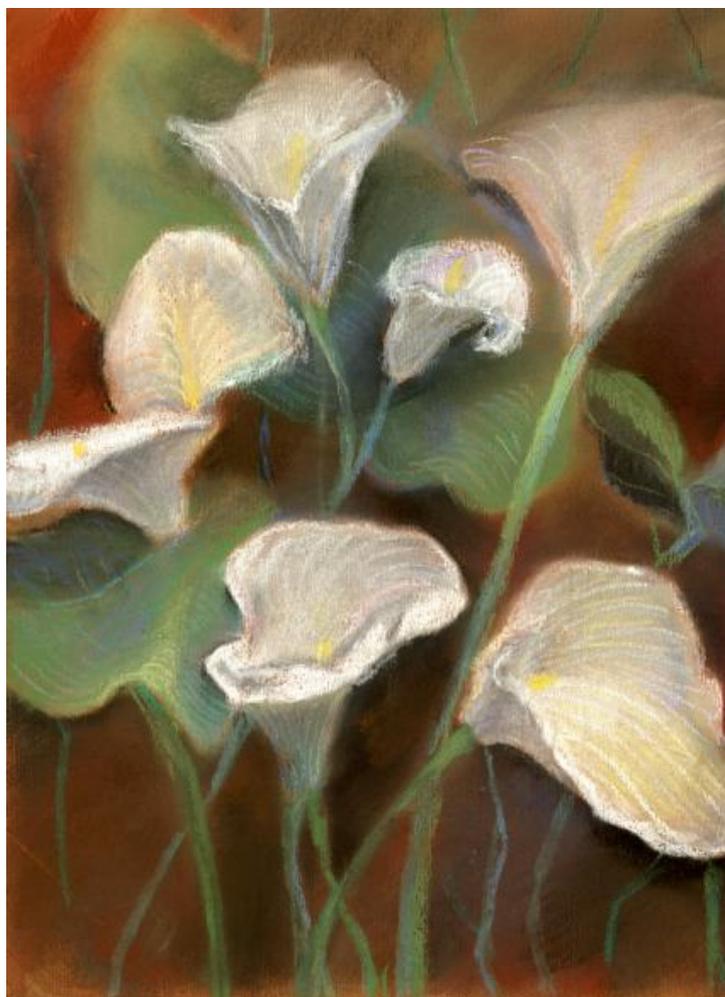
Г. В. Калашников. «Март»

Рисунки Нasti Захаровой

Рисунок Константина Кокеля

Константин Кокель. «Калы»

ЭПИЛОГ

Источник наших знаний книга,
Учиться только не ленись.
И в том упорства наберись,
Тогда тебе поможет Ника.

Кто пашет в поле день и ночь,
Тот много умного не скажет.
Быть может, умничать не прочь —
Речь лишь напышенностью вяжет.

Зато он знает как пять пальцев
Стального своего коня,
Носы утрет в том умных старцев,
О превосходстве даст понять.

Когда ж ему учёным стать,
И без того забот по горло.
Хотя б газеты почитать
Момент он улучит ли скоро.

В седьмом поту он днями в поле,
С утра до вечера в труде.
Да и домашний труд неволит...
А отдыхать-то время где?

Всегда в труду столяр, строитель,
Имеет каждый профиль свой:
Один забивкой занят свай,
Другой резьбою знаменитый.

Резьбой по дереву он занят,
В узорах тех смекалка, ум.
Сие художеством уж тянет
И вызывает много дум.

Кузнец у наковальни занят,
Колдует над металлом он,
Хотя от стука уши вянут,
Стоит в них постоянный звон.

А в горне жарком искры пляшут,
Щекочет ноздры пыльный чад.
Он день-деньской кувалдой машет
И каждому предмету рад.

Кует он их витиевато,
Стараясь творческим умом.
И что ему еще бы надо —
Шагает радостно домой.

В почёте у людей горшечник,
Коль он мастеровой гончар.
Вам лихо смастерит горшочек,
Таких не видели вы чар.

Его предметы в обиходе,
Затем и ценен труд его.
В работе радость он находит,
Отдав ей самого всего.

Руками мнет, как тесто, глину,
Ногою мерно вертит круг.
Нет времени расправить спину,
Его увлек любимый труд.

Доволен он посудой каждой,
Ведь душу вкладывал он в них.
Работу он считает важной
И потому в работе лих.

И эти все мастеровые
Живут, надеясь на свой труд.
У них мозоли трудовые
И личных интересов круг.

Они на людях не кичливы,
Не ветреный они народ,
Со всеми вежливы, учтивы,
И ими как поэт я горд.

Без рук людей трудолюбивых
Не встанут город и село.
На свете не бывает дива:
Само не машет, помело.

Трудами их живет ученый,
Растет, мужает детвора.
Затем труд всякий нипочем им,
Когда работать-то пора.

А кто богатствами владеет,
Тот как всегда духовно нищ.
Лишь о себе такой радеет,
Другим что-либо даст он шиш.

Не для него дворцы и залы,
Обходит их он стороной.
Канарские лишь манят дали,
Они ему как дом родной.

А шумных праздников веселья
И совещанья по неделе
Проходят без людей труда,
Им некогда идти туда.

И их трудом страна крепчает,
Трудом таких она сильна.
Народом, это отмечая,
Им почесть будет воздана...

(Перевод Михаила Ставского).

* * *

Жизнь человека как звезда. У некоторых она очень яркая, а у некоторых совсем незаметная.

Альбина Дмитриевна Куракова однажды сказала, что приедет из Минска её дядя, Михаил Викторович с женой. Сейчас Белоруссия стала уже за границей, поэтому он приезжает на свою родину редко. Альбина Дмитриевна подала такую идею: почему нам не встретиться и не собраться всем вместе на родине предков, Кокелей, в Тарханах. Я сразу позвонил в деревню Пирожкову Николаю Петровичу и сообщил ему об этом. Он, узнав об этом, очень обрадовался.

Николай Петрович Пирожков тоже из рода Саймуллы. Его прадедушка, Герасим Кириллович, родной брат Афанасия Кирилловича Кокеля. Однажды я поинтересовался у него насчёт их фамилии: «Как вы превратились из Кокелей в Пирожковых?». Николай Петрович рассказал мне историю изменения своей фамилии: «Когда дедушку призвали в царскую армию, писарь спрашивал его фамилию несколько раз, не понимая слова «Кокель» (дед, видимо, произносил его на чувашский лад «Кук=ль»). И тогда он это слово перевёл

дословно, «пирожок», писарь так и записал на русский лад «Пирожков». Так из Кокелей мы стали Пирожковы».

Николай Петрович – известный зоотехник-пчеловод, ему присвоено почётное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Чувашской Республики». Они с женой Надеждой вырастили двух дочерей и сына. Старшая дочь Наталия после окончания Чувашского государственного университета с красным дипломом поступила в аспирантуру при университете. Младшая дочь Татьяна тоже окончила Чувашский государственный университет факультет журналистики с красным дипломом. Она в настоящее время работает в университете, учится тоже в аспирантуре при университете. Татьяна уже успела выпустить два сборника стихов. Первый сборник стихов под названием «Весеннее разочарование» вышел, когда она училась на втором курсе университета. Книга увидела свет при помощи спонсоров, друзей и знакомых отца. А второй сборник стихов под названием «Хожу по той же тропинке» вышел на пятом курсе. Младший сын Петя, названный в честь деда, учится пока в школе.

**Святой праведный
О. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ
(1828-1908)**

В Великий пяток 1902 г.

«Большинство - с полным пренебрежением, в меньшей степени - с равнодушием, а то многие даже вооружаются ненавистью и хулою на св. Церковь и служителей ее; а живописное художество, по мысли и внушению известного богоотступника и богохульника Льва Толстого, дерзнуло изобразить Христа на картине во весь рост не Богочеловеком, а простым человеком, и выставляло ее на позорище для всех: точно, как на Голгофе иудеи

повесили Христа, пригвожденного на кресте. Каково же русское современное интеллигентство, отрекшееся от Христа вместе со своим лжеучителем? Не есть ли это новое голгофское поругание, современное нам, и можно ли ввиду голгофской Жертвы воздержаться от публичного обличения современных богохульников и отщепенцев от Христа и от Церкви, покушающихся на ниспровержение и престолов царских, и церквей Божиих, и на убиение верных слуг царских, на преданных сынов Церкви и отечества? И мы смело обличаем это безверие и безумство, - это современное бешенство неистовой и буйной молодежи, именуемой образованною, но ни мало невоспитанною в правилах веры и христианского благочестия и гражданской чести и доблести. *Господь видит все совершающееся в нашем отечестве, как и на всей земле и уже скоро изречет праведный суд Свой на дерзких и вероломных, дышущих злобою и убийством, на всех честных служителей Церкви, Царя и Отечества.*

Господи! Да возопиет кровь Твоя против всех крамольников, и да воздаст им Господь праведным отмщением! Но если они способны еще к вразумлению, вразуми их: *Не ведут бо, что творят! Аминь».*

(1905): «Настоящая кровопролитнейшая война наша с язычниками есть также праведный суд Божий за грехи наши. Приближение окончательного, всемирного, страшного суда Божия ускоряется страшным разлитием зла на земле. В настоящее время всякие неправды, как море, покрывают землю; своеволию человеческому нет конца, всяким заблуждениям и порокам широко отворены двери.

Законы Божий попраны; твари забыли своего Творца, грешные люди в гордости своей возомнили себя неповинными; оскверненные всякими нечистотами, забыли нечистоты свои. «Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего» **(Ис. 1, 3)**, а христиане отверглись от Христа своего, Спасителя своего, искупившего их кровью Своею от проклятия и смерти. «От подошвы ноги до темени головы нет» в обществе здорового «места: вся голова в язвах, все сердце изчахло, язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и несмягченные елеем. Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре» **(Ис. 1, 6-9)**. А вот эти слова пророка идут прямо к нашему времени: «в народе один будет угнетать другим, и каждый ближним своим; юноша будет нагло превозноситься над старцем, и простолудин над вельможею» **(Ис. 3, 5)**.

Наши юноши интеллигенты извратили всякий общественный и учебный порядок: взяли на себя дело политики и суда, не будучи никем к тому призваны взяли судить своих начальников, учителей, правительство и едва не самых царей; судили и осудили со своим главою Л. Толстым Самого всемирного и страшного Судию Христа Бога, грядущего со славою судить живых и мертвых; дерзко осудили святую Церковь Христову, не имущую скверны, или порока или нечто от таковых» **(Ефес. 5, 27)**, ее учение, спасительные таинства и служителей Христа».

«Царство русское колеблется, шатается, близко к падению. Отчего же столь великое, бывшее столь твердым, могущественным и славным прежде Царство Русское ныне так расслаблено, обессилело, уничижилось, всколебалось? Оттого, что оно сошло с твердой и непоколебимой основы истинной веры, и в большинстве интеллигенции отпало от Бога, Который Один есть непоколебимая во веки вечная держава, Коим твердо держатся в дивной гармонии небо и земля - столько веков. Вот от чего Царство наше колеблется... Некоторые царства и города, бывшие до Христа и после Христа сошли совсем с позорища мира за неверие и беззаконие. И чем дальше существует мир прелюбодейный и грешный и преуспевает в беззакониях, тем он больше и больше слабеет, дряхлеет и колеблется, так что к концу мира он совсем истлеет от последнего страшного,

всеобщего огня: «ибо небо и вся дела на ней сгорят», по Апостолу, и «мы чаем новаго неба и новой земли, на которых обитает правда» (**2 Петр. 3, 10-13**)».

(Благовещение 1906 г.): «Вера слову Истины - Слову Божию исчезла и заменена верою в разум человеческий; печать, именующая себя гордо шестою великою державою в мире подлунном, в большинстве изогалась - для нее не стало ничего святого и досточтимого, кроме своего лукавого пера, нередко пропитанного ядом клеветы и насмешки, не стало повиновения детей родителям, учащихся - учащим, и самих учащихся - подлежащим властям; браки поруганы; семейная жизнь разлагается; твердой политики не стало, всякий политиканствует - ученики и учителя в большинстве побросали свои настоящие дела и судят о политике; все желают автономии: едва ли не всякий ребенок мнит себя автономом; даже средние и высшие духовно-учебные заведения позабыли о своем назначении: быть слугами Церкви и спасения людей. Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать ее инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у нее веры в Церковь, возродившей нас для Бога и небесного отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность; настал, в прямую противоположность Евангелию, культ природы, культ страстей плотских, полное неудержимое распутство с пьянством; расхищение и воровство казенных и частных банков и почтовых учреждений и посылок; и враги России готовят разложение государства. Правды нигде не стало, и отечество на краю гибели. Чего ожидать впереди, если будет продолжаться такое безверие, такая испорченность нравов, такое безначалие?!»

(5 марта 1906 г.): «Как относятся наши интеллигенты, некоторые учителя и неблагонамеренные писатели, учащаяся молодежь к святому и животворящему орудию нашего спасения - Кресту? Они не хотят чтить Креста и не кланяются ему, и не считают его нужным для себя; значит, переучились, и из света христианского вступили в непроглядную тьму бесовскую; возгордились сатанинской гордостью и забыли Того, Кто, будучи Богом, «смирил Себя» ради нас «до смерти и смерти крестной» (**Фил. 2, 8**), чтобы дать нам образец смирения и терпения и пример послушания. Никто не угодит Богу и не избежит страшного праведного суда Его - вечного огня и ужасного тартара. Впрочем, недоучки и переучки не верят в личного, праведного, всемогущего и безначального Бога, а верят в безличное начало и в какую-то эволюцию мира, по которой будто бы произошло все само собой, верят бредням еретика Толстого и подобных ему безверов, коим нет числа, а не Богу

Истинному, а потому живут и действуют так, как будто никому не будут давать отчета и ответа в своих словах и делах, обоготворяя самих себя, свой разум и свои страсти...»

(21 октября 1906 г.): «Безумны и жалки интеллигенты наши, утратившие по своему легкомыслию и недомыслию веру отцов своих, веру - эту твердую опору жизни нашей во всех скорбях и бедах, этот якорь твердый и верный, на котором незыблемо держится жизнь наша среди бурь житейских и - отечество наше!»

(Рождество Христово 1907 г.): «Ученые мира сего, разлагольствующие с кафедр в высоких учреждениях государства, и во всяких друиx, вы - учащие и учащиеся, особенно в высших учебных заведениях, но для Бога самых последних и отверженных по духу мятежа и непокорности властям, - посылаю и вас к яслям Вифлеемским, - отбросьте вашу гордость перед вашим Творцом и Спасителем и единственным истинным Учителем, и смиритесь пред Тем, Кто принес на землю мир от Отца небесного и благоволение человекам, кто повиновался земному кесарю. Не забудьте, что Он есть *камень, на который кто упадет, разобьется, а на кого он упадет, раздавит его* (Мф. 21, 44).

Вы с высоты ваших кафедр презрительно относились к Господу Богу Слову Вседержителю, не замечая, что погибель ваша не дремала. Вы разбились об Него и Он вас раздавил, да так раздавил, что неизвестно, где и кости ваши валяются. В эмиграции тоже немало именующих себя профессорами, которые учат молодежь, что Христос - мифическая личность, что Его вовсе не было.

Я не пророк, но предупреждаю вас, что и вы все будете стерты с лица земли правосудием Божиим. Берегитесь, чтобы «мифическая личность» Христос не повелел бы ангелам Своим относительно вас, как Он сказал в Евангелии от Луки, гл. 19, ст. 27: «врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы Я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо Мною»

(15.5.1908): «Господь пришел для того, чтобы зрячие ослепли, а слепые прозрели (Ин. 9, 39). Можно иметь хорошее телесное зрение и быть слепым духовными очами, и наоборот. Сколько слепых в нашей интеллигенции... Многие писатели наши слепы..., они вдалились в писание светских романов, возомнили о себе, доверяют только своему разуму глупому, страстному, а совести - то в них нет, и не хотят верить в Бога, в Церковь и святые таинства. Только когда умирать станут, иногда образуются... И это те, которые называют себя учителями народа! Наш русский антихрист - графчик яснополянский - не верит, что Иисус Христос - Сын Божий; он смутил всю нашу интеллигенцию и сотни тысяч пошли за

ним... Это всем-известно, нечего и говорить. Толстой только по происхождению русский. А посмотрите на нашу молодежь университетскую и вообще всех высших учебных заведений! Она почти наголо неверующая. Пока молодежь такова, не может быть полного благоденствия в России; может ли она быть верна Царю? Нет, неверующий в Бога не может быть верен Царю и Отечеству. От неверия нашего и все наши бедствия. Вспомните японскую войну, сколько неурядиц, беспорядков, злоумышления раскрылись в ней! Кто не верен Богу, тот не верен Царю и Отечеству. Россия прочна только верой в Бога, без веры ей не устоять».

(1.10.1908): «Богородица спасала Россию много раз. Если Россия стояла до сих пор, то только благодаря Царице Небесной. А теперь какое тяжелое время мы переживаем!.. До чего мы дожили! Дай, Господи, чтобы Россия держалась покровом Царицы Небесной, а вас чтобы она не оставляла до конца жизни».

(5.10.1908): «Интеллигенция наша - просто глупа. Несмысленные, поглупевшие люди! Они и учиться-то не могут, как следует, только бастуют... Ну, да что о них говорить!»*

* *«Россия перед вторым пришествием».*
Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры,
1993 г. 58-62 стр.

* * *

Почти сто лет тому назад так писал Святой Праведный о. Иоанн Кронштадтский. Эти слова актуальны и теперь.

В своем творчестве и я часто обращаюсь к теме религии. В начале книги я писал, что с Божьей помощью подготовил и издал книги под названием «Духовная книга». В создании стихотворных переложений с Ветхого Завета на чувашский язык помогал мне кандидат богословия, протоиерей И. Н. Карлинов. Без его благословения мой труд не дошел бы до чувашского читателя.

Приведу некоторые строки из «Книги Екклесиаста (VIII и IX главы):

* * *

...Плохой ли человек он, или добрый,
Скупой ли человек он, или щедрый —
У всех у них один и тот же рок:
Умрет любой, когда настанет срок.

Об этой ведая беде суровой,
Он чувствует бессилие свое,
Со злостью безпричинно хмурит брови,
Когда в нем страх гнездо порой совет.

Но коль его по миру носят ноги,
Живет надеждой каждый человек.
И псу живому лучше при пороге,
Чем льву, закрывшему глаза навек.

Живые знают, что умрут когда-то,
А мертвые не знают ничего.
Им, мертвым, благ земных теперь не надо,
Забвению предать их лишь всего.

Любовь их, ненависть давно уж стерлись,
Неведома и ревность злая им.
Животворящая светила прелесть
С небес не радует теплом своим.

И посему, пока живешь и дышишь,
Питайся сытно хлебом, пей вино,
Живи молитвами...
И Бог услышит
И торпить не будет в мир иной...

(Перевод Михаила Ставского).

* * *

... Хотя и вязнет грешник в зле, обмане,
Блага земные чтобы заиметь.
Кто Бога чтит, в почтенном будет сани,
Бояться Бога — благ его иметь.

А нечестивому добра не будет...
Но в суете бывает так,
Что нечестивый в праведниках ходит,
А тот не оправдается никак.

И потому как можно веселитесь
И ешьте, пейте, от трудов устав.
Под солнцем Божьим жизнью насладитесь,
Пока навек Бог не зажал уста.

Но в чём же мудрость жизни бременной нашей,
В чём суть и смысл дел Божьих земных?
Один без сна и отдыха все пашет,
Другой не может жить без дел иных.

Но кто бы, как бы, сколько бы ни думал,
Не может все ж постигнуть Божьих дел.
А если бы какой мудрец и вздумал
Сказать: «Я знаю», — это зря,
ужасный то удел...

(Перевод Михаила Ставского).

* * *

16 августа 2002 года мы выехали из Чебоксар на двух легковых автомобилях и микроавтобусе марки «Соболь» на родину Кокелей. Сначала мы заехали в церковь в Шераутах Комсомольского района, где в 1903 году епископ Герман был псаломщиком. (Удивительно, ни одна церковь, где служил епископ Герман, не была закрыта при Советской власти.) В тот день в церкви службы не было, на двери висел замок. Но две монахини открыли и впустили нас в церковь. Потом мы сфотографировались у церкви и отправились в путь. Впереди нас ожидало село Первомайское.

С утра в Чебоксарах стояла пасмурная погода, небо было затянуто тучами. Я про себя просил епископа Германа: «Помоги нам, отец Герман! Сделай так, чтобы распогодилось». На самом деле, как только мы проехали Цивильск, тучи куда-то рассеялись, и на небе засияло солнце.

Дорога из Шераут до Первомайска очень хорошая, асфальтированная. Сначала мы решили поклониться могиле Д.Т.Шаржанова. Дети возложили цветы на могилу отца. Альбина Дмитриевна выступила с краткой речью: «Папа, дорогой, мы приехали к тебе со своими родственниками, перед выходом книги в свет решили почтить тебе память. Дома, в семьях у нас всё нормально, мы, как ты и велел, живём дружно, помогая друг другу».

Д.Т.Шаржанов жил на свете 77 лет. Чуваши очень любят число «7». Оно для нас магическое. Место, где нашёл свой вечный покой Дмитрий Тимофеевич, аккуратное, ухоженное. Сразу видно, что его жена и дети постоянно бывают здесь, ухаживают за могилой отца

Потом наш путь лежал к дому, где родилась и выросла Альбина Дмитриевна Куракова. Дом расположен, в самом деле, на красивом живописном месте. Рядом протекает река Була. Там же растут старые раскинутые ветлы, ивы. На фоне этих деревьев и реки опять сфотографировались. По глазам видно было, как скучает по этому дому, по этим местам Раиса Викторовна, она ведь прожила полвека со своим мужем счастливо в этом доме, родила и вырастила детей, считай, самые хорошие времена прошли здесь. Однажды мне Альбина

Дмитриевна намекнула, что теперь очень каются в том, что поспешно продали дом...

После этого мы решили заехать на кладбище в селе Норваш Шигали. Там похоронены Перасковия Ивановна и Виктор Дмитриевич Калашниковы. С ними вместе за одной оградой находится и памятник Виталию Викторовичу Калашникову. Их дети – Раиса Викторовна, Геннадий Викторович, Михаил Викторович положили цветы на могилу родителей, потом сфотографировались втроём. Побывали также на могиле Валерия Викторовича и Лидии Алексеевны. Тоже все могилы очень аккуратные, ухоженные, растут цветы.

Дальше мы держали путь на родину Кокелей, в село Тарханы. Сначала заехали к Полине Ивановне. Она очень обрадовалась неожиданному приезду племянников. Потом все поехали к Пирожкову Николаю Петровичу. У нас заранее договорённость была: сразу поедem на пасеку.

Николай Петрович посадил семью на свою машину, и наш кортеж двинулся в сторону леса. Оказывается, пасека Пирожкова расположена недалеко от «Настасьино пчельника». Мы в детстве там собирали землянику. Мы знали из разговоров старших, что Настасья была монахиней.

Перед тем как садиться за стол, Николай Петрович гостям показал свою пасеку. Оказывается, у него очень большая пасека, ульев там больше 8 десятков. Сколько труда он вложил со своей семьёй туда!

Ирина Михайловна Калашникова, супруга Михаила Викторовича, сразу нашла общий язык с хозяином пасеки, оказывается, она интересуется народной медициной, траволечением. Стала расспрашивать пчеловода о медоносных растениях, которые растут вблизи пасеки. Николай Петрович показал гостям донниковую поляну. Стоял такой аромат в воздухе. «Донник в цвету – и казак в меду» вспомнила пословицу Ирина Михайловна. Николай Петрович о пчёлах, о медоносах может говорить часами. Он рассказал гостям о доннике, о том, что это растение за богатую медистость, оказывается, называют «пчелиным растением». Он сказал, что посевной донник выделяет больше нектара, чем дикорастущий, и что он цветёт почти до заморозков. Он отметил, что с посевного донника

семьи пчёл могут собрать по 100 и более килограммов мёда. Еще рассказал гостям о пользе цветочной пыльцы и сотового мёда.

Когда все сели за стол, сначала пробовали новый сотовый мёд. Потом потекла дружеская беседа родственников. Выступали и стар, и млад. Полина Ивановна не забыла упрекнуть племянницу в том, что она не привезла с собой зятя, Льва Пантелеймоновича Куракова. Альбина Дмитриевна обещала в следующий приезд вместе с ним приехать.

На совете родственников решили, чтобы и впредь организовать такие встречи, чтобы молодое поколение помнило, откуда у них корни. Ведь не зря говорят: «Чтобы идти вперёд, надо чаще оглядываться назад, иначе можно забыть, откуда вы вышли и куда нужно вам идти».

Такие встречи сплачивают родственные узы, позволяют сберечь те зёрна разумного и доброго, которые старшими были найдены раньше, и сделать их достоянием подрастающего поколения.

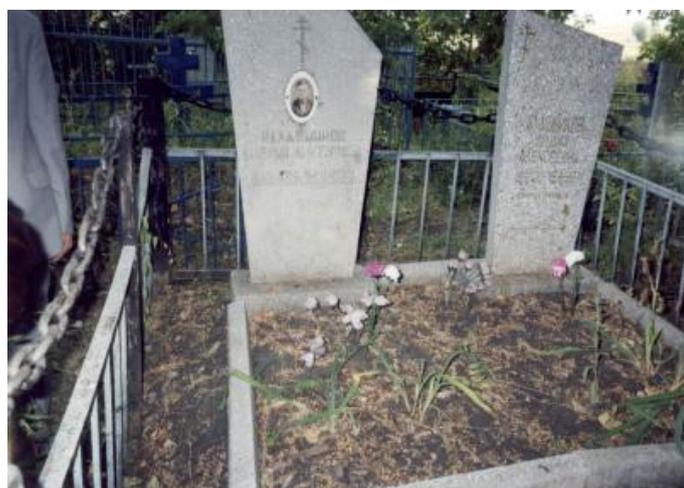
*Внутри церкви в с. Шерауты Комсомольского района
Чувашской Республики*

У церкви

На могиле Д. Т. Шаржанова

В Норваш-Шигалях

«Спите спокойно мама, папа и брат...»

Перед бывшим домом Шаржановых в с. Первомайское

У реки Булы

Р. Калашникова, В. Шагулова, В. Степанова

Автор книги и художник Анатолий Кокель

На пасеке. 1 ряд: Кушманов Н. К., Кушманова Г. С., Калашников Г. В., Петр, Наташа, Таня Пирожковы, Захарова Галя, Ухтерова Аня, Захарова Настя; 2 ряд: Пирожков Н. П., Калашникова М. Ф., Шаржанов В. Д., Пирожкова Надя, Калашников М. В., Кокель П. И., Кокель Л. Л., Захарова Г. Г., Калашникова И. М., Куракова А. Д., Калашникова Р. В., Ухтерова Н. Д.

Николай Петрович Пирожков рассказывает гостям о своём хозяйстве: содержать 80 ульев не так просто...

*Три поколения: А. Д. Куракова, П. И. Кокель,
Р. В. Калашникова, Г. В. Калашников*

*Николай Петрович Пирожков со своей
спутницей жизни Надей*

СОДЕРЖАНИЕ

Тарханы – колыбель моего детства
От автора
КОКЕЛЬ поэма
Предисловие
    Часть первая
        1891 год. Голодный год
        В Грязевке
        В школе
        Мечты и истина
        Лашманные крестьяне
        Знакомство с Левченко
        Сгоревшие мечты
        «Знак Божий»
        1899 год. Голодный год
    Часть вторая
        В столице
        В больнице
        В семье Писаревых
        В Академии
        Письмо Алёши
        Письмо Ивана
        1905 год
    Часть третья
        Возвращение на родину
        Новая фамилия
        Волшебный дар
        У озера
        У Репина
        «Ты язвись как Гоголь...»
        В Европе
        Совет Горького
        В Петербурге
        В Москве
        В Художественной школе
        Первый ректор
        В Тарханах
        Страшная ночь
    Часть четвертая
        В напряженной борьбе
        Мечты сбываются
        «Ликбез»
        В Чебоксарах
        Встреча с Тихоном
        Суровые годы

Встреча с Ухсаем
Тяжелая утрата
Жизнь продолжается
Монолог Кокеля
Послесловие
Произведения Кокеля Алексея Афанасьевича
Из книги А. Г. Григорьева «А. А. Кокель»
Григорий Афанасьевич Кокель (Епископ Герман)
Молитва в честь епископа Германа
Род Спиновых
Рукописи фонда профессора Никольского Н. В.
Выписка из журнала №39 Священного Синода РПЦ
Христианство в Чувашии
Продолжатели дела епископа Германа
София Григорьевна Ильменева (Кокель)
Крестный путь епископа Германа (*Л. Кузьмин*)
Тернист путь к церкви (*Л. Кузьмин*)
Судьба (*Г. Миронова*)
Фотографии разных лет
Александр Александрович Алёшев
Карлинов Илия Николаевич
Родственники Л. П. Куракова со стороны матери
Кураков Лев Пантелеймонович
Потомки Ивана Кокеля
Рассказывает Р. В. Калашникова
О своих братьях Дмитрий Тимофеевич Шаржанов
«Я благодарна судьбе (*А. Д. Куракова*)
Детства чудные мгновенья (*Надежда Ухтерова*)
Вспоминает Г. В. Калашников
Детство Калашникова (Назарова) Матрена Федоровна
Воспоминание Калашникова М. В.
Дети и внуки Нины Ивановны (Кокель) Т укмаковой
Анна Ивановна (Кокель) Баранова
Дети и внуки Андрея Ивановича Кокель
Воспоминания Сергеева В, П.
Мои родители
О себе
Фотокарточки рассказывают...
Каждый — кузнец своего счастья (*Н. П. Сергеев*)
Фотографии, рассказывающие о встрече
новочебоксарцев со Святейшим Патриархом
Московским и всея Руси Алексием II
В гостях у Н. П. Сергеева .
Из домашнего архива Сергеева Н. П.
Дети и внуки Мартына Ивановича Кокель
Род Кокелей (Мужская линия)
Потомки Герасима Кирилловича Кокель

Потомки Евграфа Кирилловича Кокель
Из домашнего архива Кокель А. В.
Дети Анатолия Кузьмича Кокеля
Творчество Анатолия Кокеля
Творчество Г. Калашников, Насти Захаровой
К. Кокеля
Эпилог
праведный о. Иоанн Кронштадтский

НИКОЛАЙ КУШМАНОВ
(АЛЕМЕТКИН Николай Константинович)

СКВОЗЬ
БУРИ ВЕКОВ

Поэма, очерки, воспоминания

Редактор Г. С. Дмитриева

Оригинал-макет

подготовил Кушманов Н. К.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman и Балтика. Усл. печ. л. 36,5. . Заказ. Цена свободная.

Лицензия № 06277 от 14.11. 2001.

